

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

С. С. Дмитриев — Раннее славянофильство и уто-
пический социализм 24

К. Цернак — Конец эпохи великих держав в ев-
ропейской политике 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. П. Наумов — Елизавета Петровна 51

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 73

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. А. Искендеров — Российская монархия, рефор-
мы и революция 89

ПУБЛИКАЦИИ

Письма Азефа 108

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты 127

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Ю. В. Готье** — Мои заметки 151

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- Л. П. Борисов** — Первая отечественная баллистическая ракета 168
- М. В. Петрова** — Из прошлого рода графов Бобринских 171

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. С. Орлов** — Новые учебные пособия по истории для средней школы 177
- А. Ю. Ватлин** — Переоценка советской истории 180
- В. В. Шелохаев** — А. Е. Иванов. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века 182
- В. И. Дурновцев** — М. Г. Вандалковская. П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер: история и политика 183
- А. Е. Чекунова** — А. Г. Тартаковский. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. От рукописи к книге 185
- Н. А. Троицкий** — Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. 187
- А. Б. Каменский** — Грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 г. 188

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. В. Шилов** — Строгановы были не только меценаты 191

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

26 февраля 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. По второму пункту порядка дня для доклада слово имеет т. Жданов.

Ж д а н о в. Товарищи, нам предстоит очевидно или осенью или зимой этого года перевыборы в Верховный Совет СССР и в Советы депутатов трудящихся сверху донизу по новой избирательной системе. В связи с этим перед нашей партией стоит задача подготовки к выборам. Характер этой подготовки, ее объем, масштабы и связанная с ней перестройка партийной работы определяются глубиной тех преобразований, которые вытекают из новой Конституции для политической жизни нашей страны. Введение новой Конституции означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в Советы — равными, многостепенными — прямыми, открытых — закрытыми.

Введение новой Конституции отбрасывает всякие ограничения, существовавшие до сих пор для так называемых лиценцев. Если раньше, до введения новой Конституции, выборы в Советы были неравными, то теперь необходимость ограничения равенства выборов отпала и все граждане имеют право участвовать в выборах на равных основаниях. Если раньше выборы средних и высших органов власти были многостепенными, то теперь, согласно новой Конституции, выборы во все Советы будут производиться всеми гражданами непосредственно путем прямых выборов. Если раньше по старой Конституции голосование при выборах было открытым и по спискам, то теперь, согласно новой Конституции, голосование при выборах будет тайным и по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам.

Наконец, Конституцией вводится всенародный опрос, так называемый референдум. Что означают эти изменения в избирательной системе? Они означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс. Новая избирательная система упрочит связь народных избранников с массами избирателей. Она даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в работе наших советских организаций. А эти недостатки, как вы знаете, очень существенны.

Следствием введения всеобщего, прямого и равного избирательного

права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в работу по управлению государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой и, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база пролетарской диктатуры расширяется, ее основа становится более прочной. Ленинизм учит: «Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры... В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила пока что всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями»¹.

Что необходимость наряду с мирными организаторскими, культурными сторонами нашей диктатуры в насильственных ее сторонах не отпала, а продолжает существовать, наглядно показывает только что обсужденный нами вопрос о деле Бухарина — Рыкова; диктатуре пролетариата и впредь придется беспощадной рукой преодолевать сопротивление остатков враждебных капиталистических классов и агентов фашистской буржуазии — троцкистов, зиновьевцев, правых и других врагов народа. Товарищ Сталин учил нас, что нам нужна крепкая диктатура для того, чтобы развеять остатки ранее господствующих классов. Проведение демократических выборов — это дело очень серьезное. Это очень серьезный экзамен для нашей партии в смысле проверки ее связи с массами, работоспособности и авторитета наших партийных организаций в массах. Проведение выборов потребует огромного напряжения всех сил нашей партии.

Чтобы встретить этот поворот в политической жизни нашей страны во всеоружии, наша партия должна встать во главе этого поворота и обеспечить свою руководящую роль в выборах высших органов страны.

Что значит возглавить и обеспечить руководящую роль партии в выборах высших органов? Какие задачи должна будет разрешить партия?

Прежде всего нужно иметь в виду, что наши работники будут иметь дело с известной новизной положения. Мы впервые проводим выборы по новой избирательной системе. У нас нет навыков к выборам по отдельным кандидатурам, по принципу тайного голосования и т. д. Это представляет известную трудность для наших партийных организаций.

Во-вторых, возглавить поворот в политической жизни нашей страны и руководить выборами это значит обеспечить полное соблюдение новой избирательной системы, установленной Конституцией, т. е. строго соблюдать принцип всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Это значит, что наши партийные организации должны блюсти, как зеницу ока, наш новый избирательный закон от всяких нарушений.

В-третьих, наши партийные организации должны быть готовы к избирательной борьбе. При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатурами. Что такая возможность является реальной, видно из того, что уже имеет место известное оживление антисоветских элементов, именно в связи с предстоящими выборами. Наши партийные организации должны во всеоружии встретить попытки враждебных элементов использовать легальные возможности, предоставленные новой Конституцией. Об этом свидетельствует, например, оживление деятельности религиозных организаций. Попы всех рангов и мастей развивают сейчас очень оживленную деятельность. Есть довольно значительное количество ходатайств из целого ряда краев и областей об открытии закрытых

церквей. Известно, что попы внесли сейчас в ЦИК СССР проект закона, который развивает в поповском духе известный пункт Конституции относительно свободы совести. Они хотят «конкретизировать» закон и предлагают нам свои услуги по этой конкретизации. (Л ю б ч е н к о. Законодательная инициатива.) Да, законодательная инициатива. Уже сейчас начата попами подготовка к выборам и даже проводятся «пробные» выборы. Не так давно, например, в Северном крае попы организовали перевыборы правления колхоза, причем в результате этих перевыборов коммунист-председатель был тайным голосованием отведен и вместо него поставлен псаломщик. (С м е х.)

Пока наши люди дремлют и раскачиваются, враги уже действуют и крепко готовятся к выборам. Известно, что религиозные организации сейчас принялись за насаждение драматических, театральных и всякого рода культурных кружков, в то время как культурно-просветительная работа партии и комсомола находится в очень неудовлетворительном состоянии, в особенности в деревне. И если сопоставить эти факты с тем обстоятельством, что наш «Союз воинствующих безбожников» находится в состоянии не то мирного договора и, во всяком случае, в состоянии не то примиренчества с господом богом, оцепенения (С м е х.), то здесь реальная опасность налицо. (Я р о с л а в с к и й. Здесь дело не только в Союзе.)

По-моему, дело и в Союзе, который именуется при этом союзом не просто безбожников, но и «воинствующих безбожников», а в чем заключается воинственность, трудно разглядеть. (К о с а р е в. Это они пугают.)

В-четвертых, тайное и персональное голосование в отличие от голосования открытого и по спискам будет означать повышение ответственности партии за каждую выдвигаемую кандидатуру. Для того, чтобы быть избранным, наши кандидаты должны быть хорошо известны избирателям того округа, где они будут выдвинуты, их деятельность должна быть хорошо знакома избирателям. Проверка тайным голосованием будет самой основательной проверкой наших работников, потому что тайное голосование представляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и негодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор. Это надо отчетливо представлять.

В-пятых, надо преодолеть вредную психологию, имеющуюся у некоторых наших партийных и советских работников, которые полагают, что народное доверие можно получить даром и что можно спокойно спать, ожидая преподнесения депутатских мандатов на дом, под гром аплодисментов, в силу прежних заслуг. Получить доверие даром,— это не выйдет при тайном голосовании.

У нас имеется довольно значительный слой работников в партийных и советских организациях, которые считают, что их задача, собственно, окончена тогда, когда они выбраны в Совет. Об этом говорит большое количество ответработников, не посещающих пленумов Советов, депутатских групп и секций наших Советов, уклоняющихся от несения элементарных депутатских обязанностей. Такого рода пережитки в психологии наших работников необходимо сломать, надо воспитать у наших работников сознание своей ответственности перед избирателями, имея в виду, что каждый избранник будет досконально и всесторонне рассмотрен и проверен самими массами.

Было бы грубой ошибкой откладывать борьбу с этими пережитками до момента выборов. Мы должны без промедления взяться за неуклонное улучшение работы наших советских организаций, связь их с массами, усиление ответственности наших советских работников перед массами.

В-шестых, надо уже теперь воспитывать у работников сознание того, что новая избирательная система означает гораздо более широкую гласность в деятельности советских организаций и что их деятельность будет проходить на виду у масс и что ответственность их перед массами будет более полной. Многие наши депутаты Советов из членов нашей партии привыкли отвечать только перед своей партийной организацией. Многие наши советские работники из людей, склонных к бюрократизму и имеющие

крупные недостатки в работе, готовы десять раз отчитаться в своей работе перед бюро партийного комитета, в узком, семейном кругу, чем выйти на пленум Совета, критиковать себя и выслушать критику масс. Я думаю, что это вам известно не хуже, чем мне. (Г о л о с с м е с т а. Правильно. К о с и о р. А то еще на заводах так бывает.)

В-седьмых, с такой практикой безответственности надо покончить, возглавить поворот в политической жизни страны и обеспечить демократические перевыборы — это означает, что наши партийные организации не должны ожидать, когда массы толкнут их снизу в отношении критики и отвода наших кандидатур, а должны сами быть во главе критики и отводов негодных кандидатур, не дожидаясь их провала при тайном голосовании. При этом наши партийные организации должны научиться отличать дружескую критику от враждебной. У нас нередко бывает так, что недовольство трудящихся отдельными недостатками и извращениями в деятельности наших советских органов расценивается и рассматривается как враждебная критика. Умение отличать дружескую критику, которая иногда бывает очень острой, от критики врага требует от наших партийных организаций высокого уровня партийно-политического воспитания и большой чуткости.

Во время новых выборов возможны попытки агитации против наших кандидатов со стороны враждебных элементов. Нашим работникам придется вести немало трудных кампаний, заготовительной работы, строительства и т. д., а такого рода кампании не обходятся без известного нажима. Это входит в понятие диктатуры рабочего класса. Мы не отказываемся от этого нажима, и впредь было бы смешно от этого отказываться. Будет, очевидно, демагогия насчет раздувания всякого рода недостатков наших работников по этой линии. Партийные организации должны уметь взять под защиту этих людей. Речь идет о кадрах наших сельсоветчиков, райисполкомщиков и т. д. Этого нельзя упускать из виду.

В-восьмых, вопрос относительно беспартийных. Было бы очень вредным и опасным, если бы при новых выборах были повторены ошибки, имевшие место в старой тактике выборов и которые заключались в невнимательном отношении к кандидатурам беспартийных, когда в целях обеспечения партийного влияния в Советах беспартийные кандидатуры не пользовались необходимым вниманием и поддержкой, которые вытекают из основ большевистского понимания руководства и связи с массами. Имейте в виду, что коммунистов в нашей стране 2 миллиона, а беспартийных «несколько» больше. Стало быть, мы должны, если хотим возглавить выборы, усилить наше влияние и связи с беспартийными и поддерживать, а не оттеснять беспартийные кандидатуры, пользующиеся доверием.

Таковы некоторые вопросы, касающиеся руководства и организации подготовки к выборам. Они стали на очередь не в порядке отдаленной перспективы, а в порядке боевой, совершенно неотложной и насущной задачи.

Вот что говорит ленинизм в вопросе о соотношении подъема активности рабочего класса с активностью и проведением внутрипартийного демократизма внутри нашей партии.

Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе новых, до конца демократических выборов? Каковы главные условия, обеспечивающие руководство партии поворотом в политической жизни страны?

Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав нашей партии, чтобы партия сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика внутри партии развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полной и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована.

Ленинизм учит, что подъем активности рабочего класса, которого мы добиваемся в связи с проведением советского демократизма до конца — это

дело очень серьезное и большое. Для того, чтобы поднять активность рабочего класса, надо прежде всего активизировать саму партию. Нужно, чтобы сама партия твердо и решительно встала на путь внутрипартийной демократии, чтобы наши организации втягивали в обсуждение вопросов нашего строительства широкие массы партии, творящие судьбу нашей партии. Без этого нечего и говорить об активизации рабочего класса. Этому учит нас товарищ Сталин.

Можно ли сказать, что все наши партийные организации уже готовы выполнять эти условия и что они уже перестроились на демократический лад? К сожалению, этого с полной уверенностью сказать нельзя. Каковы факты, свидетельствующие о том, что этого нельзя сказать с полной уверенностью?

Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма. Каковы эти нарушения? Уставом партии, как известно, предписывается проведение выборов комитетов первичных организаций один раз в год, городских и районных комитетов — один раз в год, областных, краевых комитетов и центральных комитетов национальных компартий — один раз в полтора года. Так гласит устав. Если обратиться к практике, то факты говорят о том, что это требование устава нарушено у нас в целом ряде организаций. За последние 2—3 года выборы областных, краевых комитетов и ЦК нацкомпартий проводились лишь в тех организациях, которые образованы заново в связи с формированием новых областей (Калининская, Красноярская, Омская, Оренбургская и Ярославская организации). Большинство наших областных, краевых комитетов и ЦК нацкомпартий, горкомов и райкомов и первичных парткомитетов существуют с периода XVII съезда партии, то есть с периода, когда происходила общая кампания выборов парторганов. Исключения из этого положения составляют, как я уже говорил, новые края и области, а также отдельные районные и городские организации, главным образом, в связи с провалами в партийной работе. Я думаю, таково положение. (Ш к и р я т о в. Правильно.)

Значит, законы нашей партии опрокинуты, хотя мы клянемся и божимся уставом, зубрим его в кружках, требовали во время проверки и обмена партдокументов от членов партии знания устава. Выходит на поверку, что сами мы недопустимо либерально относимся к нашим собственным партийным законам.

Уставом нашей партии предписывается далее выборность всех руководящих органов партии сверху донизу. Это требует основной принцип организационного строения нашей партии — принцип демократического централизма. Параграф устава партии гласит, что «Руководящим принципом организационного строения партии является демократический централизм, означающий: а) выборность всех руководящих органов партии сверху донизу, б) периодическую отчетность партийных органов перед своими партийными организациями, в) строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству и г) безусловную обязательность решений высших органов для низших и для всех членов партии». Этот основной организационный принцип нашей партии в ряде организаций нарушен. Членам пленума, вероятно, уже известно, к каким вредным последствиям для нашего партийного дела привела практика нарушения устава партии в Киевской, Азово-Черноморской и других организациях, где забвение устава в смысле отхода от выборности привело к вопиющей запущенности партийной работы и способствовало проникновению враждебных элементов в руководящие партийные органы.

Таким серьезнейшим нарушением устава нашей партии в отношении выборности является ничем не оправдываемое распространение кооптации различных руководящих работников в члены пленумов, парткомов, райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий.

Имеющиеся в распоряжении ЦК ВКП данные говорят, что вредная практика кооптации укоренилась и зашла далеко, что представляет собой нарушение законных прав членов партии принимать участие в выборах

своих руководящих органов. Ведь при кооптации члены партии лишаются возможности участвовать в выборах, возможности отвода негодных кандидатов, их мнение вообще не спрашивается, потому что кооптация проводится на пленуме. (Я р о с л а в с к и й. А иногда и на бюро.) Я об этом скажу ниже. Так вот, если взять положение с кооптацией, надо сказать, что кооптация применяется очень широко. Это порок, которым страдает целый ряд организаций.

В обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий кооптированных в члены пленумов 11,6%. Это средняя цифра. По отдельным организациям % кооптированных доходит до 22,8% (Киевская) и даже до 26,2% (Белоруссия), т. е. больше четвертой части пленума состоит из кооптированных. В составе райкомов и горкомов кооптированных: в Московской организации 17%, в Ленинградской — 17,2%, в Азово-Черноморской — 17,5%, Днепропетровской — 26,7%, в Белорусской — 28,9%, в Воронежской — 29,8%, в Армянской — 30%, т. е. почти одна треть кооптированных. В составе бюро райкомов и горкомов в среднем по областным организациям % кооптированных колеблется от 14 до 59%. В Западной области, Армении, Ивановской и Карельской организациях больше половины членов бюро райкомов и горкомов являются кооптированными. Тут уж не разберешь, что осталось от законного состава, ведущего свое начало от выборов.

Размах кооптации доходит до того, что, например, на пленуме Киевского обкома 19 октября 1934 года было кооптировано в пленум сразу 14 человек, и в том числе Ашрафьян, Дзенис, Сонченко, Тодор, разоблаченные в настоящее время как враги партии.

В Харькове, в горкоме партии из 158 членов горкома и 34 кандидатов, избранных на IV-й городской партийной конференции, осталось только 59. Нельзя назвать этот состав законным, т. к. осталась лишь одна треть избранных. За время последней партийной конференции в состав горкома кооптирован 61 человек, причем бюро горкома за исключением одного товарища состоит целиком из кооптированных. Вам известно, к какому состоянию дел в партийной организации привело такое положение в Харькове.

Если обратиться к отдельным районным комитетам партии, то, очевидно, вы сами располагаете достаточно обширным материалом на счет кооптации. Я думаю, что у нас имеется не один десяток райкомов, в которых большинство членов райкома является не выбранными, а кооптированными. Например, в Мало-Архангельском районе Курской области из 23 человек 18 кооптировано, в Мценском районе Курской области из 26 кооптировано 22, в Гомельском горкоме Белоруссии из 52 — 40 кооптировано, в Ораниенбаумском районе Ленинградской области из 22 кооптировано 15, в Устюженском районе той же области из 12 кооптировано 11 и т. д. В составе бюро отдельных горкомов и райкомов кооптация практикуется также широко. Ульяновский городской комитет имеет из 12 членов 11 кооптированных. Щучанский районный комитет Челябинской области — все кооптированы. Мордовский райком Куйбышевской области — все кооптированы. Семипалатинский райком Казахской области — все кооптированы. Асбестовский горком Свердловской области — все кооптированы и т. д.

Приемы кооптации дошли до того, что иногда кооптирует или исключает из состава пленума меньшинство, т. е. о законном кворуме здесь никакой речи быть не может. Это показывает, что понятие о кворуме в целом ряде мест стерлось, потерялось. Например, в Ленинском районе г. Харькова 4-го апреля 1936 г. собирается пленум райкома вместе с активом, на котором ставится вопрос об исключении из состава райкома целой пачки людей. Несмотря на то, что прошло немало времени после известного решения ЦК, что активы должны собираться отдельно от пленумов, собирают пленум райкома вместе с активом. Зачем это понадобилось? Затем, что в пленуме «не хватило» выборных членов. Из членов горкома присутствовало 10 или 11 человек, однако пленум вывел из своего состава 12 человек. 10 человек сожрали 12 человек. (С м е х. Г о л о с с м е с т а. И тучными не сделались.)

Товарищи, видимо, забыли, что даже в период нелегального существования партии, когда кооптация вызывалась необходимостью, она была обставлена целым рядом ограничительных условий.

Мало того, что кооптируют пленумы, есть организации, которые идут еще дальше. Например, пленум Тужинского райкома Кировского края вынес решение, согласно которому новому составу бюро поручалась кооптация в состав членов райкома. На основании этого решения пленума бюро райкома кооптировало 7 человек и утвердило кооптацию на пленуме только через 5 месяцев, причем присутствовало при утверждении этих 7 членов РК только 6 законно избранных членов пленума райкома. Практика нарушения выборности и подмены ее кооптацией захватила очень многие руководящие организации, а при их попустительстве по той же дорожке пошли и первичные партийные организации. У нас в Ленинграде, например, партком Канонерского завода избран был до XVII съезда, и за 3 года при составе парткома в 7 человек было кооптировано 22 человека, т. е. партком трижды сменил свой состав без нормальных выборов. Это у нас в Ленинграде. (К о с и о р. Это во многих местах есть.) На Кировском заводе осталось 3 из состава выбранных, остальные все кооптированы. В партком завода им. Жданова в разное время был кооптирован 31 человек.

В связи с тем, что нарушение сроков выборов и кооптация стали у нас распространенным явлением, в ряде организаций забыли, кого выбирали. Именно на основе этого могли получиться такие факты, о которых вы читали вчера в «Правде», когда в Одессе потеряли члена областного комитета партии т. Олейникова и вспомнили о нем через 2 года, когда он, обеспокоенный тем, что его никто не трогает и не вызывает, сам явился в ОК. В Ленинградской области в парторганизации з-да «Красный Керамик» в Боровичах 4 января 37 г. стоял вопрос о довыборах партийного комитета. Читаю по протоколу: «Секретарь парткома Родионов информирует о выполнении им поручения партсобрания в части «документального уточнения» состава парткома. Он сообщил, что по документам, имеющимся в парткоме, членами парткома являются Свицерский, Кузнецова, Данилов и Родионов. Числятся в списке парткома, но не подтверждаются документами Громова, Соколов, Калинин. Постановили: внести ясность в состав парткома и довыбрать в него работоспособных товарищей». Между прочим, на самом собрании два члена партии из партийного комитета, которых считали законно избранными, категорически от этого отрекались, их горячо убеждали. Секретарь парткомитета рассказывал потом о трудностях выполнения данного ему поручения «разыскать» членов парткома: «Уф, искал, искал членов парткома, едва их нашел». Так обстоит дело с грубым нарушением законов нашей партии о выборности партийных органов и с подменой выборности, несовместимой с духом и традициями нашей партии, практикой кооптации.

О практике самих выборов. Механика выборов у нас зачастую построена так, что члены партии лишены возможности свободно высказаться по кандидатурам, воспользоваться правом отвода и критики неприемлемых кандидатов. Организация выборов направлена не к тому, чтобы обеспечить действительную возможность проверки каждой кандидатуры партийной массой, а к тому, чтобы как можно скорее, попроще провести выборы и избавиться от докучливой критики партийных масс по отношению к той или другой кандидатуре. У нас дело, обычно, обстоит так: секретарь партийного комитета за несколько дней до конференции где-то в уголке своей записной книжки делает предварительную прикидку кандидатов. Затем созывается совещание секретарей, на котором формируется список. Затем обсуждение кандидатов переходит на «синий конверт», как у нас называют — сеньорен конвент, и на совещание делегаций. Обсуждение кандидатур исчерпывается, таким образом, на различных закрытых предварительных совещаниях, «семейным» порядком, без особых «хлопот». Совершенно ясно, что если совещания секретарей делегаций вопрос пред-решили, то чрезвычайно трудно отвести какую-либо кандидатуру на общем собрании или конференции.

На самих конференциях прения по кандидатурам, как правило, не открываются. Голосование производится списком, а не персонально, и таким образом выборная процедура превращается в простую формальность. На конференциях курс ставится на скорость, председателем сажают такого человека, который, засучив рукава, провертывает выборы списком минут за 20. Тут и демонстрация полного единодушия получается и для возражений по существу нет возможности. Вместо того, чтобы дать возможность людям на самой конференции принять участие в обсуждении, открыть доступ широкой критике и отводу выставляемых кандидатур, все дело сводится к организационной «технике», преследующей одну цель: отгородиться от критики партийных масс. Такая практика несовместима с духом и традициями нашей партии и с теми задачами, которые перед нами стоят. Она представляет собою завуалированное нарушение законных прав члена партии, нарушение партийной демократии.

О кооптации я хотел бы сделать еще одно замечание. Я хочу сослаться на опыт Центрального Комитета нашей партии. Если бы местные работники лучше учились у Центрального Комитета, мы не допустили бы такого разгула кооптации, который был в ряде организаций. Ведь Центральный Комитет за время своего существования ни одного члена и кандидата в ЦК не кооптировал. Нет такой практики в Центральном Комитете.

Следующим серьезным недостатком в деле соблюдения основ внутрипартийного демократизма является широко распространенное назначенчество партийных руководителей, секретарей партийных комитетов. Вместо того, чтобы кандидатуру секретаря партийного комитета, рекомендуемую вышестоящим комитетом, до утверждения ее обсудить в партийной организации, куда рекомендуется секретарь, практикуется совсем другой способ. Предположим, обкому необходимо подобрать кандидата на пост секретаря какой-либо районной партийной организации. У нас это делается таким образом. Аппарат, он подбирает кандидата, бюро утверждает, часто без обсуждения, опросом, что также является совершенно недопустимым. Затем вопрос идет на утверждение Центрального Комитета. Такова ведь практика? (Голоса с мест. Именно такая.) Таким образом, человек имеет две санкции: санкцию обкома и санкцию Центрального Комитета. Он приезжает в партийную организацию с обеими этими санкциями, здесь уже трудно что-либо изменить. Необходимо эту практику изменить в таком направлении, что если партийный комитет имеет в виду произвести изменение в составе партийного руководства нижестоящей организации, то он, наметивши кандидатуру, обязан до представления ее на утверждение вышестоящей партийной инстанции поставить на обсуждение той организации, куда рекомендуется секретарь, и лишь после этого идти за санкцией к вышестоящей организации.

У нас немало секретарей партийных комитетов, которые не являются избранными в состав партийного комитета. Я бы мог назвать здесь несколько десятков человек, которые, будучи секретарями парткомов, не являются избранными в состав парткомов. Получили назначение, получили путевку, приезжают и сразу садятся за работу, а старый секретарь, как правило, не отчитывается. У нас сильно развиты «самоотчеты», но отчетность партийных комитетов перед партийными массами развита явно недостаточно.

Относительно самоотчетов. В такой форме, в какой у нас практикуются самоотчеты коммунистов, они являются бюрократической издевкой над членами партии. По большей части самоотчеты связаны с копаньем в личной жизни, в семейной жизни коммуниста, а отнюдь не с выявлением его авангардной роли и работы в массах. К чему сводятся самоотчеты? Об этом говорят некоторые факты. Партийная организация колхоза им. Дзержинского Матвеевского района Оренбургской области слушает самоотчет коммуниста Сидорова. «Газет не читает и не выписывает. С женой живет ничего, с детьми тоже. Учесть, что Сидоров недостаточно воспитывает свою семью». Это типичный самоотчет. (С т а л и н. Почему это называется самоотчет?) Потому что отчитывается коммунист в личной своей деятельности перед коммунистами...

Та же организация по самоотчету члена партии Мазина, который избивает свою жену, записала: «Не допускать больше семейных глупостей. В кратчайший срок наладить семейные отношения». (Общий смех.) В совхозе им. Амосова Казахской области слушают самоотчет коммуниста Слирова. Принимается лапидарное постановление: «Слушали: самоотчет Слирова. Постановили: Слирова арестовать». (Общий смех. Голоса с мест. За что?) Тут другой вопрос возникает, имеет ли право партийная организация арестовывать своих членов? Отчитался человек на свою голову!

Во многих партийных организациях принижена роль пленумов как органов коллективного руководства. Пленумы собираются редко, больше для обсуждения парадных или общих вопросов, вопросы местной работы редко ставятся. Выборные и другие вопросы, как я уже говорил, обсуждаются и решаются при отсутствии необходимого кворума.

В Вачском райкоме Горьковской области в течение 1936 года ни одного пленума не собирали. В Веселовском районе Днепропетровской области в течение десяти месяцев ни одного пленума не собирали. В Набережно-Челнинском районе в Татарии и в ряде других РК Татарии в 1936 году по 7—8 месяцев не собирали ни одного пленума. Где же тут коллективное руководство? Такие же недостатки по линии принижения роли наших выборных организаций имеются и в первичных партийных организациях.

В проекте резолюции имеется указание на то, что мы должны обеспечить такое положение, при котором в первичных парторганизациях было бы обеспечено строгое соблюдение порядка выборов парткомов на общезаводских собраниях, не допуская подмены последних конференциями, там же указывается на необходимость ликвидировать имеющую место в ряде первичных парторганизаций практику фактической отмены общих собраний и подмены общего собрания цеховыми собраниями и конференциями. Вместо того, чтобы собрать для выборов партийного комитета общезаводское партсобрание, созывают по норме 1 делегат от 3-х членов партии на заводскую конференцию, подменяют тем самым общезаводское партийное собрание конференцией и производят выборы, т. е. по сути дела двух человек из трех лишают возможности участвовать в выборах. Допустимо ли это? Ясно, что ни в коем случае недопустимо.

Роль общих собраний принижена. В ряде организаций общепартийные собрания собираются редко, вопросами местной партийной жизни занимаются мало. Нарушения основ внутрипартийного демократизма сказываются и на подготовке партийных собраний, когда члены партии не знают заблаговременно, какие вопросы будут обсуждаться.

О подготовке резолюций партсобраний. Нередко на этих партсобраниях резолюция по тому или иному вопросу вносится загодя или кропается мастерами этого дела во время самого собрания без учета того, о чем говорится в прениях. У нас в моде формулировка: разработать проект решения «на основе обмена мнениями», а на деле как раз этот-то «обмен мнениями» и не учитывается. Это величайшее проявление неуважения к законным хозяйским правам членов партии.

Беспорядочно и недобросовестно, халатно относятся у нас люди к партийным документам и решениям. Всем нам нужно учиться у Центрального Комитета отношению к партийным документам. Если мы подняли сейчас роль членского билета и уважение к нему, то нельзя этого сказать об очень многих наших других партийных документах. Как они исполняются, хранятся, составляются? Небрежно. У ЦК нам нужно учиться исключительной точности, бережливости и аккуратности к каждому партийному документу. У нас в этом отношении на местах много организационной распушенности, халатности.

Вовсе немаловажен, например, вопрос, получили ли члены бюро партийного комитета материалы к обсуждению на заседании или нет. Это тоже есть часть вопроса о внутрипартийной демократии. (К о с и о р. И когда получили.) Получили ли их за день раньше или они раздаются на самом заседании? Это тоже вопрос об обеспечении внутрипартийной демократии.

Эти вопросы кажутся мелочными, но в конечном счете они вредят нам, поскольку мешают росту актива и затрудняют для него возможность активного и самостоятельного участия в жизни партии. В связи с этим развивается и командование и всякие другие дела.

Я хотел бы привести еще один из примеров нарушения принципов коллективного руководства. Речь идет о так называемых треугольниках. Под видом треугольника, состоящего из секретаря парткома, руководителя предприятия или учреждения и председателя местной профорганизации, у нас в ряде организаций существует в стороне от нормальных выборных органов (парткома и завкома) своеобразная официально и регулярно действующая, никакими партийными и советскими законами не предусмотренная организация. Она собирается, выносит решения и дает директивы к исполнению и т. д. С точки зрения коллективного руководства, с точки зрения правильных отношений между партийными, хозяйственными и профсоюзными организациями, треугольник представляет из себя совершенно недопустимую форму. Это есть семейственность. (Сталин. Это сговор.)

Это есть, как правильно говорит т. Сталин, сговор, для того, чтобы труднее было критиковать. И если уже эти трое сошлись, попробуй, походи, покритикуй их! Профсоюзную и партийную организацию это обезличивает, разоружает в борьбе против недостатков хозяйственного руководства, а с другой стороны, разоружает самого хозяйственника, потому что треугольник представляет нечто вроде какого-то коллегиального органа управления, в то время как наше хозяйственное руководство совсем иным образом построено. Треугольники представляют из себя пародию, карикатуру, суррогат коллективного руководства. К чему это приводит? Вот у нас в Ленинграде на заводе им. Калинина исключили коммуниста из партии за критику неправильного руководства со стороны заводоуправления стахановским движением, за то, что он указывал на недостатки в руководстве. Его зачислили в бузотеры. Мы восстановили его в правах члена партии, наказали тех, кто в отношении его поступил самым незаконным и грубым образом. Но сам по себе этот факт стал возможным благодаря существованию треугольника, который раньше договорился. Директор пришел туда и говорит: возмутительное дело, ругают дирекцию. Ему поддакнули секретарь и председатель завкома. Так получается зажим критики, и тогда уже рабочим на таком заводе трудно добиться правды. Мне кажется, пора поставить вопрос о ликвидации треугольников.

Несколько слов о партийных группах. В уставе нашей партии предусмотрено, как известно, существование партийных групп во внепартийных организациях. Фактически же положение таково, что во многих советских, профсоюзных, кооперативных и других организациях эти группы бездействуют или даже не оформлены. Но зато они, эти партийные группы, выплывают на поверхность во время съездов, конференций, и тогда их роль нередко сводится к навязыванию беспартийным предложений партгруппы. На этот недостаток работы наших партгрупп товарищ Сталин обратил внимание во время последнего, VIII Всесоюзного и XVII Всероссийского съезда Советов, когда он указывал, что если партийная группа выступает по всем вопросам от своего имени, то беспартийные, которые привыкли нашу партию уважать, нашей партии доверять, считают, что им уже делать нечего, надо голосовать. Это представляет из себя, в известной степени, отталкивание беспартийных, это ограничивает для беспартийных возможность активно участвовать в работе съездов. В связи с новыми выборами нам необходимо осуществлять и проводить с гораздо большей гибкостью формы руководства партии, чтобы не создавать у беспартийных представление, что их мнение не имеет существенного значения.

В чем заключается вред всех указанных выше фактов нарушения основ демократического централизма? Он заключается в том, что подобная практика тормозит рост активности и самостоятельности членов партии, принижает у членов партии чувство хозяина, мешает идейному и политическому росту членов партии. Лишает членов партии их законных прав, контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушает правильные вза-

имоотношения между руководителями и партийными массами, ослабляет партию перед лицом стоящих перед нею задач. Для всех ясно, какими громадными кадрами мы должны располагать для того, чтобы успешно решать задачи, диктуемые развитием социалистического строительства во всех областях, введением новой Конституции, в нашей дальнейшей борьбе за коммунизм, сколько нам нужно преданных и самоотверженных товарищей и в партии и за пределами ее, среди беспартийных!

Мы должны устранить из нашей партийной практики все то, что тормозит, что мешает росту актива, развитию его самостоятельности и повышению его роли в руководстве партийной жизнью, в обсуждении всех вопросов партийной политики, как это вытекает из основ внутрипартийной демократии. Тов. Сталин постоянно учит нас тому, что партийный актив имеет особое политическое значение в жизни нашей партии. Он является проводником в жизнь решений нашей партии, когда партийное решение вынесено, судьба его находится в руках актива. Партийный актив является выразителем общественного мнения партии. Именно потому, что наша партия сумела выковать и воспитать в духе Ленина — Сталина широкие слои актива, мы разрешили с успехом коронные задачи социалистического строительства, мы имеем такие гигантские, сказочные победы. Именно в этой связи было вынесено по инициативе т. Сталина известное решение ЦК о собраниях партийных активов для обсуждения решений ЦК ВКП(б). Именно поэтому мы должны устранить с нашего пути все, что мешает расширению кадров нашего актива, его идейно-политическому росту, его большевистской закалке, его организационному укреплению.

Задачи, которые мы должны разрешить и в области социалистического строительства и в связи с предстоящими новыми демократическими выборами, ставят на очередь важнейший вопрос об активизации каждого коммуниста. Вся наша двухмиллионная партийная масса должна быть полностью активизирована, каждый коммунист должен быть активным организатором, агитатором и пропагандистом за дело партии. Под этим углом должна быть перестроена наша организационная, агитационная и пропагандистская работа.

Одно замечание о пропагандистской работе. Основной недостаток в нашей пропагандистской работе, на который неоднократно указывал ЦК, заключается в том, что она ведется зачастую схоластически, оторванно от текущих и насущных боевых задач партии. Наша пропаганда должна быть поставлена так, чтобы задачей каждого пропагандистского кружка, каждой школы было такое воспитание членов партии, при котором пополнение знаний и совершенствование членов партии в науке марксизма-ленинизма являлось бы не самоцелью, а средством воспитания из членов партии активных пропагандистов за дело партии. Вот что нужно иметь в виду нашей пропагандистской работе, как один из ее важнейших принципов.

Без ликвидации крупных недостатков, которые мы имеем в нашей внутрипартийной практике, и в первую очередь по линии нарушения внутрипартийной демократии и выборности, не могут быть разрешены новые задачи партии, связанные с демократическими выборами, и партийные организации могут оказаться несостоятельными перед лицом этих задач. И если мы хотим произвести перевыборы... (С т а л и н. Какие перевыборы?) Выборы по новой избирательной системе, так, как этого требует партия, так, как этого требует Конституция, если мы хотим добиться уважения у наших советских и партийных работников к нашим законам и масс к советской Конституции,— то мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе безусловного и полного проведения начал внутрипартийной демократии, предусмотренных уставом нашей партии. Исходя из этого нам необходимо провести следующие мероприятия:

Во-первых, ликвидировать безусловно практику кооптации и восстановить в соответствии с уставом выборность руководящих органов партийных организаций.

Во-вторых, воспретить при выборах парторганов голосование списком и перейти от открытого голосования к тайному и персональному

голосованию. При этом должно быть обеспечено неограниченное право отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченное право критики этих кандидатур.

Необходимо в связи с этим, ввиду серьезных нарушений выборности в наших партийных организациях, произвести выборы партийных органов, начиная от парткомитетов первичных организаций и кончая краевыми и областными комитетами и ЦК нацкомпартий, проведя их в ближайшие два месяца и закончив выборы до конца апреля. Необходимо впредь строго соблюдать сроки выборов парторганов в соответствии с уставом в первичных организациях один раз в год, в районных и городских организациях один раз в год, в краевых, областных и республиканских организациях один раз в полтора года. Что касается партийных собраний, то необходимо категорически осудить и воспретить практику подмены общих партийных собраний цеховыми собраниями или конференциями и не допускать двухстепенных выборов в партийных организациях, а ввести практику выборов низовых партийных органов непосредственно на общих собраниях. Вот те предложения, которые я имел здесь сформулировать.

А н д р е е в. У меня пока нет записавшихся. Записываться надо.

Ш к и р я т о в. Надо подготовиться ораторам.

А н д р е е в. Тов. Эйхе, давайте.

Э й х е. Я не могу, не готов, я буду завтра выступать.

С т а л и н. Надо сделать пробный выход.

Я р о с л а в с к и й. Я прошу записать меня.

С т а л и н. Вот, Ярославский.

А н д р е е в. Слово имеет т. Ярославский.

Я р о с л а в с к и й ². Тов. Жданов очень правильно сказал, что антирелигиозная пропаганда находится в состоянии анабиоза, подчеркиваю: не только «Союза воинствующих безбожников», а вся антирелигиозная пропаганда, которой должен заниматься не один «Союз безбожников».

Я взял слово по этому вопросу и, может быть, рад тому, что т. Жданов поставил этот вопрос больше чем кто-либо, потому что в течение последних, по крайней мере, трех лет почти совершенно невозможно было поставить всерьез этот вопрос перед какой-либо руководящей партийной организацией. Вы все знаете, что большинство райкомов, большинство партийных организаций считают, что с антирелигиозной пропагандой покончено, хотя нет ни одного постановления Центрального Комитета, которое разрешало бы кому бы то ни было прекратить антирелигиозную пропаганду. На местах вы ее ликвидировали, как почти ликвидировали во многих организациях фактически осуществление устава нашей партии в отношении выборности организаций, что видно из доклада т. Жданова.

Такого рода отношение к вопросу об антирелигиозной пропаганде нельзя рассматривать иначе, как вредное оппортунистическое благодушие.

Не забудьте, что религиозные организации представляют собой организацию для подготовки антисоветских выборов по всей стране. Имеется около 39 тыс. зарегистрированных религиозных организаций, примерно около миллиона одного только актива. (Г о л о с с м е с т а. Существуют и сейчас?) Да. Каждая религиозная организация по закону регистрируется. Для того, чтобы зарегистрировать организацию, надо представить список около 20 человек — «двадцатку» — церковный совет, а в некоторых церковных советах членов гораздо больше. Таким образом, мы имеем по меньшей мере миллионную организацию церковного актива, группирующую около себя всех верующих. (М е ж л а у к. Вы преуменьшаете, наверное. Ч у б а р ь. Разве это «Союз безбожников»?)

Это, конечно организация, работающая против «Союза безбожников».

Причем я не преуменьшаю и не преувеличиваю, а пользуюсь официальными данными. Но вы не успокаивайтесь, что этих религиозных организаций имеется всего около 39 тысяч, ведь существует очень много сектантских организаций, не зарегистрированных, подпольных, тайных, — быть может, несколько тысяч по всей стране. Многие исполкомы и райкомы решили, что все дело заключается в том, чтобы закрыть побольше церквей. Тов. Сталин

в свое время, когда речь шла о головокружении от успехов коллективизации, правильно высмеял такое положение, когда люди начинали коллективизацию с закрытия церкви.

Вместо того, чтобы систематически вести серьезную антирелигиозную работу, многие думают, что все дело заключается в том, чтобы побольше закрыть церквей и лишить таким образом верующих возможности отправлять богослужения. Эти верующие устраивают подпольные богослужения, что гораздо опаснее для нас, потому что они собирают в этом религиозном подполье самых оголтелых людей, устраивают антисоветские организации. Возьмите, например, вопрос о сектантах. Если до революции в России были гонения по отношению к сектантам, мы им говорили, что их преследует царское правительство, опирающееся на господствующую церковь, но ведь господствующей церкви в СССР нет. И вот теперь сектанты говорят так: если при царизме нас преследовали, то теперь мы сравнялись с другими религиозными организациями, теперь мы находимся не в лучшем положении, чем они. Поэтому теперь обычно и церковники и сектанты действуют заодно, когда дело идет о советской власти, о коммунизме.

Административных мероприятий, мне кажется, проводится больше, чем нужно, как раз там, в тех организациях, где настоящей антирелигиозной работы не проводится.

Имеется опасность, которая заключается в том, что у нас преуменьшают число верующих и их вес. У нас нет точных данных переписи. Но о чем говорят отдельные выборочные обследования? Вот, например, две цифры последней переписи по Саратовской области: по Черкасскому району 78,9% верующих, по Баландинскому — 52,2%. А ведь есть районы еще похуже, т. е. с еще большим числом верующих. В Курской области и в ряде других областей имеются села, колхозы, где подавляющее число верующих, вплоть до того, что, как т. Жданов говорил, председателем колхоза выбирают псаломщика. Большое число председателей колхозов является в то же время и церковными старостами; среди председателей церковных советов в Горьковском крае — 4% рабочих.

Конечно, нельзя изображать дело так, что все религиозные люди — наши враги, — такая точка зрения была бы в высшей степени опасной, и наша обязанность предостеречь, что во время выборов нельзя делить трудящихся на верующих и неверующих. Дело заключается в том, чтобы эту все еще значительную отсталую часть населения — верующих привлечь на нашу сторону, оторвать их от всяких церковников, вырвать из-под влияния религиозных организаций. Ясно, что это дело, конечно, не одного «Союза безбожников». «Союз безбожников» — я этого не собираюсь отрицать — работает плохо. На меня, председателя этого Союза, за последнее время часть товарищей смотрит как на какого-то чудака, еще занимающегося работой, которую все давным-давно забросили и не считают нужной, полезной работой. И нужно было выдержать это равнодушие, чтобы продолжать в этих условиях антирелигиозную работу.

Я должен вам сказать здесь, что наши антирелигиозные организации лишены почти всех тех средств, которыми они могли бы вести успешную пропаганду. Когда дело шло о сокращении вообще газет из-за того, что у нас нет бумаги, взяли, лишили, закрыли единственную антирелигиозную газету «Безбожник», лишили «Союз безбожников» этой единственной газеты, которая выпускалась раз в несколько дней. «Безверник» на Украине прикрыли, целый ряд национальных органов антирелигиозной пропаганды закрыли. Отдел культуры и пропаганды и отдел печати помогли ликвидировать антирелигиозную печать, я считаю, что это совершенно неправильно, что это не в интересах партии.

Дело заключается теперь в том, чтобы нам помочь, а то ведь антирелигиозные кадры сейчас уже кое-где совершенно разбежались. Необходимо, чтобы партийные организации этим делом занялись, чтобы наша общая печать тоже вспомнила, что на ее обязанности лежит выполнение одного из пунктов программы нашей партии, в котором говорится о необходимости вести антирелигиозную работу. Дело заключается в том, чтобы

профсоюзы не отделялись от этой работы. Это я говорю, т. Шверник, вам в особенности, что нельзя отделяться профсоюзам от этой работы. Дело заключается в том, чтобы комсомол с его организациями помнил, что на его плечах лежит забота о молодежи. Духовенство сейчас тащит молодежь к себе, вплоть до того, что поны организуют футбольные площадки около церковных оград, организуют хоры, которые ходят в избы-читальни и поют, муллы обрезают пионеров, и пионеры лежат по две недели больные и не ходят в школу,— такие факты наблюдаются в Крыму, Татарии и на всем мусульманском Востоке.

Это все серьезнейшие вопросы, и хорошо, что пленум ЦК ВКП(б) остановился на них. Об этом конечно, не надо особенно шуметь, нельзя выпячивать этот вопрос, как какой-то главный вопрос, но пленум ЦК ВКП(б) должен сказать об этом настолько ясно, чтобы все на местах поняли, что антирелигиозную работу ЦК нашей партии не ликвидировал, никогда такой директивы никому не давал и ликвидацию ее считает ошибкой. Оргбюро ЦК ВКП(б) поставило этот вопрос в порядок дня ближайшего заседания, где заслушают отчет Ц[ентрального] Совета «Союза безбожников» и заслушают отчет отделов ЦК, которые должны руководить этой работой. Я уверен, что ЦК ВКП(б) примет отвергнутое решение по этому вопросу. Но хорошо, если пленум ЦК ВКП(б) скажет, что антирелигиозную работу надо улучшить, поднять, поддержать,— это будет решающей директивой, которая поможет в таком серьезном вопросе провести правильную политику. С одной стороны, надо предупредить возможность искривления линии партии в отношении верующих, недооценку их, пренебрежение ими, а с другой стороны, надо ликвидировать правооппортунистическую практику ряда организаций, прекративших у себя полностью антирелигиозную работу.

А н д р е е в. Слово имеет т. Варейкис.

В а р е й к и с. Доклад т. Жданова на нашем пленуме с достаточной полнотой показал и вскрыл основные недостатки организационной и политической партийной работы. Поворот в политической жизни страны, происходящий в связи с принятием новой Конституции, требует, как об этом сказано в проекте резолюции, чтобы сама партия, в первую очередь, до конца проводила внутрипартийную демократию и строго соблюдала принципы демократического централизма. Я думаю, что самым основным вопросом во всей этой перестройке является переход к новым формам выборов партийных органов, к закрытым выборам при тайном голосовании. Этот новый организационный шаг, это предложение, которое вносится на обсуждение пленума ЦК, оно должно, мне кажется, помимо всего прочего создать и создаст наверняка новые предпосылки развития политической активности, дальнейшего развития внутрипартийной критики и возможности для более быстрого выдвижения и воспитания нового слоя партийного актива.

Каждый из нас, работающий на месте, в крае, области, наблюдает, как сравнительно туго, медленно складываются, выдвигаются, воспитываются новые кадры партийного актива. Мне кажется, что это есть искусственные трудности. Они объясняются не только тем, что недостаточное внимание обращалось к политическому воспитанию партийного актива. Разве не известно, что из-за недостатка людей нам приходилось часто перебрасывать из одного места в другое один и тот же круг людей, работников. Часто происходит так: провалится работник в данном районе. Его берут, сажают на некоторое время в крайком или обком инструктором, зачисляя вроде в резерв, в запас. Он посидит там месяц-два и уже забывают его ошибки, и снова начинают выдвигать такого, не раз провалившегося работника. (С т а л и н. Вот насчет выборности,— актив мешает?)

Нет, выборности актив не мешает, а несоблюдение нами выборности затрудняет воспитание актива. Из этого у нас и происходило, что мы имели в своем распоряжении недостаточные кадры партийного актива и слабо шел рост, выдвижение новых работников. Закрытые выборы (тайное голосование кандидатов), безусловно, помогут выдвижению новых людей и созда-

ются этим возможности настоящей, действительной проверки авторитета, влияния работника, отношения партийных масс к работникам, руководителям. Это будет также замечательная проверка работы партийных комитетов, проверка подлинного политического отношения к ним партийных масс. Несомненно, все это поможет выдвинуть нам новые кадры выросших в борьбе за социализм людей. Это будет также одна из форм политического воспитания и воспитания большевистских организационных навыков в партийной работе как для руководителей, так и для широких масс партийного актива, для выдвижения, большевистского воспитания новых кадров партии Ленина — Сталина.

Несколько замечаний о нашей политической агитации вообще и агитации в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет. С политической агитацией у нас дело обстоит недостаточно удовлетворительно. Еще хуже обстоит с кадрами партийных агитаторов и пропагандистов. Недавно на Дальнем Востоке я был в некоторых красноармейских частях, расположенных в Ново-Киевке, Славянке, Барбаше в Посьетском районе на Тихоокеанском побережье, на пограничных заставах среди пограничников. Даже в красноармейских частях и во флоте, где сравнительно регулярно налажено освещение политических событий, всюду ощущался огромный интерес, огромная потребность у красноармейцев и краснофлотцев услышать о международном положении, о том, что происходит в нашей стране, о жизни нашей партии, о том, как идет жизнь в крае.

Ничто не способно заменить боевой большевистской агитации, ничто не может сравниться силой воздействия на массы, как живая политическая речь, агитация. Я должен прямо сказать: мы за последние годы недостаточно занимались агитацией. Выступали на заводах политические работники и руководители только в связи с какими-либо кампаниями. Например, происходят сборы средств добровольных отчислений для рабочих Испании, в связи с этим иногда, и то весьма редко, выступали. (Сталин. И адреса вождю посылали.) Да, рапорта, адреса, приветствия, правильно, бывает это и притом с излишком. Много парадности и трескотни, но настоящей политической агитацией мы занимаемся очень мало, а между тем агитация необходима. На Русском острове во Владивостоке мы собрали моряков, и я им сделал сообщение о международном положении нашей страны. С каким огромным интересом они слушали сообщение. Вообще всюду, где только выступаешь, на заводах, в красноармейских частях, люди с огромным интересом выслушивают сообщения и доклады о внутреннем и международном положении.

Необходимо возобновить и, может быть, гораздо шире развить те традиции, которыми мы, большевики, в свое время очень широко пользовались во время гражданской войны, когда периодически ставили доклады на рабочих собраниях о текущем моменте и через известные промежутки ставили доклады о положении в стране, о внешнем положении нашего государства. Все это теперь необходимо возобновить, особенно в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет и местные советские органы.

У трудящихся, рабочих, колхозников выросло, поднялось чувство хозяина своей социалистической страны. Это предъявляет ко всем руководителям требование, чтобы они чаще, аккуратно отчитывались перед массами и держали их постоянно в курсе всех событий общественной жизни социалистического государства. В эту область работы мы должны внести поправки. Я знаю по личному опыту, что за последние годы мы крайне недостаточно выступали среди беспартийных масс.

Если у нас будет продолжаться подобное отношение к политической агитации, если мы будем передоверять политическую агитацию второстепенным, притом мало опытным агитаторам, то мы много потеряем и не достигнем тех результатов, к которым стремимся в связи с предстоящими выборами. Партия должна поднять свою работу на наиболее высокий уровень. (Сталин. Тов. Варейкис, а все-таки без кооптации можно обойтись? Веселое оживление в зале). Разумеется, т. Сталин, можно. Мы недопустимо злоупотребляли кооптацией, нарушая устав.

Это происходило в большинстве организаций. Возьмем для примера бюро Дальне-Восточного крайкома. Из 18 членов бюро половина кооптированных, в том числе и оба секретаря крайкома — первый и второй — кооптированы. (Голос с места. По уставу в бюро полагается 13 членов?) Для Дальнего Востока сделано исключение особым постановлением ЦК партии. (Сталин. Все-таки обойтись можно без кооптации? Веселое оживление в зале.)

Безусловно, можно. Практика кооптации является одним из крупнейших недостатков нашей организационной работы, она означает нарушение партийного устава, выборности и подрывает основы демократической организации нашей партии и правильных отношений ответственных руководителей с массами. Кооптация помогает проникать в комитеты людям, которые при выборах едва ли бы туда попали.

В связи с предстоящими выборами больше внимания мы должны уделять улучшению печати. Надо поднять газеты, роль нашей печати. В тезисах т. Сталина, которые мы будем особо обсуждать на пленуме, об этом достаточно ясно говорится. Нам необходимо как можно выше поднять нашу печать, сделать газеты боевыми, острыми. Ибо дело агитации, дело политической партийной пропаганды, дело организации масс невозможно обеспечить по-настоящему, если не поставить хорошо печать — этот важнейший рычаг массовой организации и партийного, политического воздействия на трудящихся, руководства коммунистической партии трудящимися.

Предложения, представленные нам на обсуждение на данном пленуме, должны быть приняты, ибо только предпринимая такой решительный поворот, мы добьемся устранения и изживания серьезных недочетов в партийной работе. Мы должны сделать для себя все необходимые выводы из доклада т. Жданова, со всей большевистской резкостью и последовательностью повернуть в нашей партийной практике и многопарадности. У нас хромает самокритика. Не хватает настоящей организационной коллективной работы в партийных комитетах, в бюро комитетов. Подменяют большевистскую работу выдумками, вроде этих самоотчетов, примеры которых приводил в своем докладе т. Жданов. Они широко практиковались не только в тех организациях, о которых т. Жданов упоминал, но и во многих других. (Гамарник. Во всей партии.) Так, например, в Хабаровске, пленум Далькрайкома ВКП(б) в ноябре прошлого года в своем решении по итогам проверки партийных документов принял целый раздел «О самоотчетах коммунистов». В этом неправильном решении обязывают райкомы организовать самоотчеты коммунистов. Это есть, конечно, извращение большевистских организационных принципов партийной работы. Выводы. Мы должны решительно приняться за исправления всех организационных ошибок, допущенных в практике партийной работы.

А н д р е е в. Слово имеет т. Богушевский.

Б о г у ш е в с к и й. Я хотел бы привлечь внимание пленума ЦК ВКП(б) к вопросу о вещании последних известий по радио. Вопрос этот имеет совершенно непосредственное отношение к обсуждаемому сейчас пленумом вопросу. Тов. Жданов в своем докладе говорил о том, что в связи с новыми выборами — это совершенно несомненно — следует ожидать всевозможных антисоветских вылазок, попыток врагов каким-либо образом использовать новые возможности и повредить нам. Разумеется, значение массовой агитации и пропаганды в этих условиях вырастает чрезвычайно. И радио в этом отношении представляет собою, конечно, исключительно благодарное средство, в особенности, если говорить о такой части радиовещания, как передача последних известий по радио, и при том условии, что эта передача будет поставлена достаточно оперативно и вместе с тем политически правильно. Между тем, нужно сказать, что постановка дела политического вещания именно в этой части, в части передачи последних известий по радио, является чрезвычайно неудовлетворительной.

Мы в Комиссии Партийного Контроля в группе радио произвели проверку передач последних известий по радио, проследили изо дня в день

на довольно продолжительном промежутке времени, как это делается. И нужно сказать, что результаты получаются плачевные: возможности радио совершенно не используются, а то, что делается, делается чрезвычайно плохо. Возьмем, например, как составляются внешние информации, т. е. то, что называется последними иностранными известиями, передаваемыми по радио. (Голос с места. Очень куцые.)

Внешняя сторона этого дела заключается в следующем: материалы получают из ТАСС в виде выпусков иностранного вестника ТАСС, поступают они в разрозненном виде, отдельными листками прямо к дежурному редактору «Последних известий по радио». Этот дежурный представляет собой среднего газетного работника. Никакого специалиста-международника в редакции «Последних известий по радио» не существует. Поэтому некому отобрать те телеграммы, которые следует дать в выпуске «Последних известий по радио», некому расположить эти телеграммы в известном логическом порядке, некому подчеркнуть какое-нибудь особо важное сообщение, некому вообще каким-то образом осмыслить передачи, не говоря уже о том (этого никогда не делается), чтобы объяснить или дать комментарии к тем или иным иностранным сообщениям. Ничего подобного никогда не делается.

Вообще иностранные информации оказываются убогими. Но это убожество приобретает определенное политическое направление, получает определенный политический знак. В самом деле, редакция «Последних известий по радио», не имея своей иностранной корреспондентской сети, пользуется исключительно ТАСС'ом, причем исключительно незначительными, мелкими телеграммами. Сколько-нибудь солидного, обстоятельного материала о загранице она совершенно не имеет и не передает по радио. В результате что получается? Получается, например, политически вредное, искаженное освещение фашистского режима: если исключить специальные корреспонденции ТАСС'а, более обстоятельные, с экономическим содержанием, то в ТАСС'е вы получаете мелкие телеграммы, которые говорят о выступлении фашизма (это касается и других правительств капиталистических стран) только на международной арене. Вы узнаете о всевозможных дипломатических выступлениях, об агрессивных актах Гитлера и Муссолини, вы узнаете о том, что Муссолини и Гитлеру удалось сделать то, чего они добивались, об оказываемой фашистами поддержке Франко. Обо всем этом в изобилии сообщается в последних известиях по радио. А вот обратная сторона этого фашистского режима совершенно не получает освещения, потому что, как только серьезная экономическая корреспонденция (эти корреспонденции печатаются в газетах — в «Правде», в «Известиях»), — как только попадает серьезная экономическая корреспонденция, так ее «Последние известия по радио» не передают. В ТАСС'е они их не имеют, а при передаче обзора центральных газет не используют, так как вообще обзор этот совершенно не так делается, как надо бы.

Приведу пример. Возьмем выпуск «Последних известий по радио» от 23 февраля. При передаче в нем обзора «Правды» слушателям сообщается ряд телеграмм, напечатанных в «Правде», например, «Визит Нейрата в Вену», «Отъезд Геринга из Варшавы». Это дается во всех подробностях. Известно, кто провожал Геринга и т. д. Я не к тому говорю, что этого вообще не надо передавать. Но в том же номере «Правды» имеется ряд интереснейших корреспонденций. Вот, например, корреспонденция из Берлина Климова «Внутренние затруднения Третьей империи», корреспонденция, в которой говорится об острой жилищной нужде, в которой приводятся данные о безработице, о сокращении хлебных запасов, о падении рождаемости и т. д. и наряду с этим — о росте прибылей акционерных обществ. Так вы думаете, эту корреспонденцию «Последние известия по радио» передают? Ничуть не бывало. Они передают только то, что вырисовывает фашизм как какую-то силу, которая стучит кулаком по столу, довольно мощную силу, которая добивается осуществления своих требований и т. д. Об обратной стороне этой медали, о том, что представляет собою в этих фашистских странах экономика, о враждебности к фашизму внутреннего

общественного мнения, о нарастании сил, противостоящих фашизму, — обо всем этом слушатель радио ничего не узнает.

В том же номере «Правды» имеется еще две интересных заметки о положении в фашистской Италии: первая заметка «О падении рождаемости» и вторая заметка «Не читают фашистских книг» — о книжном кризисе в Италии. Оказывается, что там заграничная печать раскупается очень охотно, а фашистских книг никто не покупает. И этих заметок редакция «Последних известий по радио» тоже не передала в своем выпуске, посвященном обзору «Правды». Вчера тоже при передаче содержания «Правды» не сказано ничего о корреспонденции Майорского о финансовых затруднениях французского правительства, о растушей там дороговизне и беспомощной борьбе с нею.

Существующее положение с передачей иностранных известий по радио ни минуты не может быть дальше терпимо. Внутренняя информация «Последних известий по радио» страдает другими, но менее вредными недостатками. Чего мы могли бы ожидать от внутренней информации по радио? Она должна была бы прежде всего агитировать фактами. Эта информация должна быть насыщена фактами, которые мы могли бы почерпнуть из нашей действительности всегда в изобилии. Факт, который представляет собой наши достижения, и самое изложение этого факта, вовремя и умело поданное, содержит в себе огромную агитационную силу. Вся беда внутренней информации, передаваемой по радио, заключается в том, что события или факты совершенно почти отсутствуют в этой информации, все заполняется исключительно различными разговорами по поводу самого события, откликами и беседами по поводу события и т. д. Иногда даже просто передаются всевозможные отклики радиослушателей о том, какая была хорошая передача по поводу данного события. Причем, эти разговоры полны ложного пафоса, полны громких напыщенных фраз. А наши лучшие люди — Герои Советского Союза, наши орденосцы, стахановцы, если судить о них по «Последним известиям», это люди, ничего не способные сказать по существу своего дела. Получается впечатление, что они занимаются исключительно болтовней и никогда не говорят по существу о своих же достижениях.

Вместо того, чтобы рассказать о том, как именно достигнут тот или иной положительный производственный результат, преподносится этакая беседа-отклик, обязательно начинающаяся со слов: «с огромным подъемом...» или «с большим энтузиазмом...» или «горячо откликнулись...» и вдруг обрывающаяся заявлением, вроде того, что «эти успехи были достигнуты в результате смело продуманных рационализаторских мероприятий» или «коллектив умело осуществил новые технические идеи». Но какие это рационализаторские мероприятия, какие это новые технические идеи, — из сообщений «Последних известий» вы ничего не узнаете.

Возьмем сообщение о съездах Советов союзных республик в связи с принятием новых конституций, которые обсуждаются и утверждаются на этих съездах Советов. Эти сообщения совершенно бессодержательны, ни одной мысли из выступлений кого-либо на съезде, ни одной поправки, внесенной в Конституцию, нигде не приводится в «Последних известиях по радио». Но зато непременно сообщается, что, например, в ознаменование белорусского съезда приехали из Москвы конькобежцы, а из Воронежа хоккейная команда, которые выступят на стадионе. (Г о л о с а с м е с т. Что в этом плохого?)

Возьмите по культурным вопросам. В большом сообщении «Последних известий по радио» о закладке памятника Пушкину в селе Михайловском говорится буквально следующее: «Замечательную речь о Пушкине произносит академик Горбунов. Он говорит в заключение: „Здесь будет памятник великому Пушкину и к нему — к этому памятнику — не зарастет народная тропа“». Казалось бы, если эта речь была замечательной, то слушатель ждет, что ему хоть какую-нибудь мысль из этого замечательного доклада приведут. Во всяком случае, если приводится цитата, и лишь одна эта цитата, вероятно, она и есть самое замечательное из того, что сказал

Горбунов, если судить по «Последним известиям по радио». И весь репортаж носит именно такой — пустой, бессодержательный характер. (Г о л о с с м е с т а. Это относится и к ТАСС'у.)

Вот, т. Каминский, вероятно, знает. Открывается съезд венерологов. Из сообщения об этом съезде радиослушатель узнает обязательно обо всех приветственных телеграммах, которые послал и получил этот съезд, и о т. Каминском распишут,.. (К а м и н с к и й. Это можно не говорить, потому что обычно ничего не сообщают.) но слушатель совершенно тщетно будет ожидать хотя бы в двух-трех словах... (К а м и н с к и й. Я вам помогу,— вы также предмета не знаете, сообщить о гоноррее женской, которая имеет огромный рост, хорошо было бы.) ну, хотя бы в двух-трех словах сообщить о том, как советская власть добилась сокращения заболеваний сифилисом с того момента, как советская власть существует. Но об этом ни слова нет. Казалось бы, вот вам факт, о котором надо сообщить (а первый же докладчик в этот же день открытия говорил по этому поводу. Во всяком случае, доклад был на эту тему). (Б а у м а н. Цифры очень разительные.) Сообщить надо этот факт. Это есть тот факт, который обладает огромной агитационной силой, гораздо большей, чем вот рассказы о процедуре открытия заседания и т. д.

При этом нужно сказать еще, что на многих радиопередачах лежит печать неосведомленности, некомпетентности, иногда и просто невежества. Это было особенно заметно на передачах, относящихся к вопросу о переписи населения. Эти передачи прямо доказывали, что редактора сами не разбирались в том, что они передают,— поэтому они и путали. И вообще это была парадная шумиха, тогда как практика показала, что в этом деле больше всего требовался инструктивный материал. Надо было рассказать, что и как надо делать,— вот что должно было бы радио беспрестанно, ежеминутно в течение всех дней переписи бубнить. Может быть, и не в «Последних известиях», но во всяком случае использовать радио для этого дела нужно было как можно сильнее.

Коснусь еще специального выпуска «Последних известий по радио» для Арктики и Дальнего Востока. Организован специальный выпуск «Последних известий по радио» для Арктики и Дальнего Востока. Вы, т. Варейкис, скажите, что по существу нужно было бы для этого выпуска в большей степени. Редактора «Последних известий по радио» видят специфику этого выпуска в том, чтобы дать из центральных газет и из ТАСС'овских материалов как можно больше таких сообщений, которые рассказывают о том, что делается на Дальнем Востоке. Если есть в «Правде» заметка, что такая-то многодетная мать, проживающая на Дальнем Востоке, получила пособие по многодетности, то редактора обязательно вырежут эту заметку и поместят в выпуске «Последних известий по радио» для Арктики и ДВК. (Г о л о с с м е с т а. А что плохого?) Я не ставлю так вопрос, что это плохо, но я полагаю, что это должно идти по местному радиовещанию. Ведь существует еще местное радиовещание, местные, областные «Последние известия по радио». (Г о л о с а с м е с т. Правильно, правильно.)

В местных «Последних известиях по радио», которые должны великолепно знать, что у них в области делается, должно найти полное отражение все это. По центральному же вещанию, из сообщений центральных «Последних известий по радио», Дальний Восток больше всего нуждается именно в том, чтобы ему сообщали, что делается в других частях Советского Союза и во всем мире. А вот, например, сообщение об открытии III пленума Гоминдана не попадает почему-то в специальный выпуск для ДВК и Арктики в день, когда оно появилось во всех газетах, тогда как такое сообщение, казалось бы, должно бы попасть в этот выпуск в первую голову.

Хочу сказать еще несколько слов по поводу обзора утренних газет. Обзора утренних газет, собственно говоря, не существует. В 7 часов утра передаются официальные сообщения и некоторые телеграммы, напечатанные в «Правде», причем это часто те же самые телеграммы, которые давались уже вчера в ночном или вечернем выпуске по ТАСС'у. Затем иногда передается передовая «Правды» и изредка еще из какой-нибудь

важной статьи, напечатанной в «Правде», один какой-нибудь абзац. Вот, например, помню, передавали недавно статью т. Димитрова. Из этой статьи вырывается один абзац. Какой? Всякий вправе ожидать что передается такой абзац, который выражает основную мысль статьи. На самом же деле ничего подобного: передается по большей части последний абзац, в котором заключается наименее ответственная формулировка, или просто концовка статьи. Почему так делается? Потому, что для этого нет надобности даже читать статью и схватить ее смысл. А ведь смысл статьи можно было бы своими словами кратко передать. Тут сказывается страховка и полное отсутствие желания поработать над материалом. Поэтому не используется для обзора ни одна другая газета. Если прочитаешь кусочек из «Правды», поместишь официальное постановление, тут есть минимум возможности ошибиться. А вот если бы задаться целью прочитать как следует «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», пару специализированных газет — это чрезвычайно обогатило бы обзор. Рассказать бы самое интересное из этих газет, самое важное, одну-другую статью, — не обязательно ведь все читать, а рассказать о содержащейся важной мысли, высказанной в статье, о важном факте, приведенном в ней, — обратить внимание слушателя, что вот в такой-то газете он может найти такую-то интересную вещь. Каждая газета ведь обязательно стремится в каждом своем номере дать хоть один какой-нибудь гвоздочек. Вот этот гвоздочек надо найти и преподнести его слушателям. И в этом сами редактора обозреваемых газет помогли бы составителю обзоров.

Не буду говорить о технике передач: она безобразна. Нет никакого приспособления к условиям устной передачи. Читает тот же диктор, который сопровождает и музыкальные и прочие передачи. И получается невероятно фальшивая передача. Он же политически неграмотный человек. Когда нужно с негодованием передать какое-нибудь сообщение, он может передать его самым слащавым тоном. Это совершенно недопустимая вещь. Это нужно обязательно как-то переделать.

Сейчас мы хотим приступить к проверке того, что делается в местных передачах «Последних известий по радио». Я пока еще ничего определенного не могу сказать, но все же есть уже некоторые сигналы, которые показывают, что в местных областных, краевых радиокomiteтах неблагополучно и что местные радиопередачи угрожают еще более серьезными опасностями. (С т а л и н. Они будут подражать центральным.)

Это так, но тут дело осложняется кадрами. Некоторые такие сигналы мы имеем, и они говорят о том, что дело очень плохо. Приведу для примера сигнал относительно фактов антисоветских передач с Минской радиостанции.

Вот вам. 22 января — траурный день, и вот вам 23 января — день трансляции обвинительного заключения по делу о троцкистском центре. Так вот, 22 января — траурный день — они передают, правда, в виде технической пробы радиостанции, плясовую музыку и всякие такие штуки: цыганские романсы, фокстроты и проч., а 23 января после трансляции обвинительного заключения и отчета об утреннем судебном заседании они передают концерт, включающий известную бе-мольную сонату Шопена, третью часть которой составляет «Марш фюнебр», т. е. знаменитый похоронный марш Шопена. Ведь подобный случай был уже в центральном вещании. Это не случайность. И сделано очень тонко: не просто траурный марш — это было бы слишком откровенно и легче было бы заметить по программе и предотвратить — а бе-мольная соната: не всякий знает, что в ней-то и содержится этот марш. Это, конечно, не случайность. Дело объясняется тем, что, оказывается, там была определенная засоренность троцкистскими элементами и прочими совершенно негодными людьми. Я не знаю, конечно, насколько внимательно товарищи приглядываются к своим радиокomiteтам, но думаю, что некоторые местные радиокomiteты — это одна из таких пропагандистских организаций... (П о с т ы ш е в. Безусловно.) в которые, как мы знаем, пролезло и окопалось чрезвычайно много всякой пакости. Не подлежит никакому сомнению, что передачи

«Последних известий по радио» это могучее средство агитации и пропаганды, которая в нынешних условиях, в условиях предстоящих перевыборов... (Жданов. Выборы, т. Богушевский, а не перевыборов.)

Мне кажется я и сказал «выборов»... приобретает исключительное значение. Надо создать солидную организацию, ставшую наряду с крупными газетами. Но так как «Последние известия по радио» это все же только информация, то скорее всего следовало бы передать все это дело ТАСС'у, являющемуся главным поставщиком информации, и с него спрашивать. Но во всяком случае редакция должна быть сильная. Я хотел еще только добавить к этому, что сейчас никто не руководит редакцией «Последних известий по радио». В Центральном Комитете партии ни Культпрос, ни Отдел печати этим делом не руководят. (Голос с места. Беспризорный.) Отдел печати — т. Таль считает, что так как это — дело Всесоюзного радиокомитета, то, следовательно, это дело относится к Культпросу ЦК. Но, конечно, это дело настолько близкое к газетной информации, что им должен заниматься Отдел печати.

Андреев. Для сведения членов комиссии по порядку дня: завтра заседание комиссии состоится в 3 часа дня в зале Политбюро. Перерыв объявляется до 12 часов дня.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Сталин И. Соч. Т. 8, с. 31.
2. В верхнем левом углу имеется пометка: «Стенограмма исправлена мною. Ем. Ярославский. 27.II.37 г.».

Раннее славянофильство и утопический социализм

С. С. Дмитриев

Сферой научных интересов профессора Московского университета Сергея Сергеевича Дмитриева (1906—1991) всегда была отечественная история, русская духовность — прежде всего. Особо разрушительное действие идеологический пресс недавнего прошлого оказал именно на изучение и освещение идейных процессов, историю мысли. Все многообразие, неоднозначность направлений подчинялись, а по существу, перечеркивались положением о генерализующей роли революционного начала, революционной мысли как главного субъекта общественного прогресса. Самый выход за рамки канонизированной проблематики становился актом гражданского мужества. Именно таким видится обращение Дмитриева в 30-е годы к столь сомнительной с точки зрения партийных идеологов теме, как славянофильство. И обращение не спекулятивно разоблачительное, а спокойное, вдумчивое — научное.

Дмитриев был тогда молодым, но вполне зрелым ученым. К его мнению прислушивались и весьма маститые историки. Вместе с ними он воссоздавал преподавание истории в высшей школе, входил в группу авторов первого университетского учебника по истории СССР, имея уже за плечами немалый опыт научной и педагогической работы, солидный исследовательский багаж в области изучения общественной мысли, культуры, науки, просвещения XIX века.

Первым значительным итогом его занятий славянофильством была его кандидатская диссертация «Экономические воззрения славянофилов в 1830—1850-х годах», защищенная им в 1940 году. К сожалению, из-за начавшейся войны она осталась неизданной, что, впрочем, не помешало усвоению наукой ее принципиальных выводов. Значительным событием в изучении славянофильства стало вызвавшее оживленную дискуссию выступление Сергея Сергеевича в том же 1940 г. в Институте истории АН СССР с докладом о славянофильстве. Основное содержание доклада увидело свет в виде статьи «Славянофилы и славянофильство» («Историк-марксист, 1941, № 1), где помещена также развернутая информация о дискуссии по докладу. Оставаясь в жестких рамках классового подхода к явлениям общественной мысли, автор дал четкое, основанное на богатом знании интеллектуальной жизни русского общества, раскрытие социально-политического смысла славянофильства, как идеологии буржуазно-помещичьей по своей классовой сущности и либерально-консервативной по общественному содержанию. В этой статье, а также в ряде других публикаций о славянофильстве и западничестве, Дмитриев стремился показать многообразие ком-

понентов, входивших в ткань теоретических построений славянофилов — реалии русской действительности, их преломление в историсофских исканиях передовой интеллигенции постдекабристского времени, философскую и социологическую мысль Запада.

Тогда же, в самом начале 40-х годов, Сергеем Сергеевичем было задумано и начато широкомасштабное исследование — «Славянофилы и славянофильство в России в середине XIX века». Его предполагаемая структура и содержание частично реконструируются по сохранившимся корочкам-обложкам к отдельным главам. Вслед за введением, в котором обозначен раздел 1-й, озаглавленный «Историки и источники (Обзор литературы и источников)», следует глава 1 — «Складывание славянофильского лагеря. Славянофильские кружки в 40-х и начале 50-х годов XIX века» со специальным параграфом «Термины «славянофил», «славянофилы», «славянофильство» в общественно-литературной борьбе 40—50-х годов». Глава 2 имеет название «Формирование славянофильства как особого направления в русской общественной идеологии (1839—1849)». Глава 3 отсутствует. Глава 4 озаглавлена «Славянофильство и славянофилы в годы революций в Европе (1848—1849)».

Кроме незавершенного перечня глав, разделов и параграфов, в архиве ученого находятся два текста, им соответствующих: параграф из главы 2 — «Ю. Ф. Самарин и книга Л. Штейна «Социализм и коммунизм в современной Франции», открывающий раздел «Утопический социализм и раннее славянофильство», и раздел из главы 4, оформленный в виде статьи «К вопросу о происхождении «русского социализма» А. И. Герцена (Герцен и славянофильство)».

В статье о «русском социализме» Герцена Дмитриев ставит своей задачей исследовать корни той специфической формы социализма, разработанной Герценом, которая стала идейной основой русского радикализма, вплоть до его самых крайних экстремистских форм. Автор находит их в воздействии некоторых основополагающих постулатов славянофильских воззрений — убеждений об изжитости Западом своих социальных возможностей, мессианском назначении России и определяющей роли русской поземельной общины для исторических судеб страны. С такой обстоятельностью, полнотой мобилизованного материала, тщательностью его критического осмысления вопрос о влиянии славянофильских идей на Герцена в литературе не ставился. Его раскрытие Дмитриевым вытекает из общего понимания и трактовки им раннего славянофильства как национальной разновидности христианского утопического социализма.

Именно эта проблема в ее общей постановке — славянофильство и социалистические учения Запада — лежит в основе второго из имеющихся текстов подготовившейся Сергеем Сергеевичем монографии. Он и представлен данной публикацией. Документальным основанием для постановки вопроса об элементах социализма в раннем славянофильстве послужила статья Ю. Ф. Самарина, обнаруженная в его архивном фонде. Эта рукопись, датированная 1843 г. и оформленная в виде статьи, не предназначалась для печати, она должна была служить практической цели: обсуждению среди лиц, составлявших его идейное окружение. О существовании рукописи Самарина было известно по упоминанию издателя его сочинений Д. Ф. Самарина, но оно видимо прошло мимо внимания исследователей. Более того, в новейшем отечественном исследовании о славянофильстве отрицается сама возможность постановки вопроса об отношении славянофильства к системам христианского социализма и постулируется мысль, что оно вообще «было лишено социалистического оттенка» (Цимбаев Н. И. Славянофильство. М. 1986, с. 174, 176 и др.).

Публикация статьи Дмитриева позволяет вернуться к проблеме. Для ее решения необходимо преодолеть привычный подход, при котором приоритетное значение имело раскрытие социально-политического содержания и классовой сущности славянофильства. Такое преодоление уже наметилось в литературе. В монографии Цимбаева последовательно проводится мысль о глубинной связи историко-философских исканий

славянофилов с их общественной позицией. Но видимо пора сделать следующий шаг. Это прозвучало уже в ходе дискуссии о славянофильстве, развернувшейся в 1969 г. на страницах журнала «Вопросы литературы», в призыве не забывать, что славянофильство — идейное течение, а не политическая партия, социальная утопия, а не партийная программа, «развитие мысли», а не политическая борьба. Понять славянофильство можно, только став на его собственную почву, обратившись к его идейной сути, которая питалась христианско-философской первоосновой.

В этом отношении статья Дмитриева представляет значительный интерес: она высвечивает работу теоретической мысли видного представителя славянофильства на начальном этапе его истории. Само название рукописи Самарина — «О развитии начала личности в германском мире, по случаю книги Штейна «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs» фиксирует одну из центральных социологических проблем, над которой билась русская общественная мысль на протяжении XIX в.: соотношение личного и общественного начал в человеческом сообществе, в процессе его исторического движения. Как решалась она славянофилами, какое место занимала в системе их философско-этических представлений — вопросы эти еще ждут своего рассмотрения.

Обращение Дмитриева к рукописи Самарина существенно и для адекватного понимания идеи славянофилов о «нравственном обществе». Эта идея отнюдь не свидетельство их прекраснодушия, как толкуется в нашей литературе; в ней выразилось стремление найти высокий этический смысл истории человечества. В поисках общественного идеала славянофильство критически преломляло идеи современных ему социалистических и коммунистических учений. Дмитриев рассматривает идеи, изложенные в рукописи Самарина, в контексте общего движения последекабристской общественной мысли, эволюции взглядов самих декабристов. Таким образом, Сергей Сергеевич фактически приступил к решению задачи, стоящей и перед современным декабристоведением: проследить движение мысли декабристов на каторге и поселении в общем русле единого процесса поиска пути России, над которым билась русская мысль после трагического финала декабризма.

Впервые публикуемая статья Дмитриева — выразительное свидетельство прозорливости ученого. Написанная почти 50 лет назад, когда и сам автор стоял на сковывавших исследование методологических позициях, она в силу научной честности, уважительности к источнику, широты понимания позволила, намного опережая свое время, дать верное направление в решении проблемы, без которой невозможно постижение такого сложного и значительного для национального самосознания явления, каким является славянофильство.

Статья публикуется с сокращениями, преимущественно касающимися анализа восприятия книги Л. Штейна современниками. Приводимые в тексте цитаты из рукописи Самарина сверены с оригиналом. По-новому даны наименование библиотеки, где она хранится, шифр фонда, номера единиц хранения, поскольку все это изменилось за прошедшие после написания статьи Дмитриева годы. Кроме того, указаны листы, на которых находятся эти тексты (во время написания статьи Дмитриева рукопись была еще не пронумерована). Отсылки к сочинениям, письмам, воспоминаниям И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, М. А. Фонвизиной и др. переведены на новые издания. Публикация подготовлена Р. Г. ЭЙМОНТОВОЙ. Вступление Е. Л. РУДНИЦКОЙ.

Рудницкая Евгения Львовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Эймонтова Регина Генриховна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

В 1842 г. в Лейпциге известным издателем Отто Вигандом, связанным с демократической партией, была выпущена книга доктора прав Лоренца Штейна¹. Лоренц Штейн, тогда молодой человек (род. в 1815 г., ум. в 1890 г.) и начинающий немецкий ученый, заинтересовавшись социалистическими идеями и движением, отправился в начале 1840 г. для изучения их в духовную столицу тогдашней Европы — Париж. Он пробыл там несколько лет, познакомился с социалистической литературой, историей французских революций 1789 и 1830 гг., сблизился с рядом крупнейших представителей социалистического движения — Виктором Консидераном, Луи Бланом, Этьеном Кабе. Итогом этого изучения явилась книга Штейна. Она была закончена в середине 1842 г. (предисловие к ней датировано: Paris, im Juni 1842) и вышла в свет в Германии во второй половине того же года.

Книга Штейна была первой в немецкой литературе попыткой ознакомления читателя с социалистическим и коммунистическим движением во Франции. Написанная объективистски молодым доктором прав, в мировоззрении которого гегельянство эклектически объединилось с позитивизмом, книга Штейна выдвигала ряд новых и смелых для современного ей немецкого читателя положений. Автор утверждал в своей книге, что возникновение социалистических идей и социалистического движения исторически совершенно закономерно. Эти идеи и движение порождены были в новой истории западноевропейского мира («германских народов», по определению Штейна) ростом промышленности, развитием нового класса пролетариата. Новый класс — пролетариат — желает добиться социального равенства. Он активно вступает в борьбу с господствующим обществом. Народ (peuple) поднимается против буржуазии (bourgeoisie). Неимущие ведут борьбу против имущих. «Уничтожением святости закона и частной собственности» может добиться пролетариат изменения своего положения. Штейн отчетливо выдвигал, вслед за французскими авторами, идею классовой борьбы. В будущем он предвидел новый рост и развертывание классовой борьбы. Социализм и коммунизм есть идеология классовой борьбы пролетариата. Она неизбежно возникает в процессе развития промышленности, роста пролетариата, выступления его на арену борьбы классов. Промышленность в одних и тех же современных формах развивается и будет развиваться у всех народов, «участвующих в развитии цивилизации», и, следовательно, во всем германском мире сложится пролетариат, разовьется борьба классов, и вместе с тем появится социализм и коммунизм.

Эти положения Штейн развертывал перед читателями на основе богатого фактического материала о социализме и коммунизме во Франции в первой половине XIX века. Книга Штейна состояла из четырех частей: 1. «Принцип равенства», 2. «Социалисты», 3. «Промежуточные писатели», 4. «Коммунизм». В первой части книги (стр. 3—116) Штейн знакомил читателя с понятием «пролетариат», с развитием принципа равенства во французской истории, с противоречиями во французском обществе перед революцией 1789 г., с конституциями 1791, 1793 и 1795 гг., с противоречиями во французском обществе после революции 1789 г., с понятиями «народ» и «буржуазия» (peuple, bourgeoisie), с первой империей и реставрацией во Франции, с июльской революцией 1830 г. Вторая часть книги Штейна (стр. 129—292) посвящена была общей характеристике социализма и подробнейшему изложению учения Сен-Симона и сен-симонизма, фурьеризма, взглядов Шарля Фурье, его системы и его школы. В третьей части книги (стр. 295—345) рассматривались взгляды Ламенне, Пьера Леру, П. Ж. Прудона и Луи Блана. Четвертая и последняя часть (стр. 349—444), посвященная коммунизму, касалась характера истории коммунизма, конкретной истории коммунистических учений во время первой французской революции, взглядов Бабефа, затем коммунистических учений в эпоху после июльской революции 1830 г. («Travailleurs égaux», «Reformistes», взгляды Этьена Кабе). В приложениях к книге (стр. 447—475) даны были отрывки из сочинений Ш. Фурье и «Credo Communistes» Этьена Кабе, переданное автором лично Штейну.

Книга Штейна в первой половине 40-х годов привлекала к себе

пристальное внимание немецких читателей, с той или иной точки зрения интересовавшихся вопросами социализма. Вокруг нее вспыхивали острые споры. Книга Штейна, однако, стала событием не только германского значения. Она вызвала к себе внимание и за пределами немецких государств. Заинтересовались книгой и русские люди 40-х годов. С нею столкнулись и ознакомились представители важнейших общественно-литературных направлений 40-х годов — западничества (В. П. Боткин, М. А. Бакунин, вероятно А. И. Герцен) и славянофильства (Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, вероятно А. И. Кошелев). Помимо кружков западников и славянофилов, книга Штейна заинтересовала петрашевцев. По свидетельству петрашевца И. М. Дебу, в одном из кружков студентов Петербургского университета в середине 40-х годов знакомилась с Л. Штейном и Гакстгаузеном — с одной, Л. Бланом, Фурье и Прудоном — с другой стороны. В кружок этот входили И. М. Дебу, А. В. Ханыков, А. И. Фонвизин (сын декабриста И. А. Фонвизина) и др.² Участники этого кружка несколько позже вошли в среду петрашевцев. Петрашевец А. П. Беклемишев, служивший до ареста своего чиновником в Ревеле, в своем показании следственной комиссии, данном 26 мая 1849 г., писал: «Существование так называемых социальных школ сделалось мне известным из сочинения Штейна «Der Sozialismus und Communismus in Frankreich, Deutschland und England»³. По показаниям петрашевца Д. Д. Ахшарумова, петрашевец Ф. Г. Толь читал «книгу Штейна о коммунизме и социализме во Франции» на немецком языке. Книга эта, по сообщению В. И. Семевского, получена была Толем или из личной библиотеки М. В. Буташевича-Петрашевского или из общественной библиотеки петрашевцев, созданной и комплектованной по инициативе «главным образом того же Петрашевского»⁴.

Вероятно, знаком был с сочинением Штейна декабрист М. А. Фонвизин. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. он написал статью «О коммунизме и социализме»⁵. В ней Фонвизин развивает мысли, очень близкие к славянофильским и особенно к мыслям Ю. Самарина, изложенным по поводу книги Л. Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции». В Tobольск к Фонвизину книга Штейна или ее обстоятельное изложение могли прийти или от его племянника А. И. Фонвизина или от брата И. А. Фонвизина, возвращавшегося в московском интеллигентном обществе именно в те годы, когда в Москве появилась и привлекла к себе внимание книга Штейна.

Читал книгу Штейна и известный писатель, брат декабриста Н. И. Тургенева, А. И. Тургенев. Его открытое письмо, напечатанное в марте 1845 г. в славянофильском тогда «Москвитянине», заключало в себе по существу небольшую рецензию на книгу Штейна, — пожалуй, единственную в тогдашней русской печати. Редактировал мартовский номер журнала И. В. Киреевский.

Первыми русскими читателями книги Штейна были М. А. Бакунин, В. П. Боткин и Ю. Ф. Самарин.

Бакунин, видный член кружка Станкевича, находился с лета 1840 г. за границей, в Германии. Там он и познакомился с книгой Штейна вскоре после ее выхода в свет, осенью 1842 г. В письме брату П. А. Бакунину из Дрездена от 6 ноября 1842 г. Бакунин сообщал: «Сегодня утром начал свои занятия чтением Штейна»⁶. По свидетельству самого Бакунина, книга Штейна оказала на него очень большое, определяющее влияние. В «Исповеди» (1851 г.) он вспоминал о той эпохе: «Тогда появилось в Германии множество брошюр, журналов, политических стихотворений, и я читал все с жадностью. В это же время в первый раз услышалось слово о коммунизме; вышла книга «Die Sozialisten in Frankreich» доктора Stein, произведшая почти такое же сильное и общее впечатление, как прежде книга доктора Strauss «Das Leben Jesu», а мне открывшая новый мир, в который я бросился со всею пылкостью алчущего и жаждущего. Мне казалось, что я слышу возвещенье новой благодати, откровенье новой религии возвышенья, достоинства, счастья, освобожденья всего человеческого рода; я стал читать

сочиненья французских демократов и социалистов и проглотил все, что мог только достать в Дрездене». В примечании к «Исповеди» Бакунин называет брошюру Блунчли по поводу процесса немецкого утопического коммуниста В. Вейтлинга наряду с книгой Штейна одною «из главных причин распространения коммунизма в Германии»⁷.

Почти одновременно с Бакуниным встретился с книгою Штейна другой участник кружка Станкевича — В. П. Боткин. Друг В. Г. Белинского, Боткин в 40-х годах после переезда критика в Петербург становится одной из видных фигур в московском кружке западников. Принявшись за составление обзорных статей о современной немецкой литературе для «Отечественных записок», Боткин в письме А. А. Краевскому от 29 декабря 1842 г. сетовал на цензурные трудности: «Вот, например, теперь читаю я немецкое сочинение чрезвычайно умного немца Штейна о социализме и коммунизме нынешней Франции. Книга во всех отношениях превосходная. С удивительным вниманием наблюдает он биение внутреннего пульса нового французского общества, анализирует и излагает его с глубиною и тактом человека, стоящего на вершине современной цивилизации, и, несмотря на все мое желание, на новость предмета для русской публики, нельзя сказать ничего об этой книге»⁸. Таким образом, Боткин читал книгу Штейна в Москве всего через несколько месяцев после поступления ее в продажу в Германии. Несмотря на все усилия Боткина сообщить что-нибудь русскому читателю о книге Штейна, это ему не удалось сделать. О ней нет ни слова в большой статье Боткина, напечатанной в апрельском номере «Отечественных записок» за 1843 г. под заголовком «Германская литература».

Приблизительно в это же время, когда книгу Штейна читали Бакунин и Боткин, во всяком случае не позже первой половины 1843 г., познакомился с книгой Штейна еще один участник бывшего кружка Станкевича — Ю. Ф. Самарин.

Первая половина 40-х годов [XIX в.] была временем идейного размежевания среди передовых людей [России]. Напечатание «Философического письма» Чаадаева в 1836 г. послужило исходной точкой для страстных споров по философии истории вообще, по философии русской истории в особенности. С конца 1830-х годов (примерно с 1839 г.) начинают складываться важнейшие направления общественной мысли 40-х годов — западничество и славянофильство. В 1842 г. оба направления противостояли одно другому, тем не менее близкие личные отношения между представителями двух станов еще поддерживались. В 1845 г. прерваны были и личные связи. Размежевание закончилось. Многие мучительно переживали эти годы идейного самоопределения. Люди, в 30-х годах работавшие близко друг с другом и общавшиеся в тесном кружке Станкевича, теперь расходятся в разные лагеря. Западниками осознают себя В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин.

К славянофильским взглядам начинают переходить К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин. Ярые гегельянцы К. Аксаков и Самарин в 1841—1843 гг. приближаются постепенно к позиции славянофилов, с тем, чтобы уже в 1845 г. занять среди них виднейшие места. Но и самый переход свой они совершали также «по Гегелю». Много времени позже, в середине 70-х годов, Самарин так вспоминал об идейном развитии своем и К. Аксакова в 1841—1843 гг.:

«Своеобразные начала, высмотренные нами в исторических памятниках древней России и наконец опознанные нами в современной жизни Русского народа, встретились с занесенными к нам философскими формулами, и эта встреча разрешилась рядом давно забытых попыток соглашения. Между ними построение Русской истории по Гегелевскому закону двойного отрицания занимает, по странности своей, далеко не первое место. В то самое время, как Константин Аксаков выводил таким образом и оправдывал явление Петра I-го, один из близких его друзей трудился над сочинением, в котором доказывалось, что Гегель, так сказать угадал Православную Церковь и а priori поставил ее, назвав религию одним из моментов (средним, но не последним) в логическом развитии абсолютного

духа, стремящегося к полноте самосознания. Все это, разумеется не выдерживало критики, было вслед за тем отброшено самими изобретателями как воздушные построения и, как говорят немцы, было побеждено (übermündet), но побеждено тем самым оружием, которое дала нам в руки Гегелева система, побеждено раскрытием внутренних противоречий, высмотренных благодаря все-таки тому, что умственное наше зрение изошрилось, пройдя через его строгую школу. Не будем же слишком строги к невинным увлечениям давно минувших годов. Говоря языком того времени: и они не лишены были значения, как моменты в развитии нашего общественного самосознания»⁹.

«Один из близких друзей» К. Аксакова, о котором вспоминает Ю. Самарин, и есть сам Самарин в начале 40-х годов. 1843 год для него был переломным годом. От философии Гегеля как совершенной истины, последнего и абсолютного откровения истины, Самарин перешел к истине православия, в стан Хомякова и Киреевских. Эволюция эта между прочим отразилась в записях в «Дневнике» Герцена. Друга и сотоварища Самарина — К. Аксакова Герцен определял уже в начале 1843 г. как «полугегельянца и полуправославного»¹⁰. Приблизительно в это время, в зиму с 1842 на 1843 год (вероятно, в самом конце 1842 или в самом начале 1843 г.) у К. Аксакова состоялась первая личная встреча Герцена с Самариным¹¹. Самарин заинтересовал Герцена, произвел на него очень благоприятное впечатление. Колебания Самарина, казалось, давали Герцену надежду увидеть отход Самарина от славянофильства, приближение к западничеству. Т. Н. Грановский даже подшучивал осенью 1843 г. над дружбой, которую «завел» Герцен с Самариным. В письме к Н. К. Кетчеру от 15 ноября 1843 г. Грановский писал: «Фильтрах пользуется твоим отсутствием и завел дружбу с Юрием Самариным. Я давно говорил наперекор тебе и Боткину, что Самарин очень умный и даровитый человек, оставляя в стороне его мнения. Фильтрах же пришел было в восторг от этих самых мнений. Я не шучу. Вчера друг наш доказывал, что у С. сильная логика, великий талант изложения и что во многом он прав»¹².

Какие же мнения Самарина могли заинтересовать Герцена? Те, благодаря которым Самарин и К. Аксаков тогда еще несколько отличались от воззрений основоположников славянофильства Хомякова и И. Киреевского. В начале 1843 г. Герцен заносил в «Дневник» свои наблюдения из разговора с К. Аксаковым: «Я говорил долго с Аксаковым, желая посмотреть, как он примирит свое православие с своим гегельянизмом; но он и не примиряет: он признает религию и философию разными областями и позволяет им [жить] как-то вместе, это — конкубинат, sui generis (особое свойство.— *Лат.*)»¹³. В октябре 1843 г. под впечатлением разговора с П. Киреевским Герцен пишет в «Дневнике»: «Киреевские последовательнее Аксакова и Самарина: те хотят на основаниях современной науки построить здание славяно-византийское, они по Гегелю доходят до православия и по западной науке — до отвержения западной истории; они принимают прогресс, смотрят нашими глазами на будущность человечества, оттого у них потеряна необходимая консеквентность»¹⁴.

Еще более интересна запись Герценом его разговора с Самариным 10 ноября 1843 г. Вот она: «Длинный и презанимательный разговор с Самариным. Он согласен, что ясно не может развить логически свою мысль об имманентном сосуществовании религии с наукой, что das Aufheben (снятие.— *Нем.*) наукой оставляет церковь во всей ее действительности. Он согласен, что расторженность человека, который мышлением разрушает то, что принимает фантазией и сердцем, и, с другой стороны, усыпляя мышление, снова дает место представлению, непримирима. Но они требуют этого, хотят etc.

Требование это вместе с славянизмом делается религией. Они говорят, что плод европейской жизни созреет в славянском мире, что Европа, достигнув науки, негации существующего, наконец, провидения будущего в вопросах социализма и коммунизма, совершила свое и что славянский мир — почва симпатического, органического развития будущего. Это

мысль не только их, но и западных славян, например, Мицкевича, но у наших важное различие. У них славянизм неразделен с греческой религией. Церковь одна, это — наша церковь; они ждуг, что католицизм и протестантизм равно признают истинность ее, и это самая отчаянная гипотеза из всех. Такое созерцание будущего, без сомнения, религия и может дойти до фанатизма»¹⁵. Несколькими днями позже, продолжая свои размышления по поводу этого разговора с Самариним, Герцен писал: «Восточная церковь, скажут теперь, когда католицизм изжил свои формы, явится, как высшая религиозная форма, и с ней сочетаются идеи социализма и коммунизма. Да на чем же это основано?» — спрашивает Герцен и отвечает за себя: «добросовестно никто не может сказать, чтобы была адекватность между учением восточной церкви и требованиями духа времени»¹⁶.

Итак, в октябре-ноябре 1843 г. Самарин и его единомышленники (ближе всех стоял к нему тогда К. Аксаков) высказывали такие мысли: Европа совершила свое дело, она дошла с помощью науки до отрицания существующего и провидения будущего в вопросах социализма и коммунизма. Славянский мир, во главе с Россией, — почва органического развития этого будущего. Неразрывна со славянством восточная православная церковь, она высшая религиозная форма, с ней сочетаются идеи социализма и коммунизма. Россия сохранила органические начала — общину и истинное христианство — православие. С этими началами она может успешно решить те неразрешимые вопросы, которые возникли перед Европой. Подобные мысли высказывали в 1839, 1842, 1843, 1845, 1847, 1848 и 1849 годах И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, т. е. целый ряд крупнейших представителей славянофильства. Чрезвычайно интересно проследить источник и возникновение таких мыслей.

Обстоятельно Самарин познакомился с вопросами социализма и коммунизма по книге Штейна, прочитанной им, по-видимому, в первой половине 1843 г. Большая статья Самарина, о которой пойдет далее речь, и явилась результатом этого знакомства.

Что Самарину была известна книга Штейна, внимательный читатель мог заключить из напечатанной в 1847 г. известной полемической статьи Самарина, направленной против историко-философских взглядов К. Д. Кавелина «О мнениях Современника, исторических и литературных». Критикуя взгляд Кавелина, допуская логический процесс, посредством которого из идеи личности, из германского начала могло возникнуть общество, отличное от искусственной условной ассоциации, Самарин в примечании писал: «Заметим, что в книге Штейна [о социализме], у которого, как кажется, автор заимствовал теоретическую часть своей статьи, нить выводов обрывается именно на этом моменте»¹⁷.

В 1880 г. Д. Ф. Самарин, издатель сочинений Ю. Самарина и составитель «Данных для биографии Ю. Ф. Самарина за 1840—1845 гг.», впервые упомянул в печати о том, что Ю. Самарин написал в 1843 г. статью о Штейне. Но Д. Ф. Самарин, очень тщательно отбиривший в архиве своего покойного брата материалы для включения в издаваемые им «Сочинения» Ю. Самарина, не опубликовал неизданной статьи о Штейне, подчеркнув неважность ее; по его словам, «это была, так сказать, работа внешняя, не на ней сосредоточивалась в это время вся его духовная жизнь»¹⁸. Впрочем, иного отношения к этой статье со стороны человека весьма реакционных взглядов, каким был Д. Ф. Самарин, очень заботившийся о том, чтобы представить Ю. Самарина только царским верноподданным, и не могло быть. После 1880 г. о статье Самарина в печати более не упоминалось. Между тем она заслуживает внимания и представляет выдающийся интерес.

Представим вкратце внешнюю историю статьи Ю. Самарина о книге Штейна. Весною 1843 г. Самарин окончил свою магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Сразу же по окончании диссертации в начале лета он решил снова приняться за изучение философии Гегеля, с тем, чтобы «оправдать» и подкрепить этой философией православие¹⁹. Сохранились тетради Ю. Самарина под заголовком «К изучению Гегеля» с конспектами и заметками, относящиеся к лету 1843 г. Самарин

изучал в это время Энциклопедию, Феноменологию и Историю философии Гегеля. Во время этих занятий он и начал писать статью по поводу книги Штейна. В том же самом письме к К. Аксакову, в котором Самарин сообщал своему другу: «Феноменологию я отложил, ибо не мог одолеть статьи о *Wahrnehmung* и принялся за Энциклопедию, которая дается легко», в Р. С. читаем: «Пишу статью о книге Штейна не для печати». Письмо Самарина без даты, но судя по ряду данных, оно написано не ранее 20 мая и не позднее июня-июля 1843 г. Таким образом, статью о книге Штейна Самарин начал писать в начале лета 1843 г. Чтение книги Штейна, конечно, предшествовало написанию статьи по поводу этой книги. Вероятно, Самарин читал Штейна в конце 1842 г.— первой половине 1843 г.

В конце ноября (числа 28—29) 1843 г. Самарин выехал из Москвы в длительную поездку по России. В Москву Самарин вернулся в первой половине января 1844 г. В письме к К. Аксакову от 31 декабря 1843 г. из Казани Самарин писал о том, что он давно уже ведет «тяжелый, мучительный спор с самим собою». «Кажется, никогда так сильно не было во мне раздвоение. Мне невыносимо тяжело и грустно... Много ночей я провел в деревне без сна, в горьких слезах и без молитвы. Безделицу мы вычеркнули из нашей жизни: Провидение, и после этого может быть легко и спокойно на сердце?.. Кое-чем я занимался. Статья по случаю Штейна кончена. Многим ты, я думаю, будешь доволен, а кое-чем нет»²⁰. Итак, статья Самарина написана была во второй половине 1843 г.

Какое же назначение имела статья? Приступив к ее написанию и учитывая цензурные возможности, автор считал, что пишет он «не для печати». Однако произведение Самарина литературно оформлено именно как статья, предназначенная для читателя. Произведение Самарина отнюдь не конспект книги Штейна, сделанный лично для себя; не собрание случайных мыслей, набросанных для памяти в ходе чтения книги Штейна. Автор статьи все время имеет в виду читателя. «Не бесполезным делом,— пишет он,— считаем обратить на нее (книгу Штейна.— С. Д.) внимание русских читателей» (л. 3). Окончив подробное изложение содержания книги Штейна, Самарин указывает на сложность темы, на заслуги Штейна в ее раскрытии и заключает такими словами: «Штейн это дело исполнил. Надеемся, что всякий с этим согласится и допустит причислить его книгу к тем трудам, о которых было говорено в начале» (л. 55).

Самарин, создавая свою статью именно как литературно законченную публицистическую статью, не предназначал ее для печати, но явно предполагал знакомство с нею каких-то читателей. Своей статьей он хотел познакомить этих русских читателей с книгою Штейна и вызванными ею размышлениями о роли России, историческом предназначении славянского мира и пр. Статья назначалась по-видимому для чтения и обсуждения в кругу знакомых людей в одном из московских литературных салонов и кружков начала 1840-х годов. Вероятнее всего, статья предназначалась к оглашению в салоне Елагиных, у Киреевских. В конце 30-х — первой половине 40-х годов собрания у Киреевских были сравнительно правильно налажены. Собирались еженедельно по средам, вечером. Мужской состав присутствующих должен был от времени до времени выступать с чтением своих новых статей. В начале 1840 г., по словам участника этих собраний Т. Н. Грановского, каждому из приходивших на вечера приходилось читать по одному разу в два месяца²¹.

На вечерах по средам в начале 40-х годов бывали: И. В. и П. В. Киреевские, Авдотья Петровна Елагина, Алексей Андреевич Елагин, Василий Алексеевич Елагин, Николай Алексеевич Елагин, Д. А. Валуйев, А. Н. Попов, А. С. Хомяков, Т. Н. Грановский, Д. Л. Крюков, А. И. Кошелев, Н. В. Гоголь, Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, М. А. Дмитриев, А. И. Герцен и др. Известен ряд статей, прочитанных на этих средах: «О старом и новом» А. С. Хомякова, «В ответ А. С. Хомякову» И. В. Киреевского, «Об отношении искусства к жизни» Д. Л. Крюкова, «Возражение на одно из странных мнений Ивана Киреевского» Т. Н. Грановского, отрывок из повести «Рим» Н. В. Гоголя. Весьма вероятно, что

там же читал А. И. Герцен свою четвертую статью из серии «Диллетантизм в науке».

Как видно, в начале 40-х годов на средах встречались и славянофилы и западники. Но с течением времени, когда расхождение мнений зашло слишком далеко, такие встречи уже более не могли иметь места. П. В. Анненков слышал, что «собрания в доме Елагиных все-таки должны были прекратиться под конец, вследствие все более и более возраставшей горячности споров между встречавшимися там людьми обеих партий»²². Разрыв личных отношений между московскими западниками и славянофилами произошел в 1845 г. По воспоминаниям К. Д. Кавелина, «к 1848 году московские кружки и салоны стали падать»²³.

В начале 40-х годов, как, впрочем, и позже, Ю. Ф. Самарин написал несколько произведений, не предназначенных для печати, но зачитывавшихся и обсуждавшихся в московских литературных кружках. Таково, например, письмо к члену французской палаты депутатов Могену, бывшему летом 1840 г. в Москве; таковы письма к А. Н. Попову (зима 1841—1842 гг.), по вопросу о развитии церкви. В споре Самарина с Поповым участвовали К. Аксаков, Хомяков, И. Киреевский и все их друзья.

Весьма возможно, что статья о книге Штейна, касавшаяся таких политически щекотливых вопросов, как социализм и коммунизм, не предназначалась для обычного открытого чтения на той или иной «среде» у Елагиных-Киреевских, а была сообщена более узкому кругу лиц. На средах читались произведения, политически не внушавшие сомнений. Грановский так описывал Н. В. Станкевичу эти чтения: «Предметы статей берутся из разговоров, из общих нам интересов. Крюков не решается читать, потому что боится, чтобы правительство не обратило внимания. Да эти статьи можно читать при обер-полицеймейстере, никто не позволяет себе глупых выходов»²⁴. Так отзывался Грановский о чтениях на средах в начале 1840 г. Вряд ли общий характер чтений в начале 1844 г. мог существенно отличаться. Статья Самарина о книге Штейна явно не была пригодна для чтения при обер-полицеймейстере. Но в тесном кругу лиц, совершенно доверявших друг другу, статья могла быть оглашена.

Документально можно установить, как это явствует из приведенного выше письма Самарина к К. Аксакову от 31 декабря 1843 г., что статья предназначалась для чтения К. Аксакову. Статья о Штейне могла быть прочитана и не только в кругу славянофилов. Тогда еще существовало постоянное общение западников Герцена и Грановского с кругом Елагиных. В концовке того же письма Самарина к К. Аксакову он передает дружеские приветствия С. Т. Аксакову, И. С. Аксакову, Н. Ф. Павлову, А. С. Хомякову, «Языковым, Свербееву, Киреевскому, Грановскому, Герцену и всем нашим...»²⁵. Судя по записям в «Дневнике» Герцена за 1843—1844 гг., все важнейшие мысли, высказанные в статье Самарина по поводу книги Штейна, были Герцену известны. Несомненно, как это явствует из самого «Дневника», что многое Герцен мог лично услышать в разговорах своих с Самариним, К. Аксаковым, Киреевскими и Хомяковым. Но вполне вероятно, что Герцен мог быть знакомым и с самой статьей Самарина.

Наконец, с известной уверенностью можно полагать, что со статьей Самарина был знаком младший брат К. Аксакова — И. Аксаков. Два основания есть к этой уверенности: во-первых, известна тесная духовная общность К. и И. Аксаковых и Ю. Самарина в начале 40-х годов, во-вторых, точно известно, что И. Аксаков не только читал книгу Штейна, но и имел ее у себя. В марте 1849 г. при аресте И. Аксакова жандармами у него среди прочих оказалась и книга Штейна. III-е отделение предложило Аксакову ответить на вопросы, «где и у кого» приобрел он книгу Штейна и не питает ли он «мыслей коммунистических и вообще противных образу нашего правления». Иван Аксаков отвечал: «Найденные у меня книги куплены в Москве несколько лет тому назад, но когда именно и в каком магазине, не помню... Коммунистических идей не разделяю»²⁶. Имея в виду книгу Штейна, зная ее, установив определенное свое отношение к социалистическим идеям, в ней изложенным, наконец, будучи на правах «младшего

славянофила» исключительно близким к другим «младшим» из того же кружка, т. е. к Самарину, автору статьи о Штейне, и К. Аксакову, знавшему эту статью, И. Аксаков, по всей вероятности, также читал статью Самарина.

Статья Самарина сохранилась в черновой рукописи, писанной сплошь почерком автора на 87 листах с оборотом (т. е. ее фактический объем свыше 170 листов). Рукопись находится в фонде Самариных в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (ф. 265, карт. 222, д. 12). Статья озаглавлена «О развитии начала личности в германском мире, по случаю книги Штейна «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs»».

По содержанию своему статья Самарина состоит из двух больших неравных частей. Первая, большая (2/3 всей статьи) посвящена подробному изложению книги Штейна. Вторая, меньшая (1/3 статьи) часть, начинающаяся со слов: «Таково содержание книги Штейна. Нужно было изложить его пространно...» (л. 54), является дополнением к книге Штейна, мыслями Самарина, возбужденными рассматриваемой книгой. Суть этих мыслей кратко изложена нами выше по ее отражению в «Дневнике» Герцена. Подлинник, а не отражение дает более яркое и отчетливое представление о своеобразной системе этих мыслей. Вот вкратце эта система.

Чтобы правильно понять Запад, нужно обратиться к тем немногим трудам западноевропейских мыслителей, в которых «с любовью отражает себя западный мир, в которых он отдает себе отчет в самом себе и самого себя анализирует» (л. 3). Книга Штейна — один из таких трудов. «Мы принимаем ее за верное выражение одной стороны западной современной жизни; мы смотрим на нее как на акт свободного самосознания западного мира. Наше дело — не опровергать ее, а дополнить» (л. 55).

«На чем же остановилась теперь Европа? Какой момент выражает ее современная действительность? Где цель всех исканий, всех стремлений настоящей минуты?» (л. 84об.).

Поставив эти вопросы, Самарин отвечает. Цель всех исканий и стремлений современной Европы — это социализм, это — сознание неправомерности, неистинности всех существующих отношений, всего строя, всех начал западноевропейской жизни. Запад осознает страстную потребность свободного примирения крайне обострившихся противоречий, примирения в органической жизни, в новой грядущей эре для всего человечества.

Каким же историческим путем пришла Европа к этой цели, к этой потребности? На Западе было два племени, являвшихся главными деятелями в историческом процессе, племя Римское и племя Германское. Их национальные субстанции, сначала выражавшиеся чисто непосредственно в их жизни, затем прошедшие через сознание, наконец возвысились до общих начал, принципов. Вместе с тем борьба наций сменилась борьбою начал.

В чем же выразились национальные субстанции этих двух племен?

Идея Германского племени, выражаемая отдельными германскими нациями в разных сферах, есть идея личности. Образ жизни, нравственные понятия развивались у германцев из начала личности. «Какие же могли явиться формы общественной жизни» у германцев, идея которых есть идея отвлеченной личности? Только формы, являющиеся искусственным, механическим, мертвым союзом, всегда могущим распасться на отдельные самодовлеющие личности, из которых они состоят. На таком основании «развилась конституционная государственная форма», дружинная организация, гильдии. Самая идея христианской церкви не могла осуществиться в германской субстанции. Христианство в сознании германцев отразилось как протестантизм. Между тем «святой дух» живет во всем человечестве, а «не в каждом изолированном лице (в этом заблуждение протестантов)» (лл. 60, 61, 65).

Но германский элемент не был единственным деятелем в истории Запада. Римское начало пустило глубокие корни в почву, позже германцами завоеванную. «Жизнь, служившая выражением римскому началу, легла на

германскую субстанцию как цельный, самобытный слой. Формы не соответствовали субстанции» (л. 75об.). Римская субстанция выразилась в начале отвлеченно-общего. Христианство отразилось через эту субстанцию как католичество. Но «святой дух» живет во всем человечестве, а «не в одном избранном представителе человечества (в этом заблуждение католиков)» (л. 65).

Вечные противоречия породили постоянную борьбу начал. «Они (эти начала.— С. Д.) беспрестанно притягивались и беспрестанно сталкивались. Тайна органической жизни, полноты и примирения элемента общего и элемента личного, единства во множестве и множества в единстве была им недоступна, была над ними» (л. 84об.). В средние века господствовало римское начало. Но в новейшей истории главный деятель — германский элемент. Римский элемент отступает, обороняется. «Потому мы определили всю новейшую историю Запада как реакцию начала личности против начала отвлеченно-общего... Отрицание объективной религии и объективного государства, реформация и французская революция, вот две великие катастрофы, к которым примыкают все явления новейшей истории» (лл. 77об.—78). Началось «грозное, величественное восстание от имени личной свободы против государственной власти вообще» (л. 79об.). Отвергается конституционная форма, еще недавно считавшаяся идеалом. Консерваторы обороняются. «Республиканская партия ненавидит конституционную форму... в то же время она требует такого государства, в котором произвол лица будет несравненно более стеснен, и требования и права воли народной над каждым гораздо строже и шире, нежели в настоящую минуту; и республиканцы правы. Рядом с ними социалисты и коммунисты протестуют против тирании капиталистов от имени личности, и между тем перед нами как идеал их надежд и стремлений носится понятие о таком устройстве общества, в котором упразднится исключительно личная собственность. И в требовании социалистов нет противоречия» (лл. 83об.—84).

Ни то, ни другое борющиеся начала, ни взятые отдельно, ни оба вместе, формально объединенные, не могли постигнуть тайну органической жизни общества. Потому-то все органически живое, как то — церковь, община — разлагалось и исчезало на Западе. Так обстояло дело в прошлом. Но теперь «период разложения, борьбы, притягивания и отталкивания приходит к концу» (л. 85). Наступило время свободного признания прав того и другого начала, требования свободного примирения их в органической жизни. Новая эра открывается для человечества. Запад провидит ее в учениях социализма.

Возникает вопрос: «в какой новый вид преобразится человечество, каковы будут формы новой жизни?» (л. 85об.). Чрезвычайно интересен ответ Самарина. Православное христианство и община — вот что послужит для преобразования человечества в новый вид.

Церковь не только обращена к сфере сознания. Она «заключает в себе начало жизни, практическое начало, способное осуществиться». «Много есть в христианстве сторон еще не развитых. Смело выскажем нашу мысль: до сих пор влияние христианства ограничивалось непосредственным действием на частное лицо. Социальное влияние христианства впереди». Необходимо создать общество, действительно основанное на христианских началах. «Его требует современность». Все, что проповедует христианская религия, как нравственные обязанности каждого человека, новое общество переведет в юридические нормы. Так, например, говорит Самарин, христианская религия проповедует богатому уделять от своего имущества бедному. Новое общество поймет, что так и должно быть. «То, что составляет обязанность богатого, есть право бедного. Всякий человек должен иметь собственность: это его право. Следовательно, собственность должна быть общею. И много других вопросов социальных разрешится тем же образом», — заключает Самарин (лл. 66—66об.).

Ставит, но отказывается решить Самарин настойчиво встающий «мучительный вопрос нашего времени»: «Возможна ли в наше время религия вообще? Есть ли она абсолютная сфера или пережитой человечеством

исторический момент?» (л. 67) Все равно, пишет Самарин, признавать или отвергать абсолютность религии — от этого ничего не изменится в предыдущих мыслях о будущем — «хотя бы даже царство религии кончилось, хотя бы должна была упраздниться церковь, а догматическая сторона ее разрешиться в науку, а практическая сторона в государство...» (л. 68об.)

Но основой нового общества, построенного на юридическом воплощении в социальной жизни христианских начал, будет община, второе наряду с церковью живое, органическое начало. «В быту общинном, развитом на идее любви, равенства и братства, частные лица совокупаются в целое, вследствие живого сознания их родового, человеческого единства» (л. 59).

В социализме и коммунизме — учениях пролетариата — Европа выразила потребность в новой, органической жизни. Потребность осознана, но кто может удовлетворить ее? «Какое племя удостоится осуществить грядущее, кому выпадет завидный жребий ввести человечество в давно обетованную землю?» Запад не знает России и имеет право не знать ее. «Но мы, воспитанные Западом, мы, так дорого заплатившие за наше приобщение к его образованности, мы знаем Запад, мы признаем его прошедшее и вместе с тем мы чувствуем в нашей России полноту нетронутых свежих сил... мы ждем призыва, мы верим, что будущность огромная, блистательная нам суждена, и никто в свете не отнимет у нас этой веры» (лл. 85об.—86).

Россия, как воплощение славянского племени, даст ответ на осознанную Западом потребность, на поставленную цель. Сама субстанция нового племени есть ответ на вопрос, поставленный старыми племенами Европы. «Сохрани нас Бог, — подчеркивает Самарин, — пророчить ему (западному миру. — С. Д.) разложение и смерть. Нет, новое откровение будет для всех... Конечно, это только вера. Но всякая деятельность, всякий труд в настоящем обуславливается мыслью о будущем, а будущее доступно одной вере» (л. 87).

Таковы «дополнения» Самарина к книге Штейна. Такие и подобные мысли в 40-х, а отчасти еще и в 50-х годах неоднократно будут выражаться славянофилами и в печати, и в произведениях, для печати не предназначенных. С наибольшей яркостью славянофильскую мечту о будущем справедливом социальном строе, основанном на истинном христианстве, т. е. православии, которому присуще будто бы «господство единства и свободы», и всемерном развитии общинного начала выразил А. С. Хомяков в письме «О сельской общине» (1848 г.)²⁷. Такие и подобные мысли настойчиво ставят вопрос об определении этих сторон учения славянофилов как своеобразной национальной русской разновидности феодально-христианского утопического социализма²⁸.

Разумеется, и вряд ли нуждается в приведении доказательств (хотя десятки их легко можно найти в сочинениях славянофилов), что помещики, идеалисты и верующие православные христиане, каковыми были славянофилы, оставались враждебны системам критическо-демократического социализма Западной Европы, равно как не могли принимать и ни одной из конкретных форм западноевропейского феодально-христианского социализма. Признавая историческую правомерность возникновения социалистических учений на Западе, славянофилы утверждали, во-первых, что учения эти не могут разрешить противоречий, разъедающих западноевропейские общества, во-вторых, что учения эти не могут получить никакого приложения к русской действительности, т. к. русское общество основано на совершенно иных, отличных от западноевропейских, началах, и, в-третьих, что именно русское общество, правильно поняв свои национальные начала, — православие и общинность — сумеет, свободно развив эти начала, создать новые общественные отношения, органически новое общество, гармоническое и лишённое противоречий. Это новое общество будет образцом для всего человечества и станет исходным моментом для торжества божественной и человеческой правды на земле. Но, наряду с общинностью, подчеркивал Хомяков, «корень и начало дела — религия, и только явное, сознательное и полное торжество Православия откроет возможность всякого другого развития»²⁹.

В своих «прекраснодушных» мечтах славянофилы 40-х годов пытались разрешить противоречия современного им Запада на путях, отличных от западноевропейской действительности. Отвергавшие революцию противники развертывания классовой борьбы, верующие православные люди, боровшиеся с атеизмом, они стремились нащупать пути мирные, постепенные, религиозные, для введения России, а вслед за нею и всего человечества, в новый мир справедливого общества. В общине они видели решение проблемы антагонизма труда и капитала, частной и общественной собственности. В православии они усматривали всепримиряющую демократическую идеологию «единства и свободы».

Подобные идеи не были новостью для Западной Европы того времени. Взгляды таких деятелей середины XIX в., как аббат Фелисите Ламеннэ, Лакордер, Монталамбер, Филипп Жозеф Бенжамен Бюше, его ученик и последователь Отт, отчасти Жорж Занд, Пьер Леру, отчасти писания Адама Мицкевича последнего периода его деятельности, Сен-Симона времени создания «Нового христианства» или, также отчасти, взгляды Богдана Яньского и некоторых участников «*Towarzystwa Zmartwychwstania Pańskiego*», некоторые взгляды такого реакционного идеолога как Карл Людвиг фон Галлер — все эти авторы и их учения, при всех отличиях их между собою, весьма напоминают те стороны учения славянофилов, на которые нельзя не обратить внимания в связи со статьей Самарина по поводу книги Штейна. Только в то время, как у западноевропейских представителей этих разновидностей утопического социализма в системах их обычно присутствовал католицизм, нередко папа римский, или же христианство обновленное, но на католической основе или же, наконец, какие-нибудь новые существенные религиозные построения, у славянофилов соответствующее место в их взглядах занимало православие.

Существенным отличием тех сторон учения славянофилов, которые должно определять как национальный русский христианский утопический социализм, является и то, что критика капитализма и капиталистического строя представлена в писаниях славянофилов значительно слабее, нежели у соответствующих западноевропейских идеологов. Отличие это совершенно понятно, если вспомнить, что противоположность интересов труда и капитала почти еще отсутствовала в русской жизни. Именно этими обстоятельствами и обусловлено было как центральное место, занимаемое началом общинности в славянофильском учении, так и сравнительно скромное место, какое занимает критика капитализма и обличение язв капиталистического общества в писаниях славянофилов 40—50-х годов. Но тем не менее критика эта в писаниях и высказываниях славянофилов была, а заботы о примирении вражды капитала и труда воспринимались некоторыми современниками именно как славянофильские мысли. Очень выразительное свидетельство об этом находим в воспоминаниях К. Д. Кавелина о Белинском. Вспоминая о разговоре Белинского с Грановским в Москве в середине 40-х годов, при котором он присутствовал, Кавелин писал: «Белинский даже выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа»³⁰.

«Социалистический оттенок» в учении славянофилов отчетливо чувствовался современниками и в 40-х и в 50-х годах. Этот оттенок придавал концепции славянофилов крайне своеобразный характер. Люди, занимавшие в общественной борьбе совершенно разные позиции — В. П. Боткин, В. Г. Белинский, сенатор К. Н. Лебедев, А. И. Герцен, А. А. Григорьев, Н. Г. Чернышевский, гр. С. Г. Строганов, кн. П. А. Вяземский, — чувствовали и отмечали тогда же, в 40-х годах, связь и близость славянофильских взглядов с европейскими утопически-социалистическими учениями. Сами славянофилы на словах, понятно, отрицали и отвергали эту близость. Приведем несколько таких свидетельств современников.

В письме к П. В. Анненкову из Москвы от 14 мая 1847 г. В. П. Боткин писал об «утопических и фантастико-исторических очагах славянофилов»³¹.

В письме к К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 г. В. Г. Белинский,

упрекая Кавелина за скромный тон ответа на критику Самариним статьи Кавелина по русской истории, писал: «Вам, милый мой юноша, понравилось то, что Самарин говорит о народе: перечтите-ко да переводите эти фразы на простые понятия — так и увидите, что это целиком взятые у французских социалистов и плохо понятые понятия о народе, абстрактно примененные к нашему народу. Если б об этом можно было писать, не рискуя впасть в тон доноса, я бы потешился над ними за эту страницу»³². Таким образом, Белинский взгляды Самарина на народ, высказанные в статье «О мнениях «Современника», исторических и литературных», взгляды, чрезвычайно близкие к развитым Самариним же несколько ранее в его статье по поводу книги Штейна, считал прямо заимствованными от французских социалистов и абстрактно примененными к русскому народу.

В письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. В. Г. Белинский писал: «Верующий друг и славянофилы наши оказали мне большую услугу. Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг: они высосали эти понятия из социалистов и в статьях своих цитируют Жоржа Занда и Луи Блана»³³.

В дневнике известного впоследствии сенатора К. Н. Лебедева, писателя, лично знакомого с А. С. Хомяковым, в 1848 г. служившего обер-прокурором 1-го отделения 6-го департамента Сената, находим любопытную запись, относящуюся к июлю 1848 г. Лебедев в своем дневнике полемизирует со взглядами «москвичей, славянофилов, вообще мечтателей, как кн. Одоевский» на Россию как особый, отличный по началам своим от остальной Европы «собственный мир, которому принадлежит будущность, могущество и слава, каких никто не имел». Утверждения эти казались Лебедеву ни на чем не основанными, а русский народ по всем «стихиям жизни» народом европейским, который лишь несколько отстал в своем развитии от прочих европейских народов, но это развитие «придет». Обращаться потому к русскому народу славянофилам, мечтателям совершенно бесполезно, ибо их социально-утопические мечты не применимы к русскому народу, у которого и язык, и вера, и семья, и собственность, и власть — всё начала совершенно европейские. Заклучая свой разбор, Лебедев иронически писал: «Уж нашим мечтателям лучше бы было обратиться к магометанам, у которых коммунизм не только в догматах, но и в учреждениях. Это было бы по крайней мере ново»³⁴. Таким образом, Лебедеву взгляды славянофилов казались сродни «коммунизму».

А. И. Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) писал о поле, открытом для примирения со славянофилами. Это поле — социализм. «А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря,— разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»³⁵.

Н. Г. Чернышевский в письме к А. С. Зеленому от 16 июня 1857 г. говорил о «нелепости славянофильства», о соединении в головах славянофилов несовместимых мыслей: «Об ином они говорят так, что одна фраза кажется заимствованною из Прудона, а другая, за нею непосредственно следующая, из жития Симеона Столпника, о другом так, что одна мысль — из Белинского, другая,— из Булгарина. Это народ странный»³⁶.

А. А. Григорьев в письме от 26 января 1859 г. говорил, что он не может мириться ни «с слепым и отвергающим все артистическое социализмом Ч[ернышевского]», ни «с таким же тупым и безносым, да вдобавок еще начиненным всякой поповщиной социализмом славянофилов»³⁷.

Престарелый граф С. Г. Строганов писал брату в конце 1858 — начале 1859 гг. о славянофильстве: «Ты видишь, что это православный социализм! При этом корифеи утверждают, что если дворянство в продолжение стольких лет не успело упрочить себя как независимое сословие, то сим доказало свое ничтожество и не заслуживает быть поддержано»³⁸.

Князь П. А. Вяземский в своих текущих записях отмечал: «Славянофилы, или русофилы, были какие-то археологические либералы. Французского писателя сподвижника Жозефа де Местра, прозвали пророком минувшего;

в учении славянофильском отзывались сетования и надежды подобного пророчества»³⁹.

П. В. Анненков, уже в 40-х годах бывший западником и полемизировавший в печати со славянофилами, позже в известной статье своей «Замечательное десятилетие» писал о «русском социализме» славянофилов, в частности, по поводу их взглядов на общину⁴⁰.

Статья Самарина по поводу книги Штейна представляет выдающийся интерес для истории русской общественной мысли середины прошлого века, и в особенности для изучения славянофильства — направления, еще очень слабо изученного. Книга Штейна, живо привлекая к себе внимание всех мыслящих людей 40-х годов, не прошла незамеченной и славянофилами. Знакомые и до ее появления с европейскими социалистическими учениями некоторые из славянофилов, прежде всего «молодые славянофилы» Ю. Самарин, К. и И. Аксаковы, едва ли не через книгу Штейна соприкоснулись особенно обстоятельно и полно с социалистическими (утопическими) идеями. На основе этих идей и выдвинутых ими (славянофилами) русских начал общинности и православия славянофилы развивали свое учение. Целый ряд черт, присущих этому учению, позволяет говорить о некоторых сторонах его как о своеобразной национально-русской разновидности христианского утопического социализма. «Социалистический» оттенок, признаваемый в учении славянофилов представителями иных направлений русской общественной мысли середины прошлого века, действительно присутствовал в раннем русском славянофильстве.

Примечания

1. Der socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte von L. Stein, Doktor der Rechte. Leipzig. Otto Wigand. 1842. S. XII + 475.
2. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб. 1883, с. 79—80.
3. Дело петрашевцев. Т. 2. М.-Л. 1941, с. 369. Беклемишев по памяти неточно воспроизвел заголовок книги Штейна.
4. ФОНВИЗИН М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск. 1982, с. 102—103; Общественные движения в России в первую половину XIX в. Т. 1. СПб. 1905, с. 79.
5. ФОНВИЗИН М. А. Ук. соч.
6. БАКУНИН М. А. Собр. соч. и писем. Т. 3. М. 1935, с. 154.
7. БАКУНИН М. А. Исповедь и письмо Александру II. М.-Л. 1921, с. 50, 54, прим.
8. ВЕТРИНСКИЙ Ч. В сороковых годах. М. 1899, с. 150—151.
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 265, карт. 140, д. 1, лл. 187об.— 188. В письме Самарин сообщает свои замечания на составленный И. Аксаковым проект предисловия к какому-то изданию (по-видимому, сочинений или писем К. С. Аксакова). Приведенный мною отрывок взят из предлагаемого Самариним дополнения к тексту предисловия И. Аксакова.
10. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. В 30-ти тт. Т. 2. М. 1954, с. 258.
11. САМАРИН Ю. Ф. Соч. Т. 12. М. 1911, с. 36, прим. Н. П. Чулкова.
12. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М. 1897, с. 459. *Фильтирах* — шутовское прозвище А. И. Герцена в кругу московских друзей.
13. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. Т. 2, с. 258.
14. Там же, с. 311.
15. Там же, с. 314—315.
16. Там же, с. 316.
17. САМАРИН Ю. Ф. Соч. Т. 1. М. 1877, с. 40, прим. Статья Самарина напечатана была впервые в журнале «Москвитянин», 1847, № 2 и подписана псевдонимом М.. З.. К..
18. Там же. Т. 5. М. 1880, с. LV—LVI.
19. Именно о такой задаче писал Самарин А. Н. Попову в письме от 5 декабря 1842 г. (САМАРИН Ю. Ф. Соч. Т. 12, с. 99—100).
20. Там же, с. 45—46.
21. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2, с. 382.
22. АННЕНКОВ П. В. Литературные воспоминания. М. 1960, с. 224.

23. КАВЕЛИН К. Д. Собр. соч. Т. 3. СПб. 1899, стб. 1162.
24. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2, с. 382.
25. САМАРИН Ю. Ф. Соч. Т. 12, с. 46.
26. АКСАКОВ И. С. Письма к родным. М. 1988, с. 506—507.
27. ХОМЯКОВ А. С. Собр. соч. Т. 3. М. 1915, с. 459—468.
28. Мне приходилось уже в порядке постановки вопроса ставить на страницах печати проблему. См. мою статью «Славянофилы и славянофильство» («Историк-марксизм» 1941, № 1).
29. ХОМЯКОВ А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М. 1904, с. 170.
30. См. ПЫПИН А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб. 1908, с. 460.
31. П. В. Анненков и его друзья. СПб. 1892, с. 539—540.
32. БЕЛИНСКИЙ В. Г. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 435.
33. Там же, с. 468. «Верующий друг» — М. А. Бакунин.
34. Русский архив, 1910, кн. 3, с. 236.
35. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. Т. 7, с. 248.
36. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти тт. Т. 14. М. 1949, с. 347.
37. Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Пг. 1917, с. 239.
38. Русская старина, 1898, № 3, с. 486.
39. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Эстетика и литературная критика. М. 1984, с. 343.
40. АННЕНКОВ П. В. Литературные воспоминания, с. 271.

Конец эпохи великих держав в европейской политике

К. Цернак

Сегодня широко распространено мнение, что, вступая в девяностые годы нашего столетия, мы приобретаем исторический опыт смены эпох европейской истории. Однако понимание того, о какой эпохе идет речь, очень различно. Чаще всего полагают, что ныне завершается послевоенный период, поскольку преодолен раздел Германии. Во внимание принимается, однако, и более широкая перспектива. Т. М. Говард¹ видит эпохальный поворот в прекращении гонки вооружений, в факторе, который более всех прочих изменил основные критерии мировой политики после 1945 года. Э. Нольте² смотрит еще шире и констатирует конец мировой гражданской войны. Под нею он подразумевает эпоху мировых войн XX в., в то время как еще несколько лет назад считал возможным говорить о медленном течении «холодной войны». Наконец, В. Лепенис³ призывает немцев вспомнить, «что их революционный 1989 год был бы немислим без французской революции 1789 г.» Кроме того, в восточноевропейских революциях получила подтверждение точка зрения Ф. Фюре⁴, согласно которой Великая французская революция являлась провозвестницей русской революции. Всемирный рубеж теперь уже не 1917, а 1989 год!

По-иному может расценить эпохальный поворот конца 80-х годов нашего века специалист по истории европейской государственной системы, особенно если обратит свой взор на треугольник Германия — Польша — Россия. Он увидит конец европейской гегемонии России, завершение эпохи, которая определялась «сокрушительной мощью и всемирно-историческими амбициями России». Без вступления России и русских в «сообщество политизированных народов» (как говорилось в заявлении русского Сената по случаю заключения Ништадского мира 1721 г.)⁵ территориальное государство Бранденбург-Пруссия никогда бы не приобрело своего политического могущества как самая малая из европейских великих держав со всеми последствиями этого факта для отношений, с одной стороны, между немцами и поляками и между поляками и русскими — с другой.

Гегемония России в Европе со времен Петра Великого основывалась на власти над Польшей и ослаблении ее государственности, чего было

Цернак Клаус — профессор, заведующий кафедрой восточноевропейской истории Института Ф. Мейнеке Свободного университета Берлина, автор исследований по проблемам межгосударственных и международных отношений.

невозможно достичь без союзнических отношений с Пруссией. Но и при случавшихся усилении антипрусской позиции в русской гегемонистской политике и при ее колебаниях, как во время Семилетней войны или даже при крушении Германской империи во второй мировой войне, Россия не ослабляла давления на польский суверенитет. Перемены произошли лишь в 1989 году. И их можно назвать эпохальными потому, что с этого момента Россия позволяет Польше суверенно определять свое политическое будущее, и Россия впервые в истории включается в мировой процесс конституционно-государственной демократизации. Уже не автократия или диктатура в соединении с экспансией государственной власти, а сочетание позитивного внутреннего порядка и свободы народов определяет ход вещей во всей Европе, и Россия начинает в этом участвовать.

Образцовый внутренний порядок и свобода народов — это заповедь еще польской конституционной реформы 1791 г., первого в европейской истории конституционного акта, который предшествовал французской конституции сентября того же года. Создатели польской конституции провозгласили: «Каждая нация свободна и независима и имеет право принимать ту форму правления, которую считает для себя наилучшей; никакое иное государство неправомочно вмешиваться в ее устройство — это есть первый и наиважнейший принцип права народа»⁶. Это было написано в 1793 г., когда великие державы на Востоке прореагировали на революционный вызов Запада расколом Европы.

Разделив конституционное государство Польшу, они продемонстрировали тем самым всесилие империй. Тогда оправдались не оптимистические надежды И. Г. Гердера на «весну народов», а мрачные прогнозы графа Гертцберга, который в 1794 г. в связи с разделами Польши писал прусскому королю Фридриху Вильгельму II, что, если Россия будет и дальше расширяться в Европе, то Пруссия погибнет⁷. В 1806 г. так и случилось. Государство, не способное к реформированию, каковым вследствие разделов Польши стала Пруссия, рассыпалось, как карточный домик. И если оно все же выжило, то лишь благодаря гегемонистским амбициям России. Когда решался вопрос о разделе Европы между Францией и Россией — между революцией и кнутом, как тогда говорили, — Александр I не допустил в Тильзите «полного уничтожения Пруссии» и изгнания Гогенцоллернов, как мыслил Наполеон.

Гегемония России, которая свои владения в Польше использовала как плацдарм, могла быть реализована скорее с помощью Пруссии, чем Франции, то есть через сохранение той системы «негативной польской политики», которую Россия и Пруссия вместе создали после 1720 года. При такой перспективе наполеоновская Польша — Княжество Варшавское — являлось «величиной ничтожной», и действия русской дипломатии и русской военной силы преследовали цель восстановить владельческие права Пруссии в Великой Польше. Это было осуществлено на Венском конгрессе в 1815 году. Еще несколько лет назад, до пропагандистских заявлений в период подъема «прусской волны» в ГДР, не возникало даже сомнения в неизбежности и естественности включения Пруссии в систему восточноевропейской гегемонии России. Такая расстановка сил и в сегодняшней историографии принимается как обязательное условие возвышения Пруссии. Более того, достаточно часто это используется для защиты от какой бы то ни было критики.

Историографическую суть дела наилучшим образом представил А. Ранке, в частности, в своем очерке «Великие державы» (1833 г.)⁸. Со времени Северной войны, то есть с начала XVIII в., писал он, «Россия начала диктовать законы на Севере». При этом на всем континенте была нарушена та система, которую незадолго до этого создали Франция и Швеция. Северо-Восточная Европа попала «совсем под иное, не идущее непосредственно от Франции господство; большая нация вступала здесь в новое, собственно европейское развитие». В основе этого суждения Ранке лежат его раздумья о структурах европейской политики. В ней, как показано в его очерке, Россия играла центральную роль.

И в «Девяти книгах прусской истории» (1847 г.) Ранке старается раскрыть «державное» влияние России, ставшее с начала XVIII в. одним из условий, необходимых для возвышения Пруссии. Но при этом, как и всегда у Ранке, на второй план уходят взаимоотношения России и Пруссии на «польской почве». Вместе с тем систематика политических отношений между этими двумя державами хорошо видна. Незамеченными остаются только исторические последствия.

К. Маркс подошел к проблеме по-другому, в частности в своих набросках по польскому вопросу 1864 года⁹. Там, где Ранке видел историческое право великих держав, утверждаемое их способностью силой преодолеть революцию, Маркс апеллировал к праву истории. Его темой были издержки, приносимые этой системой великих держав, подавлявшей процессы социальной модернизации наций. Именно Маркс был критиком приходящей лишь в наши дни к концу эпохи великих держав. Такому Марксу мало уделялось внимания в марксистской историографии главным образом в силу того, что вопрос о негативных исторических последствиях этой эпохи для затронутых ею народов вообще не рассматривался.

Правда, структурно-исторический метод исследования системы держав привел Л. Дехио в его эскизных набросках¹⁰, а также П. Кеннеди в большой монографии¹¹ к значительным достижениям в интерпретации этой проблемы. Они не побоялись критиковать утвердившиеся традиции. Однако и в данном случае внимание не было нацелено на то, чтобы политическую историю соединить с проблемами международных отношений. Начинания такого рода, ставшие не так давно предметом обсуждения в ходе дискуссии немецких и польских историков, порой все еще вызывают подозрения в недооценке якобы железных законов «державной» политики (совсем недавно это вновь обнаружилось¹²). Но дело не столько в том, чтобы подтвердить существование истории великих держав в ее закономерностях, сколько в том, чтобы подвергнуть эту историю в ее эпохальных последствиях историко-критическому анализу. Поэтому речь должна идти о современном исследовании истории системы государств, то есть о структурно-политической истории.

Что значит: Россия в период Северной войны 1700—1721 гг. начала «диктовать законы на Севере»? Война за господствующее положение на Балтийском море, подорвавшая позицию Швеции, в корне изменила взаимоотношения европейских держав. Россия заняла теперь место держав, господствовавших здесь в XVI—XVII вв., — Польши и Швеции — и на долгое время создавала систему своего доминирования в Северо-Восточной и Центральной Европе. При этом еще более эффективным, чем установление определенного контроля над положением в Швеции, явилось включение Речи Посполитой в сферу гегемонии России.

В то время как западные соседи Польши — Пруссия и Австрия — оказались в русле русской политики, Франция, являвшаяся наиболее влиятельной державой на западе континента, уже вскоре после окончания Северной войны стала антиподом гегемонистской системы России. Париж был озабочен тем, чтобы ее «укрепленным позициям» противопоставить управляемый Францией «восточный барьер». Таким образом, упразднение порядка 1617—1648 гг. посредством большой «смены декораций» на Севере привело к формированию системы русской гегемонии. Обеспечение ее гарантий держало в напряжении всю международную политику Европы. Эту систему можно назвать «системой Ништадта», основанной на «негативной польской политике».

Эта система, несмотря на некоторые внутренние сбои, стала определяющим условием как для выживания Пруссии в период Семилетней войны (тогда свершилось чудо, спасшее династию Бранденбургов), так и для такого проявления «негативной польской политики», как первый раздел Польши, приведший к краху Речи Посполитой. Путь системы государств к такому (ценой Польши) разрешению кризиса 1772 г. пролагался под знаком усиления прусско-русского сотрудничества. Но прусско-русские тиски, в которых оказалась шляхетская республика, — эта характерная примета

эпохи — вызвали своеобразное возбуждение энергии политических реформ как единственного шанса выживания Польши. Впервые эта энергия дала о себе знать после гражданской войны — Барской конфедерации, вспыхнувшей в 1768 г. как следствие смыкания интервенции и внутривосточной ситуации и приведшей к первому разделу. И последующие поколения поляков вновь и вновь реагировали на гегемонистский гнет соседних держав ускоренной конституционной работой. В этом противостоянии антагонизм политической культуры Польши и универсалистского деспотизма Европы, переведенный еще Ж.-Ж. Руссо в плоскость философских понятий, становится проблемой целой эпохи.

Тогда, после первого раздела, даже имевшие преимущественно шляхетское происхождение идеологи реформ стремились обосновать новое представление об обществе на основе идеи естественного, а не сословно-исторического права, что соответствовало просветительским намерениям короля Станислава Августа. Это давало духовный рычаг, с помощью которого можно было вызволить шляхетскую республику из «феодалного варварства» (Руссо), не отказываясь от ее идеального значения как типа истинного и верного «государства».

Для анализа эпохи важно рассмотреть деятельность Четырехлетнего сейма и работу над Конституцией 3 Мая 1791 г., чтобы проследить взаимосвязь между польской конституционной реформой и всемирно-историческим поворотом, совершенным Великой Французской революцией¹³. «Великий сейм» собрался 6 октября 1788 г. как очередной, но заседал как конфедерационный, то есть мог принимать решения большинством голосов и был, таким образом, способен заниматься законодательной работой. Такого не случалось в течение 12 предшествующих лет, так как державы-гаранты, наблюдавшие за положением в Польше, заботились, чтобы сеймы были «ординарными», завершавшимися по принципу «единогласия».

Начавшийся же сейм был на этот раз с согласия России конфедеративным. Поэтому казалось возможным осуществить в Польше перемены путем законных реформ. К тому же и внешнеполитическое положение давало полякам надежду: появились симптомы, что прочная прусско-русская солидарность подрывается в 80-е годы XVIII в., в частности вследствие Тешинского мира, который придал России новый вес как державе — гаранту положения в так называемой Священной Римской империи и принудил Австрию к терпимости по отношению к политике Екатерины II в Юго-Восточной Европе. К тому же с осени 1787 г. Россия и Австрия вели совместную войну против Османской империи; летом 1788 г. Швеция, воспользовавшись сложившейся ситуацией, начала с целью реванша военные действия против России. Пруссия и Англия сближаются для союза. Таким образом, Россия и Австрия попадают в явно стесненное положение. Казалось, что все в Европе меняется.

В этой ситуации сторонники реформ и усовершенствования государственного устройства Речи Посполитой не были все же склонны довериться в своих рискованных действиях поддержке Франции, потрясаемой революцией. Напротив, в надежде, что все меняется, они в мае 1790 г. заключили формальный союз со своим западным соседом — Пруссией. Отношение же ее к польскому обновлению с самого начала было неоднозначным. Попытки создания польско-прусского союза оказались в зависимости от характерных для той эпохи различий в позиции этих двух соседних государств. Чтобы не быть уничтоженной в процессе борьбы великих держав за сферы влияния, старосословная Речь Посполитая вынуждена была усилить свой либерально-конституционный потенциал и суверенитет. Пруссия же — наименьшая из великих держав — видела шансы своего возвышения в ослаблении польского соседа. Этим и объясняется индифферентность ее как союзника Речи Посполитой в отношении к политическому обновлению шляхетской республики путем реформаторских усилий Четырехлетнего сейма. Намерение развивать экспансию, а не поддерживать польские реформы, определяло цели «польской политики» Пруссии. Поэтому дипломатический поворот ее от мнимого партнерства с Речью Посполитой не заставил себя долго ждать: летом 1791 г. он стал необратимым.

Из анализа государственно-политических взаимосвязей 1790—1793 гг., в контексте которых прусская политика прокладывала путь от союза с Польшей к ее второму разделу, следует, что Пруссия и Польша не были способны к союзу друг с другом и именно потому, что никакая попытка восстановить барьер против России не могла смягчить ее жесткую гегемонистскую политику, охраны своей «сферы интересов». Здесь-то как раз и ошибался Гертцберг. Оставив службу в 1791 г., но не отойдя от волновавших его проблем, он в июле 1794 г. еще раз обратился к королю с предложением «новой восточной политики», размышляя о том, как Пруссия могла бы предотвратить угрозу рокового третьего раздела Польши.

Для Гертцберга очевидной была дилемма: расширение влияния России в Европе и интересы Пруссии, которым оно совершенно не отвечало. Сохранить же Польшу между Пруссией и Россией теперь можно было только путем мира с Францией. Впрочем, Гертцберг, по-видимому, чувствовал безнадежность своего обращения и смог лишь высказать предостережение по поводу уже заключенного договора о втором разделе: «Вообще право, на основании которого три державы делят между собою Польшу, столь презренно и отвратительно, что станет вечным позорным клеймом на славе трех правителей. Их имена в истории этим очерняются, и я не понимаю, как такое действие соотносится с их совестью и верой»¹⁴.

Система «негативной польской политики», удивительным образом стабилизировавшаяся в период революционного взрыва 1789 г., устояла в конце концов и перед последней попыткой старой Польши путем вооруженного восстания 1794 г. вернуть себе независимость и создать альтернативный союз, направленный против триады, осуществившей разделы. Хотя в ходе революционной мобилизации в Варшаве и Вильно впервые проявился действительно якобинский элемент, и это ощущалось державами как реальная угроза, не могло быть и речи об объединении революционных потенциалов запада и востока Европы. Скорее напротив, военные успехи французской революционной армии в борьбе против Пруссии и Австрии заставляли их отказаться от экспансионистских целей на западе.

Оценка значения битвы при Вальми, данная И. В. Гете, содержит геополитический аспект. Пруссия и Австрия не могли и не хотели продолжать экспансию на запад. Свои устремления они направляли в сторону управляемой Россией интервенции против восставшей Польши, чтобы не допустить здесь еще большего нарушения равновесия в отношениях между державами. Теперь стало очевидным, насколько верным было высказанное еще в 1772 г. суждение (его, вероятно, можно приписать Э. Бёрку), что первый раздел Польши был «первой очень большой брешью в политической системе Европы»¹⁵.

То обстоятельство, что самая малая из великих держав всегда чувствовала узы, связывавшие ее с системой держав, и, конкретно, свою зависимость от «негативной польской политики», делает очень значимым понимание роли Пруссии для выяснения всемирно-исторической связи между Великой французской революцией и разделами Польши. С начала XVIII в. на протяжении длительного времени государственность Пруссии развивалась под влиянием специфической восточной политики. Государственно-политические обоснования положения Пруссии имели при этом больший исторический вес, чем действия реформаторских сил, которые после революции на Западе, произросли на почве просвещенческой политики государства.

Если бы и эти силы стали в такой же мере определяющим фактором развития Пруссии, это оказало бы влияние и на восточный аспект ее имперской политики. Тогда, возможно, в 1795—1806/7 гг., после завершения экспансионистской борьбы, мог бы быть развит реформистский потенциал, имевшийся в большей части прусского государства, а значит и потенциал Конституции 3 Мая. До этого дело дошло разве что в отдельных начинаниях, которые можно проследить в области образования и сословного самоуправления¹⁶. Жизнеспособным оказалось не реформаторски слабое государство, рухнувшее в 1806 г., а союз с империями, возникший на

основе разделов Польши. Он проявил способность к возрождению, как только революция в лице Наполеона решительно поставила под вопрос само его существование.

Таким образом, «негативная польская политика» XVIII в. оставалась и в системе 1815 г. фундаментом, поддерживавшим соотношение имперских сил в Восточной Европе вплоть до кануна первой мировой войны. Прусско-русское силовое «согласие» смогло выстоять под напором либеральных и демократических освободительных движений угнетаемых наций во время революционных кризисов 1830, 1848 и 1863 г. потому, что оно последовательно подкреплялось союзом, направленным против восстановления независимой Польши, то есть той Польши, которая, по мнению деятелей национального движения, могла существовать только в границах 1772 года. Расчленение Польши должно было по «системе Меттерниха» задержать все попытки социальной модернизации неимперских народов Центральной и Восточной Европы.

Уже И. Г. Гердер в «Славянской главе» своих «Идей к философии истории человечества» сумел закономерным образом вывести антагонизм угнетающих (имперских) и угнетенных (борющихся за независимость) наций, столь характерный для XIX в., из конфликта между абсолютизмом и движением республиканского либерализма в условиях Старого порядка. Историческая парадигма этого противостояния в XIX в. рассматривается в современной историографии также в связи с «функциональным изменением национализма». Пруссия и Россия, с одной стороны, и Польша — с другой, логично оказались в ходе этого процесса на разных берегах: национальная общность Польши смогла при этом сохранить «предмартовскую» сущность своего национализма как идеологии освободительного движения, а в великих державах элита сформировала тот великорусский и, соответственно, прусско-германский имперский национализм, который во второй половине XIX в. (в Пруссии — после 1848 г., а в России — после 1864 г.) значительно укрепился в своих интеграционных устремлениях, наблюдавшихся в обеих империях.

Старания партнеров по антипольскому союзу нацелить мощь имперского государства против взрывной силы «малых народов» не были всегда успешными, хотя Пруссия при этом приобрела ранг покровителя «малогерманского» национального государства. В условиях такой двойной стратегии пригодной оказалась политика О. Бисмарка: подавляя национальные движения на территории прусско-русского «согласия», поддерживать союзническую благосклонность России в отношении германской национальной империи. Связанная с этим и возведенная в квадрат «негативная польская политика» оставила глубокий след в политическом менталитете обеих наций.

Но речь шла уже не только о Польше, а вообще о подавлении национальных движений в обеих империях. Ведь Бисмарк свою русскую политику строил, конечно же, исходя из существования Российской империи, а значит, и ее русификаторской политики в Прибалтике. И в 1864 г. во время войны за Шлезвиг-Гольштейн Россия была готова отблагодарить Пруссию за осуществление ею при заключении конвенции в Альвенслебене в 1863 г. дипломатическое тыловое прикрытие военной мобилизацией на финской границе, направленной против скандинавских выступлений в защиту оказавшейся под угрозой Дании¹⁷.

С созданием и упрочением Германской империи произошла окончательная кристаллизация империалистической системы господства над угнетаемыми народами. И это не могло не дать о себе знать: Пруссия за всю историю своего так называемого восхождения к империи, будучи способной на успешную модернизацию в индустриальной, административной, правовой и культурной областях, никогда не была в состоянии основательно пересмотреть традиционализм своей восточноевропейской политики, которая через союз ради разделов Польши привела к своеобразной взаимосвязи с Россией. Об альтернативе — союзе свободной Польши с Германской империей, — если и шла порой речь, то лишь в порядке теоретизирования.

Приоритетным оставался принцип: только союз на основе разделов Польши может обуздать амбиции России в отношении Центральной Европы, являвшейся с XVIII в. «полосой обеспечения» русской гегемонии.

Преемники Бисмарка отказались от главной великодержавной цели — сооружения плотины против прирученной благодаря этому союзу царской империи, что со времени первого раздела Польши всегда ставилось в центр политики Пруссии в отношении России. Однако при этом «негативная польская политика», теперь ставшая, по сути, несостоятельной, не была заменена конструктивной. В политическом менталитете прусской властной элиты сохранялось тяготение к России как верной опоре. Длительное нагнетание негативного отношения к Польше как в Пруссии, так и в России было преодолено, в конечном счете, в результате кризисов и перемен в их отношениях.

Но даже после свержения Гогенцоллернов и Романовых и восстановления в 1918 — 1919 гг. Польши не произошло никаких существенных перемен в отношении держав к Польше. Ведь даже демократическая Веймарская республика свою польскую политику основывала на прусской традиции и, соответственно, на совместных действиях с советской Россией. Обе державы — и Германия, и Россия — не желали мириться с границами Польши. Хотя на западе они приблизительно соответствовали той линии, которая в предыдущие столетия (с 1466 по 1772 г.) оставалась стабильной, в Веймарской республике говорили о «кровавой границе» на востоке ¹⁸.

Обеим державам, лишенным прав и «деклассированным» Версальской системой, было, конечно, трудно понять, в чем заключалось положительное значение возникшего соотношения государств. Обе державы видели, что попытки создать новую основу европейского общежития при полном равноправии больших и малых народов делалась прежде всего за их счет. И поэтому они возвращались к своим традиционным концепциям, в частности в своем отношении к Польше. Вопрос, когда Германия и Россия смогут совместно реализовать свой антипольский реваншизм, стал, по сути, вопросом соответствующей конъюнктуры в политике европейских держав.

Французский посол в СССР Р. Кулондр пишет в своих мемуарах ¹⁹ о политических настроениях в Москве после заключения Мюнхенского договора в сентябре 1938 года. Тогда заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкин комментировал ситуацию следующим образом: решение западных держав якобы не оставляло Советскому Союзу иного выхода, как пойти на четвертый раздел Польши. На самом деле центр мирового коммунизма очень скоро предпринял другой шаг в польской политике: осенью 1938 г. Коминтерном была распущена Коммунистическая партия Польши. Встать на сторону Сталина в его антипольской политике представлялось Гитлеру соблазнительным вариантом, хотя до поры до времени он, казалось бы, и стремился к компромиссу в отношениях с Польшей. Но теперь он в свои планы развязывания войны включил и Польшу. И оказалось, что шлюзы для прежнего антиполонизма в Германии открыты.

Поляки вновь были взяты в клещи «негативной польской политики» двух соседних держав. Версальская система оказалась лишь эпизодом ²⁰. Для нации, первой пострадавшей в результате гитлеровской агрессии, вряд ли могло иметь значение то обстоятельство, что политика Гитлера являлась восстановлением прежней прусской и прусско-германской «восточной политики». Так или иначе был продолжен дележ Польши, то есть прежняя система великих держав в Восточной и Центральной Европе все еще функционировала.

Однако нападение Гитлера на Советский Союз свидетельствовало уже о конце этой прусской традиции в германской «восточной политике». При этом Польше впервые за более чем 200 лет предоставился шанс не только освободиться от прусско-русских тисков, но и в союзе с Россией раз и навсегда покончить со смертельной угрозой с запада. В этом случае значительная напряженность и тяготы отношений со сталинским Советским Союзом представлялись терпимыми. Что касается целей такого союза, то

здесь была и определенная общность интересов: Пруссию как носительницу извечного германского «Дранг нах Остен» следовало уничтожить не только посредством отсечения от нее провинций к востоку от рек Одер и Нейсе, но и вообще ликвидировать как государство.

Реакция польской общественности на эти события показала, что находящаяся все еще под смертельной угрозой нация вносит в контекст своего исторического самосознания все, что для Польши связывалось с сентябрем 1939 г. и его последствиями. Здесь сконцентрировался опыт многих поколений поляков, испытавших политику разделов на ее разных этапах. Теперь в этой истории страданий Польши наступала справедливая развязка: конец Пруссии и раздел Германии исцеляли ее рану и давали гарантию спасенному государству²¹.

Большая волна ненависти к Пруссии, поднявшаяся тогда, определяла почти все заявления и действия относительно побежденной Германии. Эта ненависть нашла отражение в выселении немцев из восточных прусских провинций. Но при всей жестокости этой акции в ней нельзя не увидеть рациональное зерно, если речь идет о будущем Польши. Имея собственный исторический опыт, включавший непримиримость к национальным меньшинствам, поляки только при этнической однородности государства могли обезопасить себя от возможности возрождения «негативной польской политики» своих соседей. Из них — один СССР был теперь на стороне поляков, и это являлось новым обстоятельством.

Правда, для Советского Союза в связи с германским вопросом на карту было поставлено больше, чем просто гарантии для польских жизненных интересов. Воздействие его на послевоенную Польшу должно было очень скоро показать, что советско-польский союз толковался в Москве в прежнем, гегемонистском смысле. Частичные элементы «негативной польской политики», а именно ограничение суверенитета, вмешательство во внутренние дела сохранялись, хотя и без внешних тисков, в которых держала Польшу старая система. Однако осмысление многими поколениями преемственности в поведении соседних держав сделало историко-политическое самосознание польской нации достаточно чувствительным к элементам традиции в европейской политике. Неизбежно возникало подозрение, что и в сталинской империи продолжают действовать элементы старой царской политики, нацеленной на создание в Центральной и Восточной Европе «полосы обеспечения» своих интересов. И даже невольное отвлечение поляков фактом приобретения и присоединения западных земель не должно здесь, как мы сегодня знаем, вводить в заблуждение. Позже, когда структуры советской империи в восточной Европе стали укрепляться, польские коммунисты стремились обратить антирусские компоненты в национальном самосознании против Германии (подразумевая под нею ФРГ).

Наиболее чувствительным пунктом в польско-немецких отношениях в послевоенный период была граница по рекам Одер и Нейсе — зримая примета ликвидации Пруссии. Усердная работа по созданию в лице ФРГ образа врага, включение ее в цепь непреодолимой прусской преемственности, облегчалась и была убедительной благодаря тому, что ФРГ долго упорствовала в своей политике непризнания западной границы Польши. Только в 70-е годы вследствие «восточной политики», начатой правительством Брандта — Шееля, этот мотив в настроениях поляков стал терять свою силу. Но он постоянно возрождается, когда публицисты или политики ФРГ пускаются в теоретические разговоры с абстрактными суждениями о праве. И поскольку до недавнего времени советское влияние на внутреннее положение в Польше тоже сохранялось, поляков все еще преследует страх перед возрождением антипольского духа времен Бисмарка. «Пост»-период в истории «негативной польской политики» великих держав все еще не был закончен.

Но 1989 год положил начало переменам. В этом его эпохальный характер. Впервые с 1709 г. открылась перспектива не ставить свободу Польши в зависимость от прусско-германских либо русских (советских) гегемонистских устремлений. Ясно, что теперь преодолен осуществленный

Россией и Пруссией раздел Европы на стремящийся к эмансипации Запад и находящийся под гегемонистским гнетом Восток. Впервые после возникновения великих держав поляки, а вместе с ними и другие нации Центральной и Восточной Европы, свободны в своих решениях. Представления Вильсона 1918 г. и Черчилля 1946 г., что свобода народов не может зависеть от размеров и мощи их национальных государств, кажется, наконец, осуществляются.

В событиях 1989 г. реализовалось то, что наметилось в середине 80-х годов: категории международной политики стали другими. П. Кеннеди в своем анализе новой истории великих держав нисходящие фазы их развития объяснил испытываемой многими поколениями огромной нагрузкой, связанной с гонкой вооружений. М. Говард показывает, как меняется международная политика при устранении главенства гонки вооружений. На первый план выступают категории иного порядка: удовлетворение стремлений к социальной и национальной эмансипации, их конституционные гарантии, свобода передвижения, право на образование, связь экономики и экологии, наконец, путь к миру третьего тысячелетия.

России впервые после первой «перестройки» при Петре Великом надлежит участвовать в этих переменах в гармонии со всей Европой, а не с позиций мировой державы, расположенной на краю этого континента. Равным образом и Германия с существованием федеративной республики между Рейном и Одером также не может более практически исходить из преемственности имперской политики. Определение ее в качестве цели ФРГ было до 1970 г. ошибкой западногерманских политиков, а постановка этой преемственности под вопрос, может быть, единственным достойным упоминания достижением ГДР.

Итак, завершается эпоха, когда Россия (как и Советский Союз) могла «диктовать законы на Севере», то есть в Восточной Европе. Под какой бы угрозой ни находились реформы в этой части континента с их общеевропейскими последствиями (обретением свободы народами бывших Советского Союза и социалистических стран Центральной Европы), одно совершенно ясно: стремление народов к самоопределению, к лучшему внутреннему устройству, свободному передвижению вне своих границ стоит на повестке дня. Переживает ли Европа новую «Весну народов»? В отличие от 1919 г., когда над либеральной демократией (в том числе и в Центральной Европе) нависла опасность, поскольку разгромленные империи не захотели примириться с новой реальностью — существованием национальных государств, в 1989 г. система великих держав исчезла. Шансы на восстановление преемственности с 1848 годом велики ²². И сегодня, после 1989 г., следует пересмотреть опрометчивый приговор Маркса, что могильщики революции 1848 г. будут ее же душеприказчиками. Европа, а с нею Россия и Германия вступили в завершающую фазу революции нового времени.

Примечания

1. HOWARD M. 1989 — eine neue Zeitwende? Europa-Archiv 14, 1989.
2. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.II.1990.
3. Ibid., 24.II.1990.
4. FURET F. 1789 — 1917: Rückfahrkarte.— Europäische Revue, 1991, 1.
5. DOERRIES H. Rußlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Großen. Königsberg — Brl. 1939, S. 97f.
6. KOŃĄ TAJ H., POTOCKI J., DMOCHOWSKI F. K. O ustanowieniu i upadku Konstytucji Trzeciego Maja. Metz. 1793.
7. Staatsarchiv Darmstadt E I M: 91/1—3. Выражаю признательность Х. Шульце (Мюнхен), ознакомившему меня с письмом Герцберга.
8. Цит. по: «Vandenhoeck-Reihe», Göttingen, 1955.
9. MARX K. Manuskripte über die polnische Frage. Amsterdam. 1961.
10. DEHIO L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld. 1948; e j u s d. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München. 1955.

11. KENNEDY P. Aufstieg und Fall der Großen Mächte. Frankfurt a. M. 1989.
12. SCHOLLGEN G. Sicherheit durch Expansion? — *Historisches Jahrbuch* 1984, 104, S. 43f.
13. KOCÓJ H. Wielka Rewolucja Francuska a Polska. Warszawa. 1987; etc.
14. Staatsarchiv Darmstadt. E 1 M: 91/1—3.
15. Annual Register von 1772; GROH D. Rußland im Blick Europas. Frankfurt a.M. 1988, S. 74.
16. Сколько ограниченными были эти начинания в системе образования показано в: JEISMANN K. E. Bildungsreform in Deutschland als staatliche Maßnahme und sozialer Prozeß.— *Polen und Deutschland im Zeitalter der Aufklärung*. Braunschweig. 1981.
17. Восточноевропейский контекст политики Бисмарка на пути к созданию империи представлен Х. Верещицким (WERESZYCKI H. *Sojusz trzech Cesarzy*. Warszawa. 1965); см. также: HILLGRÜBER A. *Bismarcks Außenpolitik*. Freiburg. 1979; REXHÄUSER R., RUFFMANN K.—H. Rußland und die staatliche Einheit Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert.— *Aus Politik und Zeitgeschichte B* 9/82, 6. März 1982.
18. BROZAT M. *Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik*. Frankfurt a.M. 1972, S. 213f.; *Die deutsch-polnischen Beziehungen 1919—1932*. Braunschweig. 1985, S. 22f.
19. COULONDRE R. *Von Moskau nach Berlin 1936—1939*. Bonn. 1950. S. 239f.
20. Подробнее об этом в материалах конференции: «1939. An der Schwelle zum Weltkrieg». Brl. 1990. S. 259f.
21. LAWATY A. *Das Ende Preußens in polnischer Sicht*. Brl. 1986, S. 103 f.; DMITRÓW E. *Niemcy i okupacja hitlerowska w oczach polaków*. Warszawa. 1987.
22. DAHRENDORF R. *Betrachtungen über die Revolution in Europa in einem Brief, der an einen Herrn in Warschau gerichtet ist* 1990. Stuttgart. 1990; см. также статьи в журнале «Transit» (Hf. 1. 1990) по теме: «Восточная Европа: переход к демократии?».

Елизавета Петровна

В. П. Наумов

*«Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет»,—*

четверостишие А. К. Толстого из «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» как нельзя более точно отражает широко распространенное представление о дочери Петра Великого. Танцы и наряды царицы на фоне произвола фаворитов и упадка государственных дел — вот хрестоматийная картина правления Елизаветы Петровны, которое в большинстве обобщающих трудов по отечественной истории почти полностью теряется среди политических бурь так называемой эпохи дворцовых переворотов. Между тем, елизаветинское царствование ознаменовало собой двадцатилетие в жизни России, которое при ближайшем рассмотрении оказывается важной страницей ее прошлого.

Елизавета, дочь Петра I и бывшей лифляндской крестьянки Марты Скавронской (после перехода в православие — Екатерины Алексеевны) родилась 18 декабря 1709 г. в селе Коломенском под Москвой. Брачные отношения Петра I и Екатерины в момент рождения Елизаветы еще не были официально оформлены, что впоследствии повлияло на судьбу Елизаветы. Вместе со старшей сестрой Анной она воспитывалась под присмотром «мамушек» и кормилиц из простолюдовья, благодаря чему с младенчества знала и любила русские обычаи. Примерно с 1716 г. к воспитанию царевен были привлечены гувернантки из Франции и Италии, лифляндец — учитель немецкого языка и француз-танцмейстер. По справедливому замечанию В. О. Ключевского, «Елизавета попала между двумя встречными культурными течениями, воспитывалась среди новых европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины»¹. Однако «иноземное» воспитание преобладало: царевен учили главным образом иностранным языкам, танцам и придворному этикету. Необходимость этих знаний и навыков для дочерей Петра I обуславливалась тем, что их готовили к вступлению в брак с представителями европейских династий. Елизавету отец намеревался выдать замуж за французского короля Людовика XV или какого-нибудь принца из рода Бурбонов, но длительные переговоры по этому вопросу не увенчались успехом.

Современники отмечали, что Елизавета в совершенстве знала французский и немецкий языки, понимала итальянский, шведский и финский. Обучение танцам также не прошло даром, и будущая императрица танцевала лучше всех в Петербурге. Но в целом образование дочерей Петра

Наумов Виктор Петрович - кандидат исторических наук, ведущий архивист Государственного архива Российской Федерации.

имело поверхностный характер. Д. В. Волков, находившийся в 1756—1762 гг. в непосредственной близости к верховной власти, отмечал: Елизавета Петровна «не знала, что Великобритания есть остров»². В возрасте не старше восьми лет Елизавета обучилась грамоте и в конце 1717 г. порадовала своим письмом отца, о чем известно из его ответного письма³. За тот же год сохранилось первое письмо Анны и Елизаветы, хотя не собственноручное, но с подписями царевен. Оно было адресовано А. Д. Меншикову, которого девочки просили распорядиться о помиловании одной женщины, подвергнутой медленной и мучительной казни — закапыванию по горло в землю. Анна и Елизавета писали, что она «закопана уже ныне немалое время и при самом часе смерти ее» и просили «ее от той смерти... освободить и отослать в монастырь»⁴. Первый известный документ за подписью Елизаветы свидетельствует, таким образом, о ее милосердии.

1717 год отмечен также первым упоминанием о красоте дочери царя, а в 12-летнем возрасте Елизавета очаровала прибывшего в Россию Б.-Х. Миниха. Впоследствии знаменитый фельдмаршал вспоминал, что «еще в самой нежной юности... она была уже, несмотря на излишнюю дородность, прекрасно сложена, очень хороша собой и полна здоровья и живости. Она ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом могли поспевать за нею; она смело ездил верхом и не боялась воды». Позже жена английского резидента в Петербурге К. Рондо столь же высоко оценила внешние данные дочери Петра I: «Принцесса Елизавета... красавица. Она очень бела; у нее не слишком темные волосы, большие и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она расположена к полноте, но очень мила и танцует так хорошо, как я еще никогда не видывала»⁵.

По оценкам современников, характер Елизаветы соответствовал ее внешности. Знавшие ее люди утверждали, что она «чрезвычайно веселого нрава», «в обращении ее много ума и приятности», царевна «обходится со всеми вежливо, но ненавидит придворные церемонии», она «грациозна и очень кокетлива, но фальшива, честолюбива и имеет слишком нежное сердце»⁶. Последняя фраза означает, что Елизавета влюбчива и умеет притворяться. Важнее здесь указание на честолюбие царевны, поскольку это свойство характера в немалой степени предопределило ее жизненный путь.

В августе 1721 г. Петр I принял императорский титул, после чего Анна и Елизавета стали именоваться «цесаревнами». Этот титул отделял детей Петра I от других членов дома Романовых. Петр, сын казненного царевича Алексея, назывался только великим князем, а племянница Петра I Анна Ивановна — царевной.

Смерть Петра I 28 января 1725 г. не разрушила счастливого мира Елизаветы, поскольку на престол вступила ее мать Екатерина I. Вскоре ее старшая сестра Анна была выдана за герцога Голштинского Карла-Фридриха. Екатерина страстно любила дочерей, и после замужества старшей младшая находилась при ней безотлучно. Имеется много упоминаний о том, что Елизавета читала своей полуграмотной матери государственные бумаги и даже подписывала вместо нее указы. Известно также, что при Екатерине I Елизавета пользовалась определенным влиянием. В июне 1725 г. астраханский генерал-губернатор А. П. Волынский умолял цесаревну ходатайствовать перед императрицей об улаживании его служебных дел⁷.

Впрочем, государственные проблемы вряд ли обременяли 17-летнюю красавицу, которая блистала на ассамблеях и являлась, по общему признанию, царицей балов. Некоторые вельможи открыто осуждали ее за излишнее пристрастие к танцам и ветреность характера. Однако часть сановников относилась к Елизавете весьма серьезно. Более других проявляли к ней внимание люди, участвовавшие в расправе над царевичем Алексеем и опасавшиеся мести со стороны его сына, которого «полудержавный властелин» Меншиков прочил в наследники престола. Во время смертельной болезни Екатерины I в апреле 1727 г. член Верховного тайного совета П. А. Толстой и его единомышленники выражали желание, чтобы императрица «изволила учинить наследницею дочь свою Елисавету Петровну»⁸.

6 мая 1727 г. Екатерина I умерла. Ходили слухи о том, что за несколько

дней до своей кончины она действительно намеревалась передать престол Елизавете, однако последняя воля императрицы была выражена иначе. Согласно ее завещанию («Тестаменту»), престол наследовал внук Петра I 11-летний Петр II. До совершеннолетия юного императора над ним устанавливалось регентство из девяти персон, в число которых входили Анна Петровна с супругом, Елизавета, а также Меншиков и другие члены Верховного тайного совета. «Тестамент» установил также порядок дальнейшего наследования российского трона. В случае смерти Петра II без потомства престол завещался Анне Петровне и ее детям; если же и они скончаются без продолжения рода, трон должна унаследовать Елизавета⁹. При таком порядке шансы ее на получение российской короны были невелики.

Деятельность Анны и Елизаветы в качестве членов регенства была непродолжительна. Сестры подписали только один протокол Верховного тайного совета от 15 мая 1727 г., причем в этом документе речь шла всего лишь о передаче казенного дома в частное владение¹⁰. Реальным правителем при малолетнем царе стал Меншиков, который постарался отстранить дочерей Петра I от дел. Интриги «светлейшего» против Анны Петровны и ее мужа вынудили их 5 августа 1727 г. покинуть Россию.

После отъезда сестры Елизавета, по удачному выражению М. И. Семевского, «осталась одна посреди обольщений света»¹¹. Но у нее не было еще оснований роптать на судьбу. «Царственный отрок», не по годам развитый физически и умственно, влюбился в свою очаровательную тетку, которая была всего на шесть лет старше его. Елизавета верховодила в разбитной компании юного царя и заставляла молодежь хохотать до упаду, передразнивая и изображая в лицах членов высшего общества. При этом она не щадила даже близких людей, например, своего зятя герцога Голштинского. 10 января 1728 г. один из современников писал: «Русские боятся большой власти, которую имеет над царем принцесса Елизавета: ум, красота и честолюбие ее пугают их, поэтому им хочется удалить ее, выдав ее замуж»¹². Однако подходящего жениха найти не удавалось, да и сама Елизавета не выказывала склонности к вступлению в брак. Она веселилась в обществе императора, который все более к ней привязывался.

В начале августа 1728 г. английский резидент К. Рондо сообщил в Лондон: «Принцесса Елизавета теперь в большом фаворе. Она очень красива и любит всё то, что любит царь: танцы, охоту, которая ее главная страсть... Эта принцесса пока не вмешивается в дела государства, так как всецело отдается удовольствиям, она сопровождает молодого царя всюду, где бы он ни показался»¹³. Информация Рондо к моменту ее передачи устарела, поскольку как раз тогда при дворе заметили неожиданное охлаждение Петра II к Елизавете. Этому в немалой степени способствовали интриги князей Долгоруких, стремившихся женить императора на девице из их рода. Кроме того, юный царь имел веские причины для ревности, поскольку цесаревна всерьез увлеклась генерал-майором А. Б. Бутурлиным. С этого времени Петр II начал выказывать своей тетке знаки явного нерасположения.

В следующем году Петр II обручился с Екатериной Долгорукой, Бутурлин был отправлен на Украину к армии, а Елизавета удалась от двора и поселилась в своей вотчине — Александровой слободе под Москвой. Здесь она проводила дни, охотясь на зайцев и тетеревов в компании нового фаворита гвардейца А. Я. Шубина. Вечера цесаревна коротала в обществе слободских девушек, с которыми пела народные песни, а в праздники «бойко и мастерски отделявала с ними все русские пляски»¹⁴. Она не гнушалась простыми людьми и любила свой народ.

После неожиданной смерти Петра II 19 января 1730 г. Елизавета в соответствии с «Тестаментом» оказалась законной наследницей престола, поскольку ее сестра Анна отреклась за себя и своих потомков от прав на российскую корону. Однако Верховный тайный совет, решавший вопрос о престолонаследии, признав Елизавету незаконнорожденной, отказал ей в правах на престол. Председательствующий на заседании верховников

Д. М. Голицын объявил, что после смерти Петра II «фамилия царя Петра Первого угасла», и эта речь не встретила возражений. После долгих дискуссий решено было «пригласить на царство» племянницу Петра I — вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Ивановну.

Французский резидент Маньян сообщал своему двору, что «принцесса Елизавета в этом случае не выказала себя ни с какой стороны. Она тогда развлекалась в деревне, и было даже невозможно тем, которые старались здесь в ее пользу, упросить ее, чтобы она явилась в виду таких обстоятельств в Москву»¹⁵. К.-Г. Манштейн утверждал, что личный врач и друг Елизаветы И.-Г. Лесток уговаривал ее «собрать гвардию, показаться народу, ехать в Сенат и там предъявить свои права на корону. Но она никак не соглашалась выйти из своей спальни». Мемуарист полагал, что «в то время она предпочитала удовольствия славе царствовать»¹⁶. Но вероятнее, ей тогда просто не хватило смелости для столь решительного шага. Кроме того, в то время цесаревна была больна.

Елизавета прибыла в столицу лишь после коронации Анны Ивановны и поздравила свою двоюродную сестру со вступлением на престол. С этого времени цесаревна вступила в самое мрачное десятилетие своей жизни. Новая императрица не любила кухню и всегда чувствовала в ней потенциальную опасность для своей власти. Елизавете было установлено годовое содержание в 30 тыс. руб., тогда как при Екатерине I и Петре II она получала по 100 тысяч. Тяжелейшим ударом для нее стала ссылка в 1731 г. Шубина, которого она, по-видимому, очень любила. Елизавета вновь удалась в Александрову слободу, но теперь здесь не стало прежнего веселья. Цесаревна искала утешения в религии, ежедневно посещая богослужения в Успенском девичьем монастыре и занимаясь чтением духовных книг. Впрочем, обращение к православию могло являться для нее и средством самозащиты, проявлением покорности императрице, поскольку Анна Ивановна хотела постричь Елизавету в монахини. Цесаревну спасло только заступничество всеильного Э.-И. Бирона. Впоследствии Елизавета признавала, что многим ему обязана.

Скорбь цесаревны по поводу утраты Шубина оказалась все же непродолжительна. Вскоре ее сердце надолго завоевал А. Г. Разумовский — малороссийский казак, оказавшийся при дворе цесаревны благодаря своему голосу. Являясь церковным певчим в одном из черниговских сел, он был замечен полковником Ф. С. Вишневым и привезен в Петербург в придворную капеллу, где привлек внимание Елизаветы. Существует версия, что после вступления на престол она была с ним тайно обвенчана. Утешение в личной жизни не восполняло постоянных огорчений, испытываемых цесаревной. Елизавете грозил монастырь или насильственный брак «с таким принцем... от которого никогда никакого опасение быть не может»¹⁷, то есть с представителем какого-нибудь захудалого рода. Цесаревна не имела права являться к императрице без предварительной просьбы или специального приглашения. Ей было запрещено устраивать у себя ассамблеи. Она была стеснена в материальном отношении. Н. Н. Фирсов не без основания замечает, что «это личное неудовольствие было самым главным побуждением честолюбивой цесаревны воспользоваться при первом удобном случае своими правами на престол»¹⁸.

Умершая 17 октября 1740 г. Анна Ивановна назначила наследником трона своего внучатого племянника Ивана Антоновича, которому было всего два месяца от роду. Регентом стал Бирон, однако его правление продлилось всего три недели. Свергнувший Бирона фельдмаршал Миних передал власть Анне Леопольдовне — племяннице Анны Ивановны и матери Ивана Антоновича. Новая правительница относилась к Елизавете с симпатией, но та вряд ли платила ей взаимностью. Вероятно, мысль о вступлении на престол уже не покидала цесаревну, которая, по замечанию английского посла, была уже в то время «очень популярна и сама по себе, и в качестве дочери Петра Первого, память которого становилась все дороже и дороже русскому народу». Екатерина II утверждает, что во время

поездок Елизаветы по Петербургу «ей кричали, чтобы она вступила на престол своих предков»¹⁹.

В период тяжелого для народа царствования Анны Ивановны широкие слои русского общества утвердились во мнении, что все беды происходят от захвата власти «иноземцами». Но если сама императрица была русской, то полунемка Анна Леопольдовна со своим супругом принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейгским являлись в глазах народа иностранцами, несправедливо правящими Россией от имени младенца-императора. Массовые симпатии оказались на стороне Елизаветы — «русской сердцем и по обычаям»²⁰.

Центром движения в пользу дочери Петра I стали казармы гвардейского Преображенского полка. По данным Е. В. Анисимова, основная часть участников возведения на престол Елизаветы происходила из податных сословий и могла выражать патриотические настроения широких слоев столичного населения²¹. Немало потрудились для завоевания симпатий гвардейцев и сама цесаревна. Она часто проводила время в казармах «без этикета и церемоний», одаривала гвардейцев деньгами и крестила их детей. Солдаты не называли ее иначе, как «матушка». Нити заговора не распространялись в сердце высшего общества, и круг сторонников Елизаветы ограничивался в основном «кавалерами» ее двора. В подготовке переворота участвовали Лесток и Разумовский, а также братья А. И. и П. И. Шуваловы и М. И. Воронцов. Руководителями заговора являлись Лесток и сама Елизавета.

Однако были и другие лица, заинтересованные в возведении дочери Петра I на престол. Прибывший в Петербург в декабре 1739 г. французский посол И.-Ж. де-ла-Шетарди имел секретную инструкцию, в которой ему предписывалось разыскивать тайных сторонников Елизаветы. Французская дипломатия надеялась путем переворота изменить внешнеполитическую ориентацию России, поскольку та в это время была в союзе с враждебными Франции Англией и Австрией. Кроме того, традиционной целью французской политики являлось ослабление России и недопущение ее к вмешательству в европейские дела. Лучшим способом для этого представлялся переворот в пользу Елизаветы, которая, как казалось, «по образу жизни и привычкам была не прочь вернуться к Руси допетровской и не любила иноземцев»²².

Шетарди вошел в близкие отношения с Елизаветой и Лестоком и выделил заговорщикам 2 тыс. червонцев. Сумма была незначительна, но все же несколько облегчила финансовые трудности цесаревны, которая для подарков гвардейцам даже удержала жалованье своим придворным. Союзником Шетарди в подготовке переворота стал шведский посланник Э.-М. Нолькен. Шетарди убеждал шведов начать войну против России и возвести Елизавету на престол с помощью шведского оружия. В благодарность за помощь Швеция рассчитывала вернуть прибалтийские территории, перешедшие к России по Ништадскому миру 1721 года.

В тайных переговорах с иностранными дипломатами Елизавета проявила себя тонким политиком. Она с благодарностью соглашалась принять помощь Швеции, но не давала никаких твердых обязательств. Попытки Нолькена и Шетарди получить подписанный ею документ с гарантией территориальных уступок не увенчались успехом. П. И. Панин отмечал впоследствии, что «Елисавета не согласилась дать письменного обещания, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумаге столь важную тайну, и настояла, дабы во всем положились на слово ее. Последствия показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукавого француза и ослепила шведов»²³.

В июле 1741 г. Швеция объявила России войну, указав в качестве одной из ее причин «устранение царевны Елизаветы и герцога Голштинского (сына Анны Петровны) от русского престола и власть, которую иностранцы захватили над русской нацией»²⁴. Шведы, потерпев поражение в Северной войне, вынашивали идею военного реванша еще с 1727 года. В планы шведской правящей верхушки входило отторжение Петербурга

и завоевание северных земель России вплоть до Архангельска. Однако военные действия складывались для шведов крайне неудачно, и им приходилось рассчитывать лишь на ослабление России в результате внутренней смуты, которую мог вызвать переворот. Тем временем гвардия уже настроилась на решительные действия. В июне 1741 г. несколько гвардейцев встретили Елизавету в Летнем саду и сказали ей: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний». Она ответила им: «Разойдитесь, ведите себя смиренно: минута действовать еще не наступила. Я вас велю предупредить»²⁵.

Час переворота пробил неожиданно. Планы заговора были раскрыты австрийским и английским дипломатами, которые уведомили Анну Леопольдовну о грозящей ей опасности. Добрая и простодушная правительница вечером 23 ноября чистосердечно рассказала Елизавете о подозрениях иностранных послов и потребовала объяснений. Цесаревна, проявив выдержку и хладнокровие, назвала обвинения в свой адрес клеветой, а доверие к ним — безрассудством, и даже заявила, что «слишком религиозна, чтобы нарушить данную ею присягу»²⁶. Объяснение двух женщин закончилось слезами и объятиями. Вернувшись домой, Елизавета собрала своих сторонников на совещание, на котором ввиду явной опасности из-за раскрытия планов заговора было решено произвести переворот вечером следующего дня. Предусмотрительность этого шага подтвердилась, поскольку на другой день гвардейские полки получили приказ выступить из Петербурга на войну со шведами.

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета прибыла в казарму гренадерской роты Преображенского полка и обратилась к своим приверженцам: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!» Гвардейцы отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех убьем». Елизавета возразила: «Если вы хотите поступать таким образом, то я не пойду с вами». Понимая, что ненависть ее сторонников обращена против иностранцев, она сразу же объявила, что «берет всех этих иноземцев под свое особое покровительство»²⁷. Переворот был совершен без пролития крови и без участия Шетарди.

Утром 25 ноября 1741 г. был опубликован манифест, в котором провозглашалось, что Елизавета Петровна вступила на престол «по законному праву, по близости крови к самодержавным... родителям». 28 ноября был издан второй манифест, в котором право дочери Петра I на российскую корону подкреплялось ссылкой на «Тестамент» Екатерины I. Иван Антонович был объявлен незаконным государем, не имевшим «никакой уже ко всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права». Монеты с его изображением были изъяты из обращения, а множество листов с присягой на верность ему публично сожжены на площадях «при барабанном бое»²⁸.

Новая императрица начала свое правление в возрасте 32 лет, следовательно, обладала уже сформировавшимся характером, взглядами и привычками. Встречающееся в литературе мнение о ее совершенной неподготовленности к роли монарха не соответствует действительности. То, что Екатерина I привлекала свою дочь к делам, не могло пройти бесследно для Елизаветы. Кроме того, цесаревна имела собственную Вотчинную канцелярию и весьма разумно вела хозяйство в своих имениях²⁹. Все это давало ей возможность приобрести определенный опыт для предстоящей государственной деятельности.

Оценки современников позволяют утверждать, что Елизавета Петровна имела данные для успешного правления. По словам Миниха, она «была одарена от природы самыми высокими качествами, как внешними, так и душевными... У нее был живой, проницательный, веселый и вкрадчивый ум и большие способности». В апреле 1743 г. английский дипломат Виш отмечал, что «ни одна принцесса в Европе не всходила на троны, обещая быть более великим человеком, и провидение ее достаточно одарило всеми качествами и всеми талантами, нужными для того, чтобы быть любимой и уважаемой своими подданными и другими нациями». Некоторые современники утверждали даже, что это «образцовая монархиня, в которой

соединены были все свойства великой государыни и правительницы, хвалы достойной»³⁰. Однако имеется немало свидетельств, что эти качества Елизаветы не находили себе нужного применения. Тот же Миних признавал, что «императрица не управляла ничем, и формою государственного управления при ней был произвол ее фаворитов». Виш перечеркивал свой отзыв о Елизавете заключительной фразой: «Но ее любовь к удовольствиям портит все». Другой иностранный дипломат утверждал, что «умственная ленность... препятствует ей исполнять многие из обязанностей, неразлучных с ее высоким саном. Из великого искусства управлять народом она усвоила себе только два качества: умение держать себя с достоинством и скрытность»³¹.

Многие современники сходились во мнении о других свойствах характера Елизаветы Петровны. А. Т. Болотов, И. Позье и Иоганна—Елизавета Ангальт—Цербстская (мать Екатерины II) почти в одинаковых выражениях говорили о доброте, человеколюбии и милосердии императрицы. Екатерина II считала, что «у нее было от природы доброе сердце, у нее были возвышенные чувства и вместе с тем много тщеславия». Французский дипломат Ж.-Л. Фавье со своей стороны утверждал, что «сквозь всю ее доброту и гуманность... в ней нередко просвечивает гордость, высокомерие, иногда даже жестокость, но более всего подозрительность». Натура Елизаветы действительно была сложна и противоречива, и одна из современниц точно заметила, что «никто не может читать в ее сердце»³².

Елизавета проявила явную жестокость лишь однажды, подписав в 1743 г. приговор с «ужаснейшей строгостью» по делу семьи Лопухиных. Их мнимый заговор заключался, по справедливому замечанию П. И. Панина, «в пустых разговорах двух недовольных барынь и в нескромных речах сына одной из них». Участников «заговора» высекли кнутом и отправили в Сибирь, а четверым из них, в том числе и двум женщинам, предварительно вырезали языки. Современник прав в своем утверждении, что «жестокое сие наказание, свойственное варварским временам, конечно, не послужит в похвалу государыни, коей великодушие и сострадательность к человечеству с толиким тщанием старались превознести»³³. Необычная для Елизаветы жестокость, проявленная в данном случае, позволяет согласиться с предположением ряда авторов о руководивших ею соображениях женской мести. Говорили, что одна из «заговорщиц» — Н. Ф. Лопухина — затмевала своей красотой императрицу. Кроме того, Елизавета испытывала скрытую неприязнь ко всей семье Лопухиных — родственников первой жены своего отца.

Расправа с Лопухиными может показаться особенно странной, если учитывать религиозность Елизаветы Петровны. Современник утверждал, что «она была набожна без лицемерства и уважала много публичное богослужение»³⁴. Она строго соблюдала посты, исполняла церковные обряды, совершала длительные путешествия на богомолье и особенно заботилась о строительстве новых церквей и монастырей. Вместе с тем французский дипломат не без иронии замечал, что религиозные чувства Елизаветы «нисколько не препятствуют наслаждаться жизнью. Эти подвиги, напротив, как бы служат противодействием греху и содействуют тому, чтобы поддерживать душу в равновесии между добром и злом. Таково учение монахов и попов, и императрица Елисавета с ним сообразуется». Ключевский обращал внимание на то, что «от вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене». Выписанные ко двору малороссийские певчие и итальянские певцы, «чтобы не нарушить цельности художественного впечатления,.. совместно пели и обедню, и оперу»³⁵.

Императрица кружилась в вихре увеселений, прерываемых лишь постами. Многие современники, в особенности иностранные дипломаты, писали о лени, беспечности, и легкомыслии дочери Петра I, которая среди развлечений не находила времени даже для подписания бумаг. М. М. Щербатов впоследствии также отмечал, что «не токмо внутренние дела государственные,.. но даже и внешние государственные дела, яко трактаты» месяцами оставались без движения «за ленностью» императрицы³⁶. О «врожденной лени» Елизаветы писала и Екатерина II.

Она же сообщила в своих записках о том, что у Елизаветы «была привычка, когда она должна была подписать что-нибудь особенно важное, класть такую бумагу, прежде чем подписать, под изображение плащаницы, которую она особенно почитала; оставивши ее там некоторое время, она подписывала или не подписывала ее, смотря по тому, что ей скажет сердце»³⁷.

Основным качеством Елизаветы Петровны как человека и как политика была осторожность. За всю свою жизнь дочь Петра I не сделала ни одного поспешного или опрометчивого шага. Решения она принимала только после тщательного обдумывания разноречивых мнений своих советников. С. М. Соловьев предположил, что именно это обстоятельство навлекло на Елизавету не всегда справедливые упреки в лени и беспечности. Великий историк заметил, что «выслушивая одно мнение, она принимала его и по живости характера не могла удержаться от выражения своего одобрения; не торопясь решать дело по первому впечатлению, она выслушивала другое мнение и останавливалась на новой стороне дела; приведенная в затруднение, сравнивая и соображая, она, естественно, медлила и тем приводила в раздражение людей, желавших, чтоб их мысль была приведена как можно скорее в исполнение. Они кричали, что императрица не занимается государственными делами, отдает все свое время удовольствиям»³⁸. Елизавета Петровна действительно не отличалась аскетизмом, однако главная трудность в продвижении дел заключалась не в этом.

Императрица умела объективно и трезво оценивать окружающих и выбирать по-настоящему умных и компетентных советников. Неизбежное соперничество между ними в стремлении подчинить императрицу своему влиянию несколько ее не смущало. По словам Соловьева, «главным достоинством Елизаветы... было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала их столкновения, вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не вредило интересам службы; она одинаково охраняла людей, полезных для службы, твердо держала равновесие между ними, не давала им губить друг друга»³⁹.

Она не делала особых исключений ни для одного из своих приближенных и не ставила никого из них выше остальных. Фавье подчеркивал, что «она ни под каким видом не позволяет управлять собой одному какому-либо лицу, министру или фавориту, но всегда показывает, что делит между ними свои милости и свое мнимое доверие». Характерной чертой Елизаветы являлась чрезвычайная щепетильность в отношении своих самодержавных прав. Французский дипломат отмечал, что императрица, «в высшей степени ревнивая к своему величию и верховной власти,.. легко пугается всего, что может ей угрожать уменьшением или разделом этой власти. Она не раз выказывала по этому случаю чрезмерную щекотливость»⁴⁰.

Примечательно, что фавориты Елизаветы Петровны отличались скромностью и непритязательностью. Ни один из них не пытался занять положение соправителя императрицы, как, например, Бирон при Анне Ивановне или Г. А. Потемкин при Екатерине II. Разумовский довольствовался милостями Елизаветы, почти не вмешиваясь в государственные дела, и был замечен лишь тем, что покровительствовал православной церкви, малороссийскому народу, своему младшему брату Кириллу, а также вице-канцлеру (впоследствии—канцлеру) А. П. Бестужеву-Рюмину и поэту А. П. Сумарокову. Разумовский не досаждал ревностью Елизавете, которая, по ее признанию, «была довольна только тогда, когда влюблялась».

В ее личной жизни имел место и такой драматичный эпизод: однажды ей пришлось «щадить и примирять самолюбие четверых фаворитов одновременно»⁴¹. Двое из них (Бекетов и Каченовский) вскоре сошли со сцены, и рядом с Разумовским остался только камер-юнкер И. И. Шувалов — двоюродный брат участников возведения Елизаветы Петровны на престол. Он был даже скромнее старого фаворита, поскольку отказался от графского титула, высоких чинов и больших денежных и земельных пожалований. Шувалов вошел в историю как покровитель науки, культуры и просвещения и друг М. В. Ломоносова. Любимцы Елизаветы Петровны были между

собой на редкость в хороших отношениях. Иностранные дипломаты отмечали, что Разумовский «жил в совершенном согласии со своим соперником, на которого смотрел скорей как на товарища... Императрица оказывала им одинаковое доверие и находила удовольствие только в их обществе»⁴².

Одной из первых серьезных акций Елизаветы Петровны явилось решение вопроса о наследнике российского престола. В германском герцогстве Голштиния жил ее племянник, сын цесаревны Анны Петровны Карл—Петр—Ульрих, оставшийся к тому времени сиротой. Императрица вызвала 13-летнего мальчика в Россию, окружила его заботой и обещала быть ему второй матерью. 7 ноября 1742 г. он был крещен под именем Петра Федоровича и объявлен наследником престола. Через некоторое время Елизавета сочла необходимым женить его и после долгих дипломатических дискуссий выбрала в невесты Ангальт—Цербстскую принцессу Софию—Фредерику—Августу, ставшую с переходом в православие Екатериной Алексеевной. Бракосочетание Петра и Екатерины состоялось 21 августа 1745 года.

Личные отношения императрицы с наследником в дальнейшем не сложились. Екатерина II вспоминала, что среди бумаг Елизаветы Петровны ею были найдены две заметки: «Проклятый мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более» и «Племянник мой урод, черт его возьми». Кроме того, сохранилась еще одна записка Елизаветы: «Сожалею, что не токмо расума недостает, но и памяти лишен племянник мой», — это замечание сделано было в связи с тем, что на один из придворных праздников Петр Федорович и его жена оделись неподобающим образом⁴³. Вероятно, отношения тетки и племянника испортились после того, как Петр стал удаляться от двора в подаренный ему императрицей Ораниенбаум, где проводил военные учения и злоупотреблял в компании офицеров вином и курением. По свидетельству современника, в 1755 г. «великий князь попивал и занимался исключительно обучением солдат. Императрица, прежде чрезвычайно любившая своего племянника, была им чрезвычайно недовольна»⁴⁴.

Предметом забот и огорчений императрицы длительное время являлось отсутствие детей у великокняжеской четы. Когда 20 сентября 1754 г., наконец, появился на свет Павел Петрович, радостная Елизавета отобрала его у матери и стала лично ухаживать за младенцем. Между Елизаветой Петровной и ее наследником существовали также принципиальные разногласия по вопросам внешней политики. Основным принципом своей политики Елизавета Петровна провозгласила возвращение к курсу Петра I, измененному родовой знатью и «немецкими временщиками». В ее именном указе от 12 декабря 1741 г. объявлялось, что в предшествующие царствования «произошло многое упущение дел государственных» вследствие отмены порядков, существовавших при Петре I и Екатерине I⁴⁵. Е. В. Анисимов верно определил две основные идеологические концепции елизаветинского царствования: политическая канонизация Петра Великого и крайне негативная оценка периода от смерти Екатерины I до вошествия на престол Елизаветы Петровны⁴⁶.

Тем же указом Елизавета восстановила «петровское детище» — Сенат в значении высшего государственного органа и ликвидировала стоявший над ним в два предыдущих царствования Кабинет министров — особое учреждение с чрезвычайными полномочиями. Вместо него велено было «иметь при Дворе Нашем Кабинет в такой силе, как был при... Петре Великом». Тем самым восстанавливалась созданная Петром I личная императорская канцелярия — Кабинет, в задачи которого входили: прием документов на имя монарха, оформление указов за его личной подписью, объявление словесных «высочайших повелений» и руководство финансовой стороной дворцового хозяйства. Во главе реставрированного учреждения был поставлен И. А. Черкасов, служивший в свое время в петровском Кабинете и хорошо знавший его организацию. Именно поэтому кабинеты Петра I и Елизаветы Петровны по своему организационному устройству были практически идентичны.

Создание личной императорской канцелярии было сопряжено с желанием Елизаветы полностью взять бразды правления в свои руки и восстановить значение самодержавной власти. Существовавшие при ее предшественниках Верховный тайный совет и Кабинет министров располагали официальным правом принимать указы от имени монархов. Теперь же именные императорские указы оформлялись в Кабинете только за личной подписью Елизаветы Петровны. Кроме того, сохранилась прежняя практика «изустных именных указов» (высочайших повелений), которые по поручению императрицы объявлялись Сенату и другим учреждениям уполномоченными на то лицами. Благодаря реформе высших государственных органов роль монарха в системе абсолютизма стала преобладающей. По справедливому замечанию Л. Г. Кислягиной, «правление Елизаветы Петровны отмечено дальнейшей централизацией власти. Фактически императрица решала единолично не только важные государственные вопросы, но и очень мелкие» ⁴⁷.

Однако для принятия важных решений необходимы были консультации с теми, кого императрица поставила во главе государственного аппарата. Поэтому она вернула к жизни еще одно петровское «установление» — чрезвычайные совещания высших сановников для обсуждения наиболее сложных проблем, преимущественно внешней политики. При Елизавете такие совещания официально именовались «конференциями», а их участники — «конференц-министрами». В донесениях иностранных дипломатов этот орган назывался «Великим советом», а в литературе — Чрезвычайным, или императорским советом. «Конференции» имели установленный порядок сбора письменных мнений министров по обсуждаемому вопросу, и их заседания протоколировались. «Мнения» и протоколы поступали на рассмотрение и утверждение императрицы.

Петр I проводил подобные совещания при Коллегии иностранных дел, Елизавета же распорядилась устраивать их «в императорском доме в особливых апартаментах», куда надлежало перенести и заседания Сената. При этом императрица выразила намерение лично присутствовать на «конференциях» и в Сенате «по временам пристойным и потребе дел» ⁴⁸. Впоследствии она действительно появлялась на заседаниях этих органов, хотя и не очень часто.

Сохранившиеся записки и заметки Елизаветы Петровны в сравнении с текстами именных указов позволяют понять механизм осуществления верховной власти. Императрица письменно или устно сообщала свое решение Черкасову, который составлял соответствующий законодательный или распорядительный акт и подавал его «на высочайшую подпись». Вероятно, порой ему нелегко было воплощать поток идей Елизаветы в ясные и четкие документы. Вот пример творческой мысли дочери Петра Великого: «Напиши указ, дабы гоф-интендантская контора под главным командиром была и одного б его ведала, а именно у обер-гофмейстера, а кроме его ни у кого в команде не была. И написать именно, чтоб не так, как при блаженной памяти императора было, что дворцовые, коли что им надобно, то для себя употребляли, то именно изъяснить, чтоб государевых людей никуда в дома, ни на работу никуда б не давали и никакого материалу, и так заключить, что ни щепку без моего указа, и обер—гофмейстеру самому смотреть, чтоб те люди были б все употребленны для дворцова строения, а не для других, и написаф указ, ко мне принесть к подписанию» ⁴⁹.

В случае отъезда Елизаветы Петровны в Царское Село или Петергоф Черкасов мог оставаться в Петербурге, а императрицу сопровождал кто-нибудь из кабинетских секретарей. 24 января 1746 г. один из них составил текст такого распоряжения для Черкасова: «Иван Антонович! По полученному сего числа Нами от генерал-фельтмаршала графа Лесия о состоящих в Курляндии полках репорту усмотрели Мы, что оныя имеют в людях некомплект и много в отлучках показано; того ради в подтверждение прежних наших указов заготовьте об оном в Военную коллегияу указ и для подписания Нашего пришлите к Нам сюда». Прежде чем поставить свою подпись на этом письме, Елизавета приписала к тексту его: «немедлен-

но»⁵⁰. Это отнюдь не свидетельствовало о всегдашней лени и медлительности императрицы.

Помимо составления именных указов, Черкасов принимал поступающие на имя Елизаветы документы: доклады и донесения Сената, Синода, Коллегии иностранных дел, Военной и Адмиралтейской коллегий и других учреждений, а также многочисленные челобитные «о милостях и милосердии». Содержание всех этих бумаг докладывалось Черкасовым императрице. Челобитные рассматривались выборочно, причем принцип их отбора не ясен. Второй по значению сотрудник Кабинета В. И. Демидов занимался преимущественно личными финансово-хозяйственными делами императрицы. Через него она давала распоряжения о шитье нарядов, оплате покупок и выдаче денег на другие нужды⁵¹.

Щепетильность Елизаветы Петровны в вопросах о власти проявилась в следующем характерном эпизоде. После смерти Черкасова в ноябре 1757 г. Демидов развернул бурную деятельность по упорядочению работы и делопроизводства Кабинета. Распоряжения Демидова свидетельствовали о незаурядных организаторских способностях этого государственного деятеля. Однако Елизавета, узнав о проявленной им инициативе, приказала «объявить ему именной ее императорского величества указ, для чего он в распорядки и в дела кабинетные собою без указа ее величества вступил и чтоб от сего времени он, Демидов, ни в какие кабинетные дела и распорядки не вступал»⁵². Место управляющего Кабинетом, на

которое Демидов, по-видимому, рассчитывал, занял сотрудник Коллегии иностранных дел А. В. Олсуфьев.

Ревнивое отношение императрицы к прерогативам самодержавной власти испытывал на себе и Сенат. В октябре 1742 г. Елизавета рассердилась на то, что он без ее ведома послал приказ фельдмаршалу П. П. Ласси о размещении войск на зимние квартиры⁵³. Тем не менее Сенат взял на себя основную часть забот по делам внутреннего управления. Он самостоятельно издавал законодательные акты (сенатские указы), назначал воевод и решал множество частных вопросов государственной жизни, «не утруждая о том докладами ее величество». Считалось, что императрица осуществляла контроль за деятельностью Сената через генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого (этот пост так и называли «око государево»). Кроме того, многие сенаторы пользовались личным доверием и расположением Елизаветы.

Значение Сената в период ее царствования было очень велико. А. Д. Градовский даже утверждал, что «правление Елизаветы Петровны можно назвать управлением важнейших сановников, собранных в Сенат»⁵⁴. Другую точку зрения высказал С. О. Шмидт, заметивший, что при Елизавете этот орган «не стал средоточием важнейших государственных дел. Часть их с самого начала нового царствования поступила в личное ведение императрицы... Сенат зависел от разнообразных проявлений личного начала в государственном управлении как в сфере собственных действий императрицы, так и в виде поручений и полномочий, которых добивались у нее доверенные лица и учреждения»⁵⁵. Количественный анализ документов высших государственных учреждений подтверждает мнение о значительной зависимости Сената от императорской власти. В ноябре — декабре 1741 г. Елизавета Петровна дала Сенату 51 указ (в том числе письменные и «изустные») и получила от него 14 докладов на «высочайшее утверждение». В 1742 г. эти цифры соответственно составили 183 и 113, в 1743 г. — 129 и 54, в 1744 г. — 164 и 38 и т. д. Таким образом, высший правительственный орган действовал под контролем императрицы, а иногда и под ее непосредственным руководством. 10 января 1743 г. Елизавета запретила Сенату начинать дела «по письменным или словесным предложениям» без указа за личной ее подписью. Однако уже 4 апреля это решение было нарушено самой императрицей, передавшей Сенату устное повеление через генерал-полицеймейстера Ф. В. Наумова⁵⁶. В дальнейшем «изустные» императорские указы не только не исчезли из практики, но их количество даже возросло.

В числе поручений императрицы Сенату значился пересмотр указов послепетровского времени с целью отмены тех, которые противоречили законодательству Петра I. Сенат приступил к этой работе, но в течение восьми лет сумел разобрать указы лишь по 1729 год. 11 марта 1754 г. на заседании Сената в присутствии императрицы и с участием представителей от центральных учреждений П. И. Шувалов заявил о нецелесообразности пересмотра законодательства прежних царствований, потому что «хотя и много указов, да нет самих законов, которые были бы всем ясны и понятны». Он предложил направить усилия правительства на разработку нового Уложения (свода законов) и создать для этой цели специальную комиссию. Елизавета одобрила эту идею, заявив, что «нравы и обычаи изменяются с течением времени, почему необходима перемена и в законах»⁵⁷.

Мысль о замене давно устаревшего Соборного уложения 1649 г. новым сводом законов была не нова: начиная с 1700 г. безуспешно трудились пять сменявших друг друга Уложенных комиссий. Теперь Сенат создал шестую, которая к лету 1755 г. разработала две части нового Уложения — «судную» и «криминальную». Работа над третьей частью «О состоянии подданных» затянулась и не была завершена при Елизавете. Но она и после создания Уложенной комиссии не оставила своей идеи пересмотреть прежние законодательные акты. 14 сентября 1760 г. Сенату было объявлено «высочайшее повеление» представить на ее рассмотрение «подробные реестры всем именным указам императора Петра Великого и последующих царствований»⁵⁸. Впрочем, тем дело и кончилось. «Елизаветинская» Уложенная комиссия

продолжала действовать при Петре III и Екатерине II и была распущена в 1766 г. с передачей подготовленных ею материалов в «екатерининскую» Уложенную комиссию.

Создание свода законов являлось лишь частью обширной государственной программы П. И. Шувалова — фактического руководителя елизаветинского правительства с конца 1740-х годов. Она включала в себя многие важные мероприятия в экономической, социальной, военной и административной сферах. Прежде всего это — отмена по инициативе Шувалова внутренних таможенных пошлин, пережитка средневековой раздробленности страны. Проект указа о ликвидации части внутренних таможенных сборов был внесен Шуваловым в Сенат в сентябре 1752 года. После доработки этого документа к августу следующего года Шувалов представил на рассмотрение правительства новый проект, в котором предлагалось «внутренние таможи уничтожить совсем» и вместо этого увеличить ввозные пошлины. 18 августа 1753 г. Сенат одобрил проект Шувалова и подал его на утверждение императрице, которая рассмотрела этот документ в декабре того же года. Она внесла в него одно изменение, исключив пункт о разрешении иностранным купцам розничной торговли некоторыми товарами. 20 декабря 1753 г. указ Елизаветы Петровны «об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов» был опубликован⁵⁹.

Эта мера обеспечила успешное развитие внутренней торговли и ускорила процесс складывания всероссийского рынка. Важность отмены внутренних таможен отмечали иностранные наблюдатели, писавшие, что «сие учреждение много содействовать будет в процветании коммерции внутри сей Империи». Сенаторы под предводительством Бестужева—Рюмина отправились во дворец императрицы «для изъявления ей признания народов и искренней радости». Елизавета Петровна в ответ заявила: «Ничто мне больше причинить не может радости, ни доставить больше удовольствия, как возможность способствовать к благу и благополучию моих драгих подданных». Она приняла также делегацию купечества и пообещала ему «свою особливую протекцию»⁶⁰. Увеличение пошлин на ввозные товары не только компенсировало потери казны от отмены внутренних таможенных сборов, но даже привело к росту казенной прибыли. Кроме того, протекционистские меры Шувалова в области внешней торговли послужили интересам предпринимателей-дворян и нарождающейся отечественной буржуазии.

В социальной политике Елизаветы Петровны заметны тенденции к некоторому облегчению податного гнета. В декабре 1741 г. императрица простила недоимки за период с 1719 по 1730 г. и ликвидировала Доимочную комиссию при Сенате, безуспешно занимавшуюся их выколачиванием. В декабре 1752 г. были прощены недоимки за время до 1747 года. На 1742 и 1743 гг. подушный сбор был уменьшен на 10 коп. с души, а в 1750—1754 гг., 1757 и 1758 гг. проводилось систематическое снижение подушной подати на 3—5 коп. в год. Однако в то же время по инициативе Шувалова происходил рост косвенных налогов, то есть повышение цен на соль и вино, продажа которых являлась монополией государства.

К числу крупных мероприятий елизаветинского царствования относится вторая ревизия — перепись податного населения (первая такая перепись проводилась в 1719—1721 годах). В сентябре 1742 г. императрица утвердила доклад Сената об организации ревизии, а 16 декабря 1743 г. подписала указ о ее начале. В ходе проведенной в 1744—1747 гг. переписи было зарегистрировано увеличение численности податного населения на 17%. Ревизия не только обеспечила рост казенных доходов от подушной подати, но и послужила к пользе части налогоплательщиков, вынужденных прежде вносить деньги за тех, кто умер или сбежал со времен петровской переписи.

Упорядочение налогообложения было особенно выгодно владельцам крепостных: недаром Сенат отмечал в докладе императрице, что проведение ревизии послужит «для удовольствия всех помещиков»⁶¹. В их интересах предпринимались и другие меры. В 1742 г. Елизавета, вопреки законодательству своего отца, запретила помещичьим крестьянам по своей

воле поступать на военную службу. В 1747 г. дворянам было дано право продавать своих крепостных для отдачи в рекруты, что окончательно узаконило торговлю людьми. В 1760 г. помещики получили возможность по собственной воле ссылать в Сибирь неугодных им крестьян, которые засчитывались казной как рекруты. Расширение прав дворянского сословия сопровождалось концентрацией в его руках центральной и местной власти. Представители других слоев общества не могли участвовать в управлении страной и даже не имели надлежащих правовых гарантий в «чисто дворянское елизаветинское царствование»⁶².

Годы правления Елизаветы стали очередным этапом консолидации господствующего сословия, из которого в предшествующие царствования выделялись представители родовой знати, остзейцы и приглашенные на русскую службу иностранцы. Теперь различия между этими группами дворянства сгладились. Единственным критерием для определения статуса дворянина в социальной иерархии стал его чин в соответствии с петровской «Табелью о рангах», титулованная знать влилась в общую систему высшей бюрократии. 2 августа 1748 г. Елизавета распорядилась издать указ, «чтоб графы и князья... не заслужа себе чинов, никакого первенства и председания у тех не имели и не требовали, которые хотя не князья и не графы, однако ж по заслугам своим какие-либо выше оных чины получили»⁶³.

В отношении приглашенных на российскую службу иностранцев Елизавета придерживалась принципов кадровой политики Петра I, который стремился назначать русских на главные должности в государственном аппарате и армии, а «чужеземцам» отводил, по возможности, подчиненное положение. Когда императрице рекомендовали на вакантные должности иностранцев, она неизменно спрашивала, нет ли подходящего кандидата из россиян. И все же способные выходцы из других земель по-прежнему ценились. В годы правления Елизаветы Россия стала второй родиной для сотен высококлассных иностранных специалистов: офицеров армии, моряков, инженеров, ученых, художников, музыкантов.

В декабре 1751 г. императрица издала указ «о принятии в подданство и российскую службу сербов, желающих переселиться в Россию». Эта мера была отчасти продиктована заботой о православных народах, подвергавшихся национальному и религиозному гнету в Австрии и Турции: Общая численность переселившихся в Россию югославян составила 25 тыс. человек. Годные к воинской службе переселенцы образовали особые гусарские и пандурские полки. Тем самым Елизавета Петровна осуществила идею Петра I, который еще в 1723 г. намеревался «содержать несколько полков конных из сербского народу... которые придут добровольно в нашу службу»⁶⁴.

Национальная политика Елизаветы полностью зависела от ее религиозных принципов, которые были далеки от веротерпимости. В декабре 1742 г. она издала указ о высылке из России лиц иудейского вероисповедания. Сенат пытался объяснить императрице, что эта мера повлечет за собой расстройство малороссийской и остзейской торговли, находившейся преимущественно в руках евреев, а следовательно, приведет к уменьшению казенных доходов. Но она наложила на доклад Сената резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»⁶⁵. В начале ее царствования были приняты указы о перестройке «лютеранских кирок» в православные церкви, закрытии или сносе армянских церквей и мусульманских мечетей. Предпринимались также меры по борьбе с раскольниками и усилению православной миссионерской деятельности. Переход в православие лиц других вероисповеданий доставлял императрице особое удовлетворение. 20 января 1742 г. она стала крестной матерью «трех персиян и двух турок» при крещении их в Царском Селе⁶⁶. Сообщения о переходе в православие протестантов и католиков Елизавета приказывала рассылать для известия по всему государству.

Императрица следила за порядком богослужения и правильностью церковной обстановки. Однажды обер-прокурор Синода Я. П. Шаховской получил от императрицы выговор за то, что в одной из новых церквей «на

иконостасе в место, где по приличности надлежало быть живо изображенным ангелам, поставлены разные наподобие купидонов болваны»⁶⁷. Синоду Елизавета поручила исправления русского текста Библии и цензуру ввозимых из-за границы книг духовного содержания.

Религиозность Елизаветы Петровны привела ее к отступлению от курса на секуляризацию церковных и монастырских земель, начатого Петром I, добивавшимся введения государственного контроля над экономической жизнью духовных вотчин. Продолжением петровской реформы явилось создание в 1726 г. Коллегии экономии, ведавшей хозяйственными делами церкви. В 1740 г. была осуществлена частичная секуляризация путем введения светского управления в ряде духовных вотчин, доходы от которых поступали в казну. Елизавета 15 июля 1744 г. ликвидировала Коллегию экономии и вернула доходы с монастырских земель в ведение Синода. 31 октября 1753 г. указанные вотчины вновь перешли в распоряжение духовенства⁶⁸

Отступление Елизаветы от петровской политики нашло отражение также в управлении Малороссией. В 1722 г. Петр I запретил выборы гетмана, а в 1734 г. гетманское правление было вообще ликвидировано. В 1744 г. Елизавета Петровна посетила Киев и приняла там депутацию, просившую о восстановлении гетманства. Просьба была удовлетворена, и в 1750 г. гетманом Украины стал младший брат фаворита императрицы К. Г. Разумовский. Царствование Елизаветы и последнее гетманство ознаменовались предоставлением Малороссии многих льгот⁶⁹.

Примечательной чертой правления Елизаветы являлось ее отношение к смертной казни. В решительную минуту накануне переворота цесаревна дала обет «никого не казнить смертью». Однако вступив на престол, она не отважилась отменить смертную казнь и шла к осуществлению этого медленно и осторожно. По остроумному замечанию С. И. Викторского, в действиях Елизаветы проявилась «чисто женская логика в виде предпочтения достичь своего без открытого и излишнего выступления против установившихся взглядов». Кроме того, императрица, по-видимому, боялась увеличить число преступлений, «отнявши страх последнего наказания»⁷⁰. Важно и то, что в стремлении отменить смертную казнь императрица оказалась одинока. Синод выражал готовность освободить ее от данного ею обета, а Сенат одобрил «криминальную» часть нового Уложения, в которой помимо обычных видов смертной казни рекомендовалось еще «повешение за ребро» и казнь еще более страшная — «разорвание на части живого человека пятью лошадьми за более важные политические преступления»⁷¹. Елизавета Петровна отказалась утвердить этот закон.

10 мая 1744 г. она утвердила доклад Сената «О неотмене смертной казни для воров, разбойников, убийц и делателей фальшивых денег», но распорядилась представлять все смертные приговоры «на высочайшее утверждение»⁷². Ни один из приговоров не был ею санкционирован; тем самым смертная казнь отменялась не юридически, но фактически. Между тем суды продолжали выносить смертные приговоры, и осужденные накапливались в тюрьмах «до указа». 29 марта 1753 г. Елизавета утвердила доклад Сената об отправке «смертных преступников» на каторгу после наказания кнутом, клеймения и пожизненного заковывания в ножные кандалы. Но 30 сентября 1754 г. Сенат вновь принял указ «смертной экзекуции до рассмотрения... не чинить». Н. Д. Сергеевский резюмировал это положение следующим образом: «Смертная казнь была вполне отменена; но с точки зрения того времени и тогдашних порядков она была лишь временно приостановлена»⁷³. В то же время при «милосердной государыне» по-прежнему широко применялись пытки и «старинные наказания кнутом, батожем, ломкою», которые нередко приводили к смерти истязуемых.

Одной из своих обязанностей императрица считала заботу о нравственности подданных. Узнав о том, что в Петербурге есть «дом свиданий», Елизавета Петровна 28 июня 1750 г. дала указание кабинет-министру Демидову разыскать содержательницу этого дома А. Фелькер (по кличке «Дрезденша») и «взять под караул в крепость со всею ее компаниею». Было

поймано более 50 «сводниц и блудниц». 1 августа того же года Елизавета передала через Демидова приказ Главной полицеймейстерской канцелярии «принять меры к поимке... всех непотребных женщин и девок». Руководство этим делом она поручила особой комиссии во главе с Демидовым, которая только в течение 1750 и 1751 гг. рассмотрела около 200 дел о домах терпимости, проституции, изнасилованиях, сводничестве, внебрачных связях и супружеских изменах ⁷⁴.

В декабре 1742 г. императрица запретила носить дорогую одежду, тканую золотом и серебром, и кружева свыше трех пальцев шириной. Старые платья разрешено было донашивать, но предписывалось, во избежание тайного шитья новых, приносить их в государственные учреждения для клеймения в незаметных местах сургучной печатью. Устанавливалась также допустимая цена нарядов: она регламентировалась рангом их владельцев, а дамы носили платья в зависимости от чинов мужей ⁷⁵. В 1743 и 1748 гг. были приняты указы, подтверждающие верность светской политике Петра I. В них предписывалось носить немецкую одежду и брить бороды и усы всем, «кроме духовных чинов и пашенных крестьян». В Петербурге и Москве было запрещено проводить кулачные бои, содержать на больших улицах питейные дома, заводить домашних медведей, ездить на «бегунах», произносить в общественных местах «бранные слова», собирать милостыню и посыпать улицы можжевеловым веником во время погребальных процессий ⁷⁶.

В декабре 1750 г. императрица разрешила жителям Петербурга «иметь в домах своих для увеселения вечеринки с пристойною музыкою и русскою комедию». Тем самым была заложена традиция известных впоследствии домашних театров. В начале того же года кадеты Сухопутного шляхетского корпуса (офицерского училища) разыграли перед Елизаветой первую русскую пьесу «Хорев», написанную выпускником корпуса Сумароковым. 30 августа 1756 г. по указу императрицы в Петербурге был учрежден первый русский театр, директором которого стал Сумароков, а ядро труппы составили актеры из Ярославля во главе с Ф. Г. Волковым ⁷⁷. В Петербурге работали также труппы, выписанные из Италии и Франции. Императрица являлась поклонницей театра и посещала спектакли, как правило, не реже двух раз в неделю.

По свидетельствам современников, она «любила науки и художества, а особливо музыку и живописное искусство» ⁷⁸. Ее вкусы и увлечения в значительной степени способствовали развитию отечественной науки, культуры и просвещения. На вторую половину елизаветинского царствования приходится расцвет творчества М. В. Ломоносова, строительство Зимнего дворца зодчим В. В. Растрелли, открытие Московского университета и гимназий в Москве и Казани, создание Академии художеств. В среде столичного дворянства широкое распространение получает домашнее образование под руководством гувернеров, преимущественно французов. С этого времени французский язык и этикет завоевывают прочное место в обиходе петербургского общества, а двор императрицы, по словам современника, становится «самым блестящим в Европе» ⁷⁹.

Елизавета Петровна испытывала симпатию к Франции, но отнюдь не руководствовалась этим чувством во внешней политике. Франция не относилась тогда к числу дружественных России держав. В момент воцарения Елизаветы шла русско-шведская война. Новая императрица обратилась к французскому посланнику Шетарди с просьбой способствовать заключению перемирия, что было им исполнено. Но в ходе русско-шведских переговоров выяснилась невозможность уладить конфликт дипломатическим путем. Швеция при посредничестве французского представителя настаивала на возвращении ей остзейских земель, но это встретило решительный отказ Елизаветы, которая заявила: «Что скажет народ, увидя, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна.— В. Н.), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайно правительницею, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные столько же благу России, сколь-

ко славе ее отца»⁸⁰. Когда переговоры зашли в тупик, военные действия были продолжены и завершились разгромом Швеции, которая по условиям Абоского мира в августе 1743 г. уступила России часть Финляндии.

В момент вступления Елизаветы на престол почти вся Европа была охвачена войной за «австрийское наследство», в которой причудливо переплелись династические интересы и взаимные территориальные претензии ведущих держав. Австрийская и венгеро-богемская королева Мария-Терезия отстаивала целостность своих владений и права на германский императорский титул в борьбе с Францией, Пруссией, Баварией и Испанией и в союзе с Англией и Голландией. Каждая из воюющих коалиций стремилась привлечь на свою сторону Россию, но Австрия имела на это шансов меньше, ибо Елизавета Петровна знала о попытках австрийского посла Ботта-Адорно раскрыть Анне Леопольдовне глаза на заговор в ноябре 1741 года. Когда во время коронации Елизаветы между иностранными дипломатами возникли споры о старшинстве, она заявила: «Ботта не имеет ни малейшего основания много о себе думать: когда он будет слишком важничать, то может отправляться туда, откуда пришел, так как мне дороже дружба тех, которые в прежние времена не оставляли меня, чем расположение его нищей королевы»⁸¹.

Другом Елизаветы мог быть только Шетарди, следовательно, враги Австрии получали явное преимущество. Но императрица разуверилась в дружбе французского двора во время мирных переговоров со Швецией. Шетарди в августе 1742 г. покинул Россию, не сумев подчинить своему влиянию Елизавету. После его отъезда она так выразила свое отношение к Франции: «И без Шетардия ум можно иметь, коли лучших опытоф не получим дружбы ея, а до сию пору плохая весьма и огорченная дружба окасывалася. Коли так его наградить, как он мне ту пору служил, то не надеюся, чтоб ему оно приятно было»⁸².

Охлаждение отношений между Россией и Францией способствовало заключению в декабре 1742 г. русско-английского союзного договора. Английская дипломатия пыталась также обеспечить сближение России с Австрией, но встретила отказ Елизаветы. 10 декабря 1742 г. императрица выслушала письмо английского посла с предложением включить в союзный трактат статью о дружбе обоих дворов с Марией-Терезией и распорядилась «написать оной артикул по-прежнему и без прибавки о королеве Венгерской»⁸³.

Одновременно велись переговоры о союзе с Пруссией, которая в июне 1742 г. вышла из войны, отняв у Австрии Силезию. В 1743 г. Елизавета Петровна и прусский король Фридрих II обменялись высшими орденами своих государств. Но благоприятные отношения с Пруссией и неприязнь к Австрии не заставили императрицу поступить по понятиям справедливости. При заключении русско-прусского союза в марте 1743 г. Елизавета Петровна отказалась гарантировать Пруссии присоединение Силезии.

Война за «австрийское наследство» еще продолжалась, а Россия пока не определила свою внешнеполитическую ориентацию. На Елизавету оказывали влияние две группировки при ее дворе. Одну из них возглавлял Бестужев-Рюмин, который являлся противником сближения с Францией и Пруссией и выступал за союз с Австрией, Саксонией и «морскими державами» — Англией и Голландией. Ему противостояла «франко-прусская партия» во главе с Лестоком, на помощь которому в конце 1743 г. был снова прислан Шетарди. Борьба завершилась победой Бестужева-Рюмина, который умело использовал перлюстрацию переписки французского дипломата. В его донесениях были обнаружены неблагоприятные отзывы об императрице. Разгневанная Елизавета в июне 1744 г. выслала Шетарди из России и изменила прежнее отношение к Лестоку. Другим успехом Бестужева-Рюмина явился заключенный в январе того же года союз России с саксонским курфюрстом и польским королем Августом III.

Дальнейшее развитие событий в Европе поставило Елизавету перед необходимостью твердо определить свою позицию. В августе 1744 г. прусские войска вторглись в Саксонию и Богемию, а в конце того же года

был заключен союз Австрии, Саксонии, Англии и Голландии против Пруссии. Россия оказалась в состоянии союза с враждующими державами. Фридрих II и Август III обратились к российской императрице за помощью друг против друга. 19 сентября 1745 г. Елизавета созвала «конференцию» для обсуждения вопроса: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, далее в усиление приходить допускать?». На другой день участники совещания представили императрице письменное изложение своих мнений, в которых единодушно высказались против Пруссии. 3 октября того же года на следующей «конференции» эти мнения были зачитаны наряду с письмом прусского посла, содержащим просьбу о военной помощи на основании союзного договора.

Выслушав доклады, Елизавета заявила, что «случай союза здесь признан быть не может», поскольку Фридрих II является нарушителем мира. Поэтому «справедливее подать помощь Саксонии. Сверх того, для русских интересов усиление прусского короля не только не полезно, но и опасно». Было решено двинуть войска в Курляндию и объявить Пруссии, что в случае продолжения агрессии она будет остановлена силой русского оружия. Подписав соответствующую декларацию, Елизавета Петровна заявила, «что поступает по совести и справедливо»⁸⁴. Это определило российскую внешнюю политику более чем на 15 лет вперед. Отныне доминирующим ее направлением стало дипломатическое и военное противостояние Пруссии.

Неблагоприятные погодные условия не позволили русским войскам вмешаться в конфликт, но декларация императрицы ускорила заключение Пруссией мира с Австрией и Саксонией. Внешнеполитическая ориентация России окончательно определилась при подписании в мае 1746 г. русско-австрийского союзного трактата. Договор двух императорских дворов содержал положение о том, что в случае нападения Фридриха II на Австрию Россия поможет ей силой своего оружия вернуть Силезию. С этого времени между Елизаветой Петровной и Марией-Терезией установилась дружба, подкрепляемая неприязнью к прусскому королю, который сочинял эпиграммы на обеих императриц и позволял себе неприличные шутки в их адрес⁸⁵.

После выхода Пруссии из войны за «австрийское наследство» она продолжалась между Австрией, Англией и Голландией, с одной стороны, и Францией и Испанией — с другой. Противники австрийского дома Габсбургов одерживали верх, и Англия обратилась за помощью к Елизавете Петровне. В ноябре 1747 г. была подписана так называемая субсидная конвенция между Россией, Англией и Голландией о предоставлении в распоряжение «морских держав» за большую сумму денег 30-тысячного корпуса русских войск. Прибытие его на Рейн в следующем году привело к заключению европейского мира. Россия положила конец восьмилетней войне, не обнажив оружия. Однако мир оказался недолгим. В 1756 г. началась Семилетняя война, в которую была втянута и Россия, выступившая на защиту Австрии против Пруссии. Этот шаг в немалой степени предопределялся отношением Елизаветы Петровны к Фридриху II. В июне 1756 г. английский дипломат Ч. Г. Уильямс писал: «Личная неприязнь императрицы к прусскому королю так мало ею скрывается, что вспыхивает каждую минуту». Императрица даже выказывала намерение возглавить русские войска в походе против Пруссии⁸⁶.

Являлось ли вступление России в войну политической ошибкой? Перед страной в то время стояла альтернатива: укрепление и расширение позиций на берегах Балтийского моря в борьбе с Пруссией или решение «польского вопроса» (присоединение Правобережной Украины и Белоруссии), возможное лишь в условиях русско-прусского союза. Елизавета пошла по первому пути, а ее преемники предпочли второй. В ходе Семилетней войны русские войска заняли Восточную Пруссию, жители которой присягнули на верность российской императрице. Шесть лет тяжелейшей войны стоили стране огромных жертв, а каких-либо ощутимых выгод она не получила. Наследник престола Петр Федорович считал себя другом Фридриха II и после

своего воцарения вернул ему все завоеванные русскими войсками территории. И все же война не была бесполезной: победы русского оружия над лучшей армией Европы укрепили международный престиж России.

Для руководства войной против Пруссии Елизавета Петровна 14 марта 1756 г. создала чрезвычайное высшее учреждение — Конференцию при высочайшем дворе. В ее состав вошли участники прежних непериодически созываемых «конференций» по иностранным делам. Боязнь императрицы воссоздать Верховный тайный совет или Кабинет министров привела к тому, что новый орган не получил четко установленных полномочий. Конференция не имела права принимать указы от имени императрицы, но на практике занималась этим. Елизавета присутствовала на заседаниях конференц-министров в среднем один раз в три месяца, а в остальное время передавала им устные повеления через своих приближенных. Большинство дел Конференция решила самостоятельно, поскольку в последние шесть лет жизни императрицы состояние здоровья часто не позволяло ей заниматься государственной деятельностью. Но важнейшие дипломатические и военные вопросы ей докладывались, и она выносила по ним свои резолюции.

Через Конференцию проходили и многие внутривластные дела, в числе их был и вопрос о секуляризации монастырских земель. Непосредственным поводом для этого послужили отказы монастырских властей принимать «для пропитания» отставных офицеров и солдат, как было принято еще с петровского времени. 18 января 1757 г. Елизавета указала определять отставных в монастыри, «не чиня ни малейшего в содержании их оскорбления под опасением... тяжкого гнева и штрафа»⁸⁷. Проявленное императрицей недовольство было использовано конференц-министрами, сумевшими увязать вопрос об оставленных без приюта ветеранах с необходимостью введения светского управления в монастырских вотчинах. 30 сентября того же года на заседании Конференции императрица приняла решение об установлении контроля над доходами церкви и отчислении из них средств на создание «инвалидных домов». Она распорядилась также передать монастырские имения под управление отставных офицеров, «дабы духовный чин не был отягощаем мирскими попечениями»⁸⁸. При жизни Елизаветы эти указания осуществить уже не удалось, но они стали юридической основой для решительных секуляризационных мер ее преемника Петра III.

Предпоследний год жизни императрицы ознаменовался попыткой устранить широко распространившиеся должностные злоупотребления и навести порядок в подборе кадров высших чиновников. Конференция получила распоряжение представить кандидатов на вакантные должности в государственном аппарате и подготовила соответствующий доклад. Елизавета в 11 случаях из 58 не согласилась с рекомендациями конференц-министров⁸⁹. Она отказалась сделать членами Конференции своих фаворитов А. Г. Разумовского и И. И. Шувалова, а на должность вице-президента Мануфактур-коллегии вместо рекомендованного немца назначила, по своему обыкновению, русского. Кроме того, она сместила с прокурорских постов в Сенате Н. Ю. Трубецкого и А. И. Глебова, которые входили в придворную группировку П. И. Шувалова и наряду с ним являлись главными виновниками усилившейся коррупции. На место Трубецкого был назначен известный своей принципиальностью Я. П. Шаховской, ставший одновременно членом Конференции.

Указ об этих перемещениях был подписан Елизаветой Петровной 16 августа 1760 г. одновременно с другим указом, в котором содержалось требование к Сенату покончить с должностными злоупотреблениями. В тот же день Конференция подала императрице доклад о повышении в чинах ряда лиц, в числе которых значились губернаторы А. Пушкин и П. Салтыков. Но Елизавета приказала расследовать деятельность их обоих, ибо они «свои губернии разорили или разграбили»⁹⁰.

Это были последние всплески активной государственной деятельности Елизаветы Петровны. Конец 1760 и 1761 г. прошли в мучительной борьбе стойкого организма императрицы со многими тяжелыми недугами. Помимо астмы и, вероятно, диабета, она страдала частыми припадками

эпилепсии, после которых по несколько дней пребывала в бесчувственном состоянии. 12 декабря 1761 г. «вдруг сделалась с нею прежестокая рвота с кашлем и кровохарканьем». Врачи прибегли к кровопусканию и увидели, что «во всей крови ее было уже великое воспаление». В последующие недели Елизавета Петровна испытывала ужасные мучения, которые переносила с твердостью и смирением, говоря, что «страдания сии слишком легки в сравнении с ее грехами»⁹¹.

Умиравшая императрица иногда находила еще в себе силы для государственных дел, и одно из последних ее решений было продиктовано заботой о простом народе. 16 декабря она объявила амнистию виновным в корчемной продаже соли и приказала Сенату изыскать средства для замены обременяющего население соляного сбора⁹². Почувствовав приближение смерти, Елизавета Петровна исповедалась, причастилась, соборовалась и вечером 24 декабря приказала дважды прочесть над собою отходную молитву, повторяя ее слова вслед за священником. Она умерла на следующий день, в праздник Рождества.

Недооценка роли Елизаветы Петровны в отечественной истории свидетельствует прежде всего о непонимании личной роли монарха в системе абсолютистского государства. Дочь Петра I являлась стержнем государственной жизни своего времени, и именно она ввела Россию в русло неторопливого и размеренного развития после грандиозных потрясений петровской эпохи, недальновидных опытов верховников и террора «бироновщины». Анекдотический образ танцующей и наряжающейся императрицы не должен заслонять фигуру реальной правительницы, которая по мере сил и способностей несла тяжелое бремя власти.

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4. М. 1958, с. 339.
2. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М. 1984, с. 100 (ссылки даются по подлинному авторскому тексту М. М. Щербатова, приведенному в приложениях к изданию).
3. АНИСИМОВ Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М. 1986, с. 13—14.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 142, оп. 1, д. 560, л. 1.
5. МИНИХ Б.—Х. Записки фельдмаршала. СПб. 1874, с. 87; РОНДО. Письма леди Рондо. СПб. 1874, с. 51—52.
6. ЛИРИЯ Я. Письма о России.— Оснадцатый век. Т. 2. М. 1868, с. 115; РОНДО. Ук. соч., с. 52; ПЕКАРСКИЙ П. П. Елизавета Петровна.— Русский архив, 1911, № 1, с. 7.
7. Шесть писем А. П. Волынского к цесаревне Елизавете Петровне.— Русский архив, 1865, № 1, с. 338—339.
8. ПАВЛЕНКО Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М. 1984, с. 215.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I(ПСЗ I). Т. 7. СПб. 1830. № 5070.
10. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 63. СПб. 1888, с. 509.
11. СЕМЕВСКИЙ М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол.— Русское слово, 1859, № 2, с. 230.
12. ЛИРИЯ Я. Ук. соч., с. 32.
13. Русский двор сто лет тому назад. По донесениям английских и французских посланников. СПб. 1907, с. 4.
14. СТРОМИЛОВ Н. С. Цесаревна Елисавета Петровна в Александровой слободе. М. 1874, с. 9—14.
15. Русский двор сто лет тому назад, с. 6.
16. МАНШТЕЙН К.-Г. Записки о России. СПб. 1875, с. 21.
17. Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб. 1872, с. 231.
18. ФИРСОВ Н. Н. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань. 1888, с. 124.
19. Русский двор сто лет тому назад, с. 41; Екатерина II. Антidot (Противоядие). Полемическое сочинение или разбор книги аббата Шаппа Д'Отероша о России. В кн.: Оснадцатый век. Т. 4. М. 1869, с. 303.

20. Русский двор сто лет тому назад, с. 33.
21. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 28—29.
22. Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. 1725—1825. М. 1991, с. 224—225; ПЕКАРСКИЙ П. П. Ук. соч., с. 10.
23. ПАНИН П. И. Русский двор в 1725—1744 годах. Замечания на Записки генерала Манштейна о России.— Русская старина, 1879, № 2, с. 594.
24. МАНШТЕЙН К.-Г. Ук. соч., с. 218.
25. Маркиз де ла Шетарди в России. 1740—1742 гг. СПб. 1862. с. 264.
26. ХМЫРОВ М. Д. Исторические статьи. СПб. 1873, с. 141; МАНШТЕЙН К.-Г. Ук. соч., с. 232.
27. МИНИХ Б.-Х. Ук. соч., с. 82; МАНШТЕЙН К.-Г. Ук. соч., с. 251.
28. ПСЗ I. Т. 11, №№ 8473, 8476, 8494, 8641.
29. Архив князя Воронцова (АКВ). Т. 1. М. 1870, с. 4; БЕНУА А. Н. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб. 1910, с. 21—26.
30. МИНИХ Б.-Х. Ук. соч., с. 87; Русский двор сто лет тому назад, с. 72; БОЛОТОВ А. Т. Жизнь и приключения. СПб. 1871, стб. 162.
31. МИНИХ Б.-Х. Ук. соч., с. 90; Русский двор сто лет тому назад, с. 73; ФАВЬЕ Ж.-Л. Русский двор в 1761 г.— Русская старина, 1878, № 10, с. 193.
32. БОЛОТОВ А. Т. Ук. соч., стб. 162; Княгиня Ангельт—Сербская Анна Елизавета, мать Екатерины Великой. Ее письма.— Русский архив, 1904, № 8, с. 470; ПОЗЬЕ И. Записки придворного брильянтика о пребывании его в России.— Русская старина, 1870, № 2, с. 90; ЕКАТЕРИНА II. Записки. М. 1989, с. 547; ФАВЬЕ Ж.-Л. Ук. соч., с. 191; РОНДО. Ук. соч., с. 76.
33. ПАНИН П. И. Ук. соч., с. 613—614.
34. БОЛОТОВ А. Т. Ук. соч., стб. 162.
35. ФАВЬЕ Ж.-Л. Ук. соч., с. 190—191; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 339.
36. О повреждении нравов в России, с. 100.
37. ЕКАТЕРИНА II. Записки, с. 555.
38. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. М. 1963, с. 167.
39. Там же. Кн. 12. М. 1964, с. 34.
40. ФАВЬЕ Ж.-Л. Ук. соч., с. 191.
41. МИНИХ Б.-Х. Ук. соч., с. 88; ЕКАТЕРИНА II. Записки, с. 187.
42. Русский двор сто лет тому назад, с. 71.
43. ЕКАТЕРИНА II. Записки, с. 443; Письма и записки императрицы Елизаветы Петровны.— Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских (ЧОИДР), 1867, № 4, отд. 5, с. 28.
44. БРИКНЕР А. Г. Жизнь Петра III до вступления на престол.— Русский вестник, 1883, № 2, с. 728.
45. ПСЗ I. Т. 11, № 8480.
46. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 45.
47. КИСЛЯГИНА Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II.— В кн.: Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М. 1991, с. 170.
48. ПСЗ I. Т. 11, № 8480.
49. Письма и записки императрицы Елизаветы Петровны, с. 30—31.
50. РГАДА, ф. 5, оп. 1, д. 75, л. 19.
51. Императрица Елизавета Петровна и ее записочки к Василию Ивановичу Демидову.— Русский архив, 1878, № 1, с. 10—13.
52. РГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 51975, л. 10.
53. Д'АЛЛИОН Б. Письма из России во Францию в первые годы царствования Елизаветы Петровны.— Русский архив, 1892, № 10, с. 153.
54. ГРАДОВСКИЙ А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб. 1866, с. 167.
55. ШМИДТ С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века.— Вопросы истории, 1987, № 3, с. 49.
56. ПСЗ I. Т. 11, № 8695; БАРАНОВ П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. Т. 3. СПб. 1878, с. 120, № 9012.
57. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 331.
58. БАРАНОВ П. И. Опись, с. 444, № 11690.
59. ПСЗ I. Т. 13, № 10164; ВОЛКОВ М. Я. Отмена внутренних таможен в России.— История СССР, 1957, № 2, с. 92—94.
60. АКВ. Т. 3. М. 1871, с. 650—651, 654.

61. ПСЗ I. Т. 11, №№ 8619, 8835; АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 53; СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 11, с. 153.
62. ГОТЬЕ Ю.В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке.— Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М. 1909, с. 145.
63. РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 39, лл. 5—5 об.
64. ПСЗ I. Т. 13, № 9919; БАЖОВА А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М. 1982, с. 118, 125, 128—129.
65. ПСЗ I. Т. 11, №№ 8673, 8840.
66. БЕНУА А. Н. Ук. соч., с. 228.
67. ШАХОВСКОЙ Я. П. Записки. СПб. 1872, с. 64.
68. КОМИССАРЕНКО А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М. 1990, с. 106—107.
69. ЕШЕВСКИЙ С. В. Сочинения по русской истории. М. 1900, с. 114—116.
70. ВИКТОРСКИЙ С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние. М. 1912, с. 223; СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 11, с. 527.
71. АКВ. Т. 3, с. 650; ВИКТОРСКИЙ С. И. Ук. соч., с. 225.
72. БАРАНОВ П. И. Описание, с. 147, № 9235.
73. СЕРГЕЕВСКИЙ Н. Д. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне.— Журнал гражданского и уголовного права, 1890, № 1, с. 59.
74. Подробнее см.: ПСЗ I. Т. 13, № 9789; ДАНИЛОВ М. В. Записки артиллерии майора. Казань. 1913, с. 44—45; ПЕКАРСКИЙ П. П. Ук. соч., с. 24; БАРАНОВ П. И. Описание, с. 232, № 9968; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Императрица Елизавета Петровна. В кн.: Три века. Т. 4. М. 1913, с. 161; РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 2, лл. 1, 8а, 92; дд. 7, 12 и др.
75. ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Царствование Елисаветы Петровны. Изд. 3-е. Ч. 2. СПб. 1849, с. 63.
76. ПСЗ I. Т. 2, № 9479; т. 11, №№ 8701, 8640, 8754; т. 13, №№ 9959, 9992, 10065; т. 15, №№ 10824, 10904, 10915 и др.
77. ПСЗ I. Т. 13, № 9824; т. 14, № 10599; ВСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГРОСС В. Н. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М. 1957, с. 225, 227.
78. БОЛОТОВ А. Т. Ук. соч., стб. 162.
79. МИНИХ Б.-Х. Ук. соч., с. 88.
80. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 81.
81. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., Кн. 11, с. 190.
82. РГАДА, ф. 5, оп. 1, д. 75, л. 23 об.
83. АКВ Т. 4. М., 1872, с. 211.
84. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 11, с. 368—370.
85. Записки де ла Мессельера о пребывании его в России.— Русский архив, 1874, № 4, стб. 1011—1012; ПОЛЕВОЙ Н. А. Столетие России с 1745 по 1845 г. СПб. 1845, с. 74.
86. Русский двор сто лет тому назад, с. 99; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Уилльямса.— ЧОИДР, 1990, № 2, отд. 1, с. 121, 160.
87. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2, оп. 113, д. 44, лл. 12—12 об.
88. РГАДА, ф. 178, оп. 1, д. 3, лл. 245, 256—257 об.
89. Ср.: РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 108, лл. 30—33 об; БАРАНОВ П. И. Описание, с. 438—440, № 11660.
90. РГАДА, ф. 178, оп. 1, д. 17, л. 376; ПСЗ I. Т. 15, № 11092.
91. БОЛОТОВ А. Т. Ук. соч., стб. 126—127; ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Ук. соч. Ч. 2, с. 51—53.
92. ПСЗ I. Т. 15, № 11899.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

От Нью-Йорка до Айовы

Следующие по временам воспоминания — о моем пребывании в Нью-Йорке. Туда мы прибыли из Вашингтона, кажется, поездом. Официально нас встречал глава городского муниципалитета Вагнер. Он, по-моему, принадлежал к демократической партии. Губернатором являлся Рокфеллер, который сменил Гарримана. Рокфеллер принадлежал к республиканской партии. Но это не имело особого значения. Встреча была соответственно выдержана в обычном тоне и стиле: вежливость, цветы и пр. В нашу честь Вагнер дал обед, довольно представительный, со многими участниками. Думаю, что организация обеда была такой же, как в Лос-Анджелесе: каждый покупал себе билет, как в театр, на право находиться за обеденным столом. Не помню ни речи Вагнера, ни своей, потому что они были стандартными. Ничего особенного я там сказать не мог и говорил традиционно: излагал суть нашей политики борьбы за мир, мирное сосуществование, дружбу, нормальное экономическое развитие, торговлю и т. д., хотя почти никаких экономических связей, включая торговлю, у нас в то время, как я уже говорил, с Соединенными Штатами не существовало.

Потом мне сообщили, что в Нью-Йорке по инициативе деловых людей города предполагается организовать в мою честь еще один обед и там обменяться мнениями. Я принял это предложение и прибыл на обед. Не помню, как он назывался — «Встреча деловых людей с Хрущевым», или «Обед в честь Хрущева». Но помню, что он состоялся в большом зале. Опять присутствовало много народа, как минимум несколько сот человек. Все расположились в большом ресторане, столики в зале были расставлены в западном стиле, то есть не был организован общий стол, как принято у нас, за которым гости рассаживаются каждый согласно своему рангу на установленном заранее месте. Нет, там расположение столиков было иным, ресторанного типа. Однако столик, за которым я сидел, как-то выделялся: если рассматривать обеденный зал как место заседания, то наш стол являлся как бы столом президиума.

Начались речи. Не знаю, было ли намечено какое-то ограничение во времени. Все выступали, как хотели, высказывали разные точки зрения по любым вопросам, в том числе о необходимости развивать торговлю с Советской страной, но все очень сдержанно, во взвешенных выражениях. Потом должен был выступить я, что я и сделал. В своей речи я хотел,

---

Продолжение. См. Вопросы истории», 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—4.

помнится, обрисовать политику СССР в деле мирного сосуществования с упором на выгоду торговли для обеих сторон. Сейчас у меня остались довольно смутные воспоминания о содержании и стиле моего выступления.

Слева от меня за двумя или тремя столиками размещались какие-то молодые люди в обычных для такого случая вечерних костюмах. Они ничем не выделялись. Мне подумалось, что эти люди — отпрыски деловых семей. Они настроены были очень агрессивно по отношению к политике Советского государства и, следовательно, против меня как его представителя, держали себя вызывающе, подавали недоброжелательные реплики. Меня это возмутило. Я подумал, что они хотят организовать «кошачий концерт» в виде ресторанной демонстрации против СССР, и я решил отреагировать немедленно: тут же прервал свою речь и обратился к ним. Но не уговаривал их не мешать выступлению, а сам перешел в наступление:

«Думаю, что я понимаю вас правильно. Вы выступаете против Советского государства, против социализма. Но я тут не проситель и не пришел к вам с протянутой рукой просить подаяния, а представляю великий Советский Союз, государство рабочего класса, которое достигло определенных успехов. Поэтому мы и предлагаем вам торговлю на условиях взаимных интересов. Предлагаем мир. Думаю, что такие предложения полезны всем странам мира». Сейчас я вольно излагаю содержание моего выступления, говорю по памяти. Оно, конечно, было опубликовано, так что весь разговор стал достоянием читателей. Молодые люди притихли, а другие стали шикать на них и потребовали, чтобы те держали себя прилично. Так я достиг своей цели, резко оборвав их, продемонстрировал силу нашего государства и свою непреклонность. Это произвело должное впечатление. Далее меня слушали очень внимательно, хотя ничего нового, никаких особых предложений я не внес. Они вытекали из проводимой нами политики мирного сосуществования, развития торговых и экономических связей со всеми странами, в том числе с Соединенными Штатами Америки.

Позднее меня известили, что Нельсон Рокфеллер желал бы нанести визит в гостиницу, в которой меня поместили. Я ответил, что охотно встречу с ним. Я был уже знаком с ним по встрече в Женеве. В согласованный час он приехал. Этот живой, подвижный человек одет был элегантно, но без роскоши, именно так, как в то время одевались все деловые американцы. Я говорю об этом потому, что Рокфеллер — не просто капиталист, а крупнейший капиталист. Визит был кратким, без беседы: мы поздоровались и обменялись несколькими фразами насчет того, что уже встречались ранее. Он сказал: «Считал своим долгом нанести Вам визит и пожелать всего хорошего». А на прощание он бросил фразу: «Не исключаю или даже надеюсь, что эта наша встреча — не последняя. Возможно, мы с Вами будем иметь в дальнейшем деловые свидания». Я ответил, что буду рад встретиться, особенно на деловой почве. Его слова я расценил как намек и на то, что он не теряет надежды занять президентское место. Тогда мы встретились бы в ином качестве, и у нас появились бы другие возможности построения отношений между нашими государствами. Это, конечно, лишь мое толкование его слов, которое вытекает из его реплики.

Мне показали Нью-Йорк. Я проехал по улицам, поднимался на самый высокий небоскреб. Все туристы пользовались им ради обзора города. Не знаю, сколько в нем этажей, но, действительно, здание очень высокое. Когда мы поднялись наверх, там гулял свежий ветер. Владелец, не то управляющий домом, сопровождал нас и показывал окрестности. Это было впечатляющее зрелище. Небоскребы очень верно описаны в книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Какое-то их количество имелось тогда и в других городах США. Так, в Сан-Франциско я тоже видел небоскребы, но в Вашингтоне они мне не попались на глаза.

Поступило приглашение от господина Гарримана навестить его в собственном доме. Мне передали, что, если я соглашусь на встречу, хозяин пригласит к себе друзей — бизнесменов, с которыми можно обменяться мнениями. Мне это предложение очень понравилось, поскольку предстояла именно деловая встреча, хотя и без заранее оговоренной повестки дня,

и в назначенное время я прибыл к Гарриману. У нас к нему сложилось особое отношение. Во время второй мировой войны он являлся послом США в Советском Союзе. Мы его рассматривали как доверенное лицо президента Рузвельта, посол проводил политическую линию, которая нам импонировала: он считал необходимым укрепление военного союза против гитлеровской Германии и все, что было в его силах, использовал для поддержки СССР. Главным образом поддержка заключалась в обеспечении нас материалами, необходимыми для производства оборонной техники, особенно металлами. Нужно отдать США должное: они дали нам очень многое. Я уже говорил ранее в своих воспоминаниях и повторяю здесь, что в деле поддержки Советского Союза решающим тогда был вклад США.

Но каждому мало-мальски мыслящему человеку должно быть ясно, что это не было какой-то любезностью вследствие уважения к нашему строю и нашим политическим взглядам, тем более к коммунизму в принципе. Нет, это делалось сугубо на коммерческой основе: мы вам даем сталь, дюралюминий, бензин, тушонку и прочее, а вы своей кровью платите за это в борьбе с гитлеровской Германией. Но обстоятельства наши были таковы, что не давали нам выбора. Мы стремились выжить, поэтому согласны были и на такие условия, да еще благодарили. Ленин предвидел, что социалистическая страна может использовать противоречия между капиталистическими странами в своих интересах. И вот Сталин сумел убедить США оказать нам помощь. В это вопросе я абсолютно согласен со Сталиным, который тоже очень высоко ценил помощь со стороны США: неоднократно в беседах лично со мной или в узком кругу членов Политбюро он говорил, что если бы не Америка, не ее помощь, мы бы не справились с Гитлером, потому что лишились многих заводов, средств и материалов, необходимых для ведения войны.

Роль Гарримана была тогда большой. Он понимал: чем больше мы получим оружия, тем лучше будем воевать, тем больше обескровим гитлеровскую армию, тем легче достанется победа Соединенным Штатам. Заплатив и нашей кровью, они хотели прийти к победе над общим врагом и занять соответствующее положение в мире. Его они и заняли после войны. Я слышал, что Гарриман был у нас до победы революции владельцем разработок марганцевых руд в Грузии. Со слов Сталина знаю, что когда мы заняли финский город Петсамо, возле которого имелись никелевые разработки, принадлежавшие какому-то канадскому обществу, то обнаружили, что их акционером являлся Гарриман. После войны Петсамо вошел в состав Советского Союза под названием Печенга. Как объяснял Сталин, так мы заимели общую границу с Норвегией, а главное, нас привлекал никель. Исторически эта территория осваивалась когда-то и русскими людьми, там жили русские поселенцы. От них остались различные памятники.

Кроме того, данный район имел большое стратегическое значение, обладая незамерзающими портами для гражданского и военно-морского флота. Помню, как Сталин высказывал мнение, что надо хоть и не полностью, но какую-то все же компенсацию дать Гарриману. Не знаю, было ли это сделано. Я уже говорил ранее, что Сталин, даже высказываясь, никакого обмена мнениями в то время уже не терпел. Мог слушать нас, если это не противоречило его пониманию вещей, но не нуждался в каких-либо советах, вел себя как диктатор, единолично решая все вопросы. Я это вспоминаю, чтобы подчеркнуть, каким было отношение Сталина к Гарриману. Считаю его правильным, потому что Гарриман своей политической линией заслуживал этого. Посол ведь играл большую роль, потому что контакты США с СССР имели прежде всего через посла, и многое зависело от того, как он докладывал и как излагал наши пожелания. Гарриман относился с пониманием к интересам Советского Союза, хотя через помощь нам проглядывали обеденные ложки интересов США.

Когда я прибыл в дом Гарримана, то увидел группу бизнесменов, которых он пригласил по своему усмотрению. Их было человек 15—20. Большая комната была вся заполнена присутствующими. Собрались люди

разного возраста и внешнего вида, типичные капиталисты, но отнюдь не фигуры со свиноподобными физиономиями, как изображали их на наших плакатах времен гражданской войны. Они вовсе не походили на плакатных буржуа. Некоторые были одеты вообще довольно скромно, и их костюмы ничем не свидетельствовали, что владельцы этих одеяний являются крупнейшими капиталистами. Гарриман познакомил меня со всеми, каждого представил, рассказал, чем он владеет и какую продукцию производит его фирма. Там собралось немало интересных для нас людей. Потом подали вино. Какие были напитки, сейчас не помню, но шампанское стояло на подносах. Прием был не за столом: в большом зале люди сидели или ходили и беседовали друг с другом. Позднее и у нас ввели такой вид приема. Ведь когда устраивается просто обед, то все сидят за столом, и тут невозможны широкие контакты, потому что раз тебя посадили, то можно перебрасываться фразами с соседями справа, слева или перед собой, а с другими поговорить нельзя. Когда же люди имеют свободное передвижение, то поговорят, с кем хотят.

Признаться, когда Гарриман предложил мне такую встречу с влиятельными лицами, я питал некоторую надежды на возможность установить деловые связи. Однако не сразу все делается. Как говорится, и Москва не сразу строилась. Начинать надо с малого. И когда я стал беседовать с присутствующими, то увидел, что нет никаких надежд на то, чтобы лед тронулся тут же: условия для развития экономических связей еще не созрели. Помню, Гарриман представил мне владельца химических предприятий, человека лет 50—60, довольно грузного. Он хорошо говорил по-русски и, кажется, был евреем по национальности. А разговаривал он таким тоном, который не обещал никаких деловых контактов, и задал вопрос: «Ну что нам торговать с вами? Что вы могли бы нам продать?» Это были не только его вопросы. Такую фразу я очень часто слышал, когда был в Америке, при встрече с деловыми людьми. Данный же бизнесмен сказал, что согласен за золото и сейчас продавать нам товары. Впрочем, его слова не соответствовали действительности, потому что имелось вето конгресса на продажу социалистическим странам определенных видов товаров или сырья.

Курили, в зале плавал табачный дым. Многие подходили ко мне и перебрасывались фразами. Велось прощупывание: что это за человек? С чем он приехал? Главным образом, думаю, что тут был нажим, стремление оказать давление, создав впечатление о безысходности ситуации. Может быть, они хотели выступить единым фронтом с правительством, чтобы мы приняли их условия, продиктованные нам? Условия были не только экономические, но и политические, такие, против которых мы ранее воевали и готовы были драться до последнего. Таким образом, встреча у Гарримана ничего нам не дала. Не скажу, что она меня разочаровала, но если я и питал какие-то надежды, то они не оправдались. После данной встречи деловые люди уже ничем себя не проявили, не оказывали желательного нам нажима на правительство и не создавали общественного мнения в пользу развития экономических связей и торговли с Советским Союзом.

Настало время уходить. Я поблагодарил Гарримана, распрощался с присутствующими и уехал в гостиницу. Какое же на меня произвел впечатление в целом Нью-Йорк? Видимо, не смогу добавить чего-либо большего, чем уже написано нашими писателями и журналистами, которые ездили туда, ходили повсюду, заглядывали во все уголки города во все времена года и все часы суток. Я ведь мало видел Нью-Йорк, как и другие города США. Официальное лицо ограничено в своих действиях и возможностях. Сложилось впечатление, что это очень большой и шумный город. Поражали световая реклама, насыщенность автомобильным движением, сопровождаемым отравленным, испорченным газами воздухом, который душит людей. Как во всяком капиталистическом городе, соседствуют нищета, трущобы и роскошь. Закончилось мое пребывание в Нью-Йорке, и мы вернулись в Вашингтон.

Никаких особых антисоветских проявлений против меня и сопровожда-

вших меня лиц я там не видел и не чувствовал. Пешком в Нью-Йорке не ходил, поэтому и проявить неприязнь к нам враждебным элементам было трудно. А вот в Сан-Франциско я как-то встал рано утром, вышел «в неорганизованном порядке» из гостиницы и направился гулять по улице. Тут же за мной увязалась охрана, приставленная правительством. Она меня сопровождала, но сопровождение было корректным. Я видел, что люди, охранявшие меня, ничем не выделялись в толпе и не были в полицейской форме, хотя имелись и полицейские. В Сан-Франциско я тоже нигде не встречал каких-то выпадов, выходок враждебных нам сил, которые, безусловно, были, есть и будут, пока существуют две социальные системы. Даже в одной системе — и то к руководству возникает разное отношение. Зато я получал немало писем, авторы которых довольно резко выражались в адрес политики, проводимой правительством США. Это тоже всегда бывает. Тем более, когда налицо такие контрастные страны и со столь контрастной политикой, как СССР и США, антагонистические страны. Их государственные системы создают антагонизм, а люди поддерживают его и развивают. Поэтому я, так сказать, «был готов». Если не встречал выпадов, то это не значит, что там нет враждебных сил. Иначе был бы слишком упрощенный подход, непонимание классового подхода.

Программой было запланировано и посещение штата Айова. Когда мы прибыли туда, прием оказался хороший, были проявлены должное внимание к нам, вежливость, все церемонии, которые положены при приеме гостей. В Айове было намечено посещение фермы господина Гарста. Я очень хотел побывать у него, потому что был с ним знаком. Первый раз я встретился с ним в 1955 или, может быть, 1954 г. в Крыму. Он приезжал в Советский Союз и знакомился с нашими сельскохозяйственными предприятиями. Теперь он пожелал встретиться со мной. Я остался очень доволен нашей встречей. Гарст — интересный человек, прекрасно знающий свое дело. Уже после визита в США я встречался с ним несколько раз в СССР, когда он приезжал и один, и с супругой. Я всегда принимал его, мы беседовали. Собственно говоря, говорил больше он, а я его слушал, поскольку то был очень интересный собеседник, хорошо знающий сельское хозяйство, не лектор и не докладчик, а конкретный деятель. Он сам вел свое высокорентабельное, прибыльное хозяйство и поэтому был интересным собеседником.

Когда мы прибыли в Айову, мой помощник Андрей Степанович Шевченко (ранее агроном), уважаемый, скромный, знающий и любящий свое дело человек, передал мне, что установил доверительные отношения с Гарстом, который высказал пожелание о встрече на ферме. При этом он выразил такое суждение: люди, принимающие Хрущева, да и сопровождающие его — городские, привыкшие вставать поздно; они не знают, что такое восход солнца; а он — фермер, встает рано, с солнышком. Вспомнив наши прежние беседы, он сделал вывод, что я, живя ранее в сельской местности и зная крестьянский труд, тоже смогу поступить по-гарстовски. И через Шевченко он передал предложение: «Хорошо, если бы господин Хрущев согласился и укатил ко мне на ферму рано утром». А когда я там появился, то сказал мне: «Господин Хрущев, поедemте одни, остальные пусть спят, приедут попозже. Я же смогу Вам все спокойно показать и рассказать». Тут я понял, что он совершенно не представлял себе официальное положение государственного гостя, который не может тайно сбежать из гостиницы в неизвестном направлении. Это было совершенно нереально. Ведь меня сопровождал Лодж и охраняла полиция, которая не имела права выпускать меня из поля зрения. Поэтому согласиться на тайное умыкание вроде того, которое практиковалось в давние времена на Кавказе и Средней Азии, я не мог. В моем положении гостя президента возникло бы сразу столько шума, когда обнаружится, что гость сбежал!

И через Шевченко я передал Гарсту, что раннее уединение нереально, хотя и было бы для меня очень интересным. Когда его план отпал, назначили день и час выезда на ферму. Там Гарст встретил нас. У него были и другие приглашенные, и я встретился с господином Стивенсоном,

который сейчас уже умер. Стивенсон выдвигался на пост президента США от демократической партии, но, к сожалению, не собрал нужного большинства голосов. В таких случаях говорят: провалился на выборах. Тем не менее он являлся уважаемым человеком. Я с ним встречался до своего приезда в США, когда тот бывал в Советском Союзе. И во время прежней беседы я сделал вывод, что Стивенсон — реально мыслящий человек, который хочет повернуть политику США в сторону сближения с СССР и взаимопонимания, что он правильно понимает необходимость укрепления дружеских отношений со всеми странами мира, а в первую очередь с такой великой страной, как Советский Союз.

Гарст познакомил меня с гостями, супругой и сыновьями. С его супругой я тоже встречался ранее, когда чета Гарстов приезжала в Сочи, где мы провели много часов в спокойной обстановке, хотя и не на поле, а на веранде государственной дачи у самого берега моря. Та беседа тоже была для меня не только полезной, но и поучительной. Я внимательно слушал его и запоминал сказанное, с тем чтобы перенести его опыт на нашу почву. Этот опыт полностью переносим и полностью повторяем, тут стоит лишь вопрос о материальных средствах и соответствующих знаниях людей, занимающихся сельскохозяйственным производством. Нужная же техника имелаась у нас в полном наборе и достаточном количестве. Вот какое впечатление произвел на меня этот замечательный фермер! Один сын Гарста был агрономом, о другом не могу ничего сказать, но оба они милые люди. Мне понравилось, что агроном Гарст не только способен был давать указания, а и мог сам сесть на трактор, выехать на поле, произвести вспашку земли или уборку. Это вообще большое достоинство всех агрономов и зоотехников, которых готовят в США в сельскохозяйственных колледжах.

Началось знакомство с фермой. Сопровождающих лиц было очень много, включая журналистов. Как говорят у нас: видимо-невидимо. И я вспомнил образное выражение украинского крестьянина, егеря Прокопа. Когда тот хотел подчеркнуть, что уток на болоте видимо-невидимо, то говорил: «Как навоза». Не знаю, сколько собралось корреспондентов, но похоже, что огромная армия. Гарст начал знакомить меня со своим хозяйством. Прежде всего мы пошли на ферму, где откармливались бычки. Поглядели на откормочные сооружения — большие сараи, что для меня оказалось не ново. Подростком в 1908 г. я пас овец у помещика, генерала Шаукаса. Какое-то время работал и у помещика Васильченко, который имел тоже крупное имение, но находившееся не на высоком уровне. А имение Шаукаса было высокопродуктивным хозяйством с высокими урожаями зерновых, сахарной свеклы и других культур. Генерал выращивал прекрасных верховых лошадей чистокровной английской породы, большое количество тонкорунных овец, сбывал шерсть. Постройки там были капитальные: строили прежде крепостные, труд был даровым. Стены — из красного кирпича, выглядели, как крепость. Механизации раздачи кормов и водопоя в кошарах и конюшнях, конечно, еще не имелось, использовали колодцы. Конюхи или пастухи бадьей вычерпывали оттуда воду и разливали в корыта. Но в остальном...

Говорю об этом, поскольку повидал хорошие помещичьи хозяйства и жалел, что все это в революцию было разрушено. А могло бы ведь пригодиться нашим совхозам и колхозам. Когда я приезжал позднее к себе в Калиновку, то обнаружил, что остался только помещичий дом-дворец, остальное же по кирпичикам было разобрано, хозяйство разрушено. Понимаю, конечно, сколько ненависти накопилось у крестьян, сколько пота они там пролили, сколько крови высосали из них помещики, сколько спин высекли кнутами и розгами. Однако взрыв гнева смёл не только тех, которые пороли, но и то, что крестьяне сами создали и чем раньше владел их деспот. Богатства, созданные их руками, могли бы служить людям. Но понимания дела не было проявлено, и по всей России все было сметено. Нового такого крестьяне не построили. Зато власть обрел трудовой народ.

Я сделал тут экскурс на несколько десятков лет назад, с тем чтобы

сказать, что хорошие постройки видел еще в дореволюционное время. Теперь же я сравнивал. Раздача кормов у Гарста механизирована. Комбинированные корма составлялись из различных полезных компонентов, сбалансированных по всем элементам. Это необходимо для лучшего питания животных, чтобы при меньшем количестве кормов получить максимально возможный привес. Такой подход усвоен всеми фермерами США в их практике. Если фермер этого не усвоит и будет почесываться, как это делается у нас в деревне еще и сейчас в колхозах и совхозах, то такой фермер разорится и вылетит в трубу. Его съедят соперники, и он не выдержит конкуренции на рынке сбыта. Вот большое экономическое достижение американских фермеров, да и не только американских.

Советское руководство было осведомлено о таком ведении хозяйства, но не внедряло его у нас, да и сейчас, к сожалению, не внедряет. Мы тоже знаем комбикорм. Но что такое наш комбикорм? Негодное, прелое, полугнилое зерно или какие-то остатки, как украинцы говорят — смиття, то есть зерно вместе с мусором и землей. Такой корм прямо скармливают скоту или перемалывают с другими компонентами. Еда получается малопродуктивной и не может дать должного эффекта. А минеральные добавки и сейчас очень редко кто у нас использует, хотя они апробированы наукой и рекомендованы учеными. В США же все, что выходит из лаборатории или из-под пера ученого, что проверено экспериментом и дало эффект, сейчас же внедряется. Там существуют специальные организации, которые за особую плату дают рекомендации по внедрению хороших новинок на фермах. С фермером заключается договор, колледж или институт посылает к нему специалиста, который дает указания, организует внедрение новинки и наблюдает за ходом дела, пока оно не будет освоено фермером. Затраты фермера с лихвой окупаются в результате использования новинки в хозяйстве.

Помню, как я заметил, что у корыт животными был рассыпан корм, и заметил Гарсту, что это нерационально. В ответ Гарст пробасил: «Да, случаются и неизбежные потери». Он понял, что я пошутил, но все же сказал, что надо подумать об уменьшении потерь. Потом показал мне бычков: в отличном состоянии, прекрасной упитанности, с хорошими привесами. Да иначе и быть не могло. Плохие привесы — плохой хозяин, разорение, крах, продажа имущества с молотка. Гарст был не таков. Он занимал очень хорошие хозяйственные позиции и твердо врос ногами в почву, на которой вел дело. Когда он показал мне силосные башни, то объяснил, что тут налицо вчерашний день, башни уже не используются. Я удивился, а Гарст пояснил, что изучил различные способы силосования и нашел более легкие и доступные. Сейчас в США делают огороженные цементные площадки или же, используя рельеф местности, вырубают коридоры в земле и закладывают силос. Такое его приготовление дешевле, а заполнение лучше, облегчается и доставка животным. При силосовании в башнях надо высоко транспортировать массу, потом ее извлекать. В траншеях этого нет. Мы сначала повторяли опыт американцев в строительстве силосных башен, а потом тоже от них отказались. То есть копировали. И правильно делали, так как своего опыта у нас не имелось.

Я ходил и восхищался. Понравилась мне подача воды с помощью самых простых средств механизации: поставили насос, проложили трубы, и вот вам механическая подача воды. Пошли мы на поля. Кукуруза у Гарста была главной культурой. Не помню, какие культуры он еще сеял. Лучший корм для крупного рогатого скота — кукурузный силос. Там хозяйство держалось на монокультуре, на кукурузе. Так как я был знаком с кукурузой, и в СССР имелись хорошие примеры ее выращивания, то я знал, как ее лучше сеять и обрабатывать, чтобы получать более высокий урожай. Мы в то время пропагандировали у себя квадратно-гнездовой посев кукурузы, тоже выдумку американцев, в свое время практиковавших такой способ, хотя мы считали, что это мы сами выдумали.

Теперь у Гарста я увидел ширококорядные посевы, такие, какие использовали до революции наши крестьяне. Я спросил о причине, и он ответил, что

при таком способе меньше трудовых и денежных затрат. Он прав. Если сеять квадратно-гнездовым методом, то посе́вы для уничтожения сорняков и окучивания растений обрабатывают в двух направлениях. Я видел посе́вы кукурузы на Украине, еще когда работал на заводе, расположенном в деревне. Кукуруза была главной культурой для кормления скота. Бывало, едет украинец на базар в Юзовку, захватит мешок кукурузы и обязательно корыто в арбу, потом насыпает початки в корыто, и лошади грызут кукурузу. Тогда крестьяне обрабатывали ее вручную, поэтому получали хорошие урожаи. А если механизировать производство, когда ручного труда не хватает (а его всегда надо экономить), то более эффективно возделывать кукурузу квадратно-гнездовым методом. Да и другие пропашные культуры тоже.

Появились химические средства борьбы с сорняками, и американский фермер получил возможность вернуться к широкорядным посе́вам, обрабатывая их только в одном направлении, а сорняки около стебля уничтожая гербицидами, то есть химическим ядом. И я сказал Гарсту: «Вот наилучшее размещение кукурузы, чтобы был один стебель, максимум два». Ширина междурядья у нас сложилась в 60—70 см, американцы же оставляли 80 см, стебель от стебля отстоял примерно на 25—30 сантиметров. Я увидел, что в некоторых местах росло в гнезде не по два или по три стебля, а до шести, происходило взаимное угнетение растений. Того эффекта, который мог быть при одном стебле, максимум двух, тут не получишь. Между стеблями должно быть больше пространства, а корневой системе надо дать возможность лучше забирать питательные вещества из почвы и обеспечить хорошее проветривание и освещенность растений. Тогда возникнут благоприятные условия для роста. Это относится ко всем культурам, но особенно к кукурузе, потому что она высокостебельная. Если ее густо посеять, то солнце не станет согревать почву, кукуруза будет расти, но с плохой отдачей. А если вообще запустить посе́вы, то и початков не будет. Об этом я рассказывал Гарсту. «Да, вы правильно, придиричиво относитесь к посе́вам,— сказал он,— надо бы делать прореживание вручную, но это требует много ручного труда».

Когда мы ходили по полю, нас сопровождала огромная армия журналистов, фотографов и кинооператоров. Они бегали и справа, и слева, и навстречу, и вслед, так как им требовалось заснять нас в разных положениях. У меня сохранилась фотография. Там в объектив попал маститый журналист, господин Солсбери. Он в разное время по-разному освещал жизнь СССР, но в любом случае правильно понимал необходимость строить наши отношения на доброй основе. Когда мы шли с Гарстом, Солсбери хотел пробежать перед нами и сфотографировать нас, но Гарст так рассердился, что отпечатал свою подметку на заднем месте корреспондента. Это все тоже заснято и потом появилось в печати. На этот счет было много шуток и зубоскальства. Вот какие возникали эпизоды. Надо понять Гарста! Видимо, он исходил из соображения, что ферма — его, земля — его, он тут хозяин, пригласил к себе в гости Хрущева, а ему мешают, и он использовал свои законные права. На какого-то другого корреспондента он тоже рассердился, схватил стебель кукурузы и метнул в него: что вы мешаете мне? Одним словом, был разъярен. У него никогда не было прежде и, наверное, никогда не будет после моего посещения такого количества людей на поле. Тут стряслось нашествие, что для сельского хозяйства очень вредно. Гарст боялся, что если ему вытопчут посе́вы хуже, чем им навредит саранча, то хозяйство потерпит убытки. Лишние люди раздражали Гарста, и он медведем ревел против всего, что ему мешало.

Настало время обеда на ферме. Мы с Ниной Петровной осмотрели дом Гарста. Дом был хороший, приятный, обычной архитектуры, никаких лишних украшений: жилой дом богатого, но делового человека, умеющего считать деньги. Я это говорю к тому, что если бы он захотел, то по своим капиталам мог бы себе позволить и роскошь. Но пустые затраты не свойственны Гарсту. Он не жаден, а рационален. На то, что необходимо и дает прибыль хозяйству, не жалеет, а траты, которые не окупаются,

считает глупыми. Хорошо, если бы этим капиталистическим принципом руководствовались наши люди, работающие в социалистическом хозяйстве. К сожалению, сейчас, когда я читаю газеты, часто встречаю сногсшибательные примеры того, как незначительные хозяева пускают народные средства в трубу.

Раньше я представлял себе Гарста скромным в делах человеком. Здесь же я увидел его в натуре, в действии и воспытал к нему уважением. Это уважение сохраняю и сейчас. Некоторые скажут: «Как же так? Хрущев — коммунист, бывший пролетарий, столько проработал на партийной и государственной работе — и такого мнения о капиталисте, эксплуататоре?» Отвечу: социалистический способ ведения хозяйства более прогрессивен, нет сомнения. Но умение использовать накопленный опыт, бережливость, рациональное расходование средств у капиталистов развиты лучше. Надо научиться переносить на социалистическую почву все полезные знания, накопленные капитализмом. Надо учиться у капиталистов, как призывал нас Ленин. К сожалению, мы, как попугаи повторяя слова Ленина, очень плохо учимся на деле и еще хуже переносим рациональное в нашу социалистическую действительность. А если бы мы это делали умело, то как бы двинулись вперед! В вопросах оплаты, нормирования труда, обслуживания трудящихся мы, конечно, не можем брать пример с капиталистических предприятий. У нас создаются свои нормы, на основе социалистического законодательства. Тем не менее, многое могли бы позаимствовать и у своих классовых врагов и в переработанном виде перенести их достижения на социалистические предприятия.

Вернусь к Гарсту. Расположение комнат дома тоже было рациональным. Мне очень понравилась планировка дома, отвечающего всем современным требованиям. Он был удобен для жизни, хотя и не имел излишеств. Внешне, если посмотреть на одежду Гарста, скажешь, что она была добротна, но не кричаща. Ее владелец не гнался за модой. Этот уравновешенный человек, твердо стоящий на земле, вел большое дело. Не знаю, каковы его капиталы, такого вопроса я не задавал, это неприлично, тут секрет предпринимателя. В заимствовании же опыта ведения хозяйства я был сильно заинтересован. Удивительно все-таки: вот капиталист, а мы коммунисты, но он охотно раскрывает свои производственные секреты и делится ими. Когда он бывал в Советском Союзе и в наших хозяйствах видел что-либо неправильное, то ревностно критиковал это, с гневом набрасывался на тех, кто плохо работал. Казалось бы, капиталист — и хочет лучшего для социализма? Видимо, у него классовые чувства стираются в такой момент, когда он загорается гневом: не делай так, как нельзя делать! Тут он из капиталиста превращался просто в хозяина.

Как-то Гарст оказался в колхозе при посеве кукурузы. Ее высевали без одновременного внесения в почву минеральных удобрений. И он набросился на колхозников: «Нельзя без минеральных удобрений!» Конечно, для такого сева нужны особые сеялки. В том хозяйстве таких сеялок не было. Но все равно, удобрения надо было вносить. Председатель колхоза объяснил, что удобрения внесены в почву раньше. Гарст сверкнул глазами из-под нависших бровей и смирил свой гнев. Просто не знаю, что бы он там сделал, если бы имел какие-то права! Как человек, привыкший к порядку, увидев безобразие даже в чужом хозяйстве, он забывал все остальное. Для него было главным не вредить делу. Такую черту характера я сразу подметил у этого человека и за это очень уважал и высоко ценил его.

Когда Гарст с женой показывал нам с Ниной Петровной свой дом, то других гостей туда не пустил. Обед был организован перед домом, в саду расставлены столы, и хозяин угощал только тех, кого считал именно гостями: людей, которые меня сопровождали и входили в состав делегации, а об остальных вообще не думал. Они выходили из положения сами, питаясь в ресторане ближайшего городка. Погода солнечная, в садике было уютно. Когда мы с Гарстом вышли из дома, к нам подошел Стивенсон, в приподнятом настроении, хотевший сфотографироваться с нами. Один встал справа от меня, другой — слева, положили мне руки на плечи

и в таком непринужденном виде позировали перед фотоаппаратами и кинооператорами. Гарст хохотал вовсю, а он умел хохотать. Человек он мощный, тучный, но приятной наружности. Может быть, это я его так воспринимал, потому что хорошо к нему относится и все в нем казалось мне приятным. Может быть, другой человек воспринимал бы его критически. Я же воспринимал его двойственно: как человека и как капиталиста. Как капиталист он относился к моим классовым врагам. Как к человеку, с которым я познакомился и был его гостем, я относился с большим уважением, ценил его за знания, за бескорыстное желание поделиться опытом и передать свои знания другому, даже социалистическому хозяйству. Таких капиталистов найдешь немного.

Обед же описывать нечего. Американцы умеют хорошо покушать: и принять, и угостить. Из каких блюд состоял обед, не помню, но то был не квас с редькой. Там умеют очень хорошо готовить. Консервированные продукты тоже произвели на меня хорошее впечатление высокими вкусовыми качествами. Хочу еще кое-что надиктовать о своих беседах с Гарстом, о своих контактах с ним и впечатлениях, чтобы было понятно, почему я так расположен к этому человеку. Наше знакомство произошло во время его первого приезда в СССР. Настроен Гарст был тогда высокомерно, кукурузу считал царицей полей, главной культурой для животноводства в виде силоса и в виде зерна. Я и сейчас с ним полностью согласен, а он уже тогда был большим пропагандистом этой культуры.

Некоторые люди в СССР меня не понимали прежде и не понимают теперь. Есть и такие, кто осуждал меня в то время и осуждают сейчас. Думаю, что по невежеству. Они не понимают, что нет другой культуры, равной кукурузе, для животноводства. Мне могут возразить, что далеко не всюду. Да, но главное заключается в людях. В одном и том же климатическом районе, у одного человека кукуруза не растет, а у другого дает по 500 и 1000 центнеров силосной массы. Если говорить грубо: у умного она с эффектом, а у дурака и овес с ячменем не вырастут.

Гарст активно пропагандировал у нас кукурузу. По-моему, привез даже с собой образцы. Я сказал ему: «Господин Гарст, Вы должны понимать, что у нас массовых посевов кукурузы не производится, зоны ее посева ограничены, хотя она должна быть распространиться по всему Советскому Союзу за исключением Севера. Но там, где растут пшеница и ячмень, там и кукурузу можно возделывать на силос при умелом уходе и соответствующем подборе ее сортов. Поэтому я рад Вашей пропаганде». И рекомендовал ему поехать в Одессу, в институт имени Лысенко, чтобы посмотреть посевы кукурузы. Там ею занимался академик Ольшанский: «Вам расскажут и покажут, как ведется селекционная работа и каких результатов добился этот институт. Там создан лучший для Юга сорт на зерно, Одесская-10 (сокращенно Од-10), королева среди других сортов. Когда Вы увидите, а Вы знаете это дело лучше меня, то поймете, что и мы не новички. Но нам надо расти и вширь, и вглубь. Исходные научные знания мы уже имеем, умеем также создавать гибридные сорта. Давайте обменяемся сортами, селекционными секретами: мы вам свои, а вы нам — свои».

Он задумался: «Господин Хрущев, если бы я мог решать один, то принял бы Ваше предложение. Но я акционер, поэтому все должно решать правление. И я заранее могу сказать вам, что правление не согласится, хотя я пошел бы Вам навстречу и не держал бы секретов. Когда Ваши люди приедут к нам, то смогут ознакомиться с делом и все посмотреть. Но исходные данные сортов, из которых создается гибрид, мы не сможем дать, это секрет». Я возразил: «Не знаю, получу ли я лучший товар, предлагая обмен, чем наши сорта. Думаю, что наши сорта лучше». Потом все обратил в шутку, ибо понимал, что предъявлять гостю претензии ни к чему.

Гарст съездил в Одессу и увидел на корню Од-10. Одесситы подарили ему початки. Ольшанский потом рассказывал мне, что когда Гарст посмотрел на посевы разных сортов кукурузы, то сильнейшее впечатление произвела на него именно Од-10. Когда ему подали початок, он его поцеловал и сказал: «Хрущев был прав. Вы можете не покупать семена, сами имеете

селекционеров, которые умеют выращивать такие мощные початки». Это была приятная оценка деятельности наших ученых. Я гордился ею и смело смотрел Гарсту в глаза: в выведении сортов кукурузы мы не отстали от Америки, наши сорта не хуже, а некоторые из них и лучше. Но мы отставали в возделывании этой культуры, ее уборке и особенно переработке. Американцы делают из кукурузного зерна невероятные продукты, просто чудеса. А мы примитивно размалываем его или используем не размолотым. В неразмолотом виде кукурузное зерно не отдает всех своих питательных веществ. Это приводит к перерасходу кормов при выращивании птицы и крупного рогатого скота.

Гарст прочел мне целую лекцию о сельском хозяйстве. Потом сказал: «Господин Хрущев, сейчас американские фермеры ведут сельское хозяйство, исходя из данных, которыми располагает наука стран Запада. В чем это выражается? Раньше считалось, что нельзя заниматься монокультурой, что нужен плодосмен, многопольное ведение хозяйства. При многопольном ведении с травопольной системой в основу положен плодосмен с посевом трав — люцерны и клевера, или тимофеевки с подсевом клевера. Наука считает, что такой подход устарел. И я тоже так считаю. Плодосмен вызывался тем, что каждая культура имеет своих вредителей. Если одну и ту же культуру высевать на одной и той же площади, следовательно, будет увеличиваться количество вредителей. В конце концов эта культура перестанет родить или же ее продуктивность упадет. Сейчас такой проблемы нет, мы имеем гербициды и другие химические вещества, которые дают возможность бороться с вредителями. Я уже сколько лет сею кукурузу по кукурузе и с каждым годом увеличиваю сбор урожая, повышаю урожайность. Раньше мы высевали клевер или люцерну, так как они накапливают азот в своих корнях. Последующая культура могла использовать азот и дать хороший эффект. Сейчас это тоже отпало. Мне выгоднее купить азот, калий, фосфор, другие удобрения в комбинированном состоянии и вносить нужное их количество и в нужном ассортименте под ту или иную культуру. Это стоит дешевле и экономически эффективнее. Я сейчас даже навоз не вывожу на поля. Хотя у меня накапливается большое количество навоза, я его сжигаю». «Но почему?» — поинтересовался я. «Потому что вывозить, разбрасывать и запахивать навоз стоит дороже, чем купить и внести минеральные удобрения. Поэтому возиться с навозом невыгодно. На гектар я должен вывезти тонну навоза, а тут лишь килограммы».

Все его рассуждения сводились к тому, что дешевле и что дает больше прибыли. Разве это плохое мерило? Для капитализма тут вопрос жизни и смерти. А разве для нас это не имеет значения? При меньших затратах, меньшем вложении труда, меньших издержках получить больший эффект, повысить урожай и производительность труда! Там прибыль пойдет на обогащение капиталиста, а в социалистических условиях — на удовлетворение запросов трудового народа. Вот главная цель нашей хозяйственной деятельности. Так что мне было приятно учиться у него. Оригинальность этого капиталиста состояла в том, что он не скрывал своих секретов от представителей социалистического государства. И не только не скрывал, но со страстью критиковал нас, когда замечал, что хозяйство ведется нерационально, убыточно. Он в дальнейшем раскрывал нам все свои секреты, просто навязывал их. В один из своих приездов, после ознакомления с каким-то хозяйством, Гарст предложил: «Господин Хрущев, хотите, я научу ваших трактористов работать так, чтобы каждый без использования ручного труда обрабатывал по 100 га кукурузы при соответствующем наборе необходимых агрегатов?» «Я был бы очень рад, если это возможно». «Выберите двух толковых людей и пришлите их ко мне на ферму. Они будут у меня работать вместе с моими сыновьями, а моя жена будет кормить их». Я поблагодарил его и по горячим следам тут же дал согласие. Так мы и поступили.

Я лично знал и высоко ценил Александра Васильевича Гиталова, бригадира тракторной бригады в Кировоградской области, энергичного, умного и хорошего организатора. Простой крестьянин, он стал отличным

механизатором, в совершенстве изучил трактор и другие сельскохозяйственные машины и извлекал из них максимум экономического эффекта. Поэтому я решил послать в США Гиталова. Он все посмотрит, все впитает, переймет опыт и сможет внедрить его в своем колхозе, что станет примером для всех колхозников Советского Союза. Второго человека я попросил подобрать: пусть сельскохозяйственный отдел ЦК КПУ, посоветовавшись с руководством областей, наметит кандидатуру.

Гарст действительно разместил обоих у себя. Какое-то время они питались у него дома, потом стали пользоваться харчевней неподалеку от фермы Гарста. Это было разумно, и я упрекал себя за то, что сам им не посоветовал этого. Почему жена Гарста должна страдать из-за мужа, который пригласил двух посторонних? Это уж слишком! Явное злоупотребление гостеприимством. Но трактористы сами поправили положение. И правильно сделали. Потом возвратились домой. Гиталова я все время держал в поле зрения, а сейчас держу в «поле слуха», слежу за его работой. По радио иной раз передают его выступления. Читаю также о его успехах в газетах. Теперь я очень много гуляю и слушаю радиопередачи. Частенько передают по радио о трудовых успехах наших людей, я слушаю и радуюсь.

Гиталов на деле доказал, что и в наших условиях есть возможность выращивать кукурузу, обрабатывая одним трактором 100 гектаров. Потом он обрабатывал уже по 120—140 гектаров. Вот какую конкретную помощь оказал нам Гарст. Ее надо ценить, потому что он за это не получил ничего, кроме морального удовлетворения. А в моих глазах он еще больше вырос, проявив такое благородство. Найдутся чистоплюи, которые скажут, что Хрущев преувеличивает! Ну, что же, есть у нас хорошие коммунисты, фанатично преданные стране, которые, однако, не в состоянии реально оценить дела представителей капиталистического общества. Напомню о Савве Морозове, который через Максима Горького оказывал помощь большевикам. Или такой факт. Съезд РСДРП в Лондоне проходил в помещении, для оплаты которого Лениным был получен кредит от английского капиталиста. Это, конечно, были оригиналы, не отражающие обычной сущности капиталистов, то есть исключение. Таким же исключением я считаю и господина Гарста.

В один из своих приездов в СССР он агитировал меня купить в США предприятия по переработке и сортировке кукурузного зерна. Для нас это было ново. Я уделял много внимания аналогичным вопросам, беседовал с инженерами сельскохозяйственного машиностроения, агрономами, учеными, и никто такой вопрос не поднимал. А в США уже имелись заводы по переработке кукурузы, которая сортировалась по весу зерен, но не по их качеству. Тут уже другой вопрос, относящийся к селекционной работе. Переработать огромное количество зерна и отобрать лучшие фракции, которые дадут должный эффект, — сугубо механическая и нелегкая работа. Селекционеры иной раз для высева грядок буквально пинцетом отбирают вручную лучшие зерна. Можно себе представить, какой это адский труд. На маленькой площади, в порядке научного эксперимента, ученые так делают. Но в хозяйственно-промышленных масштабах? Это совершенно нереально и невозможно. Следовательно, когда мы говорим, что высеваем столько-то килограммов зерна на гектар, то не знаем, сколько там непригодных зерен (не по всхожести, а по их размеру и объему).

Чтобы отбирать лучшее зерно на посев, американцы создали механизированные предприятия. Они получают от фермера зерно и хранят. Потом фермерам продается зерно с гарантией: определенных сортов, скорости всхожести и других качеств, которые необходимо знать хорошему хозяину, занимающемуся возделыванием кукурузы. У нас на Украине кукурузу сеют, не сортируя. А что посеешь, то и пожнешь. От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени. Гарст преподал нам добрый урок. Спасибо ему. Я это говорил тогда и повторяю сейчас. В ту пору я поставил в правительстве вопрос о покупке американских заводов. Мы обсудили дело, подобрали людей и послали в США ознакомиться с их системой. Потом купили несколько заводов и разместили их в тех районах, где

больше всего выращиваем кукурузы: на Украине и Северном Кавказе, главным образом, на Ставрополье и Краснодарщине. Потом решили купить какое-то количество семенного материала, чтобы попробовать на нашей почве лучшие американские сорта силосного назначения. Да и помимо этого сколько доброго сделал для нас Гарст! И я считал, что надо ему как-то заплатить за это. Тут заплатить — не коробку конфет купить. Он делец, капиталист, и мы условились приобрести зерно у той фирмы, где он являлся акционером. Его кукурузу мы высеем в наших условиях и в разных зонах, проверим ее и сравним с нашими лучшими сортами. А одновременно дадим заработать той фирме.

Наши инженеры изучили их заводы, улучшили какие-то механизмы и приспособили к нашим условиям. Мы эти заводы не только смонтировали и пустили в ход, но и расширили производство для большой территории, чтобы перерабатывать семенную кукурузу и обеспечивать семенным материалом всю страну. В своей следующей поездке Гарст увидел наши заводы в действии и отметил, что мы умно поступили, купив такие заводы. Эта похвала для меня была понятна: при коммерческой операции всегда благодарят покупающего партнера, дающего возможность заработать. Но он мне сказал с полной откровенностью: «Я увидел ваши заводы, сделанные по образцу американских, и улучшения, которые внесли ваши инженеры. Они рациональны. Считаю, что заводы, подготовленные вами, лучше приспособлены к вашим условиям. Теперь вам нет никакого смысла покупать такие заводы у нас, вы научились сами делать их лучше, чем в США. Кроме того, я осмотрел посеvy кукурузы из семян, которые вы купили у нас, и сравнил их с вашими лучшими сортами. Видел также посеvy зерном, которое прошло отбор на заводах по переботке кукурузы, и сделал вывод, что покупать далее семена в США я агитировать вас не буду, в этом нет необходимости, так как ваши семена кукурузы не уступают нашим». Вот такая оценка со стороны Гарста. Чего лучшего можно было ожидать? И я его поблагодарил еще раз. Мы по-новому стали смотреть на кукурузу и по-новому оценивать значение переработки зерна и отбора его на заводах. Не на словах, а на деле было показано, какие возможности заложены в кукурузе, если ее правильно высевать, имея для этого необходимые сельскохозяйственные агрегаты. Техника же у нас была в достаточном количестве, и мы могли получить такую высокую производительность, о которой прежде и не мечтали.

Ленинское положение — не бояться учиться у капиталистов и переносить на социалистическую почву то, что достигнуто ими, — постепенно реализуется. Знания накоплены капиталистами с помощью ученых и рабочих. Перенеся их опыт на нашу почву, мы сами можем потом дальше развивать его и добиваться более высокой производительности труда. В соревновании между социализмом и капитализмом основной вопрос в том, какая система обеспечит более высокую производительность труда, следовательно, более высокий жизненный уровень. Ведь при низкой производительности труда нельзя победить общество, которое имеет более высокую производительность труда. А победа будет заключаться в удовлетворении сполна потребностей людей. Гарст внес сюда свою лепту, оказывая таким образом помощь социализму. Но и он извлек прибыль.

Помимо того, он очень агитировал меня на развернутое строительство дорог. И правильно! Он говорил: «Если бы ваши люди увидели, какие дороги с твердым покрытием имеет у нас каждая ферма! Сколько вы тратите впустую средств на такие дороги, как у вас? Это нерационально». И был прав. Я это тоже понимал, но, к сожалению, в то время наши материальные ресурсы еще не были такими, которые позволили бы внедрить предложенное Гарстом. И на том этапе мы занимались главным образом призывами, а упор делали на проявление инициативы колхозами, совхозами и местными организациями. Централизованно же, за государственный счет, мы такую работу в то время провести не могли. Думаю, что у нас дороги тоже станут такими же или даже лучше, чем те, о которых рассказывал Гарст и которые я сам потом увидел в США.

Заканчиваю воспоминания о пребывании на ферме Гарста. Там на протяжении всей нашей поездки была самая непринужденная обстановка. Встреча с нами носила человеческий характер, несмотря на то, что столкнулись люди разных политических взглядов и принадлежащие к разным классам. Каждый при этом стоял на своей позиции. Гарст — тоже человек убежденный, поэтому я никаких политических бесед не вел, ибо знал, с кем имею дело. И он не затрагивал социалистических порядков, потому что тоже хорошо себе представлял, с кем имеет дело. Несмотря на классовую противоположность, мы легко находили общий язык по вопросам, которые нас интересовали. Обстановка была очень хорошей. За обедом Гарст посадил меня рядом со Стивенсоном, дважды кандидатом от демократической партии на выборах в президенты США. К сожалению, Стивенсон ни разу не одержал победы. Там же собрались и соседи, тоже фермеры. Вообще народу было много. Не ощущалось никакой натянутости, никакой условности, как будто люди собрались провести выходной день за общим столом. Пили умеренно. Они умели пить и знали, где и как можно себе это позволить. Все проходило, как говорится, чинно и благородно.

В личных беседах со мной Гарст часто критиковал свое правительство и порядки. Но не капиталистические порядки в целом, а конкретные ограничения, которые вводились правительством в отношении фермеров. Фермеров призывали к сокращению производства зерна, так как США имели большие излишки. Хранение зерна стоило дорого, соответствующего сбыта на иностранных рынках не было. Чтобы не сбить цену на многие продукты внутри страны и на мировом рынке, правительство ограничивало производство. Гарст рассказывал, что получает премии за каждый незасеянный гектар, и это его возмущало. Он апеллировал к общечеловеческим чувствам: «В мир столько голодных, а фермеров, которые могли бы производить значительно больше зерна, заставляют сокращать посевы, да еще за каждый незасеянный гектар мы получаем компенсацию. Разве это верная политика?» Это его раздражало, и я с ним был внутренне согласен, но ни разу не входил в обсуждение этого вопроса. Тут налицо две стороны. Одна, о которой он говорил и которую выпячивал — общечеловеческая цель, как накормить людей. Другая состояла в том, что если бы он сеял столько, сколько мог, то, безусловно, получил бы больше прибыли, чем получал в виде компенсации за незасеянный гектар. Эта сторона дела подсознательно в нем довлела, но он о ней не упоминал. У меня возникла такая мысль, но я молчал, ибо не хотел его обидеть.

Политических же вопросов, повторяю, мы вообще не касались. Да и вопросы торговли обсуждали, хотя он искренне возмущался, почему США не ведут торговлю с СССР. Считал, что это глупая политика, и не сдерживал себя в выражениях. Голосовал он, кажется, за демократов, хотя все Гарсты придерживались не левых взглядов. Но в деталях различий политики партий демократов и республиканцев трудно разобраться. Существует их общая направленность на укрепление капитализма и против Коммунистической партии США. Это всем известная позиция, она много раз излагалась в печати, поэтому я не хочу заниматься ею в своих воспоминаниях.

И вот что еще заинтересовало меня во время поездки. Согласно программе мне предложили посетить некоторые сельскохозяйственные колледжи. Сейчас не помню, в каком штате это было, но вдали от городов, среди фермерских хозяйств. Мне там тоже очень понравилось. Я взял это на заметку и хотел в какой-то степени осуществить нечто подобное у нас при создании сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений. Что же мне понравилось? Что студенты этих колледжей сразу учились и работали, выполняя все сельскохозяйственные обязанности: пахали землю, готовили семена и обрабатывали их, сеяли, убирали урожай, своими руками проделывали весь процесс от посева до сдачи продукции на склад. В животноводческом секторе тоже все работы производили сами: убирали навоз, чистили и доили коров, перерабатывали молоко. В результате колледжи выпускали их своих стен лучше подготовленных специалистов не только теоретически, но и практически. Теорию, которую вкладывали в их мозги,

они тут же применяли на практике. А потом, приходя на постоянную работу, уже не были новичками, хотя внешне, по своей молодости, могли бы и не внушать доверия. На деле же были хорошими руководителями и советчиками.

Это мне нравилось. Считаю, что это правильный подход к делу. Я был поражен, как фермеры, стоящие на капиталистической почве, обучают и воспитывают своих детей: вовсе не как детей обеспеченных родителей, а как людей, которым придется зарабатывать себе на хлеб. Это вынуждало их заниматься и теорией сельского хозяйства, и практикой, выполнять всю грязную работу по уходу за скотом и обработке полей. Изнеженный человек вряд ли пойдет в такое учебное заведение. Но американцы именно так готовят своих специалистов. У нас же, как правило, высшие сельскохозяйственные учебные заведения расположены в городах. Образ жизни и обучения в них отличен от американского. Грязную работу в хозяйстве выполняют не студенты, а рабочие, для чего содержится огромный штат. На практике студентам лишь показывают, что и как делается. Я часто сталкивался с такими рассуждениями наших колхозников в ответ на предложение прислать к ним выпускников учебного заведения: «Да чему они нас научат? Они же не знают, где перед, где зад у коровы. Они боятся подойти к корове, чтобы она их не забодала». Когда я побывал в США и познакомился с их методом подготовки сельскохозяйственных, агрономических и зоотехнических кадров, то сразу увидел разницу.

По возвращении я стал настойчиво пропагандировать увиденное. Но это не нравилось ни профессорам, ни студентам, что понятно. Жить в Москве и работать в Тимирязевской сельскохозяйственной академии прекрасно. Тут старая, маститая академия с большим хозяйством и квалифицированными преподавателями, но в городе! Ее студенты не рвутся в колхоз, потому что надо будет уехать в провинцию и жить в глуши. Они стараются нырнуть в Москве в какое-нибудь исследовательское или планирующее учреждение. Существует много лазеек, в которые можно проникнуть, получив образование за государственный счет, а потом работать без отдачи: не на производстве, где создаются ценности для удовлетворения запросов народа, а в сфере обслуживания. Однажды я узнал, что человек, окончивший Тимирязевскую академию, работал полотером. И я ахнул: как же это? Потом мне объяснили: «Вы зря удивляетесь. Если он попадет в колхоз, то будет получать мизерную заработную плату. В большинстве наши колхозы бедные, в них расплачиваются за трудодни палочками: поставят цифру, а потом заплатят копейки или вообще ничего. А полотер зарабатывает гораздо больше, чем хороший агроном в колхозе или совхозе. К тому же, живя в Москве, пользуется всеми благами большого города».

Это уродство нашей жизни подействовало на меня удручающе. Я не раз в своих выступлениях говорил об этом. Тут просто извращение, наросты на здоровом советском теле. Для себя такое поведение я объяснял еще и тем, как молодой человек, оканчивающий среднюю школу, думает о получении высшего образования и начинает выбирать вуз. Выбор часто происходит не по внутреннему влечению, а на карточках с надписями, в какой же вуз пойти? Слюнявит он палец, перекладывает бумажки. С какой надписью приклеится к пальцу бумажка, туда и идет. Это, конечно, исключение. Но исключение тоже обходится нам дорого. Слишком большие затраты несет государство, да еще терпит издержки по времени: оно прошло, а подготовленный специалист не поступает в сферу сельскохозяйственного производства. Бывает также, что поступающий в индустриальный вуз, где предъявляют большие требования к математике, провалился на экзамене и имеет в резерве сельскохозяйственный вуз. Если там есть вакансия, то он останется и станет учиться. Кому это нужно?

Лучше, если бы сельхозвузы располагались на территории крупнейших совхозов, и чтобы студенты набирались из среды совхозников и колхозников. Они привыкли жить там, знают практику работы в сельском хозяйстве, учились бы с большим рвением и, как американские студенты, выполняли бы все работы. Такие выпускники были бы на вес золота,

их расхватывали бы все хозяйства. Молодые, энергичные люди, идейно убежденные, верящие в социалистическую систему и получившие глубокие специальные знания в растениеводстве или в животноводстве! Тогда специалист не всматривался бы, как ему подойти к трактору и наладить его. Знал бы и как ухаживать за скотом, и как повысить продуктивность. Выпускник отвечал бы всем требованиям дела. Такого в городе насильно не удержать, потому что он вырос на земле и не избалован городом, очутился бы на работе в своей стихии.

Когда я говорил об этом в беседах и на митингах, то все кивали, соглашались. Но «Васька слушает, да ест». Преподаватели привыкли к городским условиям. И вдруг их переводят в сельскую местность, где им небо покажется с овчинку. Они не могли отрицать правильности моих рассуждений, однако энтузиазма насчет перемещения не проявляли. Сопоставляю их поведение с тем, что я видел в Молдавии, где создали животноводческий техникум на базе совхоза с трехлетним обучением. Мне рассказывали, что когда его выпускники оканчивали учебу, то за ними отовсюду приезжали из колхозов и совхозов. За них шла драка, так хотели их заполучить. А тут? Увы, не все может сделать человек, даже если наделен большой властью и влиянием. Самый опасный вид сопротивления — поддакивание. Такая тактика усвоена многими в советском обществе, и ею широко пользуются.

Теперь я на пенсии, как говорится, на склоне лет. Возраст позволяет вспомнить, что сделано, перебрать различные события в своей памяти, дать им соответствующую оценку, хотя эта оценка уже никому не нужна. Человек всегда чем-то занимается. Вот старики тоже иной раз занимаются таким самоанализом, хотя он не всегда приносит радость и вызывает даже раздражение, когда начинаешь перелистывать книгу собственной жизни. Таков удел стариков. И все же вновь скажу, что, сравнивая американскую и нашу системы обучения, полагаю, что их система более прогрессивна. Капиталисты умеют рационально подходить к решению вопросов. Там действует неумолимый закон прибыли. У нас же не каждый государственный чиновник обладает идейным пониманием дела и часто проявляет обывательское безразличие, гонится только за удобствами, а от этого страдает социализм. Сколько раз мне кололи глаза: «Вот, столько лет Советской власти прошло, а вы не можете досыта хлебом людей накормить, и с мясом недостатки. А в капиталистических странах — избытки». Эта тема актуальна и сейчас. Когда я встречаюсь с людьми, то выслушиваю их. Да, у нас такая проблема не решена, хотя мы стали всей страной значительно богаче. Но отдача еще невысокая. Почему? В чем загвоздка? Прибыль сильнее деклараций.

(Продолжение следует)

Российская монархия, реформы и революция

А. А. Искендеров

Глава вторая. *Россия в ожидании демократических перемен*

В России, как, впрочем, и в любой другой монархической стране, смерть самодержца почти всегда вызывала у верноподданных смешанные чувства: с одной стороны, чувства скорби и печали, а с другой, — чувства надежды и веры, которые помогали преодолевать состояние растерянности и беспомощности. В зависимости от личности правителя и характера его деятельности преобладающее значение имели одни или другие чувства и настроения. Даже с уходом из жизни монарха, оставившего в народе добрую память о себе, надежда на то, что жизнь изменится к лучшему, не покидала людей. Такова природа человека. Хотя история, в том числе и российская, далеко не всегда следовала именно этой логике развития.

Когда народовольцы, выдававшие себя за поборников народного счастья и социальной справедливости, покушались на царя-освободителя, они тоже, очевидно, полагали, что своим безрассудным поступком в состоянии приблизить Россию к демократии и прогрессу, хотя на самом деле лишь осложняли путь общественного развития страны, делали его мучительно сложным и долгим. Насилие и демократия вещи несовместимые. Императора Александра II убили в тот самый день, когда он намеревался издать высочайший манифест, который либеральная часть российского общества уже успела окрестить первой российской конституцией.

В те трагические дни русские люди, теряясь в догадках, с тревогой и надеждой взирали на нового царя, испытывая естественное беспокойство за судьбу реформ и обуреваемые сомнением, хватит ли у тридцатипятилетнего монарха государственной мудрости, мужества и решительности, чтобы довести до конца дело, завещенное его убиенным отцом. Александр III стоял перед сложной дилеммой: продолжать реформы отца по либерализации российского общества или, отступив от них, взять жесткий курс на усиление неограниченной самодержавной власти. К сожалению (и неожиданно для многих россиян), выбор тогда был сделан однозначный — в пользу второго пути.

Прошло немногим более тринадцати лет, которые пришлось на царствование Александра III, и его сыну, Николаю II, предстояло снова решать все ту же дилемму: идти ли по стопам отца, сохраняя в неприкосновенности систему абсолютной монархии, или возвратиться к идеям и заветам своего деда. И вновь, как и 13 лет назад, Россия с волнением и надеждой взирала на еще более молодого 26-летнего монарха, пытаясь предугадать, по ка-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1993, № 3.

кому пути пойдет страна в новое царствование. Ждать пришлось недолго: через три месяца после кончины Александра III новый царь объявил о своем решении, которое по всей России было встречено с негодованием и вызвало резкую критику.

Произошло это 17 января 1895 г., когда Николай II принимал в Зимнем дворце многочисленные депутации дворянства, земств и городов, приехавшие в Санкт-Петербург, чтобы выразить свои верноподданнические чувства новому российскому императору и ознаменовать начало нового царствования. Выйдя на середину огромного Николаевского зала государь произнес краткую приветственную речь, которая своей неожиданностью и резкостью повергла присутствующих в состояние полной растерянности. Потрясенный услышанным предводитель тверского дворянства, находившийся неподалеку от императора и намеревавшийся от имени всех депутатий поднести ему хлеб-соль, даже уронил на сверкающий паркет солонку, нарушив зловещую тишину зала. Царь сделал неловкое движение, желая поднять ее, но этим лишь усилил появившееся у присутствующих чувство неловкости.

Что же привело всех в такое замешательство? Смятение и растерянность вызвала одна единственная фраза, а точнее два слова — «бессмысленные мечтания», которые, облетев всю Россию, приобрели роковое значение. Император заявил буквально следующее: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель»¹.

В земских собраниях и в самом деле звучали голоса тех, кто не скрывал надежд на торжество конституционных прав и свобод. Более того, об этом открыто заявляли в те дни многие губернские земства в своих адресах, направленных новому самодержцу. Так, в адресе Тверского губернского земства говорилось: «Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении законов, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий в России выражение монаршей воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охранены. Мы ждем, государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского. Мы ждем, государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием живых общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями всех сословий русского народа, равно преданных престолу и отечеству, власть Вашего величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний Вашего императорского величества»².

Назвав естественные стремления людей к демократическим переменам «бессмысленными мечтаниями», Николай II дал ясно понять, что не намерен считаться с новыми веяниями в российском обществе и будет придерживаться такого же жесткого курса во внутренней политике, какой проводил его отец, всеми мерами охраняя и укрепляя самодержавие. Выдержанная в столь резких тонах речь Николая II не могла не вызвать негативной реакции в достаточно широких кругах российской общественности. Стремясь хоть как-то ослабить эту реакцию, обострившую политическую обстановку в стране, власти занялись распространением всевозможных толкований пресловутой формулировки. Так, высказывалось суждение, будто царь просто ошибся и вместо слов «беспочвенные мечтания», как было в заранее подготовленном официальном тексте, лишь случайно употребил

выражение «бессмысленные мечтания», чему, собственно, и не следует придавать слишком серьезное значение. Утверждалось также, что текст речи готовил министр внутренних дел П. Н. Дурново и ее содержание не вполне выражает мнение самодержца и т. д. и т. п. Однако, как доносил посол Германии в России фон Вердер, Дурново вообще не имел никакого отношения к этой речи, собственноручно написанной царем, и узнал о предстоящем выступлении императора от военного министра³.

Как бы то ни было, многие склонны были видеть за всем этим зловещую фигуру К. П. Победоносцева, духовного наставника двух последних российских императоров. И хотя прямое авторство Победоносцева не установлено, высказанные молодым монархом идеи полностью соответствовали мыслям и мировоззрению обер-прокурора Святейшего Синода. Не случайно высоко оценив эту речь, Победоносцев сравнивал обстановку, складывавшуюся вокруг нового царя, с той, которую, как он отмечал, «мы пережили в 1881 году», в момент гибели Александра II. В этом же письме Николаю II, датированном 7 февраля 1895 г., он писал: «Многие из депутатов сказывали мне, с каким страхом и волнением ехали они в январе в Петербург и какой камень свалился у них с груди, когда слышалась речь Вашего величества. Но дело не кончено этим. По поводу этой речи поднялся именно здесь глухой ропот — в среде чиновничества и интеллигенции. К прискорбию он слышится между высокопоставленными лицами, облеченными властью. Вот почему теперь более чем когда-либо необходима твердость воли Верховной [власти] во всех исходящих от нее распоряжениях»⁴.

Победоносцев, конечно, лукавил, говоря, что ропот охватил лишь столичные сферы. Недовольство слышалось повсеместно. Об этом свидетельствуют письма, поступавшие в те дни в канцелярию императора и содержавшие несогласие с его заявлением. Приведем одно из таких писем, анонимный автор которого, судя по всему, был прекрасно осведомлен о ситуации, а возможно, и сам присутствовал на этой встрече. Письмо, написанное 19 января 1895 г., т. е. по горячим следам события, в полной мере передает обстановку, царившую на местах, и настроение людей, которые с вступлением на престол нового царя связывали свои надежды на демократические перемены в стране. Обращаясь к Николаю II, этот аноним писал:

«Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны, со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места «бессмысленным мечтаниям». Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое вы создали своим «твердым словом», но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие легко видеть то, что происходит теперь в России, легко разберутся и в Вашем и в своем положении. Вы плохо осведомлены о тех течениях, против которых Вы решились выступить с Вашей речью. Ни в одном земском собрании не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти и никто из земцев не ставил вопроса так, как его поставили Вы. Наиболее передовые земства и земцы настаивали, или вернее, просили лишь о единении царя с народом, о непосредственном доступе голоса земства к престолу, о гласности и о том, чтобы закон стоял всегда выше административного произвола. Словом, речь шла лишь о том, чтобы пала бюрократическая придворная стена, отделяющая царя от России. Вот те стремления земских людей, которые Вы, только что вступив на престол, неопытный и несведущий, решились заклеить названием «бессмысленные мечтания». Для всех сознательных элементов ясно, кто подвинул Вас на этот неосторожный шаг. Вас обманули, Вас запугали представители той бюрократической стены, с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек. И Вы отчитали земских людей за слабый крик, вырвавшийся из их груди против бюрократически-полицейского гнета!

Вы увлеклись так далеко в ненужном охранении того самодержавия, на которое ни один земский человек не думал посягать, что в участии представителей земства в делах внутреннего управления усмотрели опасность

для самодержавия. Такой взгляд не соответствует даже тому положению, в которое земство поставлено Вашим отцом и при котором оно является необходимым участником и органом внутреннего управления. Но Ваши неудачные выражения не просто редакционный промах: в них сказалась целая система. Русское общество прекрасно поймет, что 17-го января Вашими устами говорила вовсе не та идеальная самодержавная власть, носителем которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое всемогущество бюрократия. Этой бюрократии, начиная с Комитета министров и кончая последним урядником, ненавистно расширение общественной самодеятельности даже на почве существующего общественного порядка. Она держит самодержавного монарха вне свободного общения с представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными всякой возможности видеть их иначе, как ряжеными поздравителями с иконами и подношениями. И речь Ваша еще раз доказала, что всякое желание представителя общества и условия быть чем-нибудь больше, всякая попытка высказаться перед престолом, хотя бы в самой верноподданической форме, о наиболее вопиющих нуждах Русской земли встречает лишь грубый окрик...

Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и недавно в голодные годы пережившего тяжелое потрясение. И вот в такое время вместо слов, обещающих действительное объединение царя с народом и признания с высоты престола гласности и законности, как основных начал государственной жизни, представители общества, собравшиеся со всех концов России и ожидавшие от Вас одобрения и помощи, услышали лишь новое напоминание о Вашем всеилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа. Верьте, что и на самых смиренных людей такое обращение могло произвести только удручающее и отталкивающее действие. День 17-го января уничтожил тот ореол, которым многие русские люди окружали Ваш неясный молодой облик. Вы сами наложили руку на Вашу популярность. Но дело идет не только о Вашей личной популярности. Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при полной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного Положения об усиленной охране, дело его проиграно, оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем, падет под напором живых общественных сил. Вы сами своими словами и своим поведением задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка которого есть уже страшная угроза самодержавию. Вы бросили земским людям и с ними вместе всему русскому обществу вызов, и им теперь не остается ничего другого, как сделать сознательный выбор между движением вперед и самодержавием.

Правда, своею речью Вы усилили полицейское рвение тех, кто службу самодержавному царю видит в подавлении общественной самодеятельности, гласности и законности. Вы вызвали восторги тех, кто готов служить всякой силе, ни мало не думая об общем благе и в безгласности и произволе находя лучшие условия торжества личных и узко сословных выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули. А те деятельные силы, которые не способны удовольствоваться полной сделок и уступок, трудной и медленной борьбой на почве существующего порядка, куда пойдут они? После Вашего резкого ответа на самые скромные и законные пожелания русского общества чем, какими доводами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, неудержимо рвущихся вперед своих детей?!

Итак, какое действие произведет на русское общество первое и непосредственное обращение Ваше к его представителям? Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами убедитесь вскоре, Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которых, однако, живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной сознательной борьбе за необходимый для них

простор; у других она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать»⁵.

Не надо было обладать особым чувством предвидения, чтобы понять, что в условиях, когда противостояние самодержавной власти нарастало и борьба за демократическое реформирование российского общества грозила перерасти в открытые социальные конфликты, сохранить в неизменном виде политическую систему, которую так тщательно охранял и укреплял Александр III, уже не представлялось возможным. Новые времена требовали новых решений. Этого не осознавали ни новый царь, ни его ближайшие наставники и советники, среди которых едва ли не главным оставался Победоносцев, перешедший к новому монарху как бы в наследство от отца.

Итак, с завершением тринадцатилетнего царствования Александра III с его жестким курсом на укрепление самодержавия история вновь поставила перед российским обществом все тот же мучительный вопрос: быть или не быть демократии в России? В 1881 году Александр III для того, чтобы уйти от ответа на этот вопрос, использовал Победоносцева. Его печально знаменитая речь⁶ на совещании высокопоставленных государственных сановников, проходившем под председательством Александра III, явилась для нового монарха, пребывавшего в первые дни после убийства отца в состоянии растерянности, своего рода спасительным средством, она как бы освобождала его от необходимости следования курсом реформ, завещанным его отцом. Председательствующий несколько раз прерывал оратора, полностью одобряя своими репликами то, что говорил Победоносцев.

Ситуация, сложившаяся в России к 1895 г., чем-то напоминала обстановку 1881 года, но во многом и отличалась от нее. Общее состояло, пожалуй, в том, что к моменту вступления на престол и Александр III, и Николай II находились, в сущности, в одинаково сложных условиях, когда ни тот, ни другой в полной мере не были готовы самостоятельно решать внезапно обрушившиеся на них трудные и ответственные задачи, связанные с управлением огромной империей. Великому князю Александру Александровичу было уже двадцать лет, когда к нему перешло звание наследника: к восшествию на престол готовили не его, а его старшего брата Николая, безвременно скончавшегося в возрасте 22 лет. Будущий император не думал, что так скоро окажется на троне.

Что касается Николая II, то и ему пришлось почувствовать на себе сильные удары судьбы. Ничто, казалось, не предвещало близкого конца царствования Александра III, который находился в расцвете сил и весь был погружен в осуществление своих замыслов. Двадцатишестилетний цесаревич Николай Александрович, для которого трон представлялся скорее как далекая перспектива, должен был взвалить на свои плечи непосильную монаршую ношу, к чему не чувствовал себя достаточно подготовленным. Даже бракосочетание с гессенской принцессой Аликс, ставшей императрицей Александрой Федоровной, пришлось проводить в спешке, не дожидаясь окончания 40-дневного поминания души усопшего царя. Этим в значительной мере объясняется, что и тот и другой, определяя основное направление своей политики, действовали недостаточно самостоятельно, прибегая к советам тех людей, кто по тем или иным причинам оказался ближе к трону. Едва ли не главным из таких советников был как раз Победоносцев, стоявший у истоков обоих царствований и сыгравший ключевую (и зловещую!) роль в выработке магистральной линии развития российского общества в очень трудные, а во многом даже переломные моменты его истории. Уникальность этой личности состояла прежде всего в том, что ему единственному из государственных деятелей удалось на протяжении целых трех царствований оставаться на российской политической сцене и активно влиять на исторические судьбы страны.

Однако эти две исторические даты — 1881 г. и 1895 г. — и глубоко разнятся. Этой разницы как раз и не смог уловить и понять Победоносцев, рассчитывавший в 1895 г. осуществить то, что ему удалось сделать в 1881 г., а именно: сохранить в неизменном виде самодержавие и тем самым

заморозить общественные отношения в России. Правда, влияние и авторитет его при Николае II начали заметно падать. Во-первых, брал свое возраст. Ему было уже 68 лет. А во-вторых, и это главное, он никак не хотел считаться с теми изменениями, которые на рубеже веков происходили в российском обществе, когда рушились старые представления о власти, менялся сам настрой общества, когда формировались новые политические силы, возникали новые представления и взгляды, когда в народе круто менялось само отношение к самодержавию. И тем не менее какое-то время, больше по инерции, он еще продолжал играть определенную роль в российской политической жизни, пока, наконец, не вынужден был в 1905 г. уйти в отставку. В марте 1907 г. Победоносцев скончался в возрасте восьмидесяти лет.

После его смерти поднялась настоящая шумиха вокруг его имени⁷. Кажется, не было в России ни одной более или менее заметной газеты или журнала, которые бы, независимо от их политических позиций и идейных убеждений, не откликнулись на смерть Победоносцева и не высказали бы своего отношения к этой личности и ее роли в российской истории. Поразителен разброс мнений и чрезмерная крайность в оценках и суждениях! Если одни авторы причисляли его к первостепенным государственным деятелям и ставили в один ряд с таким выдающимся российским либеральным реформатором, каким был М. М. Сперанский⁸, подчеркивая роль Победоносцева в определении политических судеб России в самые трудные и критические периоды ее истории, то другие, напротив, относили его к личностям заурядным, крайне консервативным, неуклонно толкавшим Россию вспять, насаждавшим в обществе чуждые нравы и порядки. Одни обвиняли его в том, что он на долгие годы отодвинул начало конституционной жизни в России, сделал процесс политического освобождения страны не только запоздалым, но и чрезвычайно болезненным, считали его творцом политики, которая зловещей нитью прошла через три царствования. Другие видели в нем спасителя России и русской культуры от тлетворного влияния Запада. Для одних он был «злым гением России», «старым вампиром с торчащими ушами», «нелепой галлюцинацией, диким кошмаром русской истории» и т. д., другие же считали его колоссом русской мысли и русской воли, личностью, масштабы которой могут понять только те, кто всем сердцем и всей душой предан русской идее.

Среди появившихся в ту пору публикаций внимание многих привлекла обстоятельная статья Б. Б. Глинского в авторитетном «Историческом вестнике». Автор справедливо отмечал, что к Победоносцеву никто безразлично не относился. «Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогода, вокруг которого кипели страсти и борьба. И так не только в течение двадцати пяти лет, когда он стоял в ряду активных деятелей нашего государственного механизма, но даже когда он, обремененный годами и несогласный с новыми течениями правительственного курса, сошел с государственной сцены и утратил всякое влияние на ход событий. Даже после этого момента, последовавшего в 1905 году, он не сошел в глазах и мнении современников совсем на нет, а продолжал оставаться все тем же несколько таинственным, с налетом драматизма, Победоносцевым, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческие легенды, связывать с его именем всевозможные слухи, порою самые фантастические, ожидать с его стороны какого-нибудь начинания, должествовавшего иметь на события дня решающее влияние. В этом психологическом настроении общества усматривается своего рода гипноз, не оправдываемый фактами действительности, а относимый скорее на счет того глубокого следа, который ближайший сотрудник императора Александра III оставил своей былой деятельностью на разных поприщах нашей исторической жизни. Прошлое засчитывалось в настоящее, откуда получилась определенная историческая преемственность и наличность определенного государственного служения интересам родины»⁹.

Удрученный годами и болезнями, продолжал Глинский, умудренный громадным житейским и государственным опытом, Победоносцев, «сыгра-

вший в первые дни восьмидесятых годов прошлого столетия такую решающую роль в русской истории, через двадцать пять лет после тех приснопамятных дней, когда он отринул приближение даже тени конституционализма на русскую землю, сходил медленно в могилу с арены жизни при торжестве именно тех начал, которым он когда-то нанес такой сильный удар и против которых он так упорно боролся. На его глазах и при его содействии создавалась Россия Александра III и на его же глазах она постепенно стала отходить в даль преданий и невозвратного прошлого. Рушилось все им созданное в этой области, и он, последний видный представитель «сильной государственной власти», оказался бессильным чем-либо остановить ход этого разрушения. В этом бессилии, несомненно, наблюдается элемент исторического трагизма, который в обработке талантливого драматурга мог бы послужить материалом для шекспировской темы»¹⁰.

Более полное представление о взглядах Победоносцева дает опубликованный в 1896 г. и выдержавший пять изданий «Московский сборник», автором которого он являлся. Наряду с вопросами государственно-церковной жизни, которые волновали его в силу занимаемого им служебного положения, Победоносцев уделял внимание разработке проблем гражданского права, активно вторгался в сферу деятельности государства, особенно в области народного просвещения, содержания и организации системы образования. Победоносцев был решительным противником идеи отделения церкви от государства. Он выработал целую систему аргументов, призванную доказать, что не только для церкви не выгодно и неразумно отделяться от государства, но и для последнего это может иметь весьма опасные последствия. По его мнению, так называемая теория отношений между государством и церковью является искусственно созданной и вредной, по крайней мере, применительно к России.

«Политическая наука,— писал он,— построила строго выработанное учение о решительном отделении церкви и государства, учение, вследствие коего, по закону, не допускающему двойственного разделения центральных сил, церковь непременно оказывается на деле учреждением подчиненным государству. Вместе с тем государство как учреждение в политической идее своей является отрешенным от всякого верования и равнодушным к верованию. Естественно, что с этой точки зрения церковь представляется ни чем иным, как учреждением, удовлетворяющим одной из признанных государством потребностей населения — потребности религиозной, и новейшее государство обращается к ней с правом своей авторизации, своего надзора и контроля, не заботясь об веровании. Для государства, как для верховного учреждения политического, такая теория привлекательна, потому что обещает ему полную автономию, решительное устранение всякого, даже духовного, противодействия, и упрощение всех операций церковной его политики. Но такие обещания обманчивы. Этой теории, сочиненной в кабинете министра и ученого, народное верование не примет»¹¹.

Необходимость тесного единения церкви и государства, а фактически зависимости ее от последнего Победоносцев обосновывал тем, что «церковь не может отказаться от своего влияния на жизнь гражданскую и общественную; и чем она деятельнее, чем более ощущает в себе внутренней, действительной силы, тем менее возможно для нее равнодушное отношение к государству»¹². Он не только теоретическими постулатами, но и своей практической деятельностью, по существу, лишал православную церковь права быть независимой и самостоятельной.

Консерватизм Победоносцева отчетливо проявился и в его резко негативном отношении к любым формам демократии. «Одно из самых лживых политических начал,— утверждал он, — есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени Французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы»¹³. Подобные высказывания не покажутся столь уж удивительными и странными, если помнить, что Победоносцев

был верным и последовательным сторонником самодержавия и решительно выступал против любых ограничений царской власти.

Как отмечали многие исследователи, пожалуй, самой сильной стороной Победоносцева была критика негативных явлений и социальных болезней государства и культуры, однако у него почти не было позитивных идей по переустройству общества. Тем не менее некоторые его критические высказывания не лишены своей актуальности. Так, он считал, что общая и господствующая болезнь у всех так называемых государственных людей — это честолюбие или желание прославиться. «Жизнь течет в наше время,— писал он,— с непомерной быстротою, государственные деятели часто меняются, и потому каждый, покуда у места, горит нетерпением прославиться поскорее, пока еще есть время и пока в руках кормило. Скучно поднимать нить на том месте, на котором покинул ее предшественник, скучно заниматься мелкою работою организации и улучшения текущих дел и существующих учреждений. И всякому хочется переделать все свое дело заново, поставить его на новом основании, очистить себе ровное поле, *tabula rasa*, и на этом поле творить, ибо всякий предполагает в себе творческую силу. Из чего творить, какие есть под рукой материалы,— в этом редко кто дает себе явственный отчет с практическим разумением дела. Нравится именно высший прием творчества — творить из ничего, и возбужденное воображение подсказывает на все возражения известные ответы: «учреждение само поддержит себя, учреждение создает людей, люди явятся», и т. п.

Замечательно, что этот прием тем соблазнительнее, чем сильнее увлекает мысль государственного деятеля, чем менее он приговорен знанием и опытом к своему званию. Этот прием соблазнителен еще и тем, что прикрывая действительное знание, он дает широкое поле действию политического шарлатанства и помогает прославиться самым дешевым способом. Где требуется деятельное управление делом, знание дела, направление и усовершенствование существующего, там опытного и знающего не трудно распознать от невежды и пустозвона; но где начинают с осуждения и отрицания существующего и где требуется организовать дело вновь, по расхваленному чертежу, на прославленных началах, там чертеж и начало на первом плане, там можно без прямого знания дела аргументировать общими фразами, внешним совершенством конструкций, указанием на образцы, существующие где-то за морем и за горами; на этом поле не легко бывает отличить умного от незнающего и шарлатана от дельного человека; на этом поле всякий великий человек может, ничего не смысля в деле и не давая себе большого труда, защищать какой бы то ни было проект преобразования, составленный в подначальных канцеляриях кем-нибудь из малых преобразователей, подстрекаемых тоже желанием дешево прославиться... Это удивительное явление следует причислить, поистине, к знамениям нашего времени». И далее: «Поприще государственной деятельности наполняется всё архитекторами, и всякий, кто хочет быть работником, или хозяином, или жильцом — должен выставить себя архитектором. Очевидно, что при таком направлении мысли и вкуса открывается безграничное поле всякому шарлатанству, всякой ловкости лицемерия и бойкости невежества»¹⁴.

Победоносцев, кажется, и сам уже начал понимать, что он не очень-то вписывается в обстановку XX века и стал объектом постоянных нападок, всевозможных толков и слухов. Об этом можно судить по содержанию его письма Николаю II, в котором, заявляя о том, что ему недолго остается жить и действовать, просит монарха ознакомиться с прилагаемой, как он пишет, правдивой повестью о нем и о его судьбе. Вот эта повесть-исповедь:

«Родился я в Москве, в семье профессора Мос[ковского] университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой. Меня, последнего сына, отец свез в Петербург и успел определить в 1841 году в училище правоведения. Я кончил курс в 1846 году и поселился в родном доме в Москве, на службе в сенате.

По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было, и своей работой, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры, и во всю свою жизнь не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от какой работы и ни от какого служебного поручения. В 50-х годах Московский университет, оскудев профессорами юристами, обратился ко мне, и я не отказывался, оставаясь на службе в сенате, читать там лекции, по 8 часов в неделю, в течение 5 лет.

Когда начались реформы по кончине императора Николая, и в Петербурге закипала работа разных комиссий, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься в неведомое море новой работы, которая пугала меня. Но наконец нельзя было уклониться. В 1861 году граф Строганов¹⁵ стал вызывать меня для преподавания юридических наук цесаревичу Николаю Александровичу. Из чувства патриотизма я не мог отказаться и переехал на целый год в Петербург. Это решило дальнейшую судьбу мою роковым образом.

В 1863 году меня пригласили сопутствовать цесаревичу в поездке по России. Я стал известен и двору. По окончании поездки я вернулся в Москву к своим занятиям и мечтал остаться тут.

Но богу угодно было иначе. Цесаревич скончался, оплаканный всею Россией. Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу. Тут довелось мне последовательно вести занятия и с в. кн. Владимиром, и с цесаревною Марией Федоровной, и с в.к. Сергеем, и даже с в. кн. Николаем Константиновичем. Я стал известен в правящих кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосфере лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый, на своем деле!

Цесаревич сочувственно относился ко мне и показывал мне доверие. В Аничковом дворце я стал привычным лицом. Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями о его характере и настроении. Меня они тоже не знали, и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а государю тогдашние временщики, гр. Шувалов¹⁶, Валуев¹⁷ и пр[очие], внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на стороне, старались быть со мною любезными.

Безо всякого ходатайства с моей стороны и без всякого участия цесаревича я был назначен членом Госуд[арственного] совета и тут получил возможность высказывать вслух свои мнения по государственным вопросам, мнения, коих никогда ни от кого не скрывал. Так мало-помалу приобрел я репутацию упорного консерватора — в противодействие новым направлениям и веяниям государственных либералов. К концу царствования эти веяния и направления приобрели господственное значение. Началось, ввиду общего недовольства, безумное стремление к конституции, то есть — к гибели России. Это стало в умах какой-то заразой: русские люди, сохранявшие еще разум и память прошедшего, ждали в страхе что будет, ибо покойного государя склонили уже совсем к этому гибельному шагу.

Таково было настроение, что и катастрофа 13 марта¹⁸ никого не образумила. Напротив, кучка людей, державших власть в руках, спешила, тем более в первые же дни после катастрофы, достичь своей цели. Молодой государь, захваченный врасплох страшным событием, казалось им, не мог воспротивиться; никто из них не знал его, и все они надеялись захватить его в свои руки и управлять им. Положение его было ужасное — он не знал как поступить и что делать, чтоб из него выйти. Я видел, до чего разгорались страсти и прямо боялся за его безопасность. Нечего и говорить, как боялся за судьбу России.

И правда, чтоб выйти из этого положения, я убедил его сделать

решительный шаг — издать манифест 29 апр[еля] 1881 года ¹⁹. Всем было более или менее известно мое в этом деле участие. И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаюсь и в России и всюду за границей всеобщим шатанием умов, сплетнею, господствующею ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе.

К несчастью, и у нас и там существует закоренелое мнение, что в России при самодержавной власти есть непременно — тот или другой — один человек всесильный, который всем распоряжается и от которого все зависит. И вот этим человеком все и всюду стали считать меня и доселе считают, человека, всегда уклонявшегося от всякого исключительного присвоения себе какой-либо власти. Естественно, что молодой государь на первых порах, чувствуя себя одиноким, растерянным, стал обращаться ко мне, к человеку, ближе ему известному и преданному. Он советовался со мною о людях и мне довелось в немногих случаях указывать ему на людей — на барона Николаи ²⁰ для народн[ого] просв[ещения], на графа Дмитрия Толстого ²¹ для Мин[истерства] вн[утренних] дел — и, к счастью, я не ошибся. Когда ко мне обращались, я отвечал; когда государь поручал мне работу, я ее исполнял. Но вот и все. Ни разу я не позволял себе ни выпрашивать для кого-либо милостей или назначений и тому под[обное].

Но люди воображали обо мне иначе, и тут пришлось мне видеть много людской пошлости в нашем обществе. Ко мне обращались за милостями и назначениями, а когда я отвечал, что не вмешиваюсь в эти дела и ничего не могу, кроме того что касается до порученного мне дела, мне не верили и бранили меня. С другой стороны, возбуждалась ко мне ненависть иных людей из придворной и других сфер, которым иногда случалось мне помешать в осуществлении разных своекорыстных планов. Я видел очень ясно свое положение. Несмотря на все доверие ко мне государя, я мог предвидеть, что и оно может поколебаться и знал, какими внушениями оно колеблется у государей. Стоит только заподозрить человека в том, что он ищет преобладания над волею и решением государя. Зависть и интрига — дело обычное в придворных сферах. Люди, составлявшие обычное общество Аничкова дворца, не зная меня, не имея прямого со мною общения, слышали только разговоры и анекдоты обо мне в гостиных, и, передавая их, успевали производить впечатление и на императрицу Марию Федоровну и на государя отчасти. Я продолжал исполнять его поручения, но уже чувствовал в последние годы, что на меня что-то насажено. Не мешаясь ни в какие дела других ведомств, я вел жизнь уединенную. Однако при всем том всюду — и в России и за границей я продолжал считаться всесильным человеком, от которого все исходит в России, и на мой счет ставились все и всякие распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия. Из разных углов России, из Европы, из Америки стекались мне злобные, угрожающие письма, то от нигилистов, анархистов, либералов всех оттенков, то от жидов ²², приписывавших мне лично все ограничения, все распоряжения об их высылке и пр.

Настало новое царствование и все противоправительственные, лжелиберальные элементы оживились новою надеждой. Оставаясь едва не старейшим из старых слуг трех царствований, я готов был на службу новому государю в чем мог. Но уже настало другое время. Люди вокруг меня и в кругах правительственных все переменились, — люди нового поколения, чуждые прежних преданий, прежних порядков, минувших событий. Я сам ослабел. На первых порах нового царствования я считал своим долгом говорить иногда молодому государю о делах и людях, но этому надо было вскоре положить предел, и я ограничился только делами порученного мне звания, а люди вокруг меня и около престола стали все новые, люди нового поколения, многие, знавшие и меня только по слухам обо мне и толкам. И несмотря на все это, не только не замолкли, но еще разгорались и усиливались нелепые обо мне слухи, будто я всесильный человек в России. Они не затихли и в высших кругах общества, судящих о положении дела

только по газетам, да на основании болтовни в гостиных, а в разросшихся кружках анархистов, социалистов, радикалов — и за границей и в России — я стал, более чем когда-либо, человеком, стоящим на дороге против всякого прогресса и главным виновником всякого стеснения, всякого преследования, гасителем всякого света. Таково ощущение всей обезумевшей теперь молодежи и в столицах и во всех углах России: толпа людей, не имеющих никакого понятия о ходе государственных дел, о пружинах администрации, о делах и о людях, выставляет меня виновником всех, что у них слывет, злоупотреблений, насилий, ретроградных мер и кричит, что во имя свободы надобно меня уничтожить. От этого предрассудка, от этого злобного обо мне представления, я, неповинный ни в чем, что мне приписывают, не в силах отделаться и принужден по необходимости терпеть его. Можно судить, как оно разлилось повсюду, когда представителем его явился из небольшого кружка самарского несчастный Лаговский, стрелявший в меня. В своем показании он прямо объясняет, что хотел истребить меня как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе. Любопытно, что на первом месте в указании вин моих он ставит: «распространяет в народе суеверие и невежество посредством церковно-приходских школ». Из этого уже видно, в каком невежестве и в какой дикости ума и сердца растет и развивается эта масса недоучек или пролетариев науки, воспитанная на статьях либеральных газет, на нелепых прокламациях, на подпольных памфлетах, на слухах и сплетнях, из уст в уста передающихся. И мне ставится в вину дело, которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужными для России делом, ибо в народе вся сила государства, и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых, возмутительных учений можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью.

Вот судьба моей жизни. И я верю, что руководит ею провидение, которое, помимо моей воли, нередко вопреки ей, ставило меня в положения видныя на дело, от коего я не в праве был и не мог уклониться.

Слышу, что П. С. Ванновский ²³ уволен уже от управления Министерством народного просвещения. Кто может и должен заменить его — вопрос великой важности в настоящую минуту, и новая ошибка, после двух бывших, крайне опасна. Ввиду этих обстоятельств позволю себе предложить свое слово Вашему величеству.

После Делянова ²⁴ выбор пал на Боголепова ²⁵: и он оказался жертвою. Он попал в положение, к которому приготовлен не был. По свойству своему человек кабинетный, не склонный к живому обращению с людьми, он вступил в среду центрального управления, совершенно ему незнакомую, и на первых порах, к сожалению, захотел утратить тех людей, у коих в руках была до тех пор машина управления, и взял себе из Москвы новых людей, тоже незнакомых с ходом центрального управления.

Начались беспорядки. Бедный Боголепов должен был растеряться. Здесь, в среде управления, он не успел еще приобрести себе авторитета и, к сожалению, не встретил себе надлежащей опоры и в среде других министров. Его никто не знал и он сам по характеру своему не искал с ними общения, а от него, как от министра, ожидали и требовали и авторитета, и распорядительности. Это обнаружилось во время февральских беспорядков возле университета в 1899 году. Предупредить их он не мог, но в бывшем по поводу их совещании многие несправедливо ставили их в вину ему, и это окончательно его обескуражило. Тут принята была, вопреки ему, мера, по мнению моему, имевшая роковое значение, мера, в существе своем, поколебавшая в корне дисциплину учебного дела. Уличной свалке толпы с полицией, событию, в сущности, ординарному, придано значение государственного дела, и поручено Ванновскому производить исследование, в сущности, направленное против действий полиции. Эта мера тотчас истолкована была в смысле либерального направления политики по делам университетским.

Положение Боголепова пошатнулось. Беспорядки усилились, начались

обструкции. Стали искать средств для предупреждения беспорядков, не обращая внимания на то, что университеты уже перестали быть собранием студентов под руководством профессоров, но стали местом собрания смешанной толпы, волнения коей мало-помалу принимали революционный характер. К этим-то волнениям положено было применить меру отдачи виновных в военную службу: решение неблагоприятное и несвоевременное в обстоятельствах времени. Не всякая мера удобна во всякое время. Что можно было сделать в прежние эпохи, то не годится в другую пору и в применении к движениям толпы (в коих и виновного не всегда возможно распознать) мера эта совсем не годилась, а применение в Киеве к целой массе было великою ошибкой, и проведено было без должной твердости, с неуверенностью, без должного единства в мнении и действиях разных органов администрации. Вместо затишья последовало усиление волнений, принявших характер эпидемической истерии. Несчастный Боголепов пал жертвою.

Министерство предложено было Ванновскому. Он счел своим долгом перед государем и отечеством не уклониться от этой жертвы. Но в самом начале можно было предвидеть, что он не может справиться с делом, которое принял на себя. Дело это, более чем всякое другое, требует близкого знакомства с учебною частью, с ее прошедшим и настоящим, и с людьми, которые ею орудуют. Ванновский ничего этого не знал, но, вступив в область совершенно неведомую, повторил ту же ошибку: вместо того чтобы искать на месте людей, коих опытом мог бы воспользоваться, он устранил прежних деятелей и взял себе товарищем человека, еще менее чем он сам приготовленного к делу школы, искусного, может быть, в писании бумаг и непросвещенного. Притом по прежней своей деятельности в Военном министерстве П. С. Ванновский известен был за человека, не любящего ни советов, ни возражений. Что возможно в военном деле, то уже немыслимо в деле учебного устройства. Новый министр, не прибегая к советам с лицами, ближе стоявшими к делу просвещения и школе, приступил к реформам, разрушавшим все прежние учебные порядки, и к мерам, в сущности, послужившим не к утверждению, а к новому колебанию потрясенной уже учебной дисциплины. Нечего распространяться о многих ошибках его политики, нельзя, по доброй совести, ставить все эти ошибки в предосуждение старцу, желавшему доброй цели. Приходится сожалеть, что на долю его досталось в такую пору столь трудное дело.

Теперь он уходит: кто способен стать на место его, с надеждою лучшего! Нет столь сильных и крепких людей в наше время, обедневшее людьми характера, знания и опыта.

Осмелюсь, однако, высказать мысль свою. За уходом министра и Мещанинова временное заведывание министерством падает на другого товарища, Зенгера.

Зенгер — человек просвещенный и по характеру своему симпатичный в обращении. Но, смею думать, что едва ли способен он самостоятельно управлять министерством в такую пору. Искать такого человека вне учебной сферы было бы едва ли благоразумно, а в этой сфере мысль останавливается разве на Шварце, недавно назначенном на должность попечителя Варшавского учебного округа. Должен сказать, что я и не знаю его лично, но все отзывы о нем лиц, знающих его на опыте, согласно изображают его человеком не только просвещенным, но и опытным педагогом, заявившим себя и спокойствием, и твердостью, и тактичностью в обращении. О нем в особенности может свидетельствовать Мин[истр] юст[иции] Муравьев, знающий его близко по Межевому институту, коим он управлял и откуда провожали его с сожалением.

Эту повесть мою долгом считаю в тяжкое наше время не умолчать перед Вашим величеством. *Константин Победоносцев*. 8 апреля 1902 г.»²⁶.

Можно по-разному относиться к этой исповеди Победоносцева, судить о том, насколько она правдива, но нельзя, очевидно, не согласиться с тем, что это была его последняя попытка удержаться у власти, сохранить свое положение при дворе, даже если для этого пришлось бы в чем-то переме-

нить свои прежние взгляды, приспособиться к быстро менявшейся политической обстановке в стране. Как писал один из его многочисленных недоброжелателей, Победоносцев всеми силами «цеплялся за свою власть, которая с 1894 г., восшествия на престол ныне царствующего императора Николая II стала мало-помалу угасать, обесцвечиваться. Его мысли, его влияние оттираются новыми веяниями. Все разбитое в 1881 г. снова поднимает голову, и Победоносцеву с каждым годом приходится становиться все более бессильным зрителем»²⁷. Он по-прежнему присутствует на высоких государственных собраниях и заседаниях, выступает на них, вносит какие-то предложения, но всерьез его слова уже не воспринимают да и его самого уже почти не замечают. Последний раз он присутствовал на совещании, проходившем в Петергофе в июле 1905 года. Спустя три месяца он подает прошение об отставке. «Если бы я сегодня (17 октября 1905 г.) не ушел, — писал Победоносцев своему московскому другу, — завтра сняли бы меня с места»²⁸.

Совещание в Петергофе, проходившее в течение пяти дней, с 19 по 23 июля 1905 года, формально было посвящено обсуждению вопроса об учреждении Государственной думы. Фактически же оно призвано было выработать более широкие подходы с тем, чтобы справиться с политической ситуацией в стране, которая накалялась с каждым днем и в любой момент могла выйти из-под контроля. Пришедшие в движение различные политические силы, партии и организации усиливали давление на власть, требуя обновления российского общества, придания ему облика современного демократического, правового государства. Это требование становилось всеобщим, его поддерживало практически все население страны, за исключением относительно небольшого слоя крайне правых сил, которые и в новых, сильно изменившихся условиях, продолжали цепляться за старые порядки.

Русско-японская война, обнажившая серьезные пороки существующего строя, всей системы управления страной, подъем массового революционного движения усиливали эти обновленческие тенденции и, по существу, ставили власть перед неизбежностью проведения демократических преобразований. Она не могла уже не считаться с волей народа. Царизм понимал, что, не идя на уступки, можно было потерять все. Вопрос был лишь в том, как с минимальными для самодержавия потерями выйти из крайне сложной и напряженной ситуации. Именно этот главный вопрос вызвал острую боль и наибольшую озабоченность у правящих кругов. Все, включая самых несговорчивых монархистов, склонялись к признанию необходимости образования выборного представительного органа, существование которого, при умелом маневрировании властей, могло бы укротить оппозицию и охладить революционный пыл масс.

На совещании председательствовал Николай II. В его работе участвовали великие князья, видные члены Государственного совета, почти все министры (министр финансов В. Н. Коковцов, внутренних дел А. Г. Булыгин, иностранных дел В. Н. Ламздорф, военный министр А. Ф. Редигер, путей сообщения М. И. Хилков, народного просвещения В. Г. Глазов, юстиции С. С. Манухин), несколько сенаторов, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, заслуженный профессор, тайный советник, известный историк В. О. Ключевский, а также ряд важных царских сановников и высокопоставленных правительственных чиновников.

Совещанию был представлен проект закона об учреждении Государственной думы, разработанный министерством внутренних дел и одобренный Советом министров. Участники совещания были озабочены главным образом тем, чтобы с учреждением Думы ни в коей мере не был поколеблен принцип самодержавной власти. Поэтому большинство участников ревностно добивалось, чтобы ни одно положение обсуждавшегося проекта не содержало даже малейшего намека на то, что самодержавная власть как-то ограничивается. Такое опасение не было лишено оснований, поскольку все прекрасно понимали, что с Думой придется считаться, поэтому с самого начала надо существенно ограничивать ее функции, сделать ее не законодательным, а законосовещательным учреждением.

Член Государственного совета тайный советник А. С. Стишинский выразил обеспокоенность, что «выборные от населения люди окажутся привлеченными не к законосовещательной только деятельности, но и к участию в законодательной власти», а это, по его мнению, может породить «намерение приблизиться к существующим на Западе порядкам издания законов, послужит, возможно, для Думы одним из поводов домогаться дальнейшего расширения представляемых ей прав и новых уступок, до установления ответственности министров включительно»²⁹. Вместе с тем высказывались, хотя в крайне осторожной форме, и более реалистические суждения. В частности отмечалось, что в таком государстве, как Россия, самодержавная власть не может действовать непосредственно, а должна иметь соответствующие органы в области законодательства, администрации и суда. Теперь же назрела «мысль постоянно выслушивать людей, которые с этими пользами и нуждами близко знакомы. Для осуществления этой мысли предположили мы сделать то, что сто лет тому назад проектировал Сперанский, признававший необходимость обсуждения законов в двух инстанциях, из которых первая, подготовительная, должна быть Государственная дума»³⁰.

На совещании было немало и тех, кто прямо или косвенно выступал вообще против учреждения любого представительного органа, заявляя о том, что на каких бы основаниях ни была учреждена Дума, она будет представлять опасность для самодержавия. Такую позицию особенно рьяно отстаивал член Государственного совета, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, граф А. П. Игнатъев, выражавший сомнение в благонадежности Думы, поскольку она, по его мнению, построена на тех же основаниях, что и земские учреждения. «И если эти последние, — говорил он, — во многих губерниях не удалось удержать в границах отведенной им по закону деятельности и земские собрания обращаются нередко в политические говорильни, то еще трудней будет справиться с этой задачей в отношении к Думе при современном течении общественной мысли и стремлениях тех лиц, которые считаются ее руководителями»³¹.

Графа А. П. Игнатъева решительно поддерживал граф А. А. Голенищев-Кутузов, секретарь вдовствующей императрицы Марии Федоровны, который призвал держаться вековых заветов: царю — власть, народу — свобода мнений. При этом он утверждал, что нужна не постоянно действующая Дума, а единожды созванный Земский собор для того, чтобы на нем царь мог услышать голос своего народа по важным вопросам. По его мнению, само «свойство выборов» в Думу не является исторически русским, и не сословным, а парламентским, заимствованным из западноевропейских образцов, чуждых русскому народу. Результаты таких выборов, утверждал он, поведут не к укреплению самодержавия, а к опаснейшим последствиям, возбуждая к себе, по различным основаниям, враждебное отношение всех групп населения, и внесут, несомненно, большую, чем ныне, смуту, а в конце концов и самый принцип самодержавия будет поколеблен. С ним солидаризировался сенатор граф А. А. Бобринский, заявивший, что если права Думы не будут ограничены, то с первых же своих шагов она станет стремиться к расширению круга вносимых в нее дел, и это явится основным источником столкновений между Думой и правительством.

Разумеется, особенно ревностно защищали самодержавную власть члены императорской фамилии. Выражая их мнение, великий князь Николай Николаевич подчеркнул: «Надо изложить проект так, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что самодержавная власть ни в чем не ограничивается»³². Эту же идею отстаивал на совещании Победоносцев, настаивавший на том, чтобы в законе было четко указано, что Государственная дума учреждается лишь для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, вносимых в Государственный совет и требующих утверждения императором. Успокаивая сторонников сохранения в неизменном виде самодержавного строя, Николай II заключил: «Возбуждение Думою законодательных вопросов ни к чему еще не обязывает»³³.

Острая дискуссия развернулась на совещании вокруг двух вопросов: предоставлять ли Думе право введения налогов и на каких принципах

должны проводиться выборы? Те, кто стремился с самого начала резко ограничить права Думы и не допустить, чтобы она обладала большими правами, чем Государственный совет, настаивали на необходимости ограничить право законодательной инициативы Думы в области установления новых и увеличения существующих налогов, полагая, что предоставлять ей такую инициативу было бы «неосторожно». С таким подходом не согласился министр финансов В. Н. Коковцов, который резонно заметил: «Мне, как министру финансов, более чем кому-либо известно, что бремя взимаемых с населения налогов достигло крайних пределов и что в ближайшем будущем не только не предвидится возможность облегчения податных тягостей, но предстоит даже изыскивать новые источники государственных ресурсов для покрытия предстоящих огромных расходов... Нет такого закона, который не требовал бы прямых или косвенных, больших или меньших жертвований государственного казначейства. Если будет введено в учреждение Государственной думы ограничение законодательной инициативы предметами, не требующими новых расходов, то Дума фактически не будет в состоянии осуществить даруемое ей весьма важное право»³⁴.

Что касается вопроса о системе выборов в Думу, то многие склонялись к тому, что они должны проходить по сословиям, мотивируя это свое мнение главным образом тем, что при так называемой смешанной системе будут ущемлены интересы дворянства. Против такого подхода решительно возражал В. О. Ключевский: «Какое впечатление произведет сословность выборов на народ? Я не хочу быть зловещим пророком. Но она может быть истолкована в смысле создания Государственной думы для защиты сословных интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас бог от таких последствий. Я закончу тем, что при современных условиях несправедливо и больше чем неудобно, скажу прямо — опасно устанавливать выборы в Думу на сословном начале»³⁵.

Однако сторонники сословных выборов не хотели отступать, требовали, чтобы этот принцип был распространен не только на дворянство и крестьянство, но и на духовенство. При этом они обвиняли авторов проекта в том, что вводимая ими смешанная система выборов, порывая якобы с историческим прошлым России, направляет судьбы отечества «на путь неизведанный». Выразители этой точки зрения наивно полагали, что если в Думе будет преобладать дворянство, то тем самым удастся избежать возможных конфликтов между представительной властью и короной. Сторонники такого подхода не учитывали изменений, происходивших как в крестьянской среде, так и в положении дворянства.

Поведение самого императора на данном совещании свидетельствовало, что он не владеет ситуацией и слабо представляет, каким образом могут и должны строиться отношения между представительной и исполнительной властями, чтобы не обострялась и без того крайне напряженная обстановка в стране. Из его реплик и высказываний по ходу прений видно, что его больше занимали сиюминутные интересы, ради которых он готов был пойти на незначительные уступки, только бы при этом ничего существенно не менялось в механизме государственной системы, и прежде всего, разумеется, самодержавной власти. Он охотно и энергично поддерживал любые предложения, которые имели в виду сохранение самодержавия. Такие предложения и поправки принимались тут же. Любопытно, что император предлагал даже именовать Думу не государственной, а «Государевой». И лишь после того, как ему вежливо напомнили, что такое название не отвечало бы назначению и характеру Думы как органа представительного, он отказался от своего предложения.

Как и следовало ожидать, общество не приняло того проекта Государственной думы, который обсуждался и был одобрен на совещании в Петергофе. Обнародованный 6 августа, он вызвал резкую критику практически со стороны всех слоев населения, справедливо расценивших его как стремление властей превратить Думу в придаток к существующему самодержавному строю, ничего в нем по существу не меняющий. Общество не мирилось с совещательным характером будущей Думы,

как и с серьезными ограничениями избирательного права. Свое недовольство выражали и те круги российского общества, например, дворянство, которые выступали за соблюдение принципа сословности при проведении выборов в Думу. В стране ширилось движение за наделение Думы всеми правами законодательного учреждения и за всеобщие выборы.

Резко накалившаяся внутривластная обстановка и сам настрой общества не оставляли царизму других надежд на разрешение политического кризиса, кроме как предоставлением населению гражданских прав и свобод, признанием за Думой законодательных функций, в сущности, введением в России конституционных начал. Конечно, теоретически существовала и другая альтернатива, связанная с использованием против народа военной силы: пролив потоки крови, можно было попытаться восстановить порядок в стране. Однако власти понимали, что этот путь не решал проблемы, ибо достигнутое таким путем «примирение» не могло быть ни продолжительным, ни стабильным.

После долгих обсуждений сложившейся ситуации с различными государственными деятелями и мучительных колебаний император принял трудное для себя, но правильное для страны решение. 17 октября он подписал манифест, который гласил:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей, великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единства державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предначертанных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанности правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»³⁶.

Манифест 17 октября явился компромиссом, на который, под давлением трудных обстоятельств, пошли люди из высших эшелонов власти, включая, естественно, и самого императора, придерживавшиеся разных взглядов на настоящее и будущее России и преследовавшие различные, в том числе и прямо противоположные, цели. Однако оказавшийся для многих — прежде всего революционных — сил, полной неожиданностью, манифест этот на том этапе сыграл позитивную роль: способствовал выходу страны из глубокого политического кризиса и заметному продвижению России по пути утверждения конституционных начал.

Однако и после опубликования указанного манифеста борьба между сторонниками конституционного строя и его противниками, и особенно

в высших сферах государства, не прекратилась. Она лишь приняла иные, в основном скрытые, формы. Характерно, что и на одном из последних перед выборами в Государственную думу заседаний высших правительственных чинов звучали голоса тех, кто продолжал упорствовать в своем неприятии конституционных изменений в государственном строе. Одни, например, граф А. П. Игнатъев, полагая, что манифест 17 октября сделал слишком решительный шаг к конституционному устройству, призывали на этом остановиться и не идти дальше того, что было даровано им. В то же время граф С. Ю. Витте утверждал, что манифест не устанавливает никакой конституции и что предлагаемые им преобразования представляют собой лишь «аппарат», в высшей степени важный, которым государь император желает управлять³⁷.

Ничто не предвещало легкой и близкой победы на тернистом пути к демократическим, конституционным переменам. Начало XX века ознаменовалось для России историческим поворотом в ее политической судьбе. Теперь все зависело от того, устоит ли она на этом пути, не подстерегают ли ее новые невзгоды и тяжелые испытания, не будет ли и на этот раз упущен данный ей историей шанс на национальное и социальное обновление. Россия шла навстречу первому своему парламенту.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. СПб. 1906, с. 7.
2. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 169, д. 13, л. 55.
3. См. ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Царствование императора Николая II. М. 1992, с. 47.
4. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1327, л. 23.
5. ОР РГБ, ф. 218, д. 478-4, лл. 1—2.
6. Речь эта, произнесенная бледным, как полотно, крайне взволнованным Победоносцевым, дает представление о существе и характере противостояния между сторонниками и противниками реформ, позволяет в какой-то мере выявить причины, тормозившие их осуществление. Это была своего рода программа действий, вокруг которой разворачивалась острая политическая борьба вплоть до начала XX века. Приводим полный текст этой речи:

«Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae!», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae!». При соображении проекта, предлагаемого на уважение Ваше, сжимается сердце! В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью. Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если бы хотели сделать это только. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет! В России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то по крайней мере сделать к ней первый шаг...

А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, есть орудия всякой неправды, источник всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция! Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личные свои взгляды. И эту фальшь по иноземному образцу, для нас не пригодному, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас!..

Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с его народом есть неопределимое благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств, многому можно у него поучиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем, правительство должно радеть

о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справиться с безысходною часто нуждою. Вот цель, к достижению которой нужно стремиться, вот истинные задачи нового царствования. А вместо того предлагают устроить у нас говорильню вроде французских «États généraux». Мы и без того страдаем от говорилен, которые, под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов, разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что случилось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?

К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков. Затем открыты были земские и городские учреждения, говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих.

И кто же разглагольствует? Кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своими семействами, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту. Потом открылись новые судебные учреждения, — новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния остаются безнаказанными. Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посеивает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виноваты в том, что несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы в бездеятельности и апатии нашей не сумели охранить праведника! На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться.

Государь, в такое ужасное время надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать». (Запись об этом заседании, сделанная одним из его участников, опубликована в январском номере журнала «Былое» (1906 г., с. 197—198). См. также: БОГУЧАРСКИЙ В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М. 1912, с. 262—264).

7. Подробный обзор прессы того времени, относящейся к характеристике Победоносцева, см. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. В. Константин Петрович Победоносцев. Его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб. 1912.
8. *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839) — ближайший советник императора Александра I, автор плана государственных преобразований, предусматривавшего ряд конституционных реформ: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, учреждение Государственной думы и Государственного совета (учрежден в 1810 г.). В 1812 г. был уволен со службы и сослан. С 1816 г. пензенский губернатор, в 1819 г. генерал-губернатор Сибири, с 1821 г. член Государственного совета, в 1826 г. член Верховного уголовного суда по делу декабристов, руководил изданием «Полного свода законов Российской империи» (1832—1839 гг.).
9. ГЛИНСКИЙ Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии). — Исторический вестник, 1907, апрель, с. 247—248.
10. Там же, с. 249—250.
11. Московский сборник. Издание К. П. Победоносцева. М. 1896, с. 6.
12. Там же, с. 22.
13. Там же, с. 31.
14. Там же, с. 117—118, 120.
15. *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882) — граф, воспитатель детей Александра II —

- великих князей Николая, Владимира и Алексея. Принимал участие в совещании 8 марта 1881 г., на котором выступал против введения в России основ конституционного строя.
16. *Шувалов Петр Андреевич* (1827—1889) — граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1861—1864 гг. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий 3-м отделением. В 1866—1874 гг. шеф корпуса жандармов и начальник 3-го отделения. С 1866 г. член Государственного совета. В 1874—1879 гг. посол в Лондоне.
  17. *Валуев Петр Александрович* (1814—1890) — граф, с 1861 г. член Государственного совета. В 1861—1868 гг. министр внутренних дел, в 1871—1877 гг. министр государственного имущества, в 1877—1881 гг. председатель Комитета министров.
  18. Речь идет о покушении на Александра II, совершенном 1 марта 1881 г. по старому стилю.
  19. 29 апреля 1881 г. был обнародован царский манифест, составленный Победоносцевым и его сподвижником журналистом М. Н. Катковым, провозглашавший волю нового царя сохранять и укреплять самодержавную власть. В нем были такие слова: «Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на божественный Промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».
  20. *Николай Александр Павлович* (1821—1899) — барон, с 1875 г. член Государственного совета, с 1881 г. министр народного просвещения.
  21. *Голстой Дмитрий Андреевич* (1823—1889) — граф, в 1865—1880 гг. обер-прокурор Синода, которого на этом посту сменил Победоносцев. В 1866—1880 гг. министр народного просвещения. С 1882 г. министр внутренних дел, шеф жандармов. Президент Петербургской Академии наук.
  22. Победоносцева за его антисемитизм резко осуждала прогрессивная российская интеллигенция, его высмеивали и в анекдотах, они часто рождались из реальных историй, в которые он попадал. Одну из них поведал читателям известный в ту пору журналист и публицист И. В. Василевский, выступавший под псевдонимом Не-Буква: «Когда, в свое время, он тонул в Севастополе, и его вытащил из воды и спас от смерти известный гипнотизер Осип Фельдман, бедному Фельдману долго не могли простить этой ошибки. «Не всегда надо тащить из воды то, что в ней плавает», — писал А. В. Амфитеатров. К. П. Победоносцев в беседе со своим спасителем побил все рекорды лаконизма. Даже Леонид при Фермопилах не мог бы показать такой марки. «Еврей?» — грозно спросил К. П. Победоносцев. «Еврей», — испуганно ответил гипнотизер. «Креститесь!» — сурово сказал К. П. Победоносцев» (ВАСИЛЕВСКИЙ И. В. (Не-Буква). Николай II. Пг.-М. 1923, с. 49—50).
  23. *Ванновский Петр Семенович* (1822—1907), в 1881—1897 гг. военный министр, в 1901—1902 гг. министр народного просвещения.
  24. *Делянов Иван Давыдович* (1818—1897) — граф, с 1865 г. сенатор, с 1866 г. товарищ министра народного просвещения, с 1874 г. член Государственного совета, с 1892 г. — министр народного просвещения.
  25. *Боголепов Николай Павлович* (1846—1901), с 1898 г. министр народного просвещения, за отправку студентов в солдаты был смертельно ранен эсером П. В. Карповичем.
  26. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1327, лл. 66—76.
  27. Там же, ф. 579, оп. 1, д. 2559, лл. 3—4.
  28. Там же, л. 6.
  29. Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Петергоф. 1917, с. 13—14.
  30. Там же, с. 19.
  31. Там же, с. 20. Граф А. П. Игнатъев, по свидетельству его сына, так и не принял Государственную думу. «„Мы попали в тупик, — говаривал он мне, — и придется, пожалуй, пойти в Царское с военной силой и потребовать реформ.“ Как мне помнится, реформы эти сводились к укреплению монархического принципа. Спасение он видел в возрождении старинных русских форм управления с самодержавной властью царя и зависимыми только от царя начальниками областей. Для осуществления этих принципов он был готов даже на государственный переворот» (ИГНАТЬЕВ А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М. 1989, с. 21).
  32. Петергофские совещания, с. 69.
  33. Там же, с. 57.
  34. Там же, с. 53—54.
  35. Там же, с. 94.
  36. Цит. по: ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Ук. соч., с. 289—290.
  37. Протокол заседаний совещания под личным его императорского величества председательством для рассмотрения предложенных в учреждениях Государственного совета и Государственной думы изменений. 14 и 16 февраля 1906 г. СПб, 1906, с. 10, 15.

Письма Азефа

№ 1

[Москва, 27.1.1901.]

Многоуважаемый Леонид Александрович! На мое письмо от 16 января я не получаю от Вас ответа. Не знаю, чем это объяснить. Я просил инструкции действиям своим. Поймите, Леонид Александрович, что мое положение довольно затруднительное, когда я не знаю Ваших мнений относительно высказанных в моем письме (от 16 января) взглядов. Прошу Вас по возможности скорее доставить мне удовольствие познакомиться с Вашим мнением по поводу интересующих меня вопросов. Писать, будьте любезны, мне на адрес Серг. Вас. Пока же считаю нужным сообщить Вам то, что уже передано мною нашему здешнему знакомому. 12 января на вечеринке, на которой я присутствовал (место и все подробности сообщены С. В.) состоялась организация боевой социал-демократической кассы. На этой вечеринке присутствовало 24 человека. Из них первую роль играют: 1. Марк Тимофеевич Елизаров, 2. Платон Васильевич Луначарский, 3. Софья Ивановна Муралова, 4. Остроговский, живший раньше в Цюрихе, 5. Анна Шредерс, вернувшаяся недавно из-за границы. Из остальных: 6. Артур Адамович Блюм (студент), 7. Владимир Яковлевич Исакович (студент), 8. Евгения Александровна и 9. Влад. Ал. Немчиновы, 10. Г-жа Балашова (Анна Абрамовна), 11. Клеменко Александра Леонидовна¹ — принимали живое участие во всем этом. Результаты всех обсуждений — основать кассу для поддержания и создания социал-демократической литературы и другой нелегальной, которая на своем знамени пишет: «Борьба за политическую свободу». Организация кассы такова: ею заведует комитет из трех лиц, которые не выбраны, а назначаются инициаторами вечеринки, т. е. Луначарским и Елизаровым. Что будет дальше из этого, мы увидим. Кроме того, считаю нужным сообщить, что в Вильно образовалась новая литературная группа, издающая на русском языке социал-демократическую библиотеку. До сих пор вышло четыре выпуска, из них я знаю три: 1. Речь Либкнехта, 2. Французскую революцию, 3. Наша программа.

Группа стоит за необходимость борьбы за политическую свободу. Здесь получены эти выпуски. Познакомился с некоторыми, имеющими отношение к этой виленской группе. Мальвина Лазаревна и Макс Владимирович Нахимовичи (виленцы), Фундаминский и Гальперин² (имен не знаю). Виленская группа не без интереса. Постараюсь Вам дать кое-какие сведения, имеющие отношения к вожакам. Терпение нужно! Здесь в скором времени ожидают получения «Искры» из Петербурга. Что такое «Искра», надеюсь, Вам известно. Уже недели две тому назад тут был слух, что забрали «Искру» (это спутали с 10 № «Рабочей Мысли»). Транспорт «Искры» доле быть непременно. Деньги собираются усиленно. Все это мною уже сообщено нашему знакомому. В другое время я бы и ограничился сообщением лишь

Продолжение. См. Вопросы истории, 1993, № 4.

ему, но, зная, что Вам приятно иметь мои сведения написанными на бумаге, я это делаю теперь, хотя я думаю, что в результате ведь одно и то же. Ваших инструкций я жду с нетерпением. Тоже 150 рублей, истраченных мною за границей. Да, я забыл поблагодарить Вас за 50 рублей, присланных мне к праздникам. Прошу Вас еще раз не замедлить написать мне обо всем. Готовый к Вашим услугам. *Ваш Виноградов.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., л. 2, ч. 8, лл. 29 -31; Машинопис. копия, лл. 28 - 2800.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 665.

№ 2

Сообщение сотрудника Виноградова из Москвы от 29.I.1901.

Считаю необходимым сообщить Вам следующее: новое издание московских социалистов-революционеров «Революционная Россия» появилось. Вчера привез ее Аргунов сюда, но пока она тут не выпускается до тех пор, пока не распространится в Петербурге. У меня один номер имеется — могу Вам послать с тем условием, что через несколько дней вернете, хотя думаю, что в Петербурге его скоро увидите. Куда попал привезенный в Петербург Аргуновым транспорт, можете исследовать по пятам Селюк, живущей в Петербурге. Курсистки из знакомых Селюк могут тоже облегчить Вам в данном случае задачу. Некоторые студенты московские стоят близко к Аргуновской группе. По словам Аргунова, в Петербурге возникает довольно серьезная группа социалистов-революционеров, стоящая в связи с Минском, которая мечтает перейти к работе практической.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., л. 2, ч. 8, л. 32.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 758.

№ 3

Сообщение сотрудника Виноградова из Москвы от 5.II.1901.

Как оказывается, в Вильне взята на днях типография «Рабочей библиотеки», о которой я Вам дней 10 тому назад сообщал. Сообщал об одной Мальвине Лазаревне Нахимович, стоящей в связи с Виленской группой. Как я узнал, у одного из арестованных главных найдена фотография Нахимович — она же прислала зашифрованные известия, пользуясь для этого Уставом Общества (Московского) лиц интеллигентных профессий. При этом отправлялось раньше открытое письмо, в котором сообщалось, что «Устав» переслан. Подписано письмо «Маней». Девичья фамилия Нахимович — Иозефсон. В Харькове назначен на масляничной неделе съезд «социалистов-революционеров». Будут киевляне, харьковцы, петербуржцы, минские и из других мест. Москвичи ввиду конспирации не поедут. Знаю из самых достоверных источников. Предложить хотели мне — я отклонил по понятным Вам причинам.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., л. 2, ч. 8, л. 33.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 905.

№ 4

Сообщение сотрудника Виноградова из Петербурга от 9.XI.1901.

Согласно Вашему желанию, перед отъездом в Берлин, куда я намерен отправиться из Москвы числа 20 ноября, я заехал в Петербург, во-первых, для того, чтобы получить от Вас надлежащие инструкции, адреса для корреспонденций, шифр и т. п., а во-вторых, чтобы повидаться с членами Петербургской группы социалистов-революционеров (Владимир Беляев, Яков и Клавдия Селюк³ и др.), от которых я должен забрать литературный материал для третьего номера «Революционной России», который предположено издавать за границей, а установить прочные сношения с Петербургом, Москвой и Россией. Вчера я видел только Клавдию Селюк, которая, конечно, не могла сказать ничего решительного, а сегодня я получу

от Беляева окончательные указания и сегодня же уеду в Москву. О результатах свидания я Вам напишу.

Положение дел в группе в настоящее время таково: арестованный в Томске Павлов ⁴ специально построил и самый больничный барак, чтобы поместить там тайную типографию, а затем предполагал перевестись на службу на Кавказ. Надо Вам сказать, что, по словам Павлова, у него в Петербурге порядочная протекция. Свой арест Павлов объясняет доносом какого-то уволенного им письмоводителя. У социалистов-революционеров осталась еще одна запасная типография, находящаяся или в Финляндии, или в Саратове, вернее, что в последнем. Пользоваться ею, однако, боятся и предпочитают выпустить следующий номер за границу, для чего и обратились к моему содействию (как хорошо, что Вы надумали ехать за границу еще в июле и что я распустил об этом слух еще тогда, когда об аресте типографии и речи не было). Аргунов и К⁰ с минуты на минуту ожидают ареста и все свои связи петербургские и саратовские передают мне.

Представьте себе, кого подозревают в провокаторстве: Чепика. Происходит это оттого, что он постоянно шатается за границей без определенных занятий. Между тем, в действительности это происходит оттого, что он до безумия влюблен в Анну Борисову, сестру Ларисы Борисовой ⁵ — невесты Менделя Розенбаума. Кстати о последнем: мне достоверно известно, что Розенбаум собирался в Россию. За границей он уже исчез, и если его еще здесь нет, то будет. По всем вероятностям, он не замедлит посетить свои любимые города: Ковну, Чернигов, Киев и др. Упорно уверяют, что Николай Паули решил во что бы то ни стало проникнуть в Россию, а некоторые говорят даже, что он уже выехал. Из активных членов группы социалистов-революционеров мне еще известны: в Одессе — Розалия Брагинская и в Киеве — некая Свечникова ⁶.

Петербургский «Союз борьбы» обогатился недавно двумя новыми очень серьезными силами. Сюда приехала известная Вам Екатерина Никаноровна Демьяненко, вернувшаяся из-за границы в половине прошлого сентября. Она успела побывать в Харькове, Екатеринославе и Москве, а с 20 октября находится в Петербурге. С нею приехал из Харькова инженер-технолог по имени «Сергей Иванович», фамилии его не знаю. Он окончил курс в харьковском технологическом институте, а затем служил в Екатеринославе на Екатерининской железной дороге. Оставил службу специально для того, чтобы перебраться в Петербург, где очень нуждаются в людях, причем он и Демьяненко рассчитывают попасть в члены комитета Союза. Пока еще ни он, ни Демьяненко к активной работе не приступали и заняты приобретением связей. В заключение обязываюсь добавить, что в кружках и среди учащейся молодежи замечается сильный подъем духа, общее настроение весьма тревожное, ожидают только малейшего повода, чтобы возобновить весенние беспорядки.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, лл. 34—35 об.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 9122.

№ 5

Сообщение сотрудника Виноградова от 17(30).XII.1901 из Парижа.

Пишу отсюда, куда приехал из Берлина по очень важному делу — для переговоров с редакцией «Вестника Русской Революции», чтобы они печатали свое издание от имени партии русских социалистов-революционеров. Дело в том, что в Берлин приехал один господин, который живет уже давно в России нелегально, — от имени партии социалистов-революционеров с этим предложением. Этот господин очень деятелен. Он объезжает всю Россию несколько раз в году. Ему удалось теперь объединить воедино все группы социалистов-революционеров — Харьков, Киев, Саратов, Тамбов и Козлов. В Москву он не заезжал ввиду того, что после провала в Томске он не решался приезжать, тем более, что в Саратове ему говорили, что в Берлине он найдет меня, с которым он сумеет обсудить дело Москвы. Кроме меня, он нашел тут Марию Селюк, с которой ему и раньше приходилось встречаться. Он предложил нам присоединиться к партии социалистов-революционеров и издавать «Революционную Россию» от имени партии, а не союза. Я ввиду важности этого дела для нас согласился, тем более, что и предварительные переговоры с Аргуновым привели к тому же результату, т. е. Московская группа решила присоединиться к партии, если объединение произойдет общее.

Вообще в Берлине и Париже я попал в центр. Теперь отсюда еду в Берн переговорить с главным сотрудником «Вестника» Черновым о его согласии и, кроме того, там увижусь опять с этим господином, который туда едет по поводу устройства постоянного транспорта. Розенбаум теперь живет на русинской границе около Лемберга, где он устраивает путь для транспорта литературы. Этот господин вызвал Розенбаума в Берн для свидания. Мой приезд туда много даст нам во всех отношениях. Через несколько дней вернусь в Берлин. Обо всем подробно напишу скоро. Пока все не выяснится, не стоит писать. Этот господин называет себя Гранин. Он скоро поедет в Россию⁷.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, лл. 1 - 1 об.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 10745. № 1.

№ 6

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 26.XII.1901 (8.I.1902).

Вчера только вернулся из Берна и спешу поделиться с Вами обо всем интересном. Здесь происходило свидание Менделя Розенбаума с упомянутым в моем прошлом письме Граниным. Этот Гранин, как я уже писал Вам, представляет собою крупную величину среди социалистов-революционеров в России и преимущественно в той ее части, которая называет себя «Партией» и издала «Манифест». Эта часть социалистов-революционеров, после того как Вы теперь забрали 15 человек из тех, кто состоял в союзе социалистов-революционеров, издававших «Рев[олюционную] Рос[сию]», — самая сильная часть социалистов-революционеров. Она еще сильна потому, что в Харькове и Киеве имеет большие связи среди рабочих. Например, в Харькове работа среди рабочих разделяется между ними и социал-демократами (союзом рабочего дела) по участкам города. Кроме этих городов, у социалистов-революционеров имеются еще группы и отдельные личности во всех почти городах: Тамбове, Козлове, Воронеже, Саратове, Самаре, Казани, Иркутске, Кременчуге, Кишиневе, Одессе, Ростове на Дону, Петербурге и Москве (последние города значительно опустошены). Остатки «Союза» имеются в Полтаве, Чернигове, Тифлисе, Майкопе и Уфе.

Таким образом, Вы видите, что контингент социалистов-революционеров довольно значительный, и благодаря энергичной деятельности Гранина, который объездил теперь все эти города, ему удалось все объединить и уговорить сочувствующих «Союзу» социалистов-революционеров примкнуть к партии; остановка была только за Московской группой, которая составляла ядро так называемого «Союза». Переговорить с москвичами нельзя было ввиду тревожного времени, то и окончательные переговоры с москвичами были отложены до приезда Гранина за границу, где он мог найти Марию Селюк и меня, как я уже писал Вам. Я счел нужным высказаться за объединение «Союза» с «Партией». Для нас, я думаю, это очень важно, особенно при условиях, при которых это произошло, когда нам почти все открывается; но, с другой стороны, тут есть некоторая опасность, так как я не только меценатствую, но и вхожу, так сказать, в организацию. В данном случае поступить иначе было бы глупо, а потому я, несмотря на риск, поступил таким образом. При этих условиях мне возможно было взять на себя миссию поехать в Париж переговорить с редакцией «Вестника Русской Революции» относительно того, чтобы они издавали «Вестник» от имени русской партии «Социалистов-революционеров».

Переговоры, как Вы уже знаете, привели к положительному результату. «Вестник» с следующей книжки будет выходить от имени «социалистов-революционеров». Редакция «Вестника» состоит из четырех человек: Тарасова (Русанова), Рубановича, Михаила Гоца⁸, недавно вернувшегося из Сибири и жившего некоторое время в Одессе (его псевдоним в «Вестнике» — А. Левицкий), и Виктора Чернова (псевдоним — Гарденин). В смысле организационном в «Вестнике» главную роль играет Гоц, который ведет всю практическую часть и все сношения с Россией и заведует транспортом. Чернов, который живет в Берне, ведет большую пропаганду среди молодежи и пользуется большим успехом. Ему удалось в Берне образовать шесть кружков социалистов-революционеров среди учащейся молодежи Берна. Кроме этого, им поставлена типография-школа для желающих обучаться набору.

Надо сказать, что элементы народофильские и социалистов-революционеров

все растут и растут здесь. Кроме объединения с «Вестником», Гранин от имени русских «социалистов-революционеров» предложил членам аграрной лиги соединиться с русской партией социалистов-революционеров. При обсуждении этого вопроса в Берне большинство членов Лиги (не стану их называть) высказалось за это объединение, и решено из состава этой Лиги образовать Комитет для выработки агитационной литературы для рабочих и крестьян. В этот Комитет вошли: Чернов с супругой, Шишко ⁹, Лазарев, Житловский с супругой, Гоц и Розенбаум. Намеченные брошюры должны быть написаны членами Лиги, отпечатаны от имени «Партии» и препровождены в Россию. Таким образом, в лице «Вестника» имеется литература для интеллигенции; члены Лиги будут создавать агитационную литературу для рабочих и крестьян, а «Революционная Россия» будет боевой газетой партии.

Относительно «Революционной России» еще не решено, будет она печататься в России или за границей. Все зависит от устройства транспорта. Если транспорт будет оборудован хорошо, то будет она печататься за границей. Во всяком случае, 3-й и 4-й номера решено печатать здесь. 3-й уже печатается по моему заказу в Париже у Прекера ¹⁰. Относительно транспорта, то Розенбаум специально был вытребован в Берн из того места, где он устраивал путь. Он оборудовал в двух местах на русинской границе около Лемберга с контрабандистами, но для пуска в ход нужно иметь постоянного человека в Каменец-Подольске. Такого субъекта по возвращении Гранин найдет в России, и дело начнет функционировать хорошо, как тут все надеются. Гранин отсюда уедет дней через 10, теперь он еще в Берне, живет у Чепика (Masenhofstrasse, 37). Здесь, в Берлине, он остановится, вероятно, у врача Френкеля, в Шарлоттенбурге (Kantstrasse, 57, помещ. II).

Это, безусловно, не настоящая фамилия. Притом Гранин уже около двух лет живет в России нелегально. Он года два тому назад был арестован в Минске, там он жил легально и имел химико-бактериологическую лабораторию. Арестован он был при больших минских арестах и привезен в Москву, где с ним Сер. Вас. вел беседы длинные (о которых С. В. мне раньше и рассказывал) и выпустил его, взяв обещание с него не заниматься революционной деятельностью. С тех пор Гранин уехал из Минска и занимается очень энергично революционной деятельностью, но нелегально, и не имеет постоянного места жительства. По этим всем данным, я уверен, что Вам возможно будет установить, кто этот Гранин, и следить за ним; брать же его пока не нужно — он нам полезен будет.

Поездка моя в Париж и Швейцарию была очень полезна для нас. Замечательно хорошо она сложилась; вообще очень удачно вышло, что я спровадил сюда Селюк. О Берлине и о многом другом — до следующего раза. Как окончательно решится дело транспорта, сообщу. На поездки эти мною израсходовано 200 рублей, которые покорнейше прошу мне прислать вместе с жалованьем за январь и февраль, а также сообщить, как быть на будущее время с экстренными расходами, которые будут всегда, — они для нашего дела необходимы. Сообщать ли Вам всякий раз о них или Вы назначите определенную сумму ежемесячно. Сообщите и пришлите денег. Мой адрес: Luisenstrasse, 36, помещ. II, мне. Жму руку. Ваш Иван.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, л. Б, лл. 2-4 об.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 10911-901 г. № 2.

№ 7

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 5(18).IV.1902.

Только что получил телеграмму Вашу — очень хорошо понимаю причины Вашего беспокойства о Гершуни в такое время. Думаю, что не мешает Вам не выпускать его уже теперь из виду, не потому, конечно, чтобы я думал, что он затевает или может затеять какой-нибудь террористический факт, а потому, что он, очевидно, великолепно организовывает партию социалистов-революционеров, которая, как видно, начинает встречать все больше и больше сочувствия в революционных кругах. Ясно, конечно, что организация, если она окрепнет, перейдет непременно на террористическую борьбу. Нельзя не отказаться от мысли, что и последний факт, может быть, исходит от какой-либо организации, или, по крайней мере, преступник имеет какого-нибудь сообщника ¹¹. Гершуни себе поставил задачу создать сильную организацию-партию, потому я думаю, что он не скоро сам решится

на какой-нибудь поступок. Живет он нелегально, так что не так легко с ним увидаться. Переписку он ведет с Парижем, Берном, раньше писал и нам в Берлин, но теперь недели две как нет от него письма. В Питере он встречается с Иванчиным-Писаревым (редакция «Русского Богатства»), Дм. Ал. Клеменсом (с последним — реже) и Марией Петровой Лавровой (дочерью известного умершего эмигранта). Отсюда ему писали «Верову (в Москву), до востребования».

Вам надо следить за перепиской из Парижа и Берна. Кроме того, с ним переписывается Яков Абр[амович] Френкель¹², который переехал теперь в Гейдельберг, так что и за перепиской из Гейдельберга Вам следует наблюдать. Пишут из этих мест ему довольно часто. Кроме того, Вам необходимо, как мне кажется, запастись людьми, которые его хорошо знают в лицо. Часто он видится с известной Вам Брешковской (конспиративная кличка «Бабушка»). Она недавно была в Киеве, теперь, кажется, в Одессе. Полагаю, что все эти данные облегчат Вам его найти. При этом мой совет его не арестовывать, но не выпускать из виду, тогда Вы многое получите и будете довольны. Сообщите о результатах Ваших исследований — со своей стороны я буду сообщать всякую мелочь, которая могла бы облегчить Вам эту задачу. Наступает, кажется, довольно тяжелое время для нас.

Здесь был вчера у меня Михаил Рафаилович Гоц, от которого я узнал, что транспортное дело поставлено Розенбаумом великолепно; кроме Розенбаума, там, в Лемберге, живет еще некто Гандкевич¹³ (малоросс), который, вероятно, там живет нелегально, а это Вам даст возможность проследить их. Относительно Ляпунова могу Вам передать, что он официально принадлежит к «Рабочему Делу», об этом знают многие в Берлине. С Левитом он встречался очень часто. По моему мнению, Левит на него влиял в смысле необходимости перехода к террору. Левит мне лично говорил, что Ляпунов ему очень напоминает Карповича.

Сообщаю Вам адреса, которыми пользуется для переписки группа «Борьба»:
1) Frau Petrantzky, Berlin, Besselstr., 28, Quergeb. I. 2) Frau Lost, Spandauerberg, 7, Charlottenburg.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., л. 2, ч. 8, лл. 29-30.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 4451, № 13.

№ 8

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 7(20).IV.1902.

Как я уже писал в № 13, я склонен думать, что событие 2 апреля есть дело организации, но насколько причастны к этому Гершуни или саратовцы, понятия не имею. Думаю, что, кроме сочувствия с их стороны, ничего нет. Здесь никто ничего не знает об этом деле, исключая упомянутого уже не раз мною Павла («Заратустра»), который несколько дней тому назад сообщал, что ему писали из России об образовании на Юго-Западе России (насколько я понимаю, это сообщение идет из Гомеля) террористической партии с девизом «Огнем и мечом» и что, по его конспиративно высказываемому мнению, убийство министра — дело рук той партии. Уверенности в этом у него, однако, нет, а только предположение. Лично мне кажется, что эта образовавшаяся партия «огнем и мечом» вряд ли что-либо серьезное представляет собою. Мое мнение основано на том, что сообщение об образовании такой партии слишком уж неконспиративно передается письмом. Во всяком случае, на Гомель Вам нужно обратить особое внимание.

Гершуни во всяком случае очень опасный человек, так как социалисты-революционеры рано или поздно займутся террором. Вышедший № 5 «Революционная Россия» насквозь проникнут необходимостью образования Исполнительного Комитета в духе «Народной Воли». Ряды социалистов-революционеров в России все увеличиваются и увеличиваются. Могу Вам указать на следующих лиц: в Харькове — Калистратова Ольга Григорьевна, в Москве — Терешкович Василий Константинов, в Одессе — Подгук¹⁴, бухгалтер конторы Высоцкого. За всеми этими лицами Вам наблюдение нужно вести очень осторожно. Они большие конспираторы. Во всяком случае, они абсолютно не должны сейчас заметить наблюдение, так как только на днях мне Гоц (Михаил Рафаилов) сообщил этих лиц только потому, что я заявил, что, вероятно, скоро поеду с организационными целями в Россию и что не может ли он дать мне какие-нибудь указания. Малейшая неосторожность с Вашей

стороны может меня скомпрометировать. Поездку я думаю устроить. Как Вы относитесь к этому, сообщите. Я думаю, этим путем мы многое узнаем, хотя и опасность немала. Сообщите Ваше мнение¹⁵. Чем Вы пишете Ваши письма? Думаю то же делать. Сообщите о ходе дела, может, что-нибудь и вынырнет.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, л. Б, лл. 31—32.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 4885, № 14.

№ 9

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 17(30).IV.1902.

О том, что Гершуни виделся или должен видеться с Иванчиным-Писаревым, Клеменцом и М. Негрескул, я узнал от Мих. Раф. Гоца, который, будучи у меня недели две тому назад, и рассказал мне это. Между прочим он давал Гершуни рекомендацию к этим господам. От Г. я давно не имел писем, но знаю, что он готовится приехать за границу. Здесь появилось изданное в России 4 апреля парт[ией] социалистов-революционеров извещение о событии 2 апреля, из которого можно заключить, что Балмашев действовал от партии социалистов-революционеров, во всяком случае, при содействии членов, или члена, партии. Ввиду того, что здесь об этом никто до последнего времени и не подозревал и из Берлина и Парижа спрашивали у меня, не знаю ли я каких подробностей, но здесь никто ничего не знает. Надо полагать, что в России есть какая-то довольно сильная группа социалистов-революционеров, которая действует непосредственно, не сносясь с границей; она, однако, безусловно знает «Революционную Россию», так как под извещением написано: «Из материалов Революционной России».

Факт 2[15] апреля благодаря удаче подымет в революционных кругах репутацию социалистов-революционеров, и надо думать, что партия займет выдающееся место среди революционных групп, а потому не надо дать ей окрепнуть. Моя поездка была и задумана с целью завести сношения со всеми социально-революционными элементами на почве «Революционной России» и завязывания сношений с иностранными комитетами «социалистов-революционеров». Куда, т. е. в какие города, я думал поехать, это зависит от того, куда послали бы отсюда. Мне надо было бы только придумать повод поехать в Россию, как посыпались бы поручения со стороны Парижа и Берна. В настоящее время я склонен согласиться с Вами, что такая поездка — вещь обоюдоострая и требует очень много осторожности, чтобы не провалиться. Несмотря на то, что я, вероятно, мог бы с честью выйти из этой поездки, я все-таки пока от нее отказываюсь.

Известный Вам Чепик собирается в Россию, он теперь здесь. № 5 «Революционной России» вышел, — тут слухи, что Розенбаум арестован в Екатеринославе. Неужели он попался с транспортом «Революционной России»? Проверьте и сообщите, как у Вас Витенберг? Он сообщал, что за ним слежка с границы. После сообщения во французских газетах об обысках у русских эмигрантов, печатание № 6 «Революционной России» временно перенесено из типографии Прекера в Париже в Женеву в типографию «Вестника Русской Революции». *Ваш Иван.*

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, л. Б, лл. 34—35.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 4885, № 15.

№ 10

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 23.V(5.VI). 1902.

Мое пребывание в Берне и Цюрихе дало мне следующие, вполне установленные факты: партия социалистов-революционеров выделила террористическую организацию, которая приняла название боевой организации. По поводу 2 апреля была выпущена этой организацией прокламация, подписанная 3 апреля, но фактически этого не было 3 апреля, а выпущена она в конце апреля, так как партия долго не решалась принять факт официально на себя. Балмашову помогали лица из партии, нужно полагать, что и Гершуни, но утверждать этого не могу. Во всяком случае, он теперь состоит членом этой боевой организации, на этот счет у меня имеются доказательства, которые я получил после того, как заявил, что у меня имеются

пожертвованные 500 рублей на террористические предприятия, тогда Михаил Гоц мне сообщил, что Гершуни скоро будет в Швейцарии, что эти деньги надо ему передать, так как он состоит членом боевой организации и что он приезжает, главным образом, по вызову заграничного комитета для ведения переговоров с живущим в Цюрихе Мейснером ¹⁶ («Иван Иванович»), бывшим каторжанином на Сахалине и бежавшим с поселения — старым террористом, который считается очень способным химиком, изобретшим в свое время взрывчатые конверты, которые он и вздумал разослать, но неудачно.

С Мейснером меня в Париже специально познакомили, и я нахожу, что это очень опасный человек, у него действительно масса идей в направлении применения химического своего знания к террористической борьбе. Мейснер готов всецело работать для партии социалистов-революционеров. Гоц, Чернов и другие заграничные социалисты-революционеры нашли необходимым немедленно воспользоваться работой Мейснера и сообщили об этом в партию, и для переговоров думают прислать сюда Гершуни.

Кроме Мейснера, следует еще обратить особое внимание на живущего в Цюрихе армянина — рабочего Тер-Арутюнова, террориста, который участвовал в истории Оттоманского банка в Константинополе. Арутюнов до сих пор жил в Баку, Батуме и Тифлисе и принадлежит к «Искре»; его перу принадлежит статья «Рабочее движение в Тифлисе», изданная «Искрой». Теперь же он перешел к партии социалистов-революционеров ввиду того, что партия фактически занимается террором. На этих господ Вам нужно обратить особое внимание. Арутюнов намерен скоро переселиться на Кавказ. Он передавал, что знает на Кавказе целый ряд рабочих-армян, террористически настроенных, и, между прочим, указывает в Баку одного Енукидзе. В Батуме некоего Цулукидзе ¹⁷, служащего в обществе взаимного кредита.

Розенбаум уехал на некоторое время, около двух месяцев, в Нью-Йорк. Его заменяет М. Кривинюк ¹⁸, студент-техник, Лемберг, 26, ул. Чарнецкого, который тоже, вероятно, скоро уедет и на место которого поедет Мария Селюк. Только что получил извещение, что Гершуни в Берне и меня хочет видеть, а потому я не кончаю моего письма, спешу поехать в Берн. До следующего раза, хотел еще много интересного сообщить. *Ваш Иван.*

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., л. 2, ч. 8, л. Б, лл. 39-40.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 6708, № 18.

№ 11

Сообщение сотрудника Виноградова из Берлина от 4(17).VI.1902.

Обыкновенный текст: Дорогая Генриетта. Я тебе вчера телеграфировал относительно отправки Бекер товара, было ли все понято и товар получен ли известным тебе способом, ты из этого письма можешь узнать много интересного для себя. Не забудь это сделать и ответить мне немедленно. Также пришли, если имеешь, деньги, получила ли ты мое предыдущее письмо, сообщи. Целую тебя. *Твой Иван.*

Химический текст: Вторая моя швейцарская поездка дала мне многое. Гершуни принадлежит к боевой организации партии социалистов-революционеров. Кроме него, к этой организации принадлежат еще несколько нелегальных. [Гершуни] сам непосредственного участия не принимает, а его деятельность заключается только в разъездах, приобретении денег для боевой организации и приискании людей, способных жертвовать собой, из молодежи. Остальные члены организации занимаются, так сказать, топографией, т. е. выслеживают лиц, изучают местности и т. п., необходимое для приведения в исполнение задуманного предприятия. Теперь эти господа находятся в Питере с целью выполнить покушение на министра внутренних дел Плеве. Ввиду того, что достать голыми руками, как думает организация, трудно, то будет применена система бомб. Очевидно, последние будут привезены из-за границы. Изготовление их, вероятно, в Лондоне через Алексея Теплова или Америке — Рейнштейна ¹⁹. Система известных цюрихских и парижских. Известный уже и упомянутый мною Мейснер будет работать над более упрощенной системой взрывчатых снарядов. Одновременно с покушением на Плеве готовится таковое же на С. В. Зубатова. Все это мне известно достоверным образом.

Нечего мне, конечно, упоминать о том, что эти мои сведения должны Вам служить как средство предупреждения, но не пользоваться моими данными на допросах, как это обыкновенно делается. Малейшая неосторожность может тотчас обнаружить наши сношения, важность которых для Вас в данное время должна быть более, чем очевидной. Даю Вам некоторые указания, которые дадут Вам возможность без моих показаний знать, что делает Г[ершуни] теперь в Швейцарии — это его письма к брату в Минск, переписка, конечно, безобидная. Что касается денежных средств боевой организации, то, согласно отчета, который будет помещен в № 7 «Революционной России», доходит до 7000 руб. Те 500 рублей, о которых я писал Вам в предыдущий раз, будут помещены в отчете, полученном от Сильвии через друга (Сильвия — это Сильвенонен)²⁰. Мне необходимо было это сделать для того, чтобы узнать, что такое эта боевая организация и каковы ее планы в ближайшем будущем, и это мне удалось.

Нам необходимо лично повидаться для переговоров относительно моей дальнейшей практики. Мое положение несколько опасно. Я занял активную роль в партии социалистов-революционеров. Отступать уже теперь невыгодно для нашего дела, но действовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно. Когда я приехал сюда, то, как уж я Вам сообщал, распространился слух, что фирма меня командировала сюда для работы на 6—8 месяцев, а потом придется поехать обратно. Теперь, значит, со всех сторон идут об этом вопросы, когда я уезжаю. Там, где я работаю, служат и русские, так что не исключается возможность, чтобы в колонии узнали, что я вовсе не командирован и что я работаю как волонтер без жалованья. Благодаря этому необходимо мне или переехать в Россию (я бы мог получить занятия в Питере у нашей фирмы) или затеять тут какое-нибудь дело. Как это можно ускорить, то об этом поговорим при личном свидании. Мое пребывание в Петербурге для дела нашего имеет преимущества, я думаю, что мне удалось бы, благодаря денежным взносам, знать о планах боевой организации и дезорганизовать ее, хотя, как Вам известно, это очень опасный путь. Отсюда тоже возможно знакомство со всеми планами, но не так детально. Вот тут и необходимо обсудить сообща. Вы, пожалуйста, сообщите немедленно Ваше согласие на мой приезд. Мною истрчено 300 руб. на две поездки и 500 отдано. Эти деньги пришлите, пожалуйста.

Машинописная копия. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, л. Б, лл. 43—44 об.
Копия с копии: Hoover Institution, Вх. 7339, № 19.

№ 12

Genève, 20.IX[1903]

Простите, что до сих пор Вам не писал, так как собирал необходимые сведения. Прежде всего о съезде. Съезд был созван по инициативе Бабушки, Поливанова, некоего Розенблюма, одесского представителя социалистов-революционеров. Съезд имел целью создать заграничную организацию партии социалистов-революционеров. Для ознакомления с этой организацией в деталях посылаю Вам устав этой организации. Устав этот по ознакомлении с ним прошу мне прислать обратно, так как он доставляется только членам организации. Насколько достоверно, ручаться не могу, но в самом ближайшем будущем направляются отсюда в Россию, в Москву с террористическими планами по отношению к Великому Князю Сергею Александровичу следующие лица: Ольга Таратута, Николай Романов, Вера Григорьевна Мятлицкая и Краков.

Сюда приехал бежавший из Сибири Махайский, который собирается ехать в Россию с террористическими планами. Махайский не вступил в партию социалистов-революционеров, отличается несколько анархическими тенденциями; человек с большими способностями, собирающий вокруг себя много молодежи и имеющий на нее большое влияние. Интересующая Вас г-жа Швейд — это Мария Милащевская, жена арестованного 10 декабря в Саратове члена управы, у которого найдено было 10 пудов литературы и другие вещи. С нею живет Брешковская и ходит туда публика за литературой, так как там экспедиция. Кроме того, она дает публике обеды. В члены заграничного Комитета п. с. р. избраны следующие лица: Гоц, Чернов, Шишко, Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич²¹ и m-me Чернова — 10 человек. Отчасти я Вам еще и потому не писал, что тут получил Гоц письмо, копию

которого Вам доставлю, но при личном свидании. Среди соц.-рев. господствует полнейшее уныние после всех русских провалов. Пишите мне по адресу: M-r Aristoff, rue Ecole de Médecine, 8^{IV}. Отвечайте, получили ли.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 13—14 об.

№ 13

Баден, 19.X.1903.

Как мне стало известным, Левит наверняка едет в Россию с террористическими планами; для окончательного своего убеждения я приехал сюда пожить некоторое время, где, как я уже Вам сообщал, живут Гоц и Брешковская и куда должен был приехать Левит для окончательных переговоров о своей поездке в Россию. И действительно, позавчера приехал сюда Левит с женой, сегодня они утром уехали отсюда; Левит направляется в Мюнхен, оттуда — в Берлин и в Россию. Это не подлежит сомнению. Он уже и деньги получил на поездку и связи — будет он на Юге России. По-моему, взять его [следует] на границе, а то он, вероятно, исчезнет. Теперь обещанные Вам фамилии рабочих-террор[истов]: 1) в Харькове: Бесланов, Матунов, Бибики и Борисен, так же интеллигент Алексеев; 2) Екатеринославе: Борисенко и студент Кравченко и 3) Петерб.: Затонский, Михаил Морозов, Второв, Машистов²², Федулин, Шульц, Шнитовский. Как уже говорил Вам при свидании, эти сведения более или менее старые.

Я моих писем и 200 frcs не получал, если еще не выслали, вышлите немедленно и пишите мне *poste-restante* [в] Женеву, куда еду сегодня же. Как Ваши дела? Жму руки. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 20—21.

№ 14

Цюрих, 23.X.1903.

Для облегчения в прослежении Левита, который вчера уехал отсюда в Мюнхен, сообщаю Вам адрес, по которому ему будут писать в Мюнхен: Giselastr., 21, Atelier, S. Merkurow. Меркуров — это художник русский, тоже революционер. Левит будет в Мюнхене несколько дней, а потом поедет в Берлин, а затем скоро отправится в Россию. Его, как писал, следует взять на границе. Из разговоров с ним я убедился, что у него два плана: 1) создать вооруженные демонстрации и 2) террористический акт, направленный против государя, так как убийствам министров он не придает серьезного значения. Бабушка теперь поселилась в Цюрихе — ее адрес: Hofstrasse, 36. Живет она с неким Веденякиным, или Веденяпиным, или даже Веденяповым²³, который приехал сюда из Ташкента, где находился в ссылке, — это очень серьезный соц.-рев. Бабушка живет тут под именем его матери. Надеюсь, это Вам очень интересно знать. Бежавший из Вологды наш старый знакомый Кершнер находится в настоящий момент в Цюрихе, а отсюда переедет в Вегн, где он будет работать от соц.-рев., в состав которых он и вошел. Пишите мне в Женеву. Крепко жму Вам руку. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 22—23.

№ 15

Вильно, 7.VII.1904.

В Москве или Смоленске должен состояться в начале августа съезд соц.-рев., на котором будут разбираться следующие вопросы. I. Местный террор и боевые дружины. Имеют ли право местные комитеты самостоятельно предпринимать террористические акты, вызываемые местными условиями, или всякий раз должны быть соглашение или санкция со стороны Боев. Орг. или Ц. К.? Отношение к местному противоправ. террору в деревне. II. Возникновение новых партийных ор-

ганизаций. Условия, необходимые для признания данной группы партийным комитетом. Права местных комитетов П. С. Р. III. Автономные организации П. С. Р. (Крестьянский союз П. С. Р. см. № 8 Р. Р. и «Ко всему крестьянству» 2-ое издание, конец, по вопросу о постановке крестьянского дела № 35 Р. Р. Союз народных учителей см. № 35 Р. Р. и № 4 Р. Р.). Целесообразно [ли] существование подобных организаций в партии. Нормальные их отношения к Центр. и местным комитетам партии. IV. Отношение к студенческим организациям (см. Манифест и протоколы II студенческого съезда. Статьи по студенческому вопросу в «Сборнике по вопросам программы и тактики»). V. Порайонные организации партийных комитетов. VI. Условия соглашения с внепартийными организациями. VII. Отношение к аграрному и вообще к экономическому террору в агитационной литературе. На этот съезд явятся представители всех групп соц. рев. Центр. России и созывается он по инициативе москвичей.

В Вильне я остановился, так как у меня не хватает денег для приезда в Париж, а потому будьте добры мне немедленно выслать по телеграфу 100 рублей, и я на днях буду у Вас. Всего хорошего. *Ваш Иван.* Живу во Французской гостинице.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 59—60.

№ 16

Телеграмма, почт. штемпель 29.VII.1904, в Париж из Вены.

Komme Sonntagsnacht Genf. Iwan. (Прибуду ночью воскресенье [из] Женевы. Иван²⁴. — *Сост.*)

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, л. 62.

№ 17

Бланк L'Hotel Moderne, Женева, 1.IX.1904.

Наконец-то я выбрался Вам написать. Дело в том, что не хотелось писать, пока не нащупаешь чего-нибудь существенного. Не могу еще сказать, чтобы я этого добился, но во всяком случае картина кое-какая имеется. Покушение на Его Величество готовится — для меня не подлежит это никакому сомнению. Центр тяжести Б. О. в Одессе. Мне недавно удалось тут прочесть письмо, в котором сообщают, что царь будет в Одессе. Письмо это получилось по адресу Гоца из Мюнхена, а брат Гоца привез его для передачи в Женеву. Мне случайно удалось заглянуть в это письмо.

Что касается ряда имен, о которых мне приходилось с Вами говорить, то удалось выяснить следующее: Еремей — это Ст. Ник. Слетов, это его имя, которым он пользовался в Киеве, а потому некоторые, знавшие его по России, его так называют. О его роли нечего говорить — он член Центрального Комитета партии. Наталья — это Марья Селюк — в Киеве известна под именем Наталья Игнатьевна — играет первую роль в партии. Венъямин живет за границей с прошлого года, пишет в Р. Р. изредка на террористические темы — его перу принадлежит статья в № 46 Рев. Рос. «Без адреса» за подписью бывш. социал-демократ. Уезжал в Россию на некоторое время в марте — апреле, вернулся недавно, постоянно, говорят, живет в Германии, в Фрейбурге. Бывший социал-демократ — без сомнения террорист, ездивший в Россию, я предполагаю, по делам террора. Венъямина теперь здесь нет — я его уже не застал. Говорят, уехал в Германию. Считают его очень талантливым.

Супруга не получала письма, содержание которого Вы передали. Павел Иванович — молодой человек, черные усы, 28 лет, недавно приехал из Питера, видел его несколько раз. Трудно ориентироваться в его роли, но, во всяком случае, он шишка. Также мне удалось открыть здесь Кудрявцева. Он в Женеве живет под именем Мешковского²⁵. Высокого роста, бородка светлая, в очках, одет с претензией на Чайльд Гарольда — в плаще с черным широким бантом. Он тут живет с женой и ребенком. Словом, Мешковского все знают здесь, а что он Кудрявцев, — это только стало известно мне от Слетова вчера. Скоро узнаю его адрес и Вам

сообщу. Он собирается в Россию скоро. Бабушка и Житловский очень скоро поедут в Америку для собирания денег и пропаганды. По возвращении из Америки Бабушка поедет в Россию. На днях уезжает отсюда в Россию жена Германа Галкина, она повезет в двух чемоданах литературу. Если буду знать более подробно, телеграфирую. Вам надо будет телеграфировать на границу. Дача в Германсе передана партии социалистов-революционеров, которые ее теперь продают. Доверенность дана князю Хилкову ²⁶.

Ну, на этот раз довольно. Пишите мне на poste-restante Genève — P. Walde. Я буду ходить на почту часто — ежедневно, скоро Вам дам другой адрес. Пришлите мне деньги расходных до августа 550 рублей и за сентябрь жалованье 500 рублей на этот же адрес, пожалуйста, скорее, так как деньги мне нужны. Должен Вам сказать, что тут есть группа лиц, которая меня как будто избегает, а некоторые — которые ко мне хорошо относятся, в том числе Чернов, Бабушка и Гоц. Мне кажется, что обо мне было много разговоров относительно доверия и, вероятно, существовали две партии и, кажется, влиятельная была на моей стороне. Не знаю, насколько я не ошибаюсь. Мне все-таки кажется, что я сумею добиться полного доверия ото всех — все постепенно. Съезд, устраиваемый Циллиакусом ²⁷, удастся устроить в конце сентября. Жду Ваших подробных известий и денег скорее. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 67—68 об.

№ 18

*Бланк отеля «Милан» в Ницце. Ницца, 28.I.1905.
Пометка: получено 11 февраля в Берлине, 11.II.1905.*

Получив Вашу телеграмму с вопросом о событии 6 января 1905 г. ²⁸, я, насколько был осведомлен, будучи в Париже, ответил Вам телеграммой в Питер на Морскую, что это дело случайное, не дело организации, но, дав Вам телеграмму, я решил съездить к Гоцу в Ниццу для того, чтобы убедиться в этом деле окончательно, так как если бы это дело имело какое-либо отношение к партии С. Р., то об этом может знать только Гоц. Здесь, на месте, я убедился, что то, что я телеграфировал, совершенно верно, т. е. что это дело никакого отношения не имеет к партии Соц.-Рев. Но здесь мне случайно удалось узнать очень много очень интересного и важного, чем спешу поделиться.

К Гоцу сюда приехал некий Афанасьев, в Питере живет на одной из Рождественских, сотрудничает в газете «Наши дни», близкий знакомый петербургского присяжного поверенного Моргулиеса ²⁹, с предложением, чтобы партия С. Р. оказала нравственное содействие образовавшемуся в Петербурге кружку (человек 15—18) крупной интеллигенции в террористических предприятиях, направленных против Его Величества и еще некоторых лиц (не названы). Афанасьев сам член этого кружка. Кружок состоит из литераторов, адвокатов и других лиц инт. профессий (это и т. н. левое крыло либералов из Освобождения). Кружок обладает деньгами, Афанасьев говорил — 20 000 руб., и людьми для выступления. Афанасьев просил только, чтобы С. Р. оказали нравственное содействие, т. е. проповедывали эти акты. Мне кажется, что установить Афанасьева (настоящая фамилия) по моим данным легко и т[а]к открыть весь кружок. Аф. теперь живет в Ницце и через неделю отправится в Питер.

Прошу Вас с этими моими сведениями быть очень осторожным и не превращать это в цирк[уляр]. Должен Вам сказать, что хилковский циркуляр все занимает и занимает внимание здешней организации — все убеждены, что имеется провокатор, приехал в Женеву Каин (М. П. Соколов.— *Сост.*), вызванный из России для исследования этого дела. Приезжал Мендель Витенберг, который передал, что на допросах ему говорили, о том, что он приехал в Россию из-за границы для оборудования всяких мастерских для Левита, словом, что мог знать только он, Вит., Левин, Левит и я. Заметьте это. Смысла в этом допросе я ни[ка]кого не вижу. Вышлите мне деньги за январь и февраль и расходные, о которых я Вам писал. Когда вернетесь. *Ваш Иван.*

И думаю, что Вы уже в Париже, а потому посылаю Вам письмо на пар[ижский] адр[ес], так как забыл Петер[бургский] адрес]. *Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 95—95 об.

*Бланк отеля de la Poste, Женева; пометка рукой Ратаева:
Из Женева отправлено 9, получено в Берлине 11.II.[1905]*

Я Вам писал, как знаете уже, вероятно, что хорошо было бы Вам приехать сюда, так как в моих руках имеются очень интересные письма, касающиеся боевых действий. Эти письма по почте я не решаюсь Вам посылать, так как, с одной стороны, они могут у меня каждый час быть потребованы, а с другой — могут пропасть благодаря какой-либо случайности. Осторожность, конечно, прежде всего. Ввиду этого было бы очень хорошо, если бы по получении этого письма [Вы] приехали бы на денек сюда. Да, кроме этого, имеется очень много интересного. Здесь Циллиакус. Он теперь занимается доставкой оружия различным рев. организациям. Приехал сюда с вопросом, не надо ли партии С. Р. Может до мая доставить до 2000 револьверов потому-де, что теперь время выступать вооруженным массам³⁰. Вообще вопрос о вооруженном выступлении масс благодаря последним событиям в России все более и более занимает партию С.-Р.

В последнее время отправлена масса народу в Россию — до 20 человек. В том числе и Ташкент[ец], который с неким Ломовым (субъект, о котором писал Мейснер как о боевом человеке, Вам известно) в Болгарию для исследования границы по перевозке оружия. Посредством связей армян-дрошакистов. Бывший в Цюрихе Бернский (т. е. Берлин) отправлен в Краков к П. П. С. для исследования границы по отправке людей и оружия. Каин, который был вызван из-за знаменитого циркуляра, отправлен вновь с самыми боевыми планами. Он должен проехать через Финляндию при помощи Neovius в Стокгольм. Герман в Киеве и Курске шляется. Васнецов около Харькова где-то. Он дал адрес для писем: Харьков, Михайловская улица, № 27, Александре Николаевне Домбровской. Могу указать Вам очень важную связь Хилкова, которую он передал Васнецову, это — Никифор Иванович Бодовский, адр.: хутор Терпение, станица Маргаритовка, Ростовский н/Д округ. Затем помещик Бодянский Харьковской губернии, где скрывается сейчас Васнецов и устраивает типографию. Мешковский-Кудрявцев находится сейчас в Киеве. Горский находится в Баку — готовит там вооруженную демонстрацию и террористические акты. Отсюда собирается группа террористов — очень серьезная: 2-е Блиновы — известны в Женеве под именем Ефимовых; Авдеев, который был арестован года 1 1/2 т. н. в Москве с Сладкопевцевым, бежал из Архангельска — кличка ему — Чернозем. Щепетьев, о жене которого я Вам писал в прошлом году³¹, — кличка Александр и еще некто Максим, нелегальный рабочий. Это очень серьезная группа — едет очень скоро — имеет револьверы и, кажись, взрывчатые вещества. Обратите серьезное внимание. В Ростов-на-Дону поехали соц. рев. Дементьев и Пантелеева. Оба легальные. Отвечайте телеграммой. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 97—98 об.

Пометка о получении: 8.III.[1905].

Я ездил по вызову Zilliacus в Лондон. Он жил в отеле Arondei под фамилией Weisenfels. Он затевает еще одну конференцию, в которой примут участие социал-демократы. Социал-демократы желают теперь соединиться с социалистами-революционерами и признают террор, как и выработку плана восстания народа. Среди социал-демократов составляется своя боевая организация, главными деятелями которой являются Марк Бройдо и жена его Ева³² — близкие приятели Савинкова. Бройдо едет на днях из Женева в Россию в Баку — едет на Вену. Он направится на Кавказ. Его жена остается. Известны они под именем Марковых в Женеве. В состав их боевой организации входят и другие бежавшие «романовцы», в том числе Солодуха-Перазич. Zilliacus говорит, что у них в Финляндии два завода бомб для массового действия — они в состоянии готовить тысячами — из бумаги делается оболочка — и бомба наполняется обычным динамитом. Zilliacus имеет сношения с японским посольством и доставил большие суммы финляндцам и полякам. Вообще восстание у всех на языке, и я уверен, что [в] ближайшем будущем состоится

союз между всеми революционными организациями для приготовления восстания, т. е. вооружения масс оружием и бомбами. О бомбах теперь говорят как об обычной вещи, как о литературе и т. п. Вам надо очень внимательно взять[ся] за Zilliacus'a. Он бывает часто в Hamburg'e, где им покупается оружие. Уже закуплено 6000 штук маузеровских пистолетов и через месяц будет куплена яхта и отправляется.

Карточку убийцы (великого князя Сергея Александровича) я при письме Вам уже отправил на парижский адрес. Полученные теперь отправляю при сем — это не тот господин, который являлся ко мне в гостиницу. Руб. мне передал письма Ташк. для пересылки в Женеву — оно написано химией и, вероятно, очень интересно. Если Вы сумеете подделать, то я, пожалуй, рискну его открыть и Вам переслать и вообще очень много имею интересного относительно одного из Ваших людей — это в письме писать неудобно. Напишите, когда будете. Хорошо бы все это лично переговорить. Деньги пришлите. Жалованье по условию хотелось бы получать за 2 месяца, т. е. за март и апрель. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 103—104 об.

№ 21

На бланке Hotel Continental, Лозанна, 22.III.1905.

Постараюсь Вам ответить на Ваше письмо обстоятельно: 1) Дрошакист[а], о котором писал Таш., я, [несмотря] на все мои старания, не мог видеть, он, очевидно, уехал обратно в Россию, так как все мои исследования привели к тому, что был какой-то очень серьезный [господин] и уехал недели две тому назад в Баку. 2). Относительно страхования террористов. Вероятно, это относилось к погибшему в Бристоле — это был член Б. О. Должно было быть покушение на В. К. Владимира. Самый субъект — какой-то бывший анархист, перешедший к С. Р., — так говорят в Женеве. Известен был под именем Леопольда. Занимался составлением бомбы для покушения на следующий день. 3). Для установления всего, что делается в Болгарии, и для соображений относительно Ломова я считаю самым практичным поехать мне в Болгарию, и я надеюсь многое там получить от Таш. Если Вы разделяете это мое мнение, то телеграфируйте мне в Париж немедленно, куда я на днях поеду, и я соберусь в Софию. Предприятие Л[омова], безусловно, очень серьезное. 4). Гапон³³ в Женеве — живет у Шишко. 5). Гоц против объединения с С. Д., так как, по его мнению, для партии это сейчас невыгодно ввиду того, что П. С. Р. завоевывает все симпатии. С. Д., безусловно, переходят к террористической работе. Главным образом этим займутся бежавшие «романовцы». Бройдо, о которых я Вам уже писал. Бройдо и его жена Гордон уехали в Россию, на Кавказ. Важный романовец живет в Кларане Перазич (Солодуха), старый мой знакомый, о котором я писал Вам лет 10 тому назад; я еду его повидать в Clarens. Если будет что-нибудь интересное, сообщу. Жду от Вас немедленного ответа и [сообщения], когда Вы приедете в П[ариж]. Всего хорошего. *Ваш Иван.* P.S. [О] Nancy еще ничего не знаю.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 109- 109 об.

№ 22

Бланк кафе-ресторан Du Nord, Цюрих. 31.V.1905.

Я в Женеве прожил целую неделю, и вот результат моего здешнего пребывания: 1). Леопольд, который в прошлом году в Лемберге занимался транспортом, — это Сендер Гуревич, бывший на каторге. Сам он из Могилева. Вряд ли это бристольский Леопольд. Раз Вы уверены, что транспортист и бристонец одно и то же лицо, то я ручаюсь за то, что транспортист — это Гуревич. 2). Гапон живет в Лондоне под фамилией Николаев. Он организует своих рабочих в Петербурге посредством рассылки эмиссаров и одним из таких его важных эмиссаров — это некая Мария Александровна Медведева³⁴, она теперь поехала легально в Питер. Между прочим, она едет теперь во второй раз — месяца два тому назад она поехала впервые в Питер по поручению Гапона и содействовала организации в Питере

гапоновцев — теперь она везет новые инструкции от Гапона этим рабочим. Все это очень серьезные дела. Мне кажется, что Вам по этой Марье Александровне Медведевой — она легальна и выдается с сожительницей Гапона — можно все важнейшее, касающееся гапоновской организации, установить. 3). Брешковская живет в Женеве теперь. Гоц живет в Champel'e.

Я получил рекомендательное письмо к Сарафову и Лепову от дрошакистов и, надеюсь, удастся очень многое сделать. Сюда заехал, чтобы узнать от Мейснера, где Ломов. Еще Мейснера не видел. Отсюда еду в Софию, буду там называться Иван Смитс (Jean Smits). Вышлите мне жалованье за май и июнь и расходные за апрель и май 450 рублей.

В Туле закупается оружие и занимается там этим некая Ольга Ивановна Никольская³⁵, служащая в земстве. Завтра после свиданья напишу Вам снова, есть очень много еще. Письма можно направлять в Софию до востребования Смитс. Крепко жму руку. *Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 116—116 об.

№ 23

Бланк Hotel Kummer, Вена, 5.VI.1905.

Виделся с Мейснер — он дал мне указания, как найти Ломова. Ломов сейчас в Самаре. У него там имеется жена, или невеста, Перельман — через нее можно найти Ломова. Она же живет на Соборной улице, д. № 126. У Ломова в распоряжении в каком-то городе России военный склад. Что это за склад, Мейснер объяснить не мог, сказав только, что у него как у бывшего артиллерийского офицера большие связи в военной среде и что теперь у него особые планы, связанные с военной организацией. Из всего этого получается впечатление, что надо было бы повидать в России Ломова и узнать все — все это очень серьезно. В Пензе организация с. р. стремится к устройству восстания и захвата города в свои руки. Там железнодорожные рабочие все соц.-р. Одна из важных крупных персон с. р. Ефросимия Васильевна Красикова.

Здесь, в Вене, как Вам известно, крупный представитель соц.-рев. Клячко. Через него идет большой транспорт в Лемберг, где на месте Леопольда сидит теперь некий Ротштейн, настоящая фамилия Вольф³⁶ — одессит, бежавший в прошлом году из Архангельска. Клячко тоже по[д]тверждает, что Леопольд-транспортист — это Гуревич. Клячко живет Belvederstrasse, 3. Кроме Клячко, из молодых соц. рев. здесь видный Кершнер, брат известного Вам, живет Bleichergasse, № 1. Известные соц. рев.: 1) в Москве Остоженка, 1-й Зачатьевский пер., дом Прянишников, Лидия Николаевна Розова³⁷, 2) С. Петербург, Большая Подъяческая 5, кв. 12, Лебедев, 3) в Батуме Агустинович Грушковский. Завтра я направляюсь отсюда в Софию. Пишите туда скорее и деньги посылайте. Жму руку. *Ваш Иван.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 2, д. 34, лл. 117—117 об.

(Окончание следует)

Примечания

1. *Елизаров М. Т.* (1863—1919) — участник революционного движения с 1893 г., в описываемое время входил в московскую группу РСДРП. *Муралова С. И.* — из мещан, член московского Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий. *Шредерс А. Э.* (в замужестве Юрковская, р. 1870) — из дворян, в поле зрения охранки попала в середине 1890-х годов как активный работник Комитета грамотности. В описываемое время — член московской группы РСДРП. Арестована в марте 1901 г. и привлечена к дознанию. *Исакович В. Я.* (р. ок. 1875) — из мещан, студент юридического факультета Московского университета, член московской группы РСДРП, арестован в марте 1901 г. и привлечен к дознанию по делу группы. *Немчинов В. А.* — из дворян, брат Е. А. Немчиновой. В конце 1890-х годов входил в Общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, в начале 1900-х — в московскую группу РСДРП. *Балашова А. А.* (урожд. Кацнельсон) — участница революционного движения с 1890-х годов. *Клеменко А. Л.* — дворянка, член московской группы РСДРП.

2. *Нахимович М. Л.* (урожд. Иозефсон, р. 1880) — из мещан. В середине 1890-х годов входила в социал-демократический кружок в Вильно, в начале 1900-х — в Москве. Вероятно, *Гальперин Л. Е.* (1872—1951) — сын мелкого служащего, участник социал-демократического движения с 1890-х годов. В 1901 г. агент «Искры», затем большевик.
3. *Беляев В. А.* (р. ок. 1876) — помощник присяжного поверенного, муж К. Ф. Селюк. Арестован в Киеве в 1905 г. и привлечен к дознанию по делу областного съезда представителей комитетов Украинской области ПСР. *Селюк Я. Я.* — в конце 1890-х годов, будучи студентом Петербургского университета, привлекался к дознанию по делу о революционной организации. В декабре 1901 г. арестован в Петербурге и привлечен к дознанию по делу Союза социалистов-революционеров. *Селюк К. Ф.* (р. 1875) — арестована в Петербурге в декабре 1901 г. по делу Союза социалистов-революционеров.
4. *Павлов В. Е.* (р. 1871) — врач, заведующий переселенческим пунктом в Томске, где находилась типография Северного союза социалистов-революционеров. Арестован в сентябре 1901 г. и привлечен к дознанию по делу Союза.
5. Сестры *А. П.* и *Л. П. Борисовы* были известны Департаменту полиции с начала 1900-х годов как политически неблагонадежные.
6. Вероятно, *Брагинская Р. А.* — врач, известна Департаменту полиции с середины 1890-х годов по личным связям с членами народовольческого кружка в Новгороде. *Свечникова А. И.* (р. ок. 1869) — в 1901 г. арестована и привлечена к дознанию по делу томской типографии ПСР.
7. Речь идет о *Г. А. Гершуни* (1870—1908) — враче-бактериологе, одном из основателей ПСР и руководителе ее Боевой организации. Арестованный в 1900 г. в Минске по делу Рабочей партии политического освобождения России, он был выпущен на свободу под честное слово. В мае 1903 г. арестован вновь, привлечен по делу БО ПСР и приговорен к смертной казни, замененной бессрочною каторгой. В 1906 г. бежал из Акатуйской каторжной тюрьмы за границу.
8. *Русанов Н. С.* (Тарасов, Кудрин, 1859—1939) — народоволец, эмигрант, публицист, в описываемое время входил в редакцию журнала «Вестник русской революции». *Гоц М. Р.* (1866—1906) — с 1885 г. студент медицинского, а с 1886 г. — юридического факультета Московского университета. Участник революционного движения с начала 1880-х годов. С 1901 г. в эмиграции, один из организаторов и лидеров ПСР, член редакций «Вестника русской революции» и «Революционной России», член ЦК ПСР с момента образования, представитель ЦК в БО.
9. *Шшико Л. Э.* (1852—1910) — дворянин, участник революционного движения с 1870-х годов; по процессу «193-х» в 1877 г. приговорен к девяти годам каторжных работ, в 1890 г. с поселения бежал за границу. Один из создателей Фонда вольной русской прессы, член Аграрно-социалистической лиги, затем член ПСР. Входил в состав Заграничного комитета ПСР и редакции «Революционной России»; в 1904 г. представлял от ПСР на Амстердамском конгрессе II Интернационала.
10. *Гнатовский А. Д.* (Прекер, р. 1863) — участник революционного движения с середины 1880-х годов, привлекался по делу 1 марта 1887 г., скрылся за границу, где вошел в Группу молодых народовольцев, в 1898 г. — в Союз русских социалистов-революционеров. Владел типографией в Париже и печатал эсеровскую литературу.
11. Имеется в виду убийство 2 апреля 1902 г. эсером С. В. Балмашевым министра внутренних дел Д. С. Сипягина в Петербурге.
12. *Иванчин-Писарев А. И.* (1849—1916) — дворянин, участник революционного движения с 1870-х годов, сотрудник ряда русских периодических изданий, в описываемое время редактор-издатель журнала «Русское богатство» вместе с Н. К. Михайловским. *Клементц Д. А.* (1848—1914) — участник революционного движения с 1870-х годов. С конца 1890-х годов сотрудник Музея антропологии и этнографии Академии наук, близок к редакции «Русского богатства». *Негрескул М. П.* (урожд. Лаврова, 1851—1919) — дочь П. Л. Лаврова и вдова «шестидесятника» М. Ф. Негрескула. Участница революционного движения с 1870-х годов, до 1900 г. жила в эмиграции, сотрудничая с Группой старых народовольцев. Затем переехала в Петербург, где в январе 1903 г. была арестована и сослана в Вологодскую губ. на восемь лет под гласный надзор полиции. Вероятно, *Френкель Я. А.* — врач, социал-демократ.
13. Вероятно, *Ганкевич*, или Гандкевич Н. (р. 1869) — один из основателей украинской СДРП Галиции, член Главной украинской рады во Львове (1914—1917 гг.).
14. *Каллистратова О. Г.* (урожд. Райз, р. 1861) — из мещан, в 1886 г. привлекалась к дознанию в Москве по делу о революционном кружке. *В. К. Терешкович* в 1902 г. в Москве не

- проживал. В описываемое время в Одессе жили братья *Подгук* — *Н. Н.* (р. 1880) и *Л. Н.* (р. 1875). Речь, наверное, идет о первом, в 1902 г. уволенном из Новороссийского университета за участие в студенческих беспорядках, члене Бунда.
15. «Вопрос о поездке Вашей надо серьезно обсудить,— отвечал Ратаев в письме от 10(23) апреля 1903 г.— Такие поездки дело обоюдоострое, на первых порах она несомненно принесет большую пользу, но что будет потом. Больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших услуг. Напишите о Вашем плане подробнее: цель поездки, куда именно, в какое время и т. д.» (ГАРФ, ф. 102, ДП,ОО, 1898 г., д.2, ч.8, л.Б. лл. 33—33об).
  16. *Мейснер И.И.* (р. 1864) — прусский подданный, участник революционного движения с 1880-х годов. За принадлежность к партии «Народной воли» приговорен к смертной казни, замененной 19-ю годами каторги. В мае 1901 г. через Японию бежал в Европу, жил в Швейцарии, сотрудничал с ПСР.
  17. *Енукидзе А. С.* (1877—1937) — из крестьян, член РСДРП с 1898 г., впоследствии большевик. *Цулукидзе Г. М.* (р. 1874) — князь, социал-демократ.
  18. *Кривинюк М. В.* (р. ок. 1871) — будучи студентом Киевского университета, привлечен к дознанию по делу о Союзном совете киевских объединенных студенческих организаций и землячеств. В 1901 г. эмигрировал, жил в Лемберге (Львове).
  19. *Теплов А. Л.* (р. 1850) — сын священника, студент Петербургского Технологического института, распространял революционную литературу, с конца 1880-х годов в эмиграции. В 1890 г. арестован в Париже по делу об изготовлении взрывчатых веществ. С 1893 г. жил в Лондоне, член комитета Фонда вольной русской прессы, участвовал в издании газеты «Русский рабочий». *Рейнштейн Б. И.* (р. 1866) — сын землемера, в 1884—1886 гг. работал в народовольческих кружках в Ростове-на-Дону и Екатеринославе, с 1886 г. в эмиграции, жил в Швейцарии, входил в кружок «молодых народовольцев». В 1890 г. приговорен французскими властями к тюремному заключению за изготовление и хранение взрывчатых веществ, по освобождении переехал в Америку. Член ПСР.
  20. Эта трата была Азефу Департаментом полиции возмещена: «500 руб. от Сильвии через друга» действительно фигурировали в денежном отчете БО, опубликованном в № 7 «Революционной России». То был не единственный случай финансирования Департаментом полиции деятельности русских революционеров. Так, в 1904 г. по личному указанию директора Департамента В. Л. Бурцеву через некоего «сотрудника» А. М. Гартинга была передана внушительная сумма в виде пожертвования на поездку в Россию П. А. Кракова «с террористическими целями». Бурцев о происхождении полученных им средств информирован не был (ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1904 г., д. 1, ч. 2, л. 146; А. М. Гартинг — директору Департамента полиции, 26 апреля (11 мая) 1904 г., № 129).
  21. *Розенблюм М. Ш.* (р. 1879) — из мещан, в 1895 г. привлекался к дознанию Одесским жандармским управлением по делу о тайном революционном кружке. *Таратута О. И.* (р. 1876) — учительница, участница революционного движения с конца 1890-х годов. Входила в организацию социал-демократов, позднее примкнула к анархистам. *Краков П. А.* (р. ок. 1875) — в 1903 г. выслан из Швейцарии вместе с В. Л. Бурцевым за издание журнала «Народоволец», проповедовавшего «центральный» террор. Член ПСР. *Махайский И.-В. К.* (псевд. А. Вольский, 1866/67—1926) — сын офицера, студент медицинского факультета Варшавского университета, участник революционного движения с начала 1890-х годов. *Милашевская (Швейд) М. И.* (урожд. Шаблакова, р. 1866) — из мещан, в 1901 г. привлекалась к дознанию по делу о принадлежности к саратовской группе эсеров. В 1902 г. бежала за границу, жила в Париже, где заведовала экспедицией ПСР. *Гоц В. С.* (урожд. Гассох, ок. 1860— после 1932) — из мещан. В 1886 г. выслана под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. За участие в вооруженном сопротивлении ссыльных в Якутске в марте 1889 г. приговорена к бессрочной каторге (в 1894 г. каторга заменена поселением). В 1897 г. получила разрешение вернуться в Европейскую Россию, эмигрировала во Францию. Член ПСР и Заграничного комитета партии. *Минор О. С.* (1861—1932) — бывший студент Ярославского лицея. Привлекался в Москве к дознаниям по делу о революционных кружках. В 1887 г. выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. Осужден на бессрочную каторгу за участие в вооруженном сопротивлении ссыльных в марте 1889 года. В 1898 г. вернулся в Европейскую Россию, с 1902 г. в эмиграции. Член ПСР, вместе с женой входил в Заграничный комитет партии. *Гуревич С. С.* (Саша Ангел, Саша-транспортист, 1868—1914) — могилевский мещанин, в 1888 г. сослан в Восточную Сибирь, участник вооруженного сопротивления ссыльных в марте 1889 года. Приговорен к бессрочной каторге, в 1891 г. замененной 20-ю годами. В 1895 г. вышел на поселение, а в 1902 г. эмигрировал. С 1903 г. член ПСР и Заграничного комитета партии. В 1904 г. в качестве

уполномоченного ЦК ПСР вернулся в Россию. Открыл в Минске мыловаренный завод, на котором изготовлял динамит. В начале 1906 г. арестован в Одессе и сослан в Архангельскую губернию.

22. *Бибик А. П.* (р. 1878) — рабочий, с 1898 г. член социал-демократической группы в Харьковских железнодорожных мастерских. В 1901 г. выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губ., в 1904 г. сослан в Восточную Сибирь, в 1905 г. амнистирован. Вероятно, *Борисенко Н. К.* (1880—1919) — из мещан, слесарь, в 1899—1900 гг. член Харьковской организации РСДРП, в 1901 г. сослан под особый надзор полиции в Екатеринослав, привлечен к дознанию по делу о Екатеринославском комитете РСДРП. Вероятно, *Затонский М. П.* (р. 1881) — из крестьян, рабочий, в 1900 г. привлекался при Петербургском Главном жандармском управлении к дознанию по делу Союза борьбы за освобождение рабочего класса, сослан под особый надзор полиции в Саратов. Член ПСР. В 1905 г. избирался в Петербургский Совет рабочих депутатов. Вероятно, *Машистов И. В.* (р. ок. 1884) — петербургский мещанин, арестован во время мартовских 1902 г. беспорядков в столице и сослан под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию.
23. *Веденяпин М. А.* («Ташкент», «Ташкентец», р. 1880) — внебрачный сын дворянина, студент Ново-Александровского сельскохозяйственного института. В 1901 г. привлечен к дознанию Самарским главным жандармским управлением по делу о распространении нелегальной литературы, сослан в Ташкент под гласный надзор полиции, летом 1904 г. бежал за границу.
24. Эта телеграмма, судя по почтовому штемпелю, была отправлена из Вены 16(29) июля 1904 г. в Париж Л. А. Ратаеву. 14 июля в Петербурге был убит В. К. Плеве. Главный смысл телеграммы — доказать алиби ее отправителя.
25. Кличку «*Павел Иванович*» имел Б. В. Савинков (1879—1925) — дворянин, уроженец Варшавы, студент Петербургского университета, в 1899 г. уволен за участие в студенческих беспорядках, в 1902 г. арестован в Петербурге и сослан в Вологду по делу социал-демократической группы «Социалист», в ссылке примкнул к ПСР, в июне 1903 г. тайно выехал за границу, вступил в БО, где стал одной из ключевых фигур. *Кудрявцев А. П.* (Мешковский, р. 1881) — из мещан, в 1900 г. привлекался к дознанию по делу Рабочей партии политического освобождения России. В 1902 г. за революционную пропаганду среди рабочих Петербурга сослан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь, бежал за границу.
26. *Герман Б. В.* (р. 1875) — дворянин, эмигрант, член ПСР. Владелец виллы в Германсе (Швейцария), часто использовавшейся лидерами партии для проведения конспиративных совещаний. Формально вилла принадлежала жене Германа, Л. Е. Галкиной. *Хилков Д. А.* (1858—1914) — князь, окончил Пажеский корпус. Выйдя в начале 1880-х годов в отставку в чине подполковника, поселился в собственном имении в Харьковской губ., продал часть своей земли крестьянам, толстовец. В 1891 г. сослан в Закавказье, затем в Эстляндскую губ. под гласный надзор полиции за распространение среди крестьян «вредных идей». С 1898 г. в эмиграции, с 1904 г. член Заграничного комитета ПСР. В 1906 г. вернулся в Россию, от революционной деятельности отошел.
27. *Циллиакус К. В.* (1855—1924) — финляндский общественный деятель, публицист, основатель Финляндской партии активного сопротивления (1904 г.). Под «съездом» подразумевается конференция российских оппозиционных и революционных партий, состоявшаяся в Париже в сентябре — октябре 1904 года. Проведение конференции финансировал японский военный атташе в Стокгольме.
28. Речь, вероятно, идет о покушении на московского полицеймейстера Д. Ф. Трепова, совершенном не 6, а 2 января 1905 г. гимназистом А. А. Полторацким. Хотя он имел контакты с членами ПСР, это покушение не являлось партийной акцией.
29. *Моргулис Э. М.* (р. ок. 1867) — из мещан, исключен из Новороссийского университета за участие в студенческих беспорядках. В 1893 г. окончил Харьковский университет, петербургский адвокат, примыкал к кадетам.
30. Речь идет о начале операции по закупке и доставке в Россию оружия для нужд планировавшегося в Петербурге вооруженного восстания.
31. *Троцкий А. П.* (Ломов) — сын священника, бывший студент Дерптского университета, член ПСР. *Neovius* — Неовиус А. В. (1861—1916) — доктор философии, журналист, один из руководителей Финляндской партии пассивного сопротивления. *Блинов Н. И.* (Ефимов, 1882—1905) — дворянин, студент Киевского университета. В 1902 г. арестован за участие в студенческих беспорядках и сослан под особый надзор полиции в Житомир, принят в БО ПСР, с конца 1903 г. жил за границей. Погиб в 1905 г., защищая житомирских евреев от

- погромщиков. *Авдеев Н. Н.* (Чернозем, 1879—1926) — с 1899 г. студент Харьковского университета. Арестован в 1900 г. за распространение революционной литературы, выслан в г. Козлов под гласный надзор полиции. В 1901 г. привлекался к дознанию по делу социал-демократической типографии, был сослан. В Москве в 1903 г. привлекался к дознанию по делу московской организации ПСР. *Сладкопевцев М. В.* (р. 1878) — дворянин, в 1900 г. привлекался по делу Рабочей партии политического освобождения России и Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь, в 1902 г. бежал. В 1903 г. вновь арестован в Москве и привлечен к дознанию по делу местной организации ПСР. *Щепетьева А. Н.* — член ПСР, привлекалась к дознанию по делу о подготовке покушения на Николая II.
32. *Бройдо М. И.* (Марков, 1877— после 1931) — мещанин, студент Петербургского Технологического института. В 1900 г. вступил в РСДРП, член редакции журнала «Социал-демократическая рабочая библиотека». Арестован в 1901 г. и выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. В 1904 г. за участие в вооруженном протесте ссыльных («романовское дело») получил 12 лет каторги, осенью 1904 г. бежал за границу. В марте 1905 г. уехал из Женевы в Баку, где возглавил «Организацию балаханских и бибиэйбатских рабочих», с 1907 г. член ЦК РСДРП от «меньшинства». К Боевой технической группе при ПК (затем — при ЦК) РСДРП, которую в данном случае, вероятно, имел в виду Азеф, отношения не имел.
33. *Швейцер М. И.* (Леопольд) (1881—1905) — из купеческой семьи, в 1899 г. по студенческому делу сослан в Сибирь. С 1903 г. эмигрант, член ПСР, в 1904—1905 гг. руководил отрядом БО, подготовлявшим покушение на великого князя Владимира Александровича и Д. Ф. Трепова. Погиб 26 февраля 1905 г. в гостинице «Бристоль» при изготовлении бомбы. Отряд Швейцера по доносу Н. Ю. Татарова был арестован в Петербурге 16 и 17 марта 1905 года. *Гапон Г. А.* (1870—1906) — священник, создатель организации Собрание русских фабрично-заводских рабочих в Санкт-Петербурге, инициатор шествия рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., с середины февраля 1905 г. в эмиграции.
34. Вероятно, Азеф имел в виду любовницу Г. А. Гапона А. Уздалеву, которая в конце мая 1905 г. действительно находилась за границей. *М. А. Медведева* весной 1905 г. в Петербурге не жила.
35. *Никольская О. И.* — в 1905 г. служащая земского книжного склада в Туле, член ПСР.
36. *Перельман П. И.* (р. 1881) — из мещан, будучи ученицей Самарской фельдшерской школы, входила в местную организацию РСДРП. С конца 1904 г. находилась под особым надзором полиции. *Клячко С. Л.* (1850—1914) — из купеческой семьи, в 1870-е годы, будучи студентом Московского университета, входил в революционный кружок, с 1873 г. в эмиграции, поддерживал связи с комитетом Фонда вольной русской прессы. *Вольф С. Н.* (р. 1881) — одесский мещанин, в 1901 г. арестован по делу Южной революционной группы социал-демократов. В 1903 г. арестован на русско-австрийской границе с транспортом нелегальной эсеровской литературы. Сослан в Архангельскую губ., откуда в 1904 г. бежал за границу.
37. Это сообщение Азефа ошибочно. Жена дворянина *Л. Н. Розова* (урожд. Сердаковская) действительно в то время проживала в Москве, но по другому адресу (дома Прянишниковы по 1-му Зачатьевскому пер. вообще не существовало).

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года.

Глава XXIX. *Состав и положение Добровольческой армии в августе. Расположение сторон. Дальнейший план операции. Второй Кубанский поход: освобождение Западной Кубани и Черноморской губ. Преследование большевиков в Закубаньи. Взятие Майкопа*

Постепенно развертываясь и укомплектовываясь, Добровольческая армия к сентябрю имела следующий боевой состав ¹ (у автора далее таблица.— *Ред.*)

1-я дивизия — 2,678², 3,165³, 1,964⁴ штыков и шашек; 16 орудий; 75 пулеметов.

2-я дивизия (соответственно) — 4,907; 11; 48,

3-я дивизия — 3,442; 11; 57.

Отдельная стрелк. бригада — 973 (сведений об орудиях и пулеметах нет.— *Ред.*).

1-я Конная дивизия — 3,564; 9; 21.

1-я Кубанская каз. дивизия — 2,986; 8; 12.

2-я Кубанская каз. дивизия — 1,760; 8; 5.

Кубанская Партизанская бригада — 656; 2; 2.

Отдельная Кубанская каз. бригада — 1,600; 4; 8.

Гарнизон Ейска — 1,204 (сведений об орудиях и пулеметах нет.— *Ред.*).

Польский отряд — (сведений нет.— *Ред.*).

Армейская группа артиллерии:

а) 2 тяжелых батареи — 5 орудий; 5 пулеметов.

б) 5 бронепоездов (соответственно) — 9; 9.

Автоброневой дивизион — 8 машин, 3 орудия, 15 пулеметов.

1-й и 2-й авиационные отряды — 7 машин.

Радиодивизион (сведений нет.— *Ред.*).

Железнодорожная рота (то же.— *Ред.*).

Техническая рота (то же. *Ред.*).

Запасные части — 1 конный полк, 6 запасных батальонов, 5 пластунск. батальонов; людей 3—5 тысяч.

Всего ⁵ 35—40 тысяч штыков и шашек, 86 орудий, 256 пулеметов.

Для пополнения армии призваны были в ряды ее по мобилизации еще два призывных возраста — 1916 и 1917 годов, проходившие нормально через органы местного военного управления и запасные части. Кубанцы дали в действующую армию 10 возрастных классов. Штабу приходилось вести при этом длительную борьбу с войсками, которые путали и сбивали все расчеты, мобилизуя сами в свои ряды бессистемно население районов, ими проходимых. Шла большая

¹ Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, № 2, 4.

организационная работа по развертыванию частей, органов снабжения, санитарных, военных сообщений.

Можно отметить и некоторые бытовые вопросы, возникшие в этот период. Приостановка чинопроизводства в течение года произвела большие осложнения в привычных для офицерства взаимоотношениях, тем более что в армию притекали офицеры с Украины, Кавказа, где гетман, новые правительства и генералы, ликвидировавшие бывший Кавказский фронт, не только производили офицеров за выслугу лет, но и награждали за отличие чинами и даже Георгиевскими крестами. Производство существовало и в соседней Донской армии.

Но восстановление производства выдвигало на сцену другой больной для армии исторический вопрос — о преимуществе в чинах офицеров гвардии. Теперь в рядах Добровольческой армии, в отношении офицеров, служащих в одной и той же части, такое преимущество одних являлось еще большим анахронизмом и слишком бросающейся в глаза несправедливостью. Чтобы не идти путем умаления в ранге гвардейских чинов, я упразднил в армии чин подполковника, сравнив затем в правах прохождения службы офицеров гвардии и армии. Впоследствии, в силу технических затруднений, чин подполковника пришлось восстановить для всей армии, но гвардейские привилегии были окончательно упразднены. Мера эта прошла вполне безболезненно, если не считать, что против начальника штаба, который сам служил когда-то в гвардии, создала новое обвинение: «ненавистник гвардии».

В центре шла одновременно организационная работа и политическая борьба, а войска подвигались все дальше вперед. Успех воодушевлял армию, примирял с невзгодами и лишениями, с постоянными недочетами снабжения, с тяжелыми условиями санитарно-медицинской помощи, словом, с тем неустройством тыла, которое росло с увеличением армии и территории, ею занимаемой, которое историк отметит во всех армиях эпохи гражданской войны, — неустройством, составлявшим настоящее бедствие.

Уже тогда, осенью 1918 года, с тылом мы не справились. Менялись по многу раз начальники тыла и его учреждений, сформировывались и переформировывались исполнительные органы. И тогда, и потом были во главе люди со стажем государственной и административной работы, с установившейся репутацией воли, энергии и опыта, а дело оставалось неизменно в безнадежном положении. Потому ли, что не удалось найти «настоящего» организатора тыла, потому ли, что общие условия — потрясающая бедность армейской казны, развал хозяйственной жизни страны, всеобщая моральная распущенность и политические трения — ставили затруднения необоримые.

В результате Добровольцы оставались без одежды, без сапог и с весьма примитивной медико-санитарной помощью. Переносили свое положение стойчески и даже весело в дни успехов, и кляли тыл в дни неудач. И если армия все же жила, двигалась, боролась и побеждала, то в этом... не было заслуги тыла. Боролась все одни и те же люди, те же части — изо дня в день, без отдыха, без смены, потому что сил всегда было недостаточно, потому что на пути своем они встречали все новые и новые полчища.

Новый стратегический масштаб развернувшейся на широких фронтах армии вызвал известную перемену в системе ее управления: до сих пор в течение пяти месяцев я имел возможность вести армию лично, непосредственно, имея с ней полное и постоянное общение. Теперь открывалась более широкая стратегическая работа начальникам, и вместе с тем суживалась сфера непосредственного моего влияния на войска. Раньше я вел армию, теперь я командовал ею.

В начале августа фронт Добровольческой армии простирался от низовьев Кубани до Ставрополя (восточнее), на расстоянии около 400 верст. На этом протяжении группировка неприятельских сил была следующей:

1. Таманская группа Матвеева¹, насчитывавшая разновременно от 10 до 15 тысяч, располагалась в районе станицы Славянской, прикрывая Новороссийское направление вдоль Черноморской железной дороги. Численность ее и в особенности отменное боевое достоинство наша разведка недооценивала.

2. Группа, непосредственно подчиненная Сорокину, около 15 тысяч, перейдя за Кубань, задержалась в низовьях Лабы.

3. Армавирская группа, силою в 6—8 тысяч, прикрывала линию Кубани от Усть-Лабинской до Армавира, располагаясь в двух пунктах — против Кавказской и в Армавире.

4. Ставропольские группы, организовавшиеся в разных местах, неопределенной численности, подступавшие к Ставрополю с северо-востока, востока и юга силами 8—10 тысяч.

5. Невинномысская группа, образовавшаяся, вероятно, только к концу августа, неопределенной силы. Начальнику ее Гайчинцу подчинялись и ближайшие части Ставропольской группы.

6. Майкопская группа — около 5 тысяч, расположенная в районе Майкопа — Белореченской.

7. Ближайшим резервом этих групп могла служить Минераловодская группа, не занятая непосредственно борьбой с терскими казаками, около 5 тысяч.

Силы большевиков на Северном Кавказе, беспрестанно изменяя свою численность, к сентябрю насчитывали до 70—80 тысяч при 80—100 орудиях. К октябрю соотношение сил изменилось: при прежнем приблизительно боевом составе Добровольческой армии силы Северо-Кавказской армии большевиков исчислялись нашей разведкой в 93 тыс. при 124 орудиях. При этом между Лабой и Кубанью числилось 50 тыс. при 65 оруд. и в Ставропольском районе 40 тыс. при 59 орудиях.

Таким образом, взятие Екатеринодара Добровольческой армией не разрешало еще окончательно ни в стратегическом, ни в политическом отношении ее задачи на Кубани. Борьба с большевиками оказалась по-прежнему непосильной кубанскому казачеству. Предстояло, следовательно, дальнейшее движение наше, которое, став в силу сложившейся обстановки неизбежным, развиваясь планомерно и последовательно, приводило к обеспечению освобожденного края и всего Северного Кавказа надежными естественными рубежами — Черным и Каспийским морями и Кавказским хребтом. Каспийское море, кроме того, открывало сообщение с сибирскими образованиями через Гурьев и с англичанами через Энзели, а Черное море соединяло с Закавказскими новообразованиями и полуоткрывало окно в Европу...

Исходя из этой широкой задачи, ближайшей целью армии я поставил освобождение западной Кубани и Черноморской губернии и обеспечение угрожаемого Ставропольского района, становившегося организационной базой большевиков; после чего — всеми силами обрушиться на армию Сорокина, зажав ее между Кавказскими предгорьями и р. Кубанью.

Эта борьба — жестокая, кровавая и упорная — спасала не один только Северный Кавказ. Только благодаря ей являлось возможным независимое существование Дона и Грузии. Только она давала необходимую передышку этим новообразованиям, давала время им собраться с силами и спасла в 1918 г. их земли от потока наиболее организованных, наиболее стойких большевистских полчищ Северного Кавказа. Вожди Дона и Грузии не хотели в свое время понять значения этой борьбы.

Против Таманской группы противника от Екатеринодара направлены были 5 августа 2 колонны: ген. Покровского (1-я Кубанская див.) — правым берегом Кубани и полковника Колосовского (1 конный полк, 2-й Кубанский стрелковый полк, батарея — из состава 1-й дивизии, 2 бронепоезда) — вдоль ж. д. на Новороссийск.

Генерал Покровский 7 августа после жестокого боя овладел станицей Славянской. Противник, оказывая упорнейшее сопротивление, уходил двумя колоннами — на Троицкую и Варениковскую переправы; к утру 8-го числа Покровский вел уже бой за обладание ж.-д. мостом у Троицкой, затянувшийся на трое суток, в то время как главные силы его двигались к низовьям Кубани. 11-го Покровский разбил арьергард большевиков у Варениковской и к вечеру занял Темрюк, захватив 10 орудий, много снарядов и несколько сот пленных.

Таманская группа, понеся тяжелые потери и жертвуя своими арьергардами, успела перейти за Кубань, спеша к Новороссийску, который в то время находился уже под сильной угрозой с северо-востока...

Полковник Колосовский наступал быстро и решительно вдоль Новороссийской линии, опрокидывая противника, захватывая пленных, орудия, бронепоезда, уничтожая совдепы и поднимая нагорные станицы. 11-го, после полуторадневного тяжелого боя, он овладел узловой станцией Крымской, вызвав тем падение Троицкой переправы; затем, пройдя в два дня с боями 40—50 верст, 13-го отбросил тыльные части большевиков и занял Новороссийск. Добровольцы были встречены там восторженно.

В эти два-три дня Таманская группа, задержав Покровского на переправах

через Кубань, уходила форсированными маршами и, успев проскочить через Новороссийск до 13-го, двинулась далее побережьем на юг, вырвавшись из-под наших ударов. Мы получали сведения о бегстве расстроенных и разлагавшихся толп, но сведения эти оказались неверными: Таманская группа сохранила известную организацию, дисциплину и, главное, ту стойкость, которая неизменно отличала ее в дни Тимашевской операции. По сути к ней присоединялись все беспокойные, отчаянные элементы Тамани, Новороссийска, побережья, все мелкие отряды, спасавшиеся от мщения восставших станиц.

По Сухумскому шоссе катилась эта волна людей и лошадей, съедавшая, как саранча, все скудные запасы побережья. Было ясно, что там, в голодном краю Черноморья, такой крупный отряд без подвоза долго жить и действовать не может; на Грузию, конечно, не пойдет. Естественно было ожидать движения его вдоль Туапсинской ж.-д. линии в направлении Армавира на соединение с армией Сорокина. Поэтому, приказав Колосовскому преследовать Таманцев вдоль побережья, я перебросил дивизию Покровского, остановившуюся к северу от Новороссийска, левым берегом Кубани наперерез Туапсинской линии в Майкопский район.

Слабые конные части Колосовского, двигаясь вслед за отступавшим противником, сбивая его арьергарды, к 20 августа заняли Ольгинскую в полупереходе от Туапсе, в котором сосредоточились, отдыхали и устраивались войска Таманской группы. С этого дня на побережье были лишь мелкие стычки и деятельность разведчиков.

Таким образом, к середине августа западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков, и Добровольческая армия, заняв Новороссийск, утвердилась на Черном море.

Покровский, между тем, пройдя 180-200 верст, 26-го занял станцию Белореченскую и, продолжая преследование отступавшей на восток Майкопской группы противника, к вечеру занял город Майкоп и станцию Гиагинскую. В этом районе к нему присоединились два сборных кубанских отряда — полковника Морозова, ранее действовавшего совместно с грузинами Мазниева, и ген. Геймана, поднявшего восстание в районе Майкопа.

Выход Покровского к Туапсинской линии встревожил таманских большевиков. В тот же день Таманская группа двинулась из Туапсе через Хадыженский перевал в направлении Армавира и в ночь на 29-е подошла к Белореченской. С этого времени в течение 10 дней длился неравный бой 3 тысяч кубанцев Покровского тылом к Михайловской группе Сорокина против 10—15 тысяч таманцев, пробивавшихся на восток. Только к 1 сентября к северу от Белореченской вышли еще 1½ батальона полк. Моллера, двинутые на поддержку Покровского из моего слабого резерва. Эта операция полна отдельными эпизодами находчивости и удали кубанских частей, работавших и на фронте, и в тылу противника, устраивавших засады и ходивших в отчаянные атаки на неприятельские окопы.

29-го, после горячего боя, большевики овладели Белореченской и стали укрепляться в ее районе; 2 сентября возобновили атаки крупными силами к югу от станции, через Ханскую в направлении Майкопа; большевикам удалось перейти р. Белую и даже захватить станицу Ханскую, но, встреченные конными атаками Кубанцев с тыла и фланга, они, понеся большие потери, отхлынули за реку. На другой день, распространяясь к северу, большевики смяли заслон Моллера и в ночь на 4-е обрушились всеми силами на части Покровского, преграждавшие им путь на восток, опрокинули их, ушли за Лабу и, соединившись там с Сорокиным, стали в районе Курганной.

Все это время б. группа Сорокина, атакованная 1-й Конной и 3-й дивизиями и развернувшая против них все свои силы, не предпринимала серьезного нажима в тыл Покровскому. Так же пассивна была расстроенная им Майкопская группа. Только в день последнего боя, воспользовавшись отвлечением главных сил Покровского к Белореченской, Майкопская группа перешла в наступление от Кужорской и заняла вновь Майкоп. Покровский, предоставив преследование Таманской группы небольшим конным частям, повернул главные свои силы на Майкоп. 7 сентября в происшедшем здесь бою разбил большевиков, взял тысячу пленных, большую военную добычу и захватил окончательно город. 1-я Кубанская дивизия повернула затем на восток к Лаббе, приступив к выполнению общегерманской задачи по окружению армии Сорокина.

2-я дивизия Боровского была двинута в Ставропольский район ввиду серьезной и непосредственной угрозы Ставрополю. Ее сменила дивизия Дроздовского, к 7 августа закончившая свое развертывание для занятия линии р. Кубани от ст. Пашковской (возле Екатеринодара) до ст. Григориполисской на протяжении около 180 верст. Заняв гарнизонами пункты с важнейшими переправами (Усть-Лабинская, Тифлисская, Романовская) и имея подвижной резерв в поездных составах, Дроздовский на остальном протяжении ограничился наблюдением и расстановкой отрядов, сформированных из казаков прибрежных станиц; несли они службу весьма охотно и исправно.

Преследование главной колонны Сорокина, отступавшей через Екатеринодар и Усть-Лабу на восток, возложено было на дивизию Эрдели. 8 августа дивизия сделала попытку переправиться через Кубань у Усть-Лабы, но, ввиду плохой технической подготовки переправы, потерпела неудачу: передовые части ее, успевшие перейти на левый берег Кубани, были сброшены большевиками в реку и понесли большие потери. Эрдели отказался от форсирования реки и, потеряв целую неделю, кружным путем через Екатеринодар к 14-му вышел левым берегом Кубани к р. Белой, где столкнулся с авангардами б. отряда Сорокина и Майкопской группы.

С 14-го Армавирская группа большевиков проявила активную деятельность: во многих местах противник форсировал переправы через Кубань, особенно серьезными силами у Кавказского узла (хут. Романовский). Войска Дроздовского отбили, однако, большевиков повсюду, а у Кавказской, отрезав их от переправ, частью перекололи, частью утопили в реке.

Появление 1-й Конной дивизии у Белой и неудачи на фронте Кубани охладили порыв Армавирской группы: 16-го большевики испортили мосты у Усть-Лабинской и Тифлисской и отошли к югу. Это обстоятельство позволило Дроздовскому значительно сократить фронт обороны и перебросить на левый берег Кубани 2-й конный полк, который вскоре вошел в связь с 1-й Конной дивизией⁶, отбросившей б. Сорокинскую группу за Лабу и занявшей 19-го ст. Темиргоевскую.

С этой поры на фронте 1-й Конной, 1-й Кубанской, 3-й дивизий начались упорнейшие, жестокие бои, понемногу рассеивавшие гипноз рассказов о «разложении» большевистской армии и ставившие нас вновь лицом к лицу с большими и серьезными силами противника. По ту сторону фронта происходили какие-то непонятные для нас психологические процессы, проявлявшиеся в военных операциях перемежающимися вспышками высокого подъема и беспричинной паники.

Глава XXX. Состояние большевистских войск Северного Кавказа в августе и сентябре. Наступление наше в августе 1918 года. Бои под Ставрополем, взятие Армавира и Невинномысской. Стратегическое окружение большевистской армии

Северо-Кавказская красная армия после понесенных поражений испытывала действительно глубокий кризис. В «Окопной правде»⁷ — органе красноармейских депутатов «Дно-Кубанского фронта» — появилось откровенное признание: «В нашей армии нет дисциплины, организованности... ее разъедают примазавшиеся преступные элементы, которым чужды интересы революции... Приходится констатировать недоверие [как] бойцов к командному составу, так и командного состава к Главкому (Сорокину), что ведет в конце концов к полному развалу всей революционной армии»... Состоявшийся в сентябре в Пятигорске съезд фронтовых делегатов определил конкретные причины поражений, потребовав устранения их суровыми мерами⁸: 1) неподчинение войсковых частей высшему командному составу «благодаря преступности отдельных лиц командного состава и недисциплинированности бойцов», трусости и паническому настроению «многих»; 2) «грабежи, насилия, реквизиции», словом, «целый ряд насилий над мирным населением»; 3) «обессиление армии беженским движением, вносящим панику при первом же выстреле»...

О деморализации красных свидетельствовал и неизбежный спутник ее — дезертирство: не только казаки, бывшие в составе большевистских войск, но и красноармейцы сотнями стали переходить на нашу сторону.

Особенно большие нарекания были на командный состав. О нем говорили

много и съезд, и резолюции частей, и приказы Сорокина. «Товарищи,— говорит одна из резолюций,— которые совершенно не компетентны в военных стратегических вопросах, преступно принимают на себя обязанности, которых они выполнить не могут»... «Скверно то,— писал Сорокин⁹,— что командиры, начиная с взводных, убегают от бойцов в трудные минуты... В бою я с вами — это видели все... «Сорокин продал» говорят... А где в то время командиры?.. Лучшие из них с бойцами,.. а другие в то время по городу с бабами раскатывают пьяные... Самые лучшие боевые планы рушатся из-за того, что приказания не вовремя или вовсе не исполняются»...

Авторитет Сорокина был уже подорван, и ему приходилось оправдываться даже по обвинению в измене: «Я знаю, что про меня болтают, когда я объезжал фронты Армавирский и Кавказский: уже нашлись друзья, которые говорили, что я перебежал. Мне эти разговоры не обидны, но они мешают исполнять святое и тяжелое дело защиты наших прав трудящихся»... Сорокин сурово расправлялся с порочившими его начальниками и политическими комиссарами; многих расстрелял.

Тем не менее подозрительность пустила глубокие корни. И съезд делегатов, хотя и выразил «товарищу Сорокину» полное доверие, но, «принимая во внимание, что единоличное командование вносит в ряды армии недоверие и особенно ввиду назначения его сверху», приставил к Главкому двух «политических комиссаров»¹⁰.

В течение августа состояние многих частей Кавказской красной армии было еще плачевно, но уже к началу сентября процесс распада красных войск приостановился. Хотя красное командование по-прежнему проявляло отступательные тенденции, но они встречали не раз неожиданный отпор в самой солдатской массе, несколько отсеченной, благодаря уходу или бегству многих пришлых частей — на север, к Царицыну. Одна из наших сводок отмечала такой необыкновенный факт: «1-я Лабинская бригада, насильно выбрав командиром всячески от этого уклонявшегося Ярового, принудила его (вопреки директиве высшего командования) под угрозой расстрела вести ее в бой. Наступление бригады кончилось разгромом ее под Упорной»¹¹.

Эта перемена настроения явилась в большой мере отголоском взаимоотношений кубанских казаков с иногородними. Иногородние, оседло живущие на Кубани, в большом числе вливались в ряды красных войск. В своих постановлениях войсковые части, состоявшие главным образом из этого элемента, начали предъявлять требования к своему командованию «прекратить отступление, реорганизовать фронт и затем наступать только вперед, вперед на врага, вперед к своим женщинам, женам и детям, которые гибнут под гнетом разбоя и взывают к нам о помощи»¹²... «В полку получилось волнение,— доносят другие¹³,— о том, что получились сведения, что Лабинская горит, семьи насиляются, что разгорается усиленная провокация, как будто командный состав ведет к разрухе»...

Наша разведка уяснила себе положение в стане противника с большим запозданием и в сентябре пришла к пессимистическому выводу: Северо-Кавказская красная армия начинает понемногу выходить из кризиса «не ослабленной, а наоборот усилившейся. Она желает решить боевые вопросы, составляющие основу дальнейшего существования Кубанской республики; победу она видит в занятии крупных центров края, в разгроме Добровольческой армии и в порабощении казачества»... Вопрос стоял на мертвой точке: победа казаков — порабощение иногородних, победа красных — порабощение казаков. Ни та, ни другая сторона не могли возвыситься над первобытными принципами борьбы за существование.

Не в столь резких формах выражалось настроение крестьянства Ставропольской губернии, но все же там было далеко не спокойно. Советская власть сильнейшей агитацией возбуждала народ против Добровольческой армии и в то же время побуждала к лихорадочному формированию отрядов из местных контингентов. Эти отряды не были ни достаточно организованны, ни особенно искусны. Но их было много, они возникали и появлялись неожиданно, действуя то планомерно, то партизанскими набегами. Гражданская власть наша была слабой и неопытной, чтобы справиться с народными настроениями, воинская сила — слишком малочисленной, чтобы подавить местные формирования. В Ставропольской губернии переплетались резко расходящиеся настроения: одни села встречали Добровольцев как избавителей, другие — как врагов. Работа в крае велась поэтому в обстановке

напряженной и нервирующей: с первого же дня Ставрополь находился под угрозой подступивших с трех сторон отрядов противника и жил под впечатлением то приближавшейся, то удалявшейся артиллерийской канонады...

К началу августа наши войска Ставропольского района ¹⁴ располагались полукругом вокруг города в переходе от него с севера, востока и юга; по линии Кубани слабым кордоном стояли кубанские гарнизоны. 4 августа началось вновь одновременное наступление большевиков с юга от Невинномысской и с востока от Благодарного. Первое было отбито, второе имело вначале успех: прикрывавшие Ставрополь с востока наши части были опрокинуты, и противник (4—5 тысяч) подошел к предместьям города и к станции Пелагиада, угрожая перерезать сообщения нашей Ставропольской группы с Екатеринодаром...

Дивизии Боровского еще 4-го приказано было, по смене ее 3-й дивизией, перейти к Ставрополю. 8-го части ее высаживались у Ставрополя и Пелагиады как раз в тот момент, когда туда подошли большевики. Полки (Корниловский и Партизанский) прямо из вагонов бросились на противника, опрокинули и преследовали его. Всю вторую половину августа Боровский, объединивший здесь командование, вел непрерывные бои частями своей дивизии и 2-й Кубанской. На долю последней пришлось особо тяжелая работа: полковник Улагай буквально летал по краю, пройдя несколько сот верст, разбивая и преследуя появлявшиеся в разных местах отряды противника. В результате весь обширный район верст на сто по радиусу от Ставрополя был очищен от большевистских отрядов, и Боровский, заняв с боя Прочнокопскую и Барсуковскую, имел возможность сосредоточить в верхней Кубани свои главные силы.

В связи с успешным выходом Боровского к Кубани и значительным сокращением фронта 3-й дивизии я приказал Дроздовскому перейти за Кубань и овладеть Армавиром. Эта рискованная операция с самого начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому, и потому исполнение ее сопровождалось трениями со штабом армии.

После продолжительных разведок 3-я дивизия 26 августа под прикрытием 2-го конного полка переправилась частью сил через Кубань у Тифлисской и двинулась отсюда на восток во фланг противокавказской группе противника.

В течение четырех дней Дроздовский вел упорные бои и к 31-му овладел станцией Гулькевичи одновременным ударом с запада и через ж.-д. мост. Перебросив всю дивизию на левый берег и свои коммуникации на Кавказскую, он повел наступление на Армавир вдоль жел. дороги, направив колонну ген. Чекотовского (Самурский пех. и 2-й кон. полки с батареей) против Михайловской, для содействия 1-й Конной дивизии. Вначале обе колонны имели успех. Но 1 сентября к большевикам подошли значительные подкрепления, и они перешли в контр наступление, угрожая обоим флангам дивизии Дроздовского. После упорного боя он вынужден был отвести левую колонну к станции Гулькевичи, куда 2-го вышли окруженные со всех сторон и пробившиеся штыками Самурцы ¹⁵ Шаберта. Западнее вела настойчивые атаки 1-я Конная дивизия ген. Врангеля, приковавшая к себе Михайловскую группу ¹⁶ противника, взявшая с бою оплот ее — станицу Петропавловскую, но встретившая в дальнейшем упорное сопротивление.

Еще ранее для содействия Армавирской операции я приказал Боровскому ударить в тыл Армавирской группы большевиков, захватить Невинномысскую, прервав тем единственную железнодорожную линию сообщений армии Сорокина.

Судьба играет иногда событиями чрезвычайно прихотливо... Впоследствии в Невинномысской в наши руки попала директива Сорокина, в которой на командующего Невинномысской группой Гайчинца ¹⁷ возлагалась задача: «...Приготовиться к решительному наступлению, цель которого и задача во что бы то ни стало взять город Ставрополь... Наступление начать 2 сентября в 4 часа утра, отступлений не допускаю. Ставрополь приказываю взять (4) сего сентября... Командвойск Сев. Кавказа Сорокин. Политический комиссар Торский».

Гайчинец в развитие этой директивы отдал диспозицию, по которой войска его группы, удерживая фронт Кубани от Армавира до Барсуковской, главными силами должны были «нанести грозный удар» в направлении к Ставрополю на фронте Барсуковская — Темнолесская, с охватом с востока конницей.

2 сентября — в тот же день, когда должен был нам нанести удар Гайчинец, — 2-я дивизия Боровского обрушилась на Невинномысскую. «В полдень, — говорит

сводка, — доблестные части ген. Боровского, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались в станицу; продолжая стремительное наступление, овладели ею и перекинули часть сил на левый берег Кубани. Громадные толпы противника в полном беспорядке бросились бежать к Армавиру... В момент атаки в Невинномысской находилось шесть большевистских штабов, в том числе и штаб Сорокина, который бежал верхом за Кубань в момент нашего вступления в станицу... В тот же день партизанская бригада Шкуро, выйдя южнее, овладела станцией Барсуки, разрушив там путь.

Этот наш успех отразился резко на положении фронта Дроздовского. 3 сентября он отбил с успехом атаки противника, а 4-го перешел вновь в наступление, подойдя с рассветом 6-го к Армавиру. Бой длился несколько часов и окончился полным поражением Армавирской группы большевиков. 4-й Пластунский батальон овладел Туапсинским вокзалом, 2-й Офицерский полк — Владикавказским, а с правого берега, из Прочнокопской, ворвались в город роты Корниловцев. Несколько эшелонов подкреплений спешили к большевикам с запада по Туапсинской жел. дороге, но заслон Самурского полка захватил один поезд целиком, другие встретил жестоким огнем, и эшелоны, бросив поезда, бежали на юг. Паника распространилась по всему полю. 2-й конный полк до вечера преследовал и рубил бегущих долиной Урупа; два бронепоезда прошли до следующей станции Коноково (22 версты) и там громили огнем орудий и пулеметов собравшиеся толпы отступавших большевиков...

Между тем Боровский, опасаясь за свой правый фланг, оставил в Невинномысской Пластунскую бригаду и главные силы перевел в хутор Темнолесский (см. Ново-Екатериновка). Воспользовавшись этим, Сорокин сосредоточил против Невинномысской значительные силы конницы, которые, переправившись через Кубань севернее Невинномысской, в ночь на 4-е рассеяли Пластунов и овладели станицей.

6-го я был в войсках Боровского в Ново-Екатериновской. Учитывая важное значение перерыва Владикавказской жел. дороги, я приказал им вновь атаковать Невинномысскую. Боровский 7-го овладел атакой Корниловского полка ст. Барсуки, а 8-го атаковал Невинномысскую с трех сторон и занял станицу, отбросив большевиков к западу, за Рождественскую.

Три месяца уже армия вела непрестанные, кровопролитные бои — без отдыха, без смены. Части по многу раз переменили уже боевой состав; вливались новые эшелоны Добровольцев с севера и юга России и кубанских казаков; уезжали и возвращались раненые; гибли тысячами воины; ожидали своей неминуемой участи уцелевшие, ибо казалось, что нет возможности выйти из этой кровавой эпопеи живым и неискалеченным. Но когда я бывал у Кубанцев Врангеля и Покровского, у Добровольцев Казановича, Дроздовского, Боровского не только в дни их побед, но и тяжелых неудач, я видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных. Они не жаловались на свою удручающую материальную обстановку и только просили — «по возможности» патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова приказов, речей, не нужны были обманчивые обещания социальных благ и несбыточных военно-политических комбинаций. Они знали, что путь их долог, тернист и кровав. Но большинство из них желали спасения Родины, верили крепко в конечную победу и с этой верой шли в бой и на смерть.

Враг был по-прежнему силен, жесток и упорен. Последнее время, впрочем, обстановка как будто опять явно складывалась в нашу пользу... К 10 сентября главная масса Северо-Кавказской красной армии находилась в положении почти стратегического окружения: на севере у Петропавловской стояла дивизия Врангеля, имевшая задачей опрокинуть Михайловскую группу большевиков и наступать на Урупскую; у Армавира закрывал пути Дроздовский; на западе Покровский теснил майкопских большевиков к Лаббе, направляясь к Невинномысской; на востоке — р. Кубань и Боровский у Невинномысской; на юго-востоке — партизанские полки Шкуро у Баталпашинска и Беломечетинской¹⁸... По всему обширному району, зажатому между горами и Кубанью, по всем путям шли бесконечные большевистские обозы, направляясь на юго-восток... Из перехваченного приказа Сорокина от 9 сентября явствовало, что армия его потеряла надежду на возвращение Кубани и стремится пробиться к Минеральным Водам...

16 сентября получена была первая весть и от восставших терцев: «казаче-крестьянский съезд» из Моздока радиотелеграммой приветствовал Добровольчес-

кую армию «как носительницу идеи Единой, Великой, неделимой и свободной России» и обещал «направить все силы для скорейшего соединения с нею».

Глава XXXI. *Переход большевиков в контрнаступление в начале сентября 1918 г. на Армавир, Ставрополь и по верхней Кубани. Перемена большевистского командования и плана операции. Отступление большевиков в конце сентября к Невинномысской. Преследование их нашей конницей к Урупу. «Мятеж» Сорокина и его смерть. Террор в Пятигорске*

10 сентября намерения большевистского командования обнаружились: для овладения вновь Владикавказской магистралью и обеспечения сообщений с Минераловодским районом в этот день Северо-Кавказская красная армия перешла в наступление на широком фронте: Таманская группа — от Курганной на Армавир (с запада) и Невинномысская группа, усиленная уцелевшими частями, отступившими 6-го от Армавира, — на Невинномысскую и Беломечетинскую (на юг и юго-восток).

11-го Таманцы разворачивались беспрепятственно против Армавира и 12-го атаковали Дроздовского, перешедшего к обороне. Первую половину дня большевики, при поддержке сильного артиллерийского огня, вели упорные атаки, охватывая город с севера. Но огнем и контратаками наших войск были отражены повсюду, понеся тяжелые потери; на севере им удалось, однако, перехватить железную дорогу. К вечеру новая колонна противника стала разворачиваться против южной части города.

Считая свои силы недостаточными и положение слишком рискованным, Дроздовский в ночь на 13-е оставил город и перешел на правый берег Кубани, в Прочнокопскую, сохранив за собою переправу у форштадта, прикрытую предместным укреплением.

Еще в ночь на 11-е я приказал отправить из Екатеринодара по жел. дороге на помощь Дроздовскому отряд полковн. Тимановского¹⁹, который подошел к Армавиру рано утром 13-го. Вместе с тем Дроздовскому послано было приказание 13-го перейти в наступление²⁰.

Тимановский донес Дроздовскому о прибытии и о своем намерении начать атаку. Пополудни он с большой стремительностью атаковал противника с севера и овладел его позицией. Большевики отступили к городу. Но, не видя наступления 3-й дивизии и получив запоздалое приказание Дроздовского не ввязываться в этот день в бой²¹, Тимановский заночевал на позиции.

Я повторил приказание атаковать Армавир 14-го. Переведя дивизию у Прочнокопской на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на город с северо-запада, понес серьезные потери, но успеха не имел. К вечеру он прекратил наступление.

1-я Конная дивизия все эти дни вела упорные атаки против Михайловской группы большевиков. Сотни кубанцев непрерывными налетами портили Туапсинскую дорогу, прерывая связь группы с Армавиром; правая колонна дивизии, атакуя с запада, разбила большевиков у Дондуковской и Каше-Хабля, заняв эти пункты. Михайловская группа большевиков была зажата, ослаблена, прикована, но все усилия разбить ее не увенчались успехом. Кубанцы несли большие потери, которые вновь и вновь пополнялись притоком, идущим из освобожденных станиц.

Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал беспцельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа... Согласившись с ним, я оставил на Армави́рском направлении слабый заслон полковника Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу — нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей Врангеля разбить ее. Дроздовский вышел только к вечеру 17-го на фронт Врангеля и принял иное решение: ночью произвести смену 1-й Конной дивизии на ее позиции и с 7 часов утра 18-го атаковать с севера, с фронта. Конница Врангеля после такой рокировки должна была ударить с востока в тыл Михайловской. Атака Дроздовского не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Полное истощение артиллерийских патронов послужило не малой причиной увеличения числа жертв.

Между тем, Врангель, обойдя Михайловскую, вышел в тыл Михайловской группе и овладел Курганной, перехватив коммуникации противника. Здесь в течение дня он вел успешный бой на три стороны против неприятельских войск и бронепоездов. Но когда, отбив Дроздовского, большевики от Михайловской повернули против 1-й Конной дивизии, и к тому же обозначилось наступление с юго-востока от Константиновской, положение Врангеля между двумя речками стало весьма тяжелым; с наступлением сумерек он с трудом, но благополучно вывел дивизию по единственной переправе — жел. дор. мосту через Чамлык.

Армавирская группа большевиков в эти дни оставалась пассивной.

На западе, на верхней Лабе, успешно боролась 1-я Кубанская дивизия Покровского. Отбросив противника, занимавшего линию р. Фарс, он широким фронтом (40—50 верст) наступал к Лабе, направляя главные силы против Лабинской и Зассовской. К 14 сентября Покровский, опрокидывая противника, подошел на всем фронте к Лабе, захватив Мостовое, и, переправивши часть сил через Лабу, преследовал большевиков, бегущих к Владимирской и Вознесенской. Тысячи повозок обоза, множество пленных попали в наши руки; кроме того, было отбито около 2 тысяч уведенных большевиками кубанских казаков. Этот значительный успех, создававший угрозу северным группам противника, встревожил большевистское командование. Майкопская группа была усилена и 15-го на всем фронте перешла в наступление, оттеснив Покровского на левый берег Лабы. 10 дней продолжались бои с большевиками, перешедшими вновь в нескольких местах Лабу и наступавшими в общем направлении на Майкоп. В ночь на 28-е большевики, отчаявшись в успехе наступления на этом фронте, ушли за Лабу, теснимые по пятам Кубанцами, переправившимися также у Владимирской. Положение здесь оставалось по-прежнему весьма угрожающим для большевиков.

Неудачно для нас складывалась обстановка на левом фланге. Сорокин, сосредоточив крупные силы против Невинномысской, с 10 сентября несколько раз настойчиво атаковал Боровского, но понес большие потери и вначале успеха не имел. Наконец, 15-го он принудил Боровского отойти к Ново-Екатериновке и овладел Невинномысской, открыв вновь сообщение своей армии по Владикавказской магистрали.

Еще южнее действовал партизан Шкуро. Широко привлекая в свои ряды кубанское казачество, подымая поголовно станицы Баталпашинского отдела, он развернул уже свой отряд в дивизию и совместно со станичными гарнизонами успешно отражал нападение большевиков, стремившихся перейти в верхнюю Кубань в районе Беломечетинской. Но в те дни, когда Сорокин атаковал Невинномысскую, Шкуро, тяготевший по мотивам не стратегическим к Кисловодску, повернул на юг и 12-го с боя взял этот город. Через две недели, под давлением большевистских отрядов, наступавших с севера и востока на Бугурустанскую и Кисловодск, Шкуро, с которым очень трудно было поддерживать связь, очистил город и был привлечен в район армии. Большевики жестоко расправились с кисловодской буржуазией. Очередная сводка отметила своим бесстрастным языком «мелкий боевой эпизод»: «Чтобы сосредоточить все усилия для активных действий в направлении на станцию Курсавку, полковник Шкуро оставил Кисловодск». А сам партизан 28-го уже опять бил большевиков, брал пленных и пулеметы в районе Владикавказской магистрали...

В то время как Невинномысская группа большевиков против фронта Боровского, по-видимому, все больше усиливалась, назревала серьезная угроза и его тылу и сообщениям в Ставропольском районе. В результате работы в сентябре месяце, на северо-востоке и востоке Ставропольской губернии организовались две сильные группы: в районе Дивное — 2-я Ставропольская дивизия, или группа Ипатова (12 тысяч штыков, 1 тысяча сабель), и в районе Благодарное — 1-я Ставропольская дивизия, или группа Рыльского (5 тысяч штыков, 500 сабель); кроме того, к северо-востоку от Петровска стоял отряд Жлобы, силою до 6 тысяч., устраивавшийся после поражения, нанесенного ему 14 сентября полковником Улагаем. Против этих частей мы имели мелкие отряды восточнее Медвежьего, у Донского, гарнизон Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизию у Петровского, общей численностью 4—5 тысяч.

16 сентября 2-я Ставропольская дивизия большевиков начала наступление одновременно в трех направлениях: на Торговую, Медвежье и Донское. И через три дня, сбив наши охраняющие части, дошла на севере до Немецко-Хангинского,

а главными силами до р. Егорлык на фронте Преградное — Безопасное. Для прикрытия Торговой мною был переброшен по жел. дороге небольшой отряд, а к станции Егорлык стянуты с разных сторон 1½— 2 тысячи и 2 орудия. В командование этим сборным отрядом ²² вступил ген. Станкевич, который получил задачу обеспечить с севера Ставрополь. Выдвинувшись к Безопасному, он отбросил противника, и на несколько дней здесь водворилось спокойствие.

В свою очередь, полковн. Улагай в районе Благодарного 28-го разбил 1-ю Ставропольскую дивизию и на некоторое время вывел ее из строя. Но 2-я Ставропольская дивизия в конце месяца вновь перешла в наступление крупными силами и отбросила отряд ген. Станкевича; в то же время северная колонна ее заняла села по нижнему Егорлыку в одном переходе от Торговой. Необходимо было как можно скорее ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи с Доном и войсками правого берега Кубани, тем более, что у Невинномысской шло сосредоточение крупных большевистских сил.

Я стянул в Ставрополь-Армавирский район все силы Добровольческой армии ²³. 1-ю дивизию Казановича сосредоточил против Армавира, а 3-ю Дроздовского перевел на правый берег Кубани для смены Боровского. Последнему приказано было, объединив командование над войсками Ставропольского района и присоединив к ним свою 2-ю дивизию, очистить в возможно короткий срок север губернии.

Смена на фронте против Невинномысской закончилась 2 октября, а 6-го соединенными силами Станкевича, Улагая и 2-й дивизии большевики были разбиты у Терновки. Принявший командование над колонной ген. Станкевич преследовал противника на сев.-восток и в боях 12—14-го в районе Большой Джалги, в которых приняла участие и шедшая от Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанес им вновь сильное поражение. Дальнейшее преследование стало невозможным, так как в эти дни у Невинномысской и Ставрополя разразились события, потребовавшие спешного возвращения туда 2-й дивизии и конницы Улагая.

Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника. Они, кроме того, подорвали дух в большевистских войсках, вселили и в них, и в Советах еще большее недоверие к своему командованию. Усилилось также общее неудовольствие Сорокиным. Во второй половине сентября на собрании большевистских командиров в Армавире командовавший Таманской группой Матвеев при общем одобрении заявил, что выходит из подчинения Сорокину. Матвеев был вызван в Пятигорск и там по приговору военно-революционного суда расстрелян. Эта казнь вызвала сильное возмущение в войсках Таманской группы и страшное озлобление лично против Сорокина.

22 сентября Ц.и.к. Северо-Кавказской республики, сообразно новой организации центрального Московского управления ²⁴ и полученных свыше указаний, отменил единоличную власть главнокомандующего и во главе Северо-Кавказской армии поставил «Ревоенсовет» под председательством Полуяна ²⁵ и членов: Сорокина, Гайчинца ²⁶, Петренко ²⁷ и Крайнего ²⁸. Прежний штаб Сорокина был устранен и сформирован новый в составе нескольких большевистских деятелей во главе с казачьим офицером Одарюком.

К концу сентября относится также перемена стратегического плана большевистского командования: было решено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабе и у Армавира, отступить на юго-восток, в общем направлении на Невинномысскую. Признаки отхода колонн и обоза мы замечали еще в 20-х числах сентября. В ночь на 1 октября арьергард Михайловской группы, взорвав мост у Коше-Хабля, стал отходить в направлении на Урупскую. Это обстоятельство побудило перейти в решительное наступление все три наши левобережные дивизии.

Ген. Казанович 1 октября атаковал Армавир. Части его ворвались было уже в город, но контратакой противника были отброшены с большими потерями, особенно тяжелыми в Сводногвардейском полку ²⁹.

Ген. Врангель, опрокидывая арьергарды противника и догоняя главные силы его, в первый же день прошел до 50 верст, следуя на Урупскую и Бесскорбную. В последующие дни на Урупе произошел ряд серьезных боев с переходившим не раз в контрнаступление противником, который был в конце концов смят и отброшен за реку. Дивизия после жестокого уличного боя заняла 6-го Бесскорбную, 7-го Урупскую, но дальнейшее продвижение ее было остановлено большевиками.

Ген. Покровский, отбросив заслоны большевиков, перешел Лабу и атаковал 2-го Вознесенскую и Упорную, но взять их не мог. 3-го большевики сами перешли в наступление — в первом направлении неудачно, во втором — силами до 4-х полков пехоты и многочисленной конницы — оттеснили Покровского обратно за Лабу. На следующий день он вновь и вновь атаковал и после многих упорных боев к 7-му вышел к Урупе, овладел Попутной и Отрадной.

Обе дивизии нанесли противнику большой урон, захватили много пленных и оружия, но сопротивление его было по-прежнему упорным. К 10 октября положение на фронте было следующим: 1-я дивизия стояла под Армавиром, 1-я Конная и 1-я Кубанская по Урупу до Отрадной. Далее шел изменчивый фронт Партизанской бригады (дивизии) и ополчений Баталпашинского отдела, который проходил примерно от Отрадной (связь с Покровским), севернее Беломечетинской, подходя и временами захватывая Воровсколесскую (в 14 верстах от ст. Курсавки), далее на Суворовскую. Шкуро, очищая от большевиков Баталпашинский отдел, производил с успехом непрерывные нападения на железные дороги, расстраивая движение по ней и угрожая все время сообщениям противника. От Армавира по правому берегу Кубани и далее от Барсуковской на Ново-Екатериновку стояли местные гарнизоны, Пластунские батальоны и 3-я дивизия.

В этом чрезвычайно оригинальном остром углу в качестве арьергардов по Урупу и Кубани располагалось около 20 тысяч большевистских войск; по линии Курсавка — Минеральные Воды для непосредственного охранения жел. дороги от нападений Шкуро 4—5 тысяч; и в районе Невинномысской сосредоточился сильный кулак до 20 тысяч. Дальнейшее направление его было нам неизвестно.

Я не знаю, чьей инициативе принадлежит последующий план действий Северо-Кавказской армии большевиков. Были ли директивы из Москвы, решил ли вопрос «Ревоенсовет» или оказал давление созванный в то время Сорокиным и заседавший в Невинномысской «Чрезвычайный съезд советов и представителей красной армии».

Перед большевистским командованием стояло три направления отхода: по Владикавказской жел. дороге, упирающейся в Кавказские горы или Каспийское море; на Святой Крест — с отходящим от него Астраханским трактом; наконец, третье, сопряженное с новыми боями, — на Ставрополь, с возможностью пользоваться Астраханским трактом и открыть связь и сообщение с Царицыном и прикрывавшей его 10-й советской армией, левый фланг которой подходил к Манычу у Кормового ³⁰.

До нас доходили сведения еще в сентябре, что по этому поводу возникли большие трения в среде командного состава и что Сорокин и Гайчинец — сторонники движения на Святой Крест, Матвеев — на Ставрополь. В результате длительных споров и колебаний большевистское командование приняло решение: перебросив свои тылы на Святой Крест, двинуться к Ставрополю, с целью овладения им.

Сорокин не принимал уже активного участия в операции. В то время, когда большевистские войска под начальством Федько ^{III} атаковали Ставрополь, он, опальный главнокомандующий, со своим штабом и конвоем находился в Пятигорске. Опасаясь расправы со стороны третируемых им и не доверявших ему большевистских главарей, Сорокин задумал устроить переворот с целью захватить в свои руки верховную военную власть.

13 октября он арестовал председателя Ц.и.к. Кавказской республики Рубина ^{IV}, товарищей председателя Дунаевского и Крайнего, члена Ц.и.к. Власова и начальника «чрезвычайной комиссии» Рожанского. Все эти лица — кроме Власова, евреи — были в тот же день расстреляны. По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин — яркий юдофоб — «ненавидел евреев», возглавлявших кавказскую власть, и «решился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмешательство Ц.и.к. в военное дело, что мешало военным операциям» ³¹. Но Съезд советов и представителей фронта постановил объявить Сорокина вне закона «как изменника революции» и доставить его в Невинномысскую «живым или мертвым для всенародного... суда»...

Не найдя поддержки в армии, Сорокин бежал из Пятигорска в направлении Ставрополя; 17 октября был пойман одним из таманских полков возле города, привезен в ставропольскую тюрьму ³² и там убит во время допроса командиром 3-го Таманского полка Висленко.

Выступление Сорокина отозвалось трагически на судьбе Минераловодской

интеллигенции. Еще после захвата Кисловодска Шкуро и восстания терских казаков тюрьмы Минеральной группы были заполнены заложниками, которые согласно приказу чрезвычайки подлежали расстрелу «при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата». Когда умер командовавший северо-западным фронтом товарищ Ильин от ран, полученных в бою с Добровольцами, чрезвычайная комиссия казнила в его память 6 заложников. После расстрела Сорокиным членов Ц.и.к. обещание было исполнено в более широком масштабе: «чрезвычайка» постановила «в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей» расстрелять заложников --- по двум спискам 106 человек. В их числе были генералы Рузский и Радко-Дмитриев, зверски зарубленные 18 октября. Обоим им большевистские главари неоднократно предлагали стать во главе кавказской красной армии, и оба они отказались от предложения, заплатив за это жизнью.

«В одном белье, --- говорится в описании Особой комиссией, --- со связанными руками, повели заложников на городское кладбище», где была приготовлена большая яма... «Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед за этим наносили удары шашками... Каждого заложника ударяли раз по пяти, а то и больше... Некоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партию красноармейцы свалили в яму... Наутро могильщики засыпали могилы... Вокруг стояли лужи крови... Из свежей, едва присыпанной могилы слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны доносились до слуха Обрезова (смотрителя кладбища) и могильщиков. Они подошли и увидели, как «из могильной ямы выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник (священник И. Рябухин) и умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел... По-видимому, у Обрезова и могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не осталось более места для других чувств, и они просто забросали могилу землей... Стоны затихли».

Сохранился рассказ о последнем разговоре ген. Рузского со своим палачом ³³: «Признаете ли вы теперь великую российскую революцию?». «Я вижу лишь один великий разбой».

Глава XXXII. *Оставление нами Ставрополя. Бои под Армавиром, на Урпе и в Баталпашинском отделе. Очищение от большевиков левого берега Кубани. Двадцативосьмидневное сражение под Ставрополем (10 октября -- 7 ноября)*

10 октября Невинномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронт Дроздовского. Это было началом решительного для Добровольческой армии двадцативосьмидневного сражения под Ставрополем.

Отряду Дроздовского ³⁴ предстояло временно задерживать противника до подхода с севера 2-й и 2-й Кубанской дивизий. 10-го Дроздовский отразил наступление большевиков, и только на правом фланге его большевики сбили Пластунов и овладели Барсуковской. На следующий день он сам перешел в контратаку, понес серьезные потери, но безуспешно. Ввиду того, что на западе была потеряна важная позиция --- гора Недреманная, Дроздовский с рассветом 12-го отошел к Татарке, в 11 верстах от города, где в ночь на 14-е был вновь атакован большевиками и отброшен к северу. В течение дня 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи подошедшего с севера Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки Корниловцев и Самурцев не имели успеха, и пополудни дивизия очистила Ставрополь, отступив к северу. Толпы мирного населения покидали злополучный многострадальный город, спасаясь от большевистского нашествия. В Ставрополь вошли красные войска и приступили к расправе...

Одновременно с наступлением главных сил большевиков в направлении Ставрополя колонна их продвигалась вниз по Кубани, захватывая переправы, причем к 14-му весь правый берег до Убеженской оказался в их руках. В течение ближайших дней противник вел частые атаки в северном направлении для обеспечения Ставрополя, не стремясь или не будучи в силах развивать свой успех над ослабленными и разрозненными частями нашей Ставропольской группы. И к 18-му, когда подтянулись части 2-й и 2-й Кубанской дивизий, Ставропольская группа Боровского

располагалась по фронту Ново-Марьевка — село Пелагиада — Дубовка, в 13—20 верстах от города. Фронт большевиков шел кругом Ставрополя через Надеждинское — Михайловское — Сенгилеевское — Ново-Екатериновскую.

Я с полевым штабом и, как всегда, с начальником штаба, с которым мы были неразлучны, находился в эти дни на Армавирском направлении. Отдав ген. Казановичу последний батальон и не имея более в своем распоряжении резервов, я видел возможность успеха только в настойчивом выполнении основного плана и, в частности, в развитии активности нашего западного фронта. Генералам Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрямь крайние усилия, чтобы сбросить левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на Ставропольском направлении. Ген. Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиром, захватив большие трофеи. На другой день его дивизия отбросила противника за Уруп, разбила его вновь у Коноково и, преследуя обоими берегами, к 16-му дошла до Николаевки и Маламино.

Конница ген. Врангеля не могла развивать этот удар: с 10-го числа она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем Бесскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа и имела там некоторый успех. Но 17-го большевики перешли в контратаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части ген. Врангеля за Уруп, а дивизию ген. Казановича — под Армавир к разъезду Вольному...

В эти дни Минераловодская группа несколько раз возобновляла наступление на полк[овника] Шкуро по всему фронту от Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и Партизаны по-прежнему совершали удачные набеги на железную дорогу.

Не было ни сведений, ни донесений от ген. Покровского. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убедился, что здесь разрешения задачи искать трудно. Послал вновь приказание Покровскому о крайней необходимости взятия Невинномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника...

Только 21-го мы получили радостное известие, что 18-го Покровский после упорного боя овладел станицей и станцией Невинномысской, захватил там большую военную добычу и преследует большевиков на северо-запад и на юго-восток... От Армавира и Урупа потянулись уже большевистские резервы в сторону Невинномысской, вступившие в бой с Покровским 19-го, но отброшенные к северу, в то время как часть нашей конницы, распространяясь вдоль ж.-д. линии, заняла станцию Барсуки.

Этим ослаблением сил Армавирской группы воспользовалась 1-я Конная дивизия. 20-го ген. Врангель произвел перегруппировку, оставив заслон у Урупской и перебросив главные силы к Бесскорбной. 21-го, перейдя реку, он обрушился на большевистскую дивизию, разбил ее наголову и преследовал уцелевшие остатки ее в направлении Успенской; юго-восточнее такая же участь постигла еще два большевистских полка... 22-го доблестная дивизия продолжала преследование, добывая отставшие части противника, и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота Казановича с бронепоездом. За эти два дня Кубанцы Врангеля взяли около 2 тысяч пленных, 19 пулеметов, огромные обозы.

Немногие уцелевшие войска Армавирской группы, прижатые к Кубани, текли безостановочно на юго-восток; совместно с отрядами, остававшимися на левом берегу Кубани, они с мужеством отчаяния обрушились на Покровского и 21-го выбили его из Невинномысской. Только 23-го после трехдневных тяжелых боев он вторично и окончательно овладел Невинномысской. 1-я Конная дивизия сосредоточилась в районе Успенской, 1-я [дивизия] — у Овечки.

18 октября в одной из хат станицы Рождественской собралось офицерство 3-й, отчасти 2-й дивизий; я ожидал, что после перенесенных безмерно тяжелых боев и ставропольской неудачи увижу хоть тень моральной усталости и разочарования... И был глубоко обрадован их настроением. Они жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшее ведение борьбы. Я видел части — сильно поределые, истомленные, полуобмерзшие, в обтрепанной легкой одежде — зимняя стужа наступила в этом году рано — и тем не менее готовые к новым боям.

Я мог порадовать их последними сведениями об европейских событиях, о паде-

нии Германии, торжестве союзников и об открывающихся перспективах. Помогут ли нам союзники войсками — не знаю, но материальной частью несомненно и в широком масштабе. Это, впрочем, дело будущего. А теперь я привез с собою немного теплой одежды, несколько сот пополнений, на сей раз много патронов и... глубокую, ничем не сокрушимую уверенность в доблести Добровольцев, которая приведет несомненно к нашей победе в предстоящем решительном сражении... Первые успехи на Урупе и под Невинномысской вызвали большой подъем в нашей Ставропольской группе, несколько отдохнувшей и пополненной.

22-го ген. Боровский перешел в наступление по всему фронту. 2-я и 3-я дивизии направлены были на Ставрополь с севера по обеим сторонам жел. дороги, 2-я Кубанская дивизия — через Надеждинскую с востока. В первый же день Боровский имел некоторый успех: Пластуны заняли Сенгилеевскую, Улагай — Надеждинскую, а 2-я и 3-я дивизии, хотя и с тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23-го бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья. Мой полевой штаб находился в эти дни под Ставрополем на станции Рыдзвяная, и я с ген. Романовским и несколькими офицерами штаба, следуя с 2-м Офицерским полком, вошли в монастырь несколько преждевременно: попали под контратаку противника, вскоре, впрочем, отраженную.

Далее войскам Боровского продвинуться оказалось не под силу. 24-го противник сам переходил многократно в контратаки, особенно настойчивые на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка; обе стороны понесли тяжелые потери и наступление наше захлебнулось. Так как к тому времени левобережные дивизии закончили свою операцию, я получил возможность все силы Добровольческой армии направить против Ставрополя.

Ген. Боровскому на северном Ставропольском фронте приказано было временно перейти к активной обороне; ген. Врангелю, очищая попутно правый берег Кубани в сторону Убеженской и Николаевской, сосредоточиться в Сенгилеевской для атаки Ставрополя с запада; ген. Казановичу — наступать через гору Недреманную и Татарку с юга; ген. Покровскому, совместно с Партизанской дивизией Шкуро, через Темнолесскую — с юго-востока; для удержания Невинномысской оставался отряд ген. Гартмана — Пластунские батальоны 1-й и 1-й Кубанской дивизий, а ополчения Баталпашинского отдела должны были обеспечивать операцию со стороны Минераловодской группы противника.

Я съездил вновь на Армавирское направление, видел войска Казановича и Покровского под Невинномысской, куда приехал и Шкуро. И по вынесенному впечатлению от чудесного настроения войск и начальников не беспокоился более за окончательный исход Ставропольской операции.

Вернувшись к Ставрополю, я застал все то же положение. В течение четырех дней большевики вели упорные атаки на всем фронте Боровского. Мы потеряли Сенгилеевскую, но сохранили свое положение под Ставрополем ценою новых тяжелых потерь. В то же время 2-я советская Ставропольская дивизия, воспользовавшись ослаблением заслона ген. Станкевича, с 17-го перешла в наступление и к 24-му отбросила его от Б. Джалги к Тахтинскому, где он и сдерживал в дальнейшем противника.

Войска с юга, между тем, продвигались. К 29 октября ген. Врангель, очистив берег Кубани и разбив большевиков у Сенгилеевской, подступил к Ставрополю с запада; ген. Казанович атаковал гору Недреманную³⁵; ген. Покровский, сбивая арьергарды противника, к вечеру 28-го дошел до горы Холодной, в 10 верстах к юго-востоку от Ставрополя; обе фланговые дивизии вошли в связь с частями Боровского.

Это тактическое положение внесло крайнюю нервность в настроение обложенного кругом города и в ряды большевистских войск. Город был забит тысячами раненых, больных, тифозных большевиков, и каждый день увеличивал число их. Все пути подвоза были отрезаны. В Ставрополе, как передавали вырвавшиеся оттуда, носились уже зловещие слухи об измене... Некоторые большевистские части постановляли тайно сдаваться нам, но попытки их в этом направлении ликвидировались поставленными сзади позиций пулеметами. Только Таманская группа, стоявшая против войск Боровского, оставалась вполне надежной и решила «драться до последнего»...

Большевистское командование решило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го советские войска крупными силами обрушились на весь фронт ген. Боровского и отбросили 3-ю дивизию, понесшую вновь громадные потери, версты на две от ее позиций. На прочих участках многократные атаки противника успеха не имели. Этот день стоил и нам и в особенности противнику очень дорого. Изнуренные потерями большевики 30-го не возобновляли атак.

Между тем, с юга кольцо сжималось: ген. Казанович, атаковав 29-го гору Недреманную, с крутыми скатами, взял ее, отбил несколько контратак и 30-го подошел к Татарке; рядом и восточнее ген. Покровский атаковал гору Базовую и Холодную. На горе Холодной был захвачен и закрыт Ставропольский водопровод. К 29 октября, с занятием Покровским ст. Темнолесской вся Кубанская область была освобождена от большевиков.

Большевистское командование еще раз напрягло все свои силы, чтобы вырваться из окружения, и на рассвете 31-го вновь атаковало на севере фронт группы Боровского, на юго-востоке конницу Покровского. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й и 3-й дивизий не выдержали и опрокинутые и преследуемые противником поспешно уходили на северо-запад, остановившись только на высоте селения Пелагиады. Конница Улагая отошла к Дубовке. Части Покровского были также несколько потеснены.

Отбиваясь от наступающих большевиков с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контратаку, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен в ступню ноги... Пал сраженный пулей в висок командир Корниловского полка полк[овник] Индейкин...

Ввиду пассивности большевиков на западном их фронте, ген. Врангель, оставив против него часть сил, с четырьмя полками Кубанцев ³⁶ свернул на Ново-Марьевку, ударил в тыл наступавшей там левой колонне противника и, отбросив его к северо-востоку, занял вновь монастырь и предместье, оставленные Дроздовцами.

Наступила ночь. На севере все стихло, но на юге и западе шел еще сильный огонь... Прорыв удался. Большевики вырвались из кольца. Образовав новый фронт по линии Дубовка (южнее) — Михайловское — Ставрополь — гора Базовая, они поспешно стали перебрасывать свои тылы в направлении Петровского...

Еще из Невинномысской я и старшие кубанские начальники снесли телеграфно с Кубанским правительством по вопросу об отсрочке открытия краевой Рады, назначенного на 28 октября, до окончания Ставропольской операции, чтобы дать возможность кубанским начальникам, избранным членами Рады, принять участие по крайней мере в первых ее шагах... Это предложение вызвало возмущение в рядах черноморской группы и обвинение командования в саботировании Рады. Кубанское правительство не сочло возможным отложить открытие Рады. Частное совещание ее 27-го постановило лишь в программу первых дней включить вопросы внутреннего распорядка, а торжественное заседание в моем присутствии назначить на 1 ноября.

Считая весьма важным в политическом отношении мое обращение к Раде до начала ее работы, я в ночь на 1-е решил поехать на несколько часов в Екатеринодар. Во время произнесенной мною в Раде речи ³⁷ пришла телеграмма, что бригада 1-й Конной дивизии ген. Бабиева ворвалась в Ставрополь... Это известие, которым я поделился с Радой, вызвало бурную радость всех собравшихся... Той же ночью я вернулся в Пелагиаду. Оказалось, что ген. Бабиев занимал 1-го вокзал, но противник оставался еще в городе и только пополудни 2-го, при поддержке Самурского и 1-го Кубанского стр. полков и броневигов, 1-й Конной дивизии удалось окончательно овладеть городом.

Ставрополь был взят. Большевики оставили в нем 2½ тыс. непогребенных трупов и до 4 тыс. невывезенных раненых. На дверях лазаретов были надписи: «Доверяются чести Добровольческой армии»... Они могли рассчитывать на безопасность своих раненых. Мы — почти никогда. Во всяком случае, наши офицеры, попадавшие в руки большевиков, были обречены на мучения и верную смерть.

Но большевики, понесшие огромные потери, проявляли все же упорство необыкновенное. 3-го я двинул войска в наступление на восток и в тот же день большевики тоже перешли в наступление, опять оттеснив наши части, действовавшие севернее Ставрополя, и оказывая, вместе с тем, упорное сопротивление Казановичу у Надеждинского. Четыре дня еще шли бои возле Ставрополя, и только 7-го, путем полного

напряжения сил, наша атака лучших и наиболее сохранившихся красных войск — Таманской группы, сосредоточенной в районе Тугулук — Дубовка — Пелагиада, увенчалась окончательным успехом: наступлением остатков пехотных дивизий с запада, дивизии полк[овника] Улагая с севера, конницы ген. Врангеля с юга от Ставрополя — войска противника были окружены, разбиты наголову и обратились в паническое бегство. Их преследовали в направлении Петровского 1-я Конная и 2-я Кубанская дивизии, сведенные после своего соединения в конный корпус под начальством ген. Врангеля. Восточную группу красных, отходивших на Старо-Марьевское и Бешпаир, преследовали части Покровского и Шкуро.

А в те же памятные дни случилось и другое знаменательное событие, произведшее на Юге огромное впечатление: союзный флот вошел в Черное море, и 9 ноября первые суда его появились на рейде Новороссийска.

Сражение под Ставрополем имело громадное значение для Добровольческой армии. Пройдет еще 2½ месяца в непрестанных боях, Северо-Кавказская большевистская армия, развертываясь и пополняясь, вновь будет насчитывать 60—70 тысяч бойцов, но уже никогда не оправится от нанесенного ей поражения.

Основные части Добровольческой армии во второй раз³⁸, казалось, гибли. 2-ю, 3-ю дивизию, некоторые Пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения, 1-я оставалась еще на Ставропольском фронте. В Добровольческих полках, прошедших через свои ряды по много тысяч людей, оставалось налицо 100—150 штыков. Несколько лучше было положение кубанских конных дивизий, в которые безостановочно с занятием каждой новой станции прилиwała живая волна. Люди гибли, но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к ее продолжению. Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы обрастали новыми ветвями, покрывались молодой листвой и снова стояли крепко в грозу и бурю.

Глава XXXIII. *Соприкосновение Добровольческой армии с немцами и грузинами. Наши взаимоотношения*

Утверждение наше на берегах Азовского и Черного морей привело к соприкосновению с германскими войсками и флотом. В предвидении неизбежных встреч с немецкими властями, Добровольческим начальникам дана была мною краткая инструкция, заключавшая следующие положения: самим избегать всяких встреч и всякого общения; относительно политической конъюнктуры Добровольческой армии: Брест-Литовского мира не признаем, отношения наши с Германией может установить только всероссийская центральная власть, которой пока не существует; но враждебных действий против немцев мы без вызова с их стороны предпринимать не намерены; относительно торговых сношений — вопрос преждевременный, так как торговый аппарат еще не налажен; но боевые припасы покупать готовы в обмен на произведения страны; при всех сомнительных вопросах ссылаться на неимение от меня инструкций.

На Ейском рейде 2 августа появилась немецкая флотилия из четырех судов³⁹ под брeid-вымпелом капитана 2-го ранга, именовавшегося «командующим германскими морскими силами в Азовском море». В беседе с начальником гарнизона он объяснил причину появления немецких судов следующим образом⁴⁰: «При последнем походе большевиков на Таганрог ими был пойман и приведен в Ейск пароход, на котором находились австрийские офицеры. Последние были бесчеловечно убиты и выброшены в море... Кроме того, в последнее время замечено много судов, пристающих в разных пунктах Крымского и Азовского побережья и высаживающих там большевиков, спасающихся от Добровольческой армии. Задача флотилии — прекратить зверства на море, не допускать и истреблять высаживающихся негодяев, так как никакому государству не принято иметь их в своей среде»...

Такое неожиданное отношение свое к союзникам и пособникам Германии командующий флотилией пояснил тем, что «хотя Германия и заключила официальный договор с Советской Россией, неофициально он может выразить живейшее пожелание в скорейшей и окончательной победе над большевиками в целях умиротворения края и введения в нем законного порядка и твердой власти». Я думаю, что немецкий офицер говорил искренно, и таких было немало, но голос их не имел никакого решительно значения в русской политике Германии.

На второй день по взятии Новороссийска на рейде его появился немецкий миноносец, который стоял там постоянно и в эти дни случайно отсутствовал. Немецкий офицер тотчас же явился с визитом к военному губернатору полковнику Кутепову, поздравил его с занятием Новороссийска, выразил крайнее изумление быстротой движения Добровольческой армии и спросил, чем могут быть полезны германские суда. Содействие было вежливо отклонено. В дальнейшем несколько раз представители германского и австрийского (из Одессы) командования обращались к полк. Кутепову за разрешением проехать для переговоров в Екатеринодар, но им было в этом отказано. В то же самое время немцы высаживались у Адлера и начали рыть окопы фронтом на север против нас...

Сложнее был вопрос относительно Тамани. Еще весною восставшие против большевиков таманские станицы обратились к немецкому командованию в Крыму с просьбой о помощи. Быть может, это обращение было инсценировано и немцами, для которых, по словам майора фон Кофенгаузена, в вопросе о занятии полуострова «большую роль играла военная сторона дела, а именно обеспечение Керченского пролива». Немцы ввели на полуостров полк с батареей, потом еще несколько усилили оккупационный отряд и вытеснили большевиков до Темрюка, продвинув свой фронт к лиманам в низовьях Кубани.

С тех пор Тамань жила своей обособленной от остальной Кубани жизнью. Был там свой «атаман» — полковник Перетяткин, свои «вооруженные силы», то собиравшиеся, то расходившиеся и совершенно игнорируемые немцами. Казаки вели распря, захватывали чужие запашки, разбирали войсковые запасные земли, рыболовные воды; начальство вело подкопы друг против друга и против Кубанского правительства, не признавая его власти. Словом — суверенная Тамань в суверенной Кубани.

А в станице Таманской — столице нового государственного образования — квартировал командир 10-й ландверной бригады ⁴¹, правивший всеми, всеми помыкавший и содействовавший, главным образом, беспрепятственному вывозу с полуострова сырья и хлеба. Посредником его в сношениях с Таманцами и фактическим распорядителем их судеб был платный немецкий агент инженер Каштанов — авантюрист, весьма сходный по типу с Иваном Добрыньским. Каштанов носился с планами движения немцев из Новороссийска в Екатеринодар.

Когда в начале июля Кубанское правительство командировало на Тамань кружным путем через Ростов своих представителей и ген. Борисевича, с целью воссоединить Тамань с Кубанским краем, его послы были арестованы и высланы немцами. 13 августа войска Покровского, преследуя большевиков, захватили Темрюк и на левом берегу Кубани у моста столкнулись с немецкой ротой. Река стала демаркационной линией между войсками и районами политического влияния немцев, с одной стороны, и Кубанского правительства и Добровольческой армии, с другой. С некоторыми, однако, отличиями: в приказе Таманского атамана мы прочли распоряжение командира ландверной бригады: «По причине полного нейтралитета (?), приказы Добровольческой армии для казачьих войск Таманского полуострова недействительны. Приказы же Кубанского краевого правительства — только в соглашении с германским генеральным командованием в Симферополе. Таманский полуостров находится под германской защитой» ⁴².

Но в половине сентября таманские депутаты постановили «выразить благодарность германскому командованию за оказанную помощь и теперь же просить оставить Таманский полуостров»; с аналогичным представлением обратился посол Кубанского правительства к высшему германскому представителю в Ростове майору фон Кофенгаузену. Последний ответил, что главное командование согласно на введение в пределах Тамани общекубанской администрации и «милиции». Что же касается «очищения края навсегда», то «это вопрос довольно отдаленного будущего», и о нем можно будет говорить только тогда, «если дружелюбное отношение (будущей) краевой рады даст нам нужные гарантии» ⁴³... Ухудшившееся положение на Западном фронте делало немцев пассивными и уступчивыми. Такое положение в этом глухом углу продолжалось до конца октября, когда немецкие войска вынуждены были поспешно покинуть Тамань, а потом и Крым...

Когда войска Добровольческой армии продвинулись к Новороссийску, получено было известие, что в районе Туапсе с 24 июля находится небольшой грузинский отряд ⁴⁴ под началом ген. Мазниева, к которому примкнуло несколько сотен кубанс-

ких казаков Майкопского отдела. В начале сентября этот отряд оперировал вдоль армавир-туапсинской жел. дороги между Туапсе и Белореченской, ведя борьбу с большевиками и помогая оружием и боевыми припасами восставшим кубанским станицам.

По установлении связи с Мазниевым, ген. Алексеев послал ему письмо⁴⁵, выражая свою радость, что «судьба поставила нас не только в близкое боевое соприкосновение, но сделала нас союзниками, борющимися пока за одно и то же дело и действующими в одном и том же направлении»... «Думаю,— писал он,— более того, убежден, что этот союз примет длительный и более широкий характер»... Распорядившись об отправке продовольственных припасов в отряд, ген. Алексеев сообщал, что он вообще «широко пойдет навстречу грузинскому правительству в удовлетворении его продовольственных нужд, ожидая, что и оно поделится (с ним) своими запасами и прежде всего винтовками и патронами». М. В. просил для обсуждения условий товарообмена и др. вопросов командировать в Екатеринодар доверенных от правительства лиц.

Между тем, таманская группа большевиков, отступая от Новороссийска на юг, опрокинула отряд Мазниева, который отошел к Сочи. Наш конный полк, преследуя большевиков по пятам, 26 августа занял Туапсе, округ которого поступил в управление Добровольческих властей.

Дальнейшее продвижение наше по Черноморской губернии было приостановлено грузинами, отношение которых к нам резко изменилось. К югу от Туапсе, вместо большевистского, образовался грузинский фронт; грузинское правительство отозвало ген. Мазниева как человека общероссийской ориентации, заменив его Кониевым. В районе Туапсе стали сосредотачиваться передовые грузинские силы, по преимуществу «народной гвардии» (до 3 тысяч при 18 орудиях); на побережье у Сочи, Дагомыса и Адлера грузины стали спешно возводить укрепления фронтом на север, причем в последних двух пунктах высадился небольшой немецкий десант. Создавалась угроза Новороссийску.

В это время наладилось уже сообщение между Новороссийском и южными портами, и из Грузии хлынули к нам вместе с волною беженцев и волнующие вести о проявлениях грузинского шовинизма... Из Сочи и Сухума шли мольбы об избавлении края от грузин.

Между тем, грузинское правительство в ответ на приглашение ген. Алексеева командировало в Екатеринодар в качестве своего представителя — Гегечкори, совместно с ген. Мазниевым. Обстановка, сопровождавшая начало наших сношений, имевших впоследствии столь важное значение для обеих сторон, не свидетельствовала об искренности грузин и не предвещала ничего доброго. Проездом в Екатеринодар Гегечкори остановился в Сочи, где при его участии состоялся ряд митингов, организованных социалистическим блоком. На них послышались речи «высокого гостя» и других ораторов, дышавшие враждой к Добровольческой армии, и клятвы, что она войдет в Сочинский округ только «через трупы грузинских красногвардейцев»...

12 и 13 сентября состоялось совещание между Добровольческим командованием, Кубанским правительством и грузинскими представителями⁴⁶. Ген. Алексеев был тяжело болен и с большим трудом поднимался в эти дни с постели, чтобы вести заседание. Последний раз перед смертью он участвовал в государственной работе. Открыл он заседание приветствием «дружественной и самостоятельной Грузии» и заверением, что «с нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет. Но, дав такое обеспечение от имени Добровольческой армии и кубанского правительства, мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам»... Затем с большой горечью, словами резкими, не облеченными в дипломатические формы, он нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами, Черноморской губернии...

В его речи, дополненной потом в порядке обмена мнений, намечены были следующие главные вопросы: 1. Отношение Грузии к большевикам, к Добровольческой армии и к немцам. 2. Отношение к русскому населению на территории, занятой грузинами. 3. Вопрос о наших правах на часть русского государственного имущества, и в частности военных запасов бывшего Кавказского фронта. 4. Вопрос

о гарантиях, чтобы при товарообмене русский хлеб шел действительно в Грузию, а не в Германию. 5. Вопрос о границах и об очищении грузинами Сочинского округа.

«Борьба с большевиками — это вопрос нашей жизни и смерти», — сказал Гегечкори... Категоричность этого заявления была, впрочем, тотчас же ослаблена пояснением, что задача эта ставится лишь «на Черноморском побережье», и окончательно поблекла после повторных заявлений Гегечкори: «Они (большевики) говорят, что мы находимся в тесном союзе с Добровольческой армией. В действительности же ни в каком союзе (с ней) мы не состоим, а выполняем одну общую работу — борьбу с большевиками. Представлять же нашу работу, носящую случайный характер, в смысле связанности с Добровольческой армией — нельзя»...

Итак, для выполнения общерусской задачи — в Грузии союзника мы не найдем. Печально, но по крайней мере ясно.

На вопрос, что означает совместное вторжение грузин и немцев в Черноморскую губернию и «не участвует ли Грузия в союзе с немцами и большевиками в комбинации окружения Добровольческой армии»⁴⁷, Гегечкори категорически отверг подобное предположение: «...Мы оберегаем свою независимую республику, и если немцы начнут (!) вмешиваться в наши внутренние дела, то правительство, с которым мы работаем, уйдет»...

Факт притеснения русских в Грузии Гегечкори отвергал. Быч также выражал сомнение по этому поводу, предлагая «с большою осторожностью относиться к этим сведениям», и утверждал, что кубанцы, возвращающиеся из Грузии, «не жаловались на скверные к себе отношения». Совещание приняло предложение обследовать вопрос этот на месте смешанной комиссией. Относительно государственного имущества и запасов бывшего Кавказского фронта, захваченных грузинами, Гегечкори заявил, что «этот вопрос должен быть разрешен на более авторитетном собрании, на котором будут представители всей России, а не отдельных ее частей». Его поддержал всецело Быч, заявивший, что сейчас Кубанское правительство претензий не предъявляет, а «переносит это на более компетентные органы; но частные соглашения по этому предмету заключать будет». Эти «частные соглашения», в отношении боевого имущества в особенности, вызывали, однако, у нас серьезные опасения: в борьбе против советской власти восставших терских казаков и осетин, которым удалось на время овладеть Владикавказом⁴⁸, грузины приняли более чем странное участие... По крайней мере, заседавший во Владикавказе большевистский «4-й съезд трудовых народов» так информировал местные совдепы: «Слухи о том, что грузины подступили к Владикавказу, неверны. Наоборот, грузинское правительство отпустило нам миллион патронов»⁴⁹...

Гегечкори подтвердил факт закупки и вывоза грузинского хлеба немцами, а гарантию того, что такая же участь не постигнет русский хлеб, он видел в том, что хлеб будет поступать в распоряжение правительства. Это положение резюмировал кратко один из участников совещания: грузинский хлеб — немцам, а русский взамен — грузинам...

Все эти вопросы, однако, могли быть в конце концов разрешены удовлетворительно. Перед совещанием встал основной принципиальный вопрос, который являлся, по выражению ген. Алексеева, «камнем преткновения, не давал возможности приступить к обсуждению других, с которым мы всегда будем сталкиваться»... Отношение к нему должно было служить показателем искренности и миролюбия грузинского правительства. Мы требовали возвращения к Черноморской губернии Сочинского округа⁵⁰, на который ни по историческим, ни по этнографическим мотивам Грузия не имела никаких прав. Округ, в котором из 50 селений — 36 русских, 13 со смешанным пришлым населением и только одно грузинское; в котором грузин всего 10,8%⁵¹; который миллионами русских народных денег обращен был из дикого пустыря в цветущую, культурную здравницу. Был поднят вопрос и относительно Абхазии, насильственно присоединенной к Грузии, но никаких требований в отношении ее предъявлено не было.

Гегечкори от имени грузинского правительства заявил категорически, что Сочинский округ не может быть оставлен Грузией из-за опасений насилий со стороны большевиков над грузинами, которых там якобы 22%... Мы возражали, что большевиков уже нет на побережье, что силы Добровольческой армии достаточно велики, чтобы охранить округ, что нельзя таким односторонним актом — волею

грузинского правительства — отнимать русское достояние только потому, что некому было заступиться за него... Спор принял страстный характер.

Гегечкори отрицал за Добровольческой армией даже право защиты русских интересов... «На каком основании Добровольческая армия выступает защитником этого населения?.. Ни вы, ни мы (?) не имеем права решать судьбу каких бы то ни было округов, так как вы представляете не Российское государство, каковое только и могло бы претендовать на это... Ведь Добровольческая армия — организация частная... При настоящем положении вещей Сочинский округ должен войти в состав Грузии»... Ему возражали, что раз Грузия считает себя независимой республикой, то пусть же не вмешивается в чужие, русские дела и предоставит нам самим судить о них, предоставит и Абхазии иметь суждение о своей судьбе...

Нас неприятно поразила уклончивая роль кубанского представителя Быча, который, как впоследствии оказалось, вошел тогда же в тайное соглашение с Гегечкори... Позднее, 11 ноября, Быч поведал на заседании Рады, что грузины не страшны Кубани, что они заявили о намерении передать ей Сочинский округ по соглашению с Кубанским правительством и что между Кубанью и Грузией поэтому никаких недоразумений нет... «Великая Кубань» и «Великая Грузия» нашли общий язык за счет интересов «Великой России».

Эти положения Быча не нашли, однако, поддержки в революционной демократии. «Сочинский объединенный совет социалистических партий» решил, что «хотя округ экономически тяготеет к Кубанской области, но присоединение его к Кубани расширило бы сферу влияния военной диктатуры», и поэтому постановил, чтобы: 1) «грузинское правительство немедленно особым декретом оформило временное присоединение Сочинского округа к республике и 2) одновременно установило правильный товарообмен с Кубанскою областью для обеспечения населения округа хлебом и другими продуктами первой необходимости»⁵². Итак, «свободы» — грузинские, а хлеб — русский.

Гегечкори в последнем слове своем после горячих дебатов повторил: «Наше заявление остается в силе. Мы настаиваем на временном оставлении Сочинского округа в пределах Грузинской республики». Он сказал «временном», отказавшись разъяснить существо этого понятия. И было свидетельство его, равно как и тайные обещания Бычу, лживы. Ибо на карте, где грузинская республика обозначила свои «исторические границы», которые ее парижская делегация должна была отстаивать перед мирной конференцией, в составе «Великой Грузии» показан был и Сочинский округ до Туапсе.

Генерал Алексеев высказал сожаление, что нетерпимость грузин не позволяет продолжать переговоры, и закрыл заседание.— Должно же быть чувство справедливости, чувство меры...

Ввиду несостоявшегося соглашения я, не предпринимая никаких враждебных в отношении Грузии действий, закрыл, однако, границу для пропуска через нее грузов. Войска наши остановились южнее Туапсе. Во всей грузинской прессе, особенно официозной, началась безудержная травля Добровольческой армии, «мобилизующей свои силы на Кубани для объединения с силами открытой монархической реставрации, для беспощадной борьбы с демократией»⁵³... Травля русского народа, для которого на страницах социалистических газет находились такие эпитеты, как «проклятый судьбою»...

Политика грузинского правительства была настолько непонятна, что вызвала на совещании вопрос: «Не связаны ли вы в вашем решении кем-либо?..» (Германией). Гегечкори ответил: «Мы связаны только своим собственным решением».

Действительно, уйдут немцы, придут англичане, но отношение к России не изменится. Грузия не откажется также от захвата русской земли, не облетит его даже в какие-либо псевдоюридические формы, а заявит откровенно: Сочинский округ нам нужен как буфер между Россией и Абхазией, «Гагринские ворота» — как обороноспособный рубеж против наступления «какой-либо армии» с севера»⁵⁴.

Был еще один мотив, обольщавший не раз всех могильщиков великодержавной России... Официоз грузинского правительства, с.-д. газета «Борьба» доказывала в то время, что во всех случаях и при всех комбинациях дело восстановления России осуждено на полную неудачу и провал, даже в том случае, если сбудется лучшая перспектива, и «союзная демократия» построит свою попытку «на связь с (русской) демократией, Учредительным собранием, Уфой»...

Так начались наши отношения с Грузией, чреватые последствиями и вызвавшие легенды о нетерпимости Добровольческой политики, оттолкнувшей будто бы от себя Грузию — «естественного союзника» нашего в борьбе с большевиками...

Время срывает покровы с людей и событий, разрушает легенды. В 1921 г., когда окончилось самостоятельное существование Грузии, Церетели, взывая к «пролетариату всего мира», чтобы он «заклеймил подобный акт империализма» Советов, оправдывался против обвинения в посягательстве на советскую власть⁵⁵: «... Грузия всегда была противницей всякого вмешательства во внутренние русские дела. Она никогда не участвовала в политических выступлениях, имевших характер такого вмешательства. Она наотрез отказалась сотрудничать с ген. Деникиным в то время, когда Добровольческая армия была всего более могущественна и когда она искала союза с Грузией, угрожая ей войной в случае отказа»... Враги Добровольческой армии — они не сознавали, что, подрывая ее бытие, губят этим и свой народ.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Разновременно в состав дивизий по мере надобности придавались пластунские батальоны и станичные гарнизоны, и потому состав указан весьма приблизительно.
2. В резерве командующего.
3. На Туапсинском фронте.
4. На Ставропольском фронте (два пластунских батальона).
5. Не вошли в расчет чины технических частей, нестроевые, чины некоторых полков и батальонов, не доставивших в свое время сведений.
6. С конца августа в командование дивизией на место ген. Эрдели вступил генерал барон Врангель, поступивший в это время в армию.
7. 5 сентября 1918 года.
8. Из резолюции съезда.
9. Приказ в августе 1918 г. № 5.
10. Даты постановления не знаю, но напечатано было в газетах от 3 сентября.
11. Бой у Покровского.
12. Воззвание «президиума Лабинской бригады».
13. «Военно-полевой совет 1-го Кубанского в. р. кавалер. полка».
14. 2-я Кубанская дивизия, Отдельная бригада и мелкие части.
15. Самурский полк, бывший 1-й Солдатский.
16. Бывшая группа Сорокина.
17. Официально — «Командующий войсками северо-восточного фронта».
18. Занят 4 сентября.
19. Марковский полк, 2 орудия, 3 сотни. Около 1¹/₂ тысяч штыков и сабель.
20. Приказание это, по заявлению штаба Дроздовского, не дошло по назначению.
21. Дроздовский считал необходимым дать двухдневный отдых войскам.
22. Кубанские Пластуны и конница, части польской бригады, Добровольческая артиллерия. Для характеристики наших масштабов боевого снабжения: отряду дано было 150 снарядов и по 70 патронов на винтовку!..
23. Только на грузинском фронте остался конный полк и формировался дивизион.
24. Во главе всех советских войск стал «Ревоенсовет» во главе с Троцким.
25. Быв. нарком внутр. дел.
26. Командующий войсками северо-восточного фронта.
27. Бывш. начальник штаба Сорокина.
28. Председ. краевого комитета партии больш. и тов. председ. Ц.и.к.¹¹.
29. Развернут незадолго перед тем из 4-го батал. Марковского полка.
30. В 42 верстах от Дивного — пункта сосредоточения 2-й Ставропольской дивизии (большевистской).
31. Из акта расследования Особой комиссией.
32. После взятия большевиками города.
33. Председатель «чрезвычайки» Артабеков.
34. 3-я дивизия и Пластунская бригада.
35. К югу, в переходе от Ставрополя.

36. Ему придана была ранее бригада конницы из состава 3-й дивизии.
37. В этом томе обзор политический я заканчиваю сентябрем, а военный для цельности изложения довожу до конца Ставропольской операции.
38. В Первом Кубанском походе.
39. Приспособленные и вооруженные русские суда — бывшие тральщики и землечерпалки.
40. Рапорт начальника гарнизона г. Ейска 2 августа № 4.
41. Из состава оккупационных войск Крыма.
42. 10 сентября 1918 г. № 139.
43. Телеграмма Макаренко из Новочеркасска 19 сентября № 285.
44. 2 батальона, 4 батареи, броневой поезд.
45. 16 августа № 228.
46. Участники: генералы Алексеев, Деникин, Драгомиров, Лукомский, Романовский; В. В. Шульгин и В. А. Степанов; полк. Филимонов, Быч и Воробьев; Гегечкори и ген. Мазниев.
47. См. заявление Людендорфа, глава VII.
48. 5—17 августа 1918 года.
49. Заседание Кисловодского совдепа. «Известия» от 25 августа.
50. См. главу VIII. Граница округа — река Бзыбь.
51. Гегечкори исчислял 22%.
52. Постановление 18 сентября 1918 года.
53. «Борьба».
54. Протокол переговоров английского ген. Бригса с членами грузинского правительства в мае 1919 года.
55. «Воля России», 1921 г., № 156. Письмо Церетели «по поручению с.-д. партии и раб. проф. союзов Грузии».

Примечания редакции

- I. *Матвеев Иван Иванович* (1890—1918) — командир Красной Армии, левый эсер. Из семьи матроса. В январе 1918 г. командовал отрядом моряков, затем Днепровским красногвардейским отрядом в боях против австро-германских интервентов под Николаевом и Херсоном и против интервентов и белоказаков на Перекопском перешейке и Таманском полуострове. С мая 1918 г. командир 4-го Днепровского пехотного полка, который был переброшен в район Анапы для обороны Черноморского побережья от Тамани до Новороссийска. 28 августа был избран командующим Таманской армией. За невыполнение приказа командующего 11-й армией И. Л. Сорокина об отходе Таманской армии в район Невинномысска расстрелян 10 октября по постановлению Реввоенсовета Северо-Кавказской советской республики.
- II. *Крайний В.* — Шнейдерман Моисей Израилевич (1898—1918) — член РСДРП с 1914 г., большевик. Из семьи учителя. Учился в Новороссийском университете. В 1917—1918 гг. член Одесского комитета партии, ревкома, Совета, одновременно в январе — марте 1918 г. член Румчерода (Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта). С мая 1918 г. председатель Екатеринодарского комитета РКП(б), с июля председатель Северо-Кавказского крайкома РКП(б) и товарищ председателя ЦИК Северо-Кавказской советской республики, член Реввоенсовета Северо-Кавказской Красной Армии. 21 октября расстрелян в Пятигорске вместе с другими советскими и партийными работниками республики по приказу Сорокина.
- III. *Федько Иван Федорович* (1897—1939) — командир Красной Армии, член РСДРП(б) с июля 1917 года. Из крестьян. Окончил школу прапорщиков (1917 г.). Участник первой мировой войны. В конце 1917 г. организовал в Феодосии отряд Красной гвардии, развернувшийся в 1-й Черноморский революционный полк. В мае — октябре 1918 г. командовал 3-й и 1-й (?) колоннами войск Северного Кавказа. С 27 октября 1918 г. — временно исполнял должность главкома революционных войск Северного Кавказа, в ноябре 1918 г. командовал 11-й армией, в декабре 1918 — феврале 1919 г. помощник командующего и член Реввоенсовета той же армии. В мае — июне 1919 г. член Реввоенсовета Крымской

советской республики и заместитель командующего Крымской армией. В июле — октябре начальник 58-й стрелковой дивизии. В июне — декабре 1920 г. командовал 46-й стрелковой дивизией и группой войск 13-й армии. В марте 1921 г. командовал 187-й курсантской стрелковой бригадой при подавлении Кронштадтского мятежа. В мае 1921 г. начальник 1-го боевого участка при ликвидации «антоновщины». В 1922 г. окончил Военную академию РККА. С этого времени на командных должностях, член Военного совета при Наркомате обороны СССР, член Главного военного совета, заместитель, первый заместитель наркома обороны СССР. Командарм 1-го ранга (1938 г.). Член ЦИК СССР, член ЦК КП(б) Украины, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР первого созыва. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

- IV. *Рубин Абрам Израилевич* (Авраам Азоргивич или Азаргевич) (1883—1918) — один из руководителей борьбы за Советскую власть на Юге России, большевик, из рабочих. Учился на юридическом факультете Московского университета. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, установления Советской власти в Новороссийске. С декабря 1917 г. заведующий финансовым отделом ЦИК, с марта 1918 г. председатель ЦИК Черноморской, с мая — Кубано-Черноморской, с июля — Северо-Кавказской советской республики. Член Северо-Кавказского крайкома РКП(б). 21 октября 1918 г. расстрелян вместе с другими советскими и партийными работниками по приказу Сорокина.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1922 год

1 января. Каковы ауспиции ¹ этого года? По-видимому, дальнейший сдвиг; трудная полоса голодовок. Будет ли этот год хуже или лучше прошлого?

23 декабря/5 января. Рождественские приготовления в нынешнем году шире и больше, чем в прошлых. Во-первых, больше денег; во-вторых, все можно купить, поэтому готовится елка и куплен гусь. Для польской экспертизы требовалось представить поручительство двух коммунистов. Сначала я вовсе не хотел этого делать и, во всяком случае, исключил возможность обращения к университетским и наркомпросским коммунистам. Наконец я обратился к двум наименее для меня неприемлемым лицам — Отто Шмидту и Н. Троцкой. Я думаю, что, делая так, я делаю подлость. Но дело отстаивания русских архивов и музеев есть дело чистое, и ненависть к полякам, вызванная их безумной политикой относительно России, во мне столь же сильна, как ненависть к коммунистам.

2/15 января. Провел несколько дней в Пестове. Больше всего я там спал; остальное время сидел и читал, изредка выходя прогуляться по дороге перед домом. Это было наилучшим возможным отдыхом за Рождество. Я чувствую, что моя нервная усталость прошла, и сил стало много больше. Вернувшись, нашел дома все более или менее благополучным. На общем горизонте очень много смутного. Что-то меняется, что-то готовится. А деньги все летят вниз. Кружка молока — 25 000, хлеб — 11 000.

4/17 января. Министерство Poincaré знаменует палку в колесах РСФСР ². Учесть дальнейшее пока трудно. С большим удовольствием продолжаю читать английские и немецкие книги о войне: например, Kleinwächter «Der Untergang der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie» ³. Накопляется большой запас знаний и впечатлений. Хлеб — 13 000.

9/22 января. 7-го свадьба Леночки Шамбинаго ⁴. В Музейской церкви. Фраки и дамские платья светлые. Затем чай и закуска дома. Было весело и в старом стиле. Все говорят о Генуэзской конференции. Я думаю, что все-таки она может нам что-нибудь принести, как дальнейший этап сдвига ⁵. Цены растут, как никогда: хлеб — 20 000. Получил письмо от М. М. Черкасской из Харькова — une lettre navrante ⁶; прилагаю его здесь ⁷: это блестящая иллюстрация большевицкого режима. Слышал рассказ от Вл. Гв. [?], что для того, чтобы добыть 2 вагона для отправки войск к финляндской границе, дали взятку в 3 пуда муки. Дальше, кажется, идти некуда. Странное состояние. Бодрость не теряется, а между тем общее экономичес-

---

Окончание. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12; 1992, №№ 1—5, 11—12; 1993, №№ 1—4.

кое состояние делается все более и более невозможным. Сегодня заседание в «коминделе» по польским делам; тов. Мрочковский, типичный провинциальный присяжный поверенный; его помощник — кот из публичного дома; а в деле такая же бестолочь, как и везде.

12/25 января. Татьянин день. Обедня у Георгия на Красной Горке. Была и другая торжественная обедня у Б. Вознесения, так что университетский мир раскололся надвое. Об этом можно только пожалеть. День в обычных хлопотах. Обед у Татьяны Ал. Шамбинаго, где было немного выпито; потом — ранний вечер у Тани Дольник, откуда в 11 часов я отправился на профессорский вечер к А. А. Грушке. Были Любавский, Мензбир, Гулевич, Мартынов, Богоявленский, Северцов, Познышев, Богословский, Ильин, Шамбинаго, Орлов и другие ⁸. Говорили застольные речи до 3-х часов. Общая тема — возрождение России на монархических основаниях; общая характеристика: один из присутствующих — М. С. Фельдштейн ⁹ — отметил, что в довоенное время такие речи, какие произносились, были бы невозможны. Настроение было бодрое. Как слышно, Татьянин день вообще справлялся гораздо живее и энергичнее, нежели в прежние годы. В газетах и слухах — затишье. Хлеб дошел до 28 000.

18/31 января. Америка рассуждает с большевиками, как богатый барин с нищим пропойцей. Милостыню выкидывает, а за стол с собой не сажает. Большевики все более и более приближаются к последнему провалу, и все-таки, путем лжи и пускания в ход всех возможных средств, они стараются отдалить последние расчеты. Многие ждут, что они сдадутся еще до Генуэзской конференции, а я думаю, что они и там постараются ложью продлить свое существование. Как они привыкли ко лжи, показывает такой эпизод: в польской экспертизе, т. е. в так называемой российско-украинской делегации, большевики решили тянуть поляков за нос до марта месяца, затягивая их внимание сдачей ненужных ни тем, ни этим дел, и эту гнусную игру возлагают на ученых экспертов или, по крайней мере, на некоторых из них.

Очень интересно создавшееся финансовое положение: твердый бюджет уже треснул, денег не успевают печатать и потому оставляют без денег безответные ведомства, как, например, Просвещения. Скоро, вероятно, будут запрещать платить менее известной суммы, но выплачивать менее этой суммы, так что придется волея-неволей распускать половину. Цены держатся на прежнем уровне.

22 января/4 февраля. В среду, 1-го, заседание с поляками. Их нашло до 15 штук. Назойливые требования. Обидно, со старой русской точки зрения, выслушивать все то, что они говорят и требуют. И все-таки, смотря на это и слушая, я не мог отдать себе отчета в том, которая из двух сторон для меня антипатичнее, и, кажется, как это ни странно, поляки были мне менее противны. В тот же день в Университете было собрание профессоров, которое решило начать забастовку вследствие ужасного состояния как всего Университета, так и преподавателей ¹⁰. Я не участвовал в этом собрании и вообще отношусь пассивно к этому странному и, по-моему, нелепому предприятию. Так как Университет не нужен и фактически уже не существует, то большевикам все равно, бастуем ли мы или нет. Я думаю, что они или разнесут Университет и профессоров, как разнесли Комитет помощи голодающим, или грозно прикажут нам в трехдневный срок стать на работу, а потом уволят. Ну, пусть будет, что будет. Я забастовке не сочувствую, но ломать ее не буду.

Все дни состояние какой-то непроходимости, нас окружающей. Я более, чем когда-либо, уверен, что «они» близятся к своему концу, но я более, чем когда-либо, уверен, что их конец не будет началом возрождения России. Россия умерла надолго.

24 января/6 февраля. Пример глупой истории. На другой день по объявлении забастовки, утром, неизвестная дама является к Шамбинагам и заявляет, что у «Грушки сегодня ночью неблагополучно». Извещают нас; извещение идет далее; все настораживаются. Т. А. Шамбинаго, по обыкновению, выдумывает, что это из-за разговоров в Татьяну. На самом деле оказывается, что хотя обыск действительно был, но искали не Грушку, а какую-то Иванову.

Забастовка профессоров окончилась, слава Богу, благополучно. Делегация ходила к тов. Цюрупе, заместителю Ленина, который намылил голову Наркомпросу. Профессорам предложено избрать комитет, который пересмотрит бюджет Наркомпроса. Избраны Гулевич, Костицын, Стратонов, Д. Ф. Егоров и Сергиевский. Приказано возобновить выдачу академического пайка, прерванную по рас-

поряжению Покровского. Таким образом, неожиданно для меня, профессора одержали победу ¹¹. Большевики не пошли на новый погром Университета, и это надо считать и новостью, и успехом. Между тем, они могли бы, если бы захотели, разделить, сменить и разгромить рыхлую среду профессоров. Завтра начинаются занятия.

Сегодня посетил АРА для переговоров о питании профессоров из Америки. Морозовский особняк на Спиридоновке ¹², много жидов, владеющих и русским и английским языком. Долгое ожидание, потому что мои компаньоны — Северцов и Ясинский ¹³ — решили было обидеться. Оказывается, что жиденята даже не доложили о нас. Когда нужное лицо — американский немец (быть может, жид, но не наверное) Mr. Burland — вышел и узнал, кто мы, он тотчас же любезно нас принял. Оказывается, что американские университеты желают питать русских ученых; кампания поднята по инициативе уехавших в Америку русских ученых ¹⁴. Я думаю, что из этого кое-что выйдет.

Общее состояние без перемен. Чего-то продолжают ждать, и я думаю, что перемены должны последовать. Из Симбирска Яковлев пишет, что там едят трупы и крыс.

29 января/11 февраля. За эти дни они упразднили ВЧК и ее отделения ¹⁵. Я не преувеличиваю значения этого события, но и не преуменьшаю его. Люди там останутся те же, по крайней мере на первое время, но при смене их это будут уже не сверхведомственные диктаторы, а только чиновники ведомства внутренних дел. Самый круг ведомства сужен; вообще возможности несколько сужены. Подвинуло их на этот шаг не желание сделать что-то хорошее, а тот самый железный закон жизни, который вынудил уже уступки и заставит их сойти в прах. Других событий на горизонте пока не видно.

Не на что содержать высших учебных заведений [так в подлиннике], как это выясняется из занятий избранной профессорами комиссии, а в Наркомпросе все еще занимаются грюндерством: собираются учредить центральную библиотеку по народному просвещению. Неугомонный прохвост и дурак Чарнолуский подает проект, а дураки из Наркомпроса его поддерживают ¹⁶. Бумага все терпит.

31 января/13 февраля. Последний раз был у Кулиджа: он уезжает в Америку. Очень жаль. Это интересный, симпатичный, высококультурный и сердечный американец. От него останется приятное воспоминание. Быть может, жизнь еще раз сведет нас; может быть — «ведь кузнечик скачет, а куда, не видит».

8/21 февраля. Общее направление все то же. Сумма слухов и разговоров за последние дни такова: большевики действительно собираются ехать в Геную с невообразимыми планами. Чичерин вызывал Вормса и предлагал ему сочинить проект, как перенести все золото из Америки в Цюрих и на него выпустить единую мировую валюту. Не разберешь, что это — нахальство без пределов или такая же глупость. В Наркомфине — полный хаос и беспорядок. Теперь сами тамошние большевики-жиды говорят «буржуазным экономистам», что те были правы, когда предсказывали им полное банкротство. Каносса перед иностранным капиталом неминуема. Мы только не знаем еще сроков и способов. Вести с мест голода так ужасны, что я сознательно стараюсь, закрыв глаза, не думать и не говорить об этом неслыханном бедствии. Может быть, это очень скверно, но я откровенно об этом заявляю.

11/24 февраля. Очень усиливаются случаи бандитизма в Москве; во всем остальном — situation inchangée.

15/28 февраля. Слухи о болезни Ленина ¹⁷; досужие люди рассказывают, что будто бы он бредит, что его преследует Божья Матерь. Что он не совсем здоров, это, кажется, верно. Со всех сторон подтверждения содержанию записи от 8/21 о полном экономическом крахе и, главное, что это признают и сами крупные коммунисты. Но тянуть они будут, ибо терять им нечего. Кражи и грабежи все учащаются. В Москве говорят, что уменьшенная в своем составе ЧК дала большое число грабителей. Видел приезжего из Севастополя, С. И. Лебекина ¹⁸: и там мрут от голода. Прилагаю печальное письмо И. Ф. Рыбакова ¹⁹ из Полтавы, где, видимо, также не сладко. Вчера у меня протекла крыша и залило за ночь всю комнату; таково состояние совдепских крыш.

4 марта. Раздаются призывы к войне. Это или бряцание оружием, или крик отчаяния. Я не думаю, чтоб война им могла удалась. В комиссии с поляками отношения обостряются. Поляки кричат, что их обижают, и сами грабят Россию.

Большевики взывают к патриотизму русских ученых. Получается смешная картина. Но к полякам я начинаю чувствовать определенную ненависть.

7 [или 8] марта. Похороны М. М. Рындина продолжались шесть дней, т. к. только на второй день после его смерти мы добились разрешения похоронить его в Новодевичьем монастыре. Ордер на погребение был получен за пару калош из Главрезины. Вынос был только в воскресенье (он умер в четверг, 2-го) 5-го, отпевание — 6-го, а т. к. могила не была готова, то погребение его только сегодня. Похороны Ниночки в ноябре 1919 стоили 30 000; похороны дяди Эдуарда в декабре 1921—5 000 000; похороны М. М. в марте 1922—33 000 000. Хлеб стоит 60 000 фунт. Общее положение и мое отношение к нему — без перемен.

11 марта. Билет в Петроград стоит два с половиной миллиона, и цифра эта не поражает. Никогда за всю Совдепию не было такого падения денег, как в последнее время. Вчера был в годичном заседании Археологического Общества; вспоминалось старое. От графини есть известие — она живет в Банате, в г. Белой Церкви²⁰. Сегодня был в заседании Кубу и толковали о классификации на 5 категорий; кажется, решили, что все это ерунда, как оно и есть в действительности.

15 марта. Два последних дня некоторое оживление в газетах и слухи. Мое впечатление, что «они» крепко боятся Генуэзской конференции и в то же время стараются бряцанием оружия запугать и всех жителей РСФСР, и всю западную Европу. Я думаю, что первые отупели, а вторые смеются.

17 марта. Я никогда не был так убежден в феноменальной общественно-политической глупости русского народа. Это — талантливые дураки.

Прогноз на сегодняшний день: Генуэзская конференция может не иметь успеха — обе стороны упрутся и выльют свою взаимную неприемлемость²¹. Тогда может наступить момент, который, по-видимому, предвидят наиболее упорные коммунисты: война, т. к. лучше для их идей — пасть в борьбе, нежели сдать свои позиции без боя. Если война с той стороны будет введена не бандами и не одним Врангелем, то вопрос должен решиться скоро, ибо, кроме 20—30 000 бандитов, нафанатизованных дураков и курсантов-коммунистов, они ни на кого положиться не могут. Противной стороне достаточно занять линию Петроград — Москва — Харьков — Ростов, чтобы все было покончено, ибо в Поволжье они удержаться не могут: там они рискуют просто быть съеденными²².

23 марта. Неделя усиленных занятий. Совсем нет времени заняться своим делом. Много работы повсюду, даже по польской комиссии. Странная фигура — Мрочковский — большевик, коммунист, а вместе с тем, несомненно, добрый и симпатичный человек, хотя и с психологией провинциального присяжного поверенного. На общем горизонте опять заминка. Большевики не хотят более уступать, а Генуэзская конференция, видимо, не клеится. Они пользуются этим и бряцают оружием. Хлеб — 100 000 рублей; все остальное в соответствии. Говорят, что финансовые органы уже не в состоянии выдерживать соответствие по курсу золотого рубля и что с апреля этот курс будет оставлен.

27 марта. Вопрос о церковных ценностях обостряется. Аресты духовенства в Москве²³. Демонстрация в Петербурге. В «Известиях» interview, или якобы interview с патриархом²⁴, слова которого умны, последовательны и даже смелы. «Цари брали, но давали, а теперешняя власть обирает». Сегодня день радостей и разочарований. Назе промариновал мои деньги и оставил их в русских кредитках! Зато получили посылку АРА. О деньгах я не тужу. Быть может, наскребем. Сердечное письмо от дяди Эмиля. Уезжают на Генуэзскую конференцию, но говорят, что ни один человек из приличных не поехал с ними в экспертах. Сегодня был у нас генерал Зайончковский. Очень интересный человек.

28 марта. Внезапная перемена в поездке в Петроград: вместо послезавтра приходится ехать завтра. У большевиков всегда так, даже в мелочах нет ничего устойчивого. Глупая речь Ленина в съезде коммунистов²⁵. Я не понимаю, как этого пошлого нахала многие до сих пор считают за умного человека. В Геную, как он говорит, они едут на состязание, торговаться.

И. А. Ильин просит быть его третейским судьей: письмо его прилагаю²⁶, так же как письма Эммы и дяди Эмиля²⁷.

30 марта — 4 апреля. Поездка в Петроград по делам польской делегации и Академии Материальной Культуры. Поездка очень удачная; благодаря тому, что командировка была из Комиссариата Иностранных Дел, я ехал в дипломатическом

вагоне туда и в wagon-lit²⁸ оттуда. Там, как всегда, чудесный прием; видел много людей, метался по Императорской Публичной библиотеке, по Архивам, по Эрмитажу. Пришлось, за болезнью А. А. Васильева, даже председательствовать в совете Академии Истории Материальной Культуры. Как всегда, радушный прием у Платоновых и у других петроградцев, которые меня привечают с традиционным московским гостеприимством. Интересно еще раз отметить, что там живут без слухов, какими питаемся мы. В последний день обедал у Пивато, который открылся вновь²⁹.

Немцы вошли в соглашение с большевиками³⁰. Со стороны немцев это — последовательные шаги для гибели России; для большевиков это — попытка выскокить из дыры. Все это полезно знать нашим германофилам.

Путешествие происходило с Мрочковским. Il gagne beaucoup à le connaître³¹. Милый и мягкий человек. Qu'est-il allé faire dans cette galère?³²

27 марта/9 апреля. Москва переживает ограбление церквей. Есть эксцессы, есть попытки противостоять. Советская власть, как всегда, жестока и глупа. В общем, происходит некоторое дальнейшее накопление ненависти; церковь от гонения поднимается выше, а власть ограбит последний общественный фонд драгоценностей. Все это, с моей точки зрения, к лучшему.

Перед конференцией все замолкло. Все гадают о том, что будет. Большевики пока как будто приостановились в дальнейших уступках. Возможно, что причина — ожидание того, что произойдет в Генуе, куда они поехали с кучей нелепых контрпредложений. Из слухов, которые все-таки циркулируют, интересно отметить настойчивые известия о восстании в Туркестане, где большевики пожинают плоды своей политики. Очень жаль, что в результате все русские там могут быть вырезаны³³.

Москва никогда не была так грязна, как сейчас, благодаря медленной и нудной весне. Хлеб 120 000; все остальное в соответствии; золотые — 12 000. Сегодня я покончил со всеми моими службами, и завтра мы все едем на десять дней в Пестово.

28 марта/10 апреля — 7/20 апреля проводил в Пестове. Приехали почти по зиме. Сырая погода, много снега, туман; ночью морозит. Уезжаем полным летом. Солнце, днем градусов до 25, ночью 7—8 тепла; обедаем на балконе, гуляем не только без пальто, но сегодня даже в одной рубашке. На наших глазах тают последние снега, выползают сонные лягушки, поют жаворонки, летают бабочки. Пока были большие ручьи, я занимался вместе с Володькой разными гидравлическими сооружениями; теперь «целый день я на солнце сижу» и греюсь, как добрый старый кот. Спится хорошо; на душе спокойно, т. е. на все наплевать, пока здесь. Набираются силы на весенний сезон.

Главная прелесть в том, что 10 дней проводятся в полной изоляции от «общих условий». Как будто большевиков и нет вовсе, как будто нет и никакой Генуэзской конференции. Все куда-то на время отмерло. Желание только одно — уйти куда-то подальше от всего; уехать далеко-далеко на берег моря, на юг, где тепло и солнце — не преходящая радость, как в этой глупой стране и ее глупом климате, а постоянное благодеяние природы. К черту бы всякую политику, всякую трепку, которая опять ждет в Москве. Все то, что мы здесь получили, дает силу на дальнейшую борьбу и деятельность, и многие, и по праву, нам могут завидовать.

11/24 апреля. По приезде в Москву погружение в разговоры о Генуэзской конференции. Заключение русско-немецкого соглашения повергло одних в ужас, других в радость. О том, что в действительности происходит в Генуе, не знает никто, ибо нельзя же верить тому, что они пишут в своих газетах. Тем не менее, врут, повторяют, толкуют без конца. Лично я senza sperare vivo in disio³⁴ — жду, что будет и как это отзовется на нашей судьбе.

1 мая. Я опять не записывал целую неделю. Это произошло оттого, что четыре вечера подряд шли ученые заседания; из них два были употреблены на разбор книги Виппера об Иване Грозном³⁵. Книга интересная, хотя с изъянами. Но еще более интересен ее автор — человек, несомненно, одаренный, но истеричная баба на религиозной или антирелигиозной почве, что в данном случае одно и то же. После 30-летней деятельности по насаждению в России социализма, он стал патриотом самого консервативного типа и старается, очевидно, наверстать погубленное, ибо, как сам он сказал, ему жалко прежней России, к гибели которой он свою руку приложил.

Два вечера ушли на строительные заседания, т. к. в Румянцевском Музее нет более полок для книг, и мы собрались строить новое книгохранилище. Это, несомненно, безумие, но надо довести дело до конца, чтобы снять с себя всякую ответственность. Характерно, что на работы ассигновано 75 миллиардов, а нужно, оказывается — 250. Ассигнует ли их Наркомпрос? Едва ли. Но доведение этого дела до конца, по-моему, правильно. Кроме того, я был занят третейским судом между Н. Н. Полянским³⁶ и Ильиным — делом, которое могло возникнуть только на нашей развихлянной почве.

Общее положение таково: им в Генуе представлен ультиматум. Ответ еще не опубликован. Если дело сорвется, то они будут отыгрываться на соглашениях с Германией. Я не жду от него больших результатов, но и малые скажутся не скоро. Если они согласятся, то они далее будут обманывать своих противников, и дело потребует новых попыток решения, которые сейчас предусмотреть нельзя. Сегодня они устроили по случаю первого мая большую демонстрацию с красной присягой для армии. Погода прекрасная; я сижу дома до самого вечера и вижу, как какие-то оголтелые молодые люди с тупыми лицами и красными флагами, отирая пот от жары, изредка проходят небольшими отрядами. Однако в городе было, а может быть и есть, несомненное оживление. Демонстрации стараются придать большой размах, чтобы оказать впечатление на Геную и вообще на Европу. О результатах конфликта нам, конечно, объявят только в среду, когда выйдет первая газета — одинаково, разорвали ли они в Генуе или согласились.

Мне попались несколько №№ Temps³⁷ за март; я удивлен, как хорошо они там осведомлены о наших делах. Как приятно читать общечеловеческую газету. Как хочется, читая ее, отрясти прах и улететь далеко-далеко. Удастся ли это когда-нибудь? Теперь у меня только одно ясно выраженное жизненное желание — не умереть, не побывав за границей.

Рост цен пока как будто сократился: хлеб — 120—130 000; «рыжики», как теперь называют золотые монеты, 24 «лимона»³⁸. Трамвай с 1-го мая 100 000 станция. Железные дороги повышены в небывалых размерах.

24 апреля/7 мая. Генуя все еще не срывается; но толку от нее нет и не будет. Будет разрыв, но, как большевики сами говорят, они будут пытаться сторговаться с каждым в отдельности, в частности, с Англией и Италией. Говорят, что английские капиталисты вкладывают деньги в германскую промышленность. Это объяснило бы политику *de se maquignon de Lloyd George*³⁹. Россию будут доить и эксплуатировать английские деньги и немецкие силы. Вопрос только в том, что из этого может выйти. Позиция Франции может от этого быть непоколебленной, т. к. за ней стоят Соединенные Штаты и Япония, не считая Малой Антанты. Но от этого всего России не легче, и положение наше не улучшается; напротив, от всей это катавасии идея России великодержавной все более и более будет меркнуть, тем более, что восстанавлять ее извне никому не выгодно, а доить ее последние соки готовы все.

Большевики судят патриарха⁴⁰. Это момент громадной важности для русской церкви. Они или оставят его в покое, или расстреляют. Если они его не расстреляют, то только из боязни Европы, а боятся они не всех, а тех, с которыми им нужно делать дела и кто им нужен. Германия, наш главный враг, за патриарха не заступится. Сделают ли это англосаксы обеих своих держав или одной из них? В этом весь вопрос, на который я не осмелился бы ответить утвердительно. Свои за патриарха тоже не заступятся, ибо русскому мужику, который только один в России еще не уничтожен, так же наплевать на патриарха, как ему было наплевать на царя. Вот и найди выход из этого положения! Выхода нет; Россия останется трупом, и логический выход только один — оторваться от когда-то дорогого, а теперь смердящего трупа и стараться найти новое отечество, ибо без отечества жить нельзя.

25 апреля/8 мая. По первому церковному процессу вынесено 11 смертных приговоров⁴¹. Этого никто не ожидал. Отсюда тяжелое и гнетущее впечатление. Значит, все остается по-старому и ничего не изменилось. Они остаются все те же и вновь оскалили зубы. Здесь, вероятно, определенная задача — гонение на церковь. Я думаю, что очередной вопрос — уничтожение патриарха и всей иерархии русской церкви. Как помирить все это с желанием войти в сношение с Европой?

3/16 мая. Не пришлось записывать, потому что вся эта неделя была как-то особенно обильна трепотней, а вечерами я спешил заканчивать мой курс археологии

и часто сидел до поздней ночи. Священники до сих пор не расстреляны, и есть надежда, что они не будут убиты. Но зато на церковь надвигается большая общая опасность, и большевикам, по-видимому, удалось вызвать в ней раскол. Группа духовных, преимущественно не духовного происхождения, истерики, шарлатаны и прохвосты, вроде С. Калиновского, моего когда-то ученика по Поливановской гимназии, или популярного проповедника из Петрограда — Введенского, едва ли не блудника, или сумасшедшие, вроде чтимого кухаркой Машей «батюшки Ивана» от Тихона у Арбатских ворот, возглавляемые архиереем Антонином, едва ли не сифилитиком, возомнили создать новую церковь, опираясь на большевиков; и большевики при помощи их создадут красную церковь и низложат патриарха. Этого нужно ожидать в ближайшее время ⁴².

Над Генуей точно издеваются, и вся она влачит существование только стараниями *de se maquignon de Lloyd Geogre*.

10/23 мая. *Calme plat* ⁴³. Конференция провалилась. Они теперь заняты процессом эс-еров ⁴⁴ и, кажется, еще церковью. Но и интрига Введенского и Калиновского и К⁰, кажется, проваливается. На вчерашнем собрании в консерватории Введенскому, как рассказывают, почти не дали говорить. Будто бы Антонин сам от них отрекается. Калиновского я помню учеником Поливановской гимназии. Я ставил ему пары ⁴⁵. Это был глупый, склизкий мальчишка с противной рожей, которого можно было видеть в Храме Спасителя в стихаре, мечущим «орлецы» под нозе архиереев ⁴⁶. Потом он стал священником определенного черносотенски-политиканствующего типа. Естественным ходом эво- и революции он теперь — революционно-большевицкий поп. И такие люди становятся во главе церкви! Впрочем, в этой стране все должно погибнуть, в том числе и церковь.

14/27 мая. Продолжается *calme plat*. Основная черта данного момента — полное безденежье. Никто и нигде не получает жалованья. По слухам, большевики этим способом решили поправить свои дела. Но от недостатка денежных знаков теряется покупательная способность, и все дела стоят; цены даже несколько подешевели, но подешевели от недостатка спроса. Умер А. Н. Бернштейн. Я никогда не мог понять, что его понесло в так называемый Акцентр, где он долго был помощником Гливенко. Разве только, чтобы на практике изучать, как сумасшедшие делают вид, что здоровы ⁴⁷.

18/31 мая. *Calme plat* продолжается. Слухов нет или очень мало, или они таковы, что их не стоит даже запоминать. Продолжается и безденежье. Из очень трудного положения я выкрутился только тем, что продал по 12 миллионов за лист написанный мною курс археологии, первый выпуск. Это даст мне возможность просуществовать три месяца ⁴⁸. Теперь выясняется, насколько большевики провалились в Генуе. Что они сидят в своем тупике и не могут из него выбраться, это совершенно ясно, но дело опять не двигается дальше, и нам опять кажется, что все это неизменно и бесконечно, и опять тоска и чувство беспросветности, и снова, как никогда, желание выбраться отсюда вон. Арестованы Щепкин, Леонтьев, Филатьев, Мельгунов, т. е. главные деятели «Тактического центра» ⁴⁹ — опять старая волюнка.

1—4 июня в Пестове. Опять несколько дней на воздухе и на природе. Контраст безобразия людской жизни и спокойствия природы поражает меня неизменно каждый раз; поразил он меня и теперь. Я уехал под смутным чувством известий о новых арестах, произведенных в Москве, жертвою которых были опять Щепкин и Леонтьев и некоторые другие. Теперь (это известие я получил уже здесь через Г. М. Леонтьева) говорят, что их арестовали, чтоб выслать за границу ⁵⁰. Если это правда, то это новая тенденция, которую надо будет эксплуатировать, как только она обозначится яснее. Надо уехать, иначе будешь соучастником в преступлении и не скажешь своего, хотя и слабого и ничтожного слова по поводу творимого над Россией издевательства. А издевательство продолжается упорно и неисправимо. Они все-таки убили 5 священников, и в том числе милейшего и почтенного А. П. Орлова, только за то, что он был ректором духовной академии ⁵¹. Хороша по этому поводу заметка мерзавца и ренегата Галкина, который заявил, что смерть пятерых священников — хорошая острастка для контрреволюции в рясах ⁵². Ограбили церковь и, ограбив ее, продали ее, кому же — Галкиным, Калиновским и К⁰. Упорные и настойчивые разговора, что у Ленина прогрессивный паралич уже в очень дальней стадии. Хороший финал для вождя русской революции; лучший и самый достойный из всех возможных. Он умирает от сифилиса, заразив и погубив сифилисом всю Россию.

2/15—7/20 июня. Петроград. Ехал в 3-м классе. Сначала разочарование; потом оказалась целая лавка в моем распоряжении; мало народа и много воздуха. Пять дней в Петрограде провел с обычной приятностью и радушным приемом. Из дел: разговор о сокращении штатов Академии Истории Материальной Культуры; привоз пакета книг для Румянцевского Музея и устройство моей «Археологии» к Брокгаузу и Ефрону ⁵³. Дела все сделал; получил 100 миллионов, но, приехав домой, не мог разменять. Очаровательны были в Петербурге белые ночи с видом на лиловую Петропавловскую крепость из моего окна. Сидел и гулял до 3—4 [часов] ночи с Фармаковским и Шилейко ⁵⁴; раз даже был концерт маленький в одном из салонов бельэтажа; Фармаковский оказался отличным музыкантом. Назад ехал во 2-м классе с жесткими скамьями, но спал отлично и опять имел целую лавку.

20 июня. Проскочил через Москву; Верочка приехала за мной; бегала за покупками и билетами, а я сидел дома, чтобы не попасться в Румянцевском Музее.

7/20 июня — 20 июня/3 июля. Пестово. Отдых, забвение всего, потом постепенное проникновение московских слухов. Видимых перемен мало. Из событий только убийство Ратенау, кажется, с коммунистической стороны ⁵⁵. Я думаю, что для нас это не минус, если одним талантливым немецким жидом станет меньше. Процесс эс-еров влачится дальше и, должно быть, будет влачиться еще очень долго. Здесь все это как-то забываешь, и только одно гвоздит и гвоздит, как бы уехать за границу. Хотя бы на будущий год это оказалось возможным. Здесь хватит еще на долгие годы этой тоски, анархии, путаницы. Хоть и движется стрелка, но медленно и неровно. Хотя бы отдохнуть и очухаться. А здесь — грибы, купанье и хороший воздух; все-таки и это суррогат, и даже недурной.

2 июля. День моего рождения — 49 лет, а всю жизнь надо строить сначала. Известия, привозимые из Москвы, не изменяют общей картины. В Гааге большевики по-прежнему нахальничают, и толку из этих совещаний, наверно, будет так же мало, как и из Генуи. В Музее паника по случаю сокращения, и меня даже вызывали отсюда. Но я не нашел в себе сил поехать.

9 июля. Неделя, проведенная в Москве. Я ничего не переживал более кошмарного уже давно. Сокращение штатов, во-первых: пришлось выбросить 89 человек. Более подлого и гнусного дела я никогда не исполнял в моей жизни. Сознание несправедливости и сознание вольных и невольных несправедливостей, которые при этом делаешь, и, главное, сознание, что это действие есть начало разрушения библиотеки, которое теперь потечет, не останавливаясь, причем, однако, требования, которые к ней предъявляются, и ответственность, которая будет на мне лежать, будут расти. Отсюда вывод — надо спасаться. Тем более нужно спасаться, что положение, в котором мы находимся, затягивается бесконечно и, следовательно, ту надежду, которую я питал целые пять лет — донести библиотеку до какого-то логического выхода, до возможности сказать «ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего с миром, яко видеста очи мои хваление Твое» ⁵⁶ — эта возможность, как я теперь убежден, отпадает окончательно.

Работать трудно; надежды впереди нет никакой на улучшение этой работы, а между тем она грозит заполнить все и не оставить места ни для чего другого. Риск ответственности растет; здоровье тоже можно на этом потерять. Значит надо уходить, но уходить умно и осторожно. На это надо посвятить ближайшие месяцы. Вместе с тем, надо начать практически думать и о том, чтобы выбраться из России, и выбираться легче с поста неответственного, нежели с поста ответственного.

По общим делам — нет ничего нового; все та же скука, разве если не считать новой гекатомбы, которую большевики хотят сделать из петроградского церковного процесса, где 11 человек с митрополитом во главе, опять приговорены к расстрелу ⁵⁷. Неделя, проведенная в Москве, была еще и потому тяжела, что стояла страшная удушливая жара. Никогда эта клоака еще не казалась мне столь невыносимой.

Пестово, 16 июля. Опять неделя в Москве и два дня в Пестове. В Москве опять те же переживания, хотя, может быть, в более слабой степени, чем в предыдущую неделю. Я сознаю, что моя деятельность в Румянцевском Музее в качестве одного из его правителей в дальнейшем бесполезна. Пока я думал, что берегу библиотеку для лучшего времени, я терпел. Теперь я вижу, что это терпение надо продолжить до самой смерти, которая придет даже ранее, чем это положено, именно от этой вечной нервной трепки, мотания и вечной мелкой игры по нервам. И все это без цели — саг

tout cela durera bien autant que nous ⁵⁸, и нам остается только глядеть на прошлое «с улыбкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом» ⁵⁹. Все меняется вокруг нас, но когда пищеварение несваримых веществ революции русский народный организм закончит, тогда для нас это будет уже поздно. Отсюда вывод — надо уходить, пока не выгнали со срамом.

Посещали Гольдера. Он не менее интересен, чем Кулидж, даже живее его. Предложение вывезти мои материалы; думаю его принять. Это может дать поворот моим дальнейшим планам и, во всяком случае, спасет материалы ⁶⁰. Из Пестова приходится уезжать в воскресенье, т. к. завтра надо полоть картошку на огороде. Впрочем, это занятие лучше, чем деятельность в Румянцевском Музее. Общее положение без перемен. Они срывают Гаагскую конференцию так же определенно, как срывали Генуэзскую ⁶¹. Нарастают осложнения в Германии.

23 июля. Пестово. В Москве жизнь представляет такую трепку, что нет возможности что-либо записать. Кроме того, в комнатах такая духота, что мозги млеют и отказываются работать. В общих делах, слухах и настроении прежнее затишье и тоска. Лениво переговариваются в Гааге, упорно судят эс-еров, перестали говорить о здоровье Ленина. Настроение у меня скверное и почти исключительно из-за Румянцевского Музея, к которому я вновь переживаю чувство, уже раз мною испытанное в 1908—1910 гг. — атмосфера так сгустилась внутри, что хочется бежать, куда глаза глядят. Не помню, записал ли я в своих заметках о том, как меня вымогали и исключали из категорий квалифицированных ученых, установленных еще в декабре 1921.

Московская «Кубу» (Комиссия улучшения быта ученых) включила меня, наравне с моими коллегами (Любавским, Кизеветтером, Богословским, Яковлевым) в 4-ю категорию, которая определяется как «выдающийся». Но потом все квалификации пошли на новое рассмотрение Центральной Кубу, где главенствует Покровский, члены — Волгин, Гливенко и другие, мне неизвестные, а защитники наших интересов — Павлов по естественным ⁶² и Богословский по гуманитарным. И там, по настоянию Покровского, поддержанного Волгиным и Гливенко, из историков — Егорова, Яковлева и меня ниспровергли в 3-ю, а Богословский и Любавский — повышены в 5-ю. Я не имел ничего против повышения их и, кажется, многих других, например, хитрого хохла Петрушевского, и я решил твердо не реагировать на это никак, и по бесполезности и потому, что считаю это недостойным себя.

Но это интересно по той общей картине, которая открывается из отрывочных разговоров о том, что делается в Цекубу. Оказывается, что надо было очистить места для своих, для большевиков, и вот оказалось, что я хуже Веселовского ⁶³, Егоров хуже Петрушевского. (Рассказывают, но я этого наверно еще не знаю, что даже Кизеветтера низвергнут в 3-ю категорию.) Впрочем, относительно самого себя, я сильно подозреваю, что низвергнут за свое «Смутное время», которое доставило мне активную немилость Покровского. Я слышал даже со стороны именно такое мнение. Если так, то для меня это только почетно. Я записал это здесь, потому что все это дело считаю типичным для нашего времени.

Примечания

1. *Auspicium* (лат.) — у древних римлян — гадание по крику и полету птиц и т. д., совершавшееся авгурами. Здесь — предзнаменования.
2. Правительство Франции во главе с Р. Пуанкаре (он занимал также пост министра иностранных дел), образованное 15 января, включило в свою программу намерение добиваться признания Россией долгов своих прежних правительств.
3. Kleinwächter Friedrich S. C. *Der Untergang der Österreichisch-Ungarischen Monarchie*. Leipzig. 1920.
4. Вероятно, дочь С. К. Шамбинаго.
5. Решение о созыве Генуэзской конференции по финансовым и экономическим вопросам было принято на Каннской конференции 6 января 1922 года. Советское правительство, получив 7 января приглашение, тотчас же (8-го) ответило согласием. Это был первый случай приглашения его на международную конференцию, чего оно безуспешно добивалось в течение нескольких лет.
6. Удручающее письмо (фр.).

7. См. приложение 25.
8. *Гулевич Владимир Сергеевич* (1867—1933) — биохимик, с 1900 г. профессор Московского университета по кафедре медицинской химии, с 1929 г. действительный член АН СССР. *Северцов Алексей Николаевич* (1866—1936) — биолог, с 1911 г. профессор естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, с 1920 г. действительный член РАН, затем АН СССР. *Познышев Сергей Викторович* (1870—?) — юрист, представитель социологической школы уголовного права, бывший (при Любавском) проректор Московского университета; позже (с 1919 г.?) заведующий отделением общественных наук библиотеки Румянцевского музея. *Орлов Александр Сергеевич* (1871—1947) — литературовед, в описываемое время профессор литературного отделения факультета общественных наук.
9. *Фельдштейн Михаил Соломонович* (1885—1939 погиб в заключении) — юрист, магистр государственного права, профессор Московского университета; специалист по истории политических учений и институтов публичного права. В 1917 г. делопроизводитель комиссии по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. С февраля 1919 г. член Национального центра, участвовал в разработке материалов по вопросам государственного устройства. С лета 1919 г. начал склоняться к мыслям, получившим впоследствии наименование национал-большевизма, а к концу года пришел к убеждению в необходимости лояльно сотрудничать с большевистской властью.
10. Речь идет об участии университета в забастовке профессоров ряда высших учебных заведений Москвы, Петрограда, Казани и других городов, которые требовали пересмотра Положения 2 сентября 1921 г., упразднения рабфаков и улучшения материального положения высшей школы.
11. Победа профессоров была весьма относительной. Назначенный в марте 1921 г. председателем Главпрофобра бывший секретарь ЦК РКП(б) Е. А. Преображенский настаивал на самых решительных мерах борьбы с бастующими «контрреволюционными» профессорами вплоть до их ареста. Ленин предпочел, однако, на этот раз не обострять конфликт, тем более что вину за него можно было возложить на Преображенского (в тот момент одного из виднейших сторонников Троцкого и оппонентов Ленина в партии), которого и убрали из Главпрофобра. Пойдя на уступки по экономическим вопросам, Политбюро решило продолжать осуществление указанного Положения, закреплявшего господство партии в высшей школе. Не избавились профессора и от рабфаков, одного из главных орудий партийной политики.
- Цюрупа Александр Дмитриевич* (1870—1928) — в декабре 1921 — апреле 1922 г. заместитель председателя Совнаркома. Политической силы не имел, не был даже членом ЦК ВКП(б), занимался административными и хозяйственными делами.
- Стратонов Всеволод Викторович* (1869—1938) — математик и астроном, с 1919 г. декан физико-математического факультета. См. его воспоминания о забастовке в юбилейном сборнике «Московский университет. 1775—1930». Париж. 1930.
- Егоров Дмитрий Федорович* (1869—1931) — математик, с 1903 г. профессор Московского университета, впоследствии член-корреспондент Российской АН (1924 г.), почетный член АН СССР (1929 г.).
- Большинство бастовавших было на физико-математическом факультете, чем, вероятно, и объяснялся состав делегатов.
12. *Спиридоновка* (с 1945 г. ул. Алексея Толстого) расположена между Никитскими воротами и Садовым кольцом.
13. *Ясинский Антон Никитич* (1864—1933) — историк, специалист по истории средневековой Чехии. В 1896—1911 гг. профессор Юрьевского университета, в 1911—1919 гг. директор Педагогического института им. М. Г. Шеллапутина в Москве (нового учебного заведения для лиц с высшим образованием); с 1912 г. приват-доцент, а в 1918—1919 гг. профессор Московского университета; в 1920—1922 гг. профессор Московского археологического института; в 1922—1928 гг. — Белорусского университета. При учреждении Белорусской АН в 1928—1929 гг. назначен академиком; кажется, не пострадал ни при погроме академии в 1929—1930 гг., ни по «делу» академика Платонова.
14. *Burland Elmer G.* возглавлял отделение (Food Remittance Division) Американской администрации помощи в России, которое занималось распределением отдельных посылок с продовольствием. Как правило, они должны были адресоваться определенным лицам, но была возможность («group program») группам лиц и организациям в США и других странах предназначать посылки для определенных категорий получателей в России (см. Burland

E. G. The Intelligentsia: Some Aspects of General Relief in Russia.— A.R.A. Bulletin, Ser. 2, 61, pp. 4—12).

15. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД (это формальное подчинение особого значения не имело, так как с марта 1919 г. наркомом внутренних дел был председатель ВЧК Дзержинский, оставшийся и председателем ГПУ; да и продержалось подчинение меньше года, до образования СССР). Хотя в некоторых отношениях полномочия карательного органа были несколько сужены (как и предполагал Готье), в других они были, наоборот, расширены; так, ГПУ получило возможность арестовывать членов правящей партии.
16. Кажется, такая библиотека при Наркомпросе была образована только в 1925 г. (теперь Государственная научная педагогическая библиотека им. К. Д. Ушинского).
Чернолуцкий Владимир Иванович (1865—1941) — деятель народного образования. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, член Совета Всероссийского учительского союза, с мая председатель (или заместитель председателя) Президиума Государственного комитета по народному образованию, созданного Временным правительством. В описываемое время работал в Наркомпросе.
17. О болезни Ленина см. новейшее исследование: Петренко Н. (псевдоним Б. Н. Равдина). Ленин в Горках — болезнь и смерть. — Минувшее. Т. 2. Париж. 1986.
18. *Лебедин Сергей Иванович* (1886—1942) — анатом и морфолог; окончил естественное отделение физико-математического факультета и медицинский факультет Московского университета. В 1922—1934 гг. заведующий кафедрой анатомии (с 1925 г. профессор) медицинского факультета Белорусского университета (с 1930 г. Минский медицинский институт). С 1934 г. в Ленинграде, где и умер во время блокады.
19. См. приложение 26.
20. Речь идет о графине П. С. Уваровой. *Банат* — историческая область, с 1779 г. входившая (с перерывом) в состав Венгрии, а по Трианонскому мирному договору 1920 г. разделенная между Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. Город Бела Церква расположен в автономном крае Воеводина (Югославия).
21. Еще один пример предвидения, которыми богат дневник Готье.
22. Намек на голод, свирепствовавший в Поволжье.
23. 19 марта Ленин продиктовал «строго секретное» письмо Молотову для членов Политбюро. Требуя воспользоваться голодом как предлогом (притворяться, что это делается ради помощи голодающим) и исключительно благоприятным моментом (многие поддадутся на обман, а другие не смогут оказать серьезного сопротивления), он давал указание организовать повсеместное ограбление храмов и монастырей. «Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало... мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».
Руководить всей операцией должен был тайно Троцкий. Калинин и его Центральной комиссии помощи голодающим отводилась роль камуфляжа; в действительности «изъятые» ценности должны были использоваться для совсем иных целей. Возражений письмо не вызвало. На заседании Политбюро 20 марта в составе Каменева, Сталина, Троцкого и Молотова (избранного за несколько дней до этого кандидатом в члены Политбюро) была утверждена предложенная Троцким (основанная на ленинском письме) подробная инструкция губкомам партии (см. Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 190 сл.).
24. Голодающие у Тихона. — Известия, 26.III.1922.
25. XI съезд РКП(б) проходил с 27 марта по 2 апреля. Ленин выступил с политическим отчетом ЦК в день открытия съезда.
26. См. приложение 27.
27. См. приложение 28.
28. Спальный вагон (*фр.*).
29. Ресторан братьев Пивато был расположен в центре города (Морская, 36), неподалеку от Марининской площади.
30. 16 марта был подписан Рапалльский договор между Германией и РСФСР.
31. Он много выигрывает, когда его узнаешь (*фр.*).
32. Что повело его на эту каторгу? (*фр.*).
33. Речь идет о новом оживлении деятельности басмачей, которые весной 1922 г. заняли

большую часть территории бывшего Бухарского эмирата и подошли к Бухаре. Начавшись как антибольшевистское движение, басмачество приобрело в значительной степени антирусский характер.

34. Без надежды живу в мечтах (*ит.*).
35. Виппер Р. Иван Грозный. М. 1922.
36. *Полянский Николай Николаевич* (1878—1961) — юрист, специалист по уголовному праву, профессор Московского, в 1919—1920 гг. Ярославского университетов. До первой мировой войны сотрудничал в газете «Русские ведомости», энциклопедическом словаре Гранат; редактор сборника «История русской адвокатуры», изданного Советами присяжных поверенных к 50-летию адвокатуры в России. В 30—40-е годы занимался «разоблачением классовой антинародной сущности уголовного права капиталистических государств».
37. «*Temps*» («Время») — либеральная парижская газета.
38. «*Лимон*» (разг.) — миллион.
39. Этого дельца Ллойд Джорджа (*фр.*). Политика его по отношению к Германии, включая вопрос о репарациях, была в общем примирительной. Объяснял он это тем, что Германия, «доведенная до состояния социального распада... окажется гораздо более опасной для своих непосредственных соседей, чем Россия».
40. 5 мая Московский революционный трибунал вынес определение о привлечении патриарха Тихона и еще троих церковных деятелей к уголовной (!) ответственности (см. К делу б. Патриарха Тихона. Обвинительное заключение по делу граждан: Белавина Василия Ивановича... по 62 и 119 ст. УК. М. 1923). 6 мая в «Известиях» появилась статья «Генштаб церковной контрреволюции». Об этом «деле» см.: Curtiss John S. The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston. 1953; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж. 1977.
41. В апреле и мае в Московском ревтрибунале слушалось «дело» 17 церковных деятелей (духовенства и мирян), которых обвиняли в сопротивлении изъятию церковных ценностей. 7 мая 11 обвиняемых были приговорены к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу с конфискацией имущества.
42. Раскол в церкви был вызван сторонниками обновленчества — сложного явления, в котором были перемешаны стремление к реформе внутрицерковной жизни, приверженность идее христианского социализма (и поиски на этой основе идейного сближения с коммунистами), провокация властей, использовавших эти настроения в своих целях, и приспособленчество многих рядовых священников, привыкших к послушанию светским властям (см. воспоминания о руководителях обновленчества в кн.: Краснов-Левитин А. Лихие годы... Париж. 1977).

Калиновский Сергей Васильевич (1886—193?) — московский священник, до 1917 г. активный черносотенец, впоследствии «полевевший». В 1919 г. пытался создать «Рабочекрестьянскую христианско-социалистическую партию», затем был одним из инициаторов обновленческого раскола. Основал и редактировал «православно-христианский, посвященный обновлению церкви на евангельских началах», журнал «Живая Церковь», печатавший заявления вроде таких: «Да будут же благословенны дни Октября, разбившие рабские узы и даровавшие народу истинную свободу», и приветствовавший смертный приговор митрополиту Вениамину и другим петроградским церковным деятелям как «справедливый». К концу 1922 г. вышел из церкви и стал профессиональным пропагандистом-антирелигиозником.

Введенский Александр Иванович (1889—1946) — петроградский священник, с 1923 г. обновленческий архиепископ (женатый), с 1924 г. митрополит. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В молодости был близок с Мережковским, в 1917 г. основал Демократический союз духовенства, сблизился с ПСР. Блестящий проповедник, после 1917 г. прославился диспутами с Луначарским. Один из инициаторов раскола, заместитель председателя созданного обновленцами Высшего церковного управления (ВЦУ); из-за внутренних разногласий вышел из главной обновленческой группировки «Живая Церковь» (организованной священником В. Д. Красницким, агентом ГПУ) и образовал «Союз общин древне-апостольской Церкви». С середины 20-х годов фактический глава обновленчества, считал себя первоиерархом; ректор обновленческой Московской духовной академии.

Антонин (в миру Грановский Александр Андреевич, 1860—1927) — богослов (специалист по библейской текстологии) и церковный реформатор, востоковед, археолог; сторонник христианского социализма. Окончил Киевскую духовную академию. С 1891 (?) г. в монашестве, с 1899 г. старший цензор (весьма либеральный) Петербургского духовного

цензурного управления; деятельный участник Религиозно-философского общества; с 1903 г. епископ. После раскола 1922 г. председатель ВЦУ (в сане митрополита Московского), но разошелся с другими руководителями ВЦУ, в конце лета вышел из него, сложил сан митрополита и образовал другое ВЦУ; тогда же вместе со своими сторонниками покинул «Живую Церковь» и основал Союз церковного возрождения.

43. Мертвый штиль (*фр.*).
44. «Показательный» суд над видными членами ПСР состоялся 8 июня — 7 августа 1922 г., но о том, что он готовится, ГПУ объявило еще 27 февраля.
45. Двойки.
46. Орлец — круг из ткани с изображением орла, на котором архиерей стоит во время богослужения.
47. *Бернштейн А. Н.* (?—1922) — невролог и психолог; судя по записи Готье, работал (возможно, по совместительству) в Научной секции Наркомпроса. *Акцентр* — Академический центр — в 1921 г. крупное подразделение Наркомпроса, в которое, наряду с другими, входила Научная секция. В конце 1921 — начале 1922 г. «Акцентр» был преобразован в «Главнауку». *Гливенко Иван Иванович* (1868—1931) — филолог, специалист по итальянскому языку, истории западноевропейской литературы и теоретическому литературоведению; профессор Харьковского, затем Московского университетов. С июня 1918(?) г. работал в Наркомпросе как представитель Партии левых социалистов-революционеров. По-видимому, в 1920—1921 гг. был заведующим Научной секцией.
48. По официальному курсу Госбанка на май — июнь 1922 г. 12,5 млн. руб. равнялись 10 довоенным золотым рублям. На май минимум заработной платы в Москве для работников средней квалификации был установлен в 18,3 млн. рублей.
49. *Щепкин Дмитрий Митрофанович* (1871—?) — юрист и политический деятель, сторонник конституционной монархии. Окончил Московский университет, автор работ по его истории. Земский деятель; после Февральской революции одно время был товарищем министра внутренних дел. Участник московских Совещаний общественных деятелей в августе и октябре 1917 г., один из основателей и член избранного на августовском Совещании Совета общественных деятелей (СОД), с ноября 1917 г. — его председатель. Во время гражданской войны, служа в Московском областном кооперативном союзе, был одним из наиболее деятельных участников антибольшевистского подполья в столице. В 1918 г. представитель СОД в Правом центре, в 1919 г. в Тактическом центре; в начале 1919 г. участвовал в проходившем под председательством С. Н. Прокоповича совещании бывших членов Временного правительства в связи с планом созыва международной конференции по «русскому вопросу» на Принцевых островах. В августе 1920 г. по делу Тактического центра был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами лишения свободы.
Все перечисленные лица, осужденные по делу Тактического центра, были через несколько месяцев освобождены по амнистии. Вновь арестованы 31 мая 1922 года.
50. *Леонтьев Г. М.* — вероятно, брат С. М. Леонтьева, новый арест которого и коллег его по Тактическому центру был связан с предстоявшим процессом членов ПСР. См. об этом воспоминания П. Е. Мельгуновой в кн.: С. М. Мельгунов. Воспоминания и дневники. Вып. II, ч. 3. Париж. 1964.
51. Из 11 церковных деятелей, приговоренных в мае к «высшей мере социальной защиты», шестерым она была заменена тюремным заключением, но пять человек были расстреляны. В числе погибших был и богослов и историк церкви профессор *Анатолий Петрович Орлов* (1879—1922), ректор Московской духовной академии.
52. *Галкин Михаил (?) В.* — пропагандист-антирелигиозник; по-видимому, бывший священник или дьякон. Инициатор издания журнала «Революция и церковь» (1919—1924 гг.), в котором «разоблачал контрреволюционную агитацию духовенства»; печатался и в других изданиях, выпускал антирелигиозные брошюры и приобрел широкую известность как наиболее бесцеремонный представитель своего жанра.
53. Книга вышла только в 1925 г.: Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. I. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л. 1925.
54. *Фармаковский Борис Владимирович* (1870—1928) — археолог, историк античного искусства. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета. В 1901—1918 гг. член Императорской археологической комиссии, в 1906—1918 гг. — ученый секретарь Императорского русского археологического общества, с 1921 г. ученый секретарь ГАИМК. С 1914 г. член-корреспондент Российской АН, с 1919 г. профессор Петроградского университета. Прославился раскопками Ольвии, которые вел (с перерывами) три десятилетия.

Шилейко Вольдемар Казимирович (1890—1930) — ассириолог и поэт. Окончил восточный факультет Петербургского университета. С 1922 г. профессор Петроградского университета, с 1924 г. заведующий отделом Древнего Востока в Музее изящных искусств в Москве.

55. *Rathenau Walter* (1867—1922) — германский промышленник, инженер, экономист, политический деятель, публицист и философ. С января 1922 г. министр иностранных дел; в апреле подписал Рапалльский договор. 24 июня убит членами праворадикальной террористической организации.
56. Автор цитирует по памяти Евангелие от Луки (2:29-32).
57. 5 июля ревтрибунал в Петрограде приговорил к расстрелу 10 (а не 11) церковных деятелей. Шестерым из них приговор был заменен тюремным заключением, а четверо в ночь с 12 на 13 августа были расстреляны: митрополит Петроградский и Гдовский (с 1917 г.) Вениамин (Казанский), товарищ председателя Общества Петроградских православных приходов архимандрит Сергей (Шеин), председатель этого общества профессор уголовного права Петроградского университета Ю. П. Новицкий и бывший юрисконсульт Александроневской лавры присяжный поверенный Л. М. Ковшаров. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1992 г. причислены к лику святых мучеников. Об этом процессе см. Степанов Владимир (Русак). Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. Ч. 1. М. 1980.
58. Ибо все это просуществует гораздо дольше нас (*фр.*).
59. Последние строки поэмы Лермонтова «Дума».
60. То есть дневник и приложенные к нему письма (см. предисловие к настоящей публикации в «Вопросах истории», 1991, № 6).
61. На Гаагской конференции (15 июня — 19 июля) продолжалось безуспешное обсуждение вопроса о российских долгах и взаимных претензий.
62. *Павлов Алексей Петрович* (1854—1929) — геолог, с 1886 г. профессор физико-математического факультета Московского университета, с 1916 г. академик.
63. Вероятно, имеется в виду Веселовский Степан Борисович (1876—1952) — историк, академик (1946 г.). Труды по социально-экономической истории России XIV—XVII вв., источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам. См. о нем также: Вопросы истории, 1991, № 9—10, с. 182, прим. 86.

Приложения

25.

Милый и дорогой Юрочка, давно собираюсь написать тебе несколько слов, чтобы поблагодарить тебя за сердечное соболезнование и участие в моем горе, но до сих пор не могу прийти в себя, а тут еще дороговизна писем, которая лишает меня буквально всякого общения с близкими, а как это грустно и тяжело! Испытав одиночество, ты понимаешь, что я переживаю, да еще в мои годы и в такое тяжелое время. У меня и Лели все отняли, живем очень скудно, без прислуги, а теперь при нашей дороговизне — черный хлеб 95—100 тысяч за фунт, картофель 40 тысяч фунт, десяток яиц 400 тысяч и т. д. — можно сказать, голодаем. Обе мы работаем, как машины: она дает уроки английского, а я французского; обе дочери ее тоже служат, но все[го] это[го] не хватает, приходится продавать последнее, что есть, т. е. платья, белье и т. д., а тут еще нас разлучили, выселили из прежней квартиры и поместили в разных улицах, так что мне со старыми ногами трудно ходить к ней, и видимся с нею только два раза в неделю, но любим друг друга по-прежнему.

Очень бы хотелось познакомиться с твоей женой, но, увы! это[го] никогда не будет! Ни сил, ни денег, ни приличной одежды нет и не будет, чтобы показаться где-либо. Я теперь и в Харькове нигде, кроме Лели, не бываю, да и времени нет. Со страхом и грустью думаю о наступающем празднике, очень тяжело мне будет и грустно без моей незабвенной Л. Н. Как жаль мне Эдуарда Владимировича, и вообще сколько смертей ты сообщил мне. А что твои хорошенькие кузины — живы ли и как поживают? Не знаешь ли, где и как поживает Екатерина Павловна Самаржи, а также спроси Колю Тютчева, не знает ли он что про Крапоткину

и Кавалинскую? Ему передай мой привет и скажи, что не пишу ему, потому что 7500 платить за письмо не в состоянии. Тебе пишу с оказией к племяннице Л. Н. Вообрази, вот уже два года, что мы ничего не знаем о Сереже; мы с Лелей страшно горюем об этом. Если до праздника не будет оказии, то заранее тебя и Колю Тютчева поздравляю и желаю радостно его встретить.

Ты спрашиваешь мой точный адрес. Адрес по-прежнему на мое имя, Чеботарская, 45, кв. 1. Там живет моя двоюродная сестра, которая получает все письма и мои доставляет мне, но все письма получают очень неаккуратно, потому что почтальоны отказываются часто разносить. Живу я тоже на Чеботарской, № 49, но тут все больше жиды живут и меня мало знают. Это письмо адресую я на Моховую, потому что адрес твой не помню. Жене мой привет, тебя и сына целую. А где твой брат? Храни вас Бог. Любящая тебя по-прежнему *М. Черкаска*.

Леля тебя и Ольгу Вес. целует. Черкни когда-нибудь, только покрупнее, оживи мою жизнь и обрадуй весточкой.

26.

Полтава, 4[VI]921.

Христос Воскресе, глубокоуважаемый и дорогой Юрий Владимирович! Я очень рад, что в лице Ольги Николаевны нашел живой мостик между прошлым и настоящим, между Вами и нами. Хотел приписать к последнему слову «провинциалами», но не решился, так как, право, не уверен, где теперь «провинция». Где люди больше киснут и находятся в большей отдаленности от культурных благ, право, затрудняюсь сказать — у вас, или у нас!..

Я очень благодарен Вам за милое осеннее письмо и привет, который передала мне от Вас Балясная¹. Я не только сохранил о Вас благодарную память, но могу сказать без малейшей рисовки, что люблю Вас. Не писал долго лишь потому, что Ваше письмо оставило глубокий «суш» на душе, да и вокруг меня тогда было очень много горя... Теперь, что бы там ни было, пришла весна, и люди стали радостнее в силу космических законов. А я, право, могу многим радоваться, несмотря даже на то, что очень грущу по семье (жена с дочуркой уже около года проживают у бабушки, под Одессою) и что здоровье как будто начинает сдавать.

Да и как не радоваться: освободился от всяких административных обязанностей, коллегий, комиссий, оставив себе лишь чтение лекций и работу в архиве. С утра забираюсь в подвал и работаю над матерьялами совестного суда и описями малороссийских полков; лекции идут вечером. Занимаюсь я еще церковно-общественными делами и даже попал в члены реформированной «Епархиальной Ради» от мирян, наряду с двумя почтенными протоиереями, двумя молодыми священниками «нового ветру», бывшим преподавателем духовной семинарии и почтенным старым епархиальным деятелем. Часто встречаюсь с правящим архиереем — архиепископом Парфением, который с 1894 по 1904 г. был викарием в Москве. Это очень милый, интеллигентный человек, имеющий печатные труды по истории Полтавщины и по археологии; он прекрасно помнит Ключевского.

Не огорчайтесь и не смейтесь, дорогой Юрий Владимирович,— и архиерей у нас украинец, когда-то возглавлявший официальную комиссию по переводу Евангелия, и новая «консистория» тоже украинская, и уже в шести храмах Полтавы богослужение совершается на украинском языке, а в епархии таких храмов очень много. Кстати, с Балясной мы всегда разговариваем по-украински. Еще один факт. Местный пастор, лектор нашего института, давно уже совершающий богослужение на русском языке, теперь готовится к совершению его по-украински, считая это «сильным орудием пропаганды».

Я очень жалею, что из своих книг могу Вам сейчас передать только самую плохонькую компилятивную брошюрку: не знаю, порадую или огорчу ею милого Александра Николаевича Савина. Кроме того, передаю еще том I записок ученого т-ва, которых, вероятно, у Вас нет. Очень прошу Вас, дорогой Юрий Владимирович, пишите. Прошу Вас передать сердечный привет Михаилу Михайловичу², Матвею Кузьмичу³, Богоявленскому, Савину, Егорову и всем добрым людям и поцеловать Вашего сына. Всего доброго! Любящий и преданный Вам *И. Рыбаков*.

Полтава, Шевченковская, 20.

Р. S. Милую Ольгу Николаевну упросил передать для Вашего сына немного сахара. *И. Р.*

1922.III.27.

Дорогой Юрий Владимирович! Высиживаю дома легкий грипп и потому обращаюсь к Вам письменно.

В том заседании Юридического Общества, в котором я говорил речь от Совета, между Н. Н. Полянским и мною произошел некий разговор, повлекший за собою целое множество других разговоров и организационных последствий и ныне имеющий разрешиться через посредство третейского суда чести. В сознании моей правоты, выдержанности и обдуманности в поступках, я прошу Вас не отказаться принять на себя звание третейского судьи с моей стороны. Полянский пригласил М. Н. Гернета ⁴. Для того, чтобы Вы могли взвесить весь эпизод и представить себе положение дел, я могу указать Вам на Михаила Соломоновича Фельдштейна, подробно и беспристрастно осведомленного во всем. Его телефон 2-70-22; между 11 и 12 утра он обыкновенно конструирует свой первый фриштык ⁵.

В суперарбитрах я бы очень хотел видеть А. А. Грушку, который, при предварительном разговоре, отозвался более чем простою готовностью. Пока он хворает, а я — по его стопам, суд затягивается; а вместе с ним и выборы председателя Юрид. Общества. Если бы Вам для полноты картины было угодно прочесть мою речь, то она всегда к Вашим услугам в крупной, четкой карандашной рукописи (*liber lectu plane iucundus et elegans*) ⁶.

Если бы Вам оказалось удобным, после осведомления со стороны М. С. Фельдштейна, сообщить мне Ваш ответ изустно, то я буду счастлив видеть Вас у моего очага ежедневно от 12 — 2 или от 5—11 вечера (Знаменка, Крестовоздвиженский пер., дом 2 во дворе, кв. 36, этаж шестой, телефон в бездействии).

Нарочно *ничего* не излагаю Вам от своего «заинтересованного» лица; хотел бы только довести сие до конца «честно и грозно». Ваш, якобы «богоподобный» ⁷. И. А. Ильин.

Дорогой Юра! Твои оба письма до нас дошли, и большое тебе спасибо за них; это были первые обстоятельные весточки от вас со дня нашего отъезда. О смерти дяди Эдуарда нас оповестили; меня это не очень поразило, потому что я знал о его болезни сердца и подготовлен был к этой печальной вести. Жаль его донельзя; сколько он мог бы еще принести пользы, если бы судьба иначе распорядилась. Остался я один из стариков.

После полутороугодового путешествия, через Бессарабию и Румынию, благодаря поддержке друзей, нам удалось обосноваться здесь, в Цюрихе, Глориаштрассе 70, где и занялись, чтобы прокормиться, торговлей — комиссионное и агентурное дело. Первое основала Эмма, ходит по рекомендациям к разным лицам, семьям, берет заказы на всякую снедь и предметы для хозяйства по имеющимся при ней образцам и затем разносит; второе, по прибытии сюда написал я Вейсу [?] и другим друзьям, и через них получил агентуры на питье, а потом через одного здешнего аборигена получил то же на германское питье, это дело будущего, хотя уже в прошлом году, оно начинало давать доход, который, чувствуется, и [будет] большой подмогой. Клиентура образовалась по рекомендациям друзей, а т. к. дома оказались очень хорошие, дело развивается. Не могу сказать, что богатеем, нет, но кормимся собственным трудом и ни у кого на шее не сидим, и это громадное моральное удовлетворение. Здоровье ничего, силы не изменяют, хотя приходится быть на деле по двенадцати часов в сутки. Вот что могу сказать про нас.

Большое тебе спасибо за сведения об Арх. О-ве, сообщу председателю, с коим в переписке. Его это порадует; ступай в председатели, не отказывайся. Рад, что дом сохранен. Сказывай поклон всем, кто меня помнит, как в обществе, так и в музее. Могу сообщить тебе интересный деталь [так в тексте]. Гравюры Де ла Барта были гравированы отцом и сыном Login в Herisau в Швейцарии по заказу Walser'a, который их издал ⁸. Узнал я это здесь, и на 13-ой, чертеж без теней, в правом углу, есть подпись; не оригинал ли это? Увидишь Орешникова, передай ему мой сердечный привет. Где его семья? Что ты женился, я очень рад, а для сына это крайне хорошо, а меня очень радует, что появилась новая такая симпатичная племянница. Дай Вам судьба много счастья и доброго здоровья всем троице. Всем нашим от мала до велика передай наши лучшие пожелания доброго здоровья и привет. Репманы где живут? Поздравь Шампиньона от нас. Что его супруга, все здравствует? Где Ляля, Жозефина, Саша Рар и его родственники; слышал, Снегов заменял Собинова, с каких пор он запел? Одним словом, все, что можешь, сообщи о знакомых и родных, все пиши, спасибо заранее. Если кто-либо из наших

присоединится к тебе в писании нам, большое спасибо, и я, посылая тебе это послание, пишу и всем нашим. Целуем вас всех крепко и остаемся ваши тетя и дядя Эмиль. 20[II]22.

Примечания к приложениям

1. Вероятно, *Балясная Ольга Михайловна* (1890—1973). Уроженка Полтавы. В 1918 г. окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (Бестужевские), была оставлена в качестве аспирантки у профессора И. М. Гревса, но из-за тяжелой болезни матери-вдовы (отец — дворянин, военный чиновник, заведовал обмундированием в Полтавском кадетском корпусе — умер в 1895 г.) выехала в Полтаву, где прожила до 1929 г., затем переехала в Москву. Профессией своей с 1910 г. избрала библиотечное дело. С 1942 г. до ухода на пенсию в 1961 г. работала в Государственной публичной исторической библиотеке. Кроме русского, владела украинским языком, а также французским, немецким, английским, итальянским (*прим. ред.*).
2. Богословскому.
3. Любавскому.
4. *Гернет Михаил Николаевич* (1874—1953) — профессор уголовного права Московского университета, публицист.
5. От французского *consommer* (совершать) и немецкого *Frühstück* (завтрак).
6. Рукопись легко читаемая, приятная и изящная (*лат.*).
7. В письме — по-гречески.
8. *De la Barthe Gérard* — французский живописец; в 1787—1810 гг. жил в Петербурге и Москве, где написал серию ландшафтов [?].

Первая отечественная баллистическая ракета

Л. П. Борисов

Все меньше остается незаполненных страниц в биографии генерального конструктора ракетной техники С. П. Королева. Тем значительнее становится каждое новое сведение о нем. В 1932 г. Сергей Павлович возглавил возникшую в то время московскую (центральную) Группу изучения реактивного движения (ГИРД), участвовавшую в практической работе по созданию ракетной техники. Формально МосГИРД был общественной организацией и числился в системе Осоавиахима, фактически же выполнял задания Управления военных изобретений начальника вооружений РККА, с которым в августе 1932 г. заключил договор на выполнение конкретных работ по реактивным двигателям и снарядам.

В деятельности ГИРД тогда далеко не все усмотрели перспективу. Конструкторское бюро и мастерские размещались в запущенном подвале. При решении практических вопросов гирдовцы, не возлагая особых надежд на помощь со стороны государства, рассчитывали больше на свой энтузиазм, предприимчивость и изворотливость. Порой это приводило и к неприятностям. Понадобилась, к примеру, пишущая машинка. А где ее достать, если в магазинах она была дефицитом? Выход — в приобретении у частного лица, что и вынуждены были сделать гирдовцы. За подобные «вольности», расцененные как нарушение финансово-хозяйственной дисциплины, Королев в мае 1933 г. получил выговор от начальника вооружений РККА¹.

Однако та же комиссия, которая докладывала о нарушениях финансовой дисциплины, констатировала, что ГИРД удалось за короткий срок создать крепкую группу высококвалифицированных инженеров². Его штат насчитывал тогда (без рабочих) около 80 человек. В этом была несомненная заслуга Королева. Один из ответственных сотрудников ГИРД писал К. Э. Циолковскому: «У нас работает много квалифицированных инженеров, но лучшим из лучших является председатель нашего Техсовета инженер С. П. Королев. Я рад, что отыскал такого преданного делу человека, как он, ибо уже теперь он сделал для нас всех много и много»³.

В ту пору московские гирдовцы занимались разработкой двух ракет с жидкостным реактивным двигателем: «ГИРД-09» конструкции М. К. Тихонравова и «ГИРД-Х», автором проекта которой являлся Ф. А. Цандер (1887—1933). Они трудились также над жидкостно-реактивным двигателем «ОР-2», предназначенным для установки на самолет или планер, оказывали содействие ленинградскому ГИРД в продвижении работ по постройке снаряда-ракеты А. Н. Штерна и В. В. Разумова.

17 августа 1933 г. состоялся успешный запуск ракеты «ГИРД-09». Тогдашней

Борисов Лев Петрович — кандидат исторических наук, доцент Московского авиационного института.

общественностью он остался незамеченным, ибо осуществлялся в строгой секретности. Характеристика ракеты и данные ее полета были, конечно, скромными. Но то была первая у нас ракета, положившая начало практическому освоению космоса посредством летательных аппаратов. 25 ноября 1933 г. взлетела «ГИРД-Х». Представляет интерес найденная нами в архиве докладная записка, направленная Королевым руководством Центросовета Осоавиахима. В ней сообщается об итогах полета ракеты, высказываются принципиальные соображения о перспективах использования ракет и улучшения всего дела ракетостроения. Приводим этот документ:

«Секретно. Докладная записка о положении экспериментальной работы по ракетам. Группа реактивных двигателей ГИРД работает над созданием совершенно новых по своей идее типов двигателей и снарядов, основанных на принципе реакции струи вытекающих газов. Построен и испытан ряд реактивных двигателей на жидком топливе. Проведены многочисленные лабораторные полигонные испытания. В результате работы ГИРД за 1933 год была разработана и построена принципиально новая ракета-снаряд (конструкция инж. Тихонравова), которая была подробно изучена в работе на привязи на балансирном станке.

17-го августа с. г. в 19 часов первая советская ракета на жидком горючем успешно совершила свой первый полет. Этим самым практически проверен принцип устройства, схема и формы этой ракеты-снаряда. Главной задачей дальнейшего является наиболее быстрое получение расчетных дальностей и высот полета ракеты и сдача ее на вооружение и для мирных целей. Для этой ракеты, как для первого шага в этой области, были выбраны скромные данные. Высота вертикального подъема до 6 тыс. метров. Вес ракеты 18 кгр. Из них 6 кгр. полезной нагрузки. Скорость полета до 250 мтр. в секунду. От первого шага, доказавшего правильность выработанной схемы, можно будет перейти к дальнейшим усовершенствованиям и получению летающих ракет больших калибров со скоростями полета до 800—1000 мтр. в секунду и дальности полета в несколько сотен и тысяч километров.

Для этого нужно без промедления, как можно шире поставит дальнейшие опыты с летающими ракетами. Надо выстроить серию хотя бы в 6 ракет и сделать за сентябрь — октябрь м-цы этого года не одну сотню полетов. Если это будет так, то, несмотря на то, что летавшая 17-го августа ракета является очень несовершенной, только первым опытом в этой области, можно будет к концу 1933 г. иметь уже доработанный в известной мере образец, который может быть пущен для эксплуатации. Кроме того, широкая постановка опытов даст возможность пойти по пути повышения данных (в частности, увеличения дальности).

Успех первого полета достигнут в результате настойчивой, упорной работы всего коллектива ГИРД, несмотря на чрезвычайные трудности. А именно: с момента организации ГИРД (июнь 1932 г.) из группы в несколько человек активистов Осоавиахима развернут небольшой, но обладающий всеми видами производства заводик. Однако завод расположен в сыром подвале, без дневного света. Никакого снабжения ни материалами, ни оборудованием, ни продовольствием и т. п. нет и не получалось ГИРД'ом ранее. Средств на производство опытов слишком недостаточно. До сего дня длится двойственное подчинение ГИРД Осоавиахиму (формально) и УВИ НВ РККА (фактически). А в результате уже более года как ГИРД не имеет хозяина и буквально задыхается в мелочах, не дающих ему развернуть, как это следовало бы в наших масштабах, свою работу. Как пример, можно указать, что ГИРД до сего дня не имеет никакого транспорта и отрезан от полигона, находящегося в 40 км от Москвы. Уже более года обсуждается вопрос о создании Реактивного института, но в настоящее время этот вопрос застрял еще в одной инстанции (Военно-морская инспекция ЦКК).

Несмотря на необычайно тяжелые условия работы, ГИРД'ом все-таки доведена и выпущена в воздух первая советская ракета. Однако НКВМ (Наркомат по военным и морским делам.— Л. Б.), по заданию которого она делалась, отпускает недостаточно средств на постановку опытов, а кроме того его не может не интересовать применение ракеты в различных областях народного хозяйства (для метеорологических целей, быстрой связи, почты и т. д.).

Поэтому необходимо:

1. Ускорить разрешение вопроса с организацией Реактивного ин-та.
2. Немедленно отпустить ГИРД'у необходимые средства на постановку научно-исследовательской работы и, в частности, на постройку первой опытной серии

ракет и испытание их (на это нужно до 30.000 руб.). Работы вести, учитывая и мирное применение ракет. 22.VIII. Начальник ГИРД инж. Королев»⁴.

Требование Королева создать необходимые условия для расширения научно-исследовательских и практических работ в области ракетостроения говорит о понимании им уже в то время огромного значения ракет в скором будущем. Такое понимание, надо полагать, усиливалось и внешними обстоятельствами. Из агентурных сводок внешней разведки, с содержанием которых по указанию заместителя председателя Реввоенсовета М. Н. Тухачевского был ознакомлен узкий круг лиц, следовало, что в Германии В. Бельцер, являвшийся ранее сотрудником М. Валье⁵, при поддержке Управления вооружений работает над ракетами как метеорологического типа, так и дальнего действия, летающими по эллиптической орбите И. Кеплера. В записке приводились некоторые характеристики такого летательного аппарата⁶. 3 октября 1933 г. начальник 2-го сектора Управления делами Центрального Совета (ЦС) Осоавиахима СССР Д. Иорданский сообщал по инстанции: «Согласно резолюции председателя ЦС Осоавиахима т. Эйдемана при сем препровождается постановление 104 сс/О СТО (Совета Труда и Оборона СССР.— Л. Б.) от 31 октября с. г. об организации Реактивного института». На письме резолюция: «Согласно договоренности с начальником ГИРД'а Королевым материал исполнен»⁷. Начальником Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) был назначен военинженер 1-го ранга И. Т. Клейменов (1898—1938), ранее возглавлявший Газодинамическую лабораторию, а потом принимавший участие в разработке ракетных снарядов на бездымном порохе для многозарядных реактивных минометов «катюша»; его заместителем по научной части, а с начала 1934 г. руководителем отдела ракетных летательных аппаратов стал С. П. Королев.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8355, оп. 1 д. 374(1), лл. 72—72об., 76.
2. Там же, лл. 1—2.
3. Вопросы истории, 1967, № 4, с. 207.
4. ГАРФ, ф. 8355, оп. 1, д. 374(2), лл. 143—143об.
5. Макс Валье (1895—1930) — немецкий инженер, автор книги «Полет в мировое пространство как техническая возможность» (1924 г.), занимавшийся разработкой жидкостных ракетных двигателей. Погиб при испытаниях. Его именем назван один из кратеров Луны.
6. ГАРФ, ф. 8355, оп. 1, д. 370, л. 18.
7. Там же, д. 374(2), л. 146.

Из прошлого рода графов Бобринских

М. В. Петрова

Род графов Бобринских, пусть и не самый древний, заслуживает внимания, и прежде всего потому, что его представители оставили заметный след в истории отечественной промышленности, науки и культуры.

Сын Екатерины II и Г. Г. Орлова, тогда армейского капитана, затем графа, а потом и светлейшего князя, Алексей Григорьевич Бобринский родился 11 апреля 1762 г., за два с половиной месяца до событий, положивших начало царствованию его матери. Отношения между нею и сыном складывались непросто. Имеются основания предполагать, что она увидела мальчика только полтора года спустя, когда утихли политические страсти и закончились церемонии, связанные с ее возведением на престол и коронацией. В 1781 г. Екатерина писала по этому поводу Бобринскому, правда, не раскрывая еще всей тайны: «Известно мне, что мать ваша, быв угнетаема разными неприязненными и сильными неприятелями, по тогдашним смутным обстоятельствам, спасая себя и старшего своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рождение»¹. Принуждена потому, что всякие отношения между нею и ее супругом Петром III прекратились давно, и более того, император, влюбленный в свою фаворитку Елизавету Воронцову, грозил жене разводом и заточением вместе с цесаревичем Павлом в Шлиссельбургскую крепость.

Роды действительно проходили втайне. Чтобы о них не узнал Петр, воспользовались его слабостью: император любил смотреть пожары, и камердинер Екатерины В. Г. Шкурин поджег свой дом. После своего воцарения она пожаловала ему дворянскую грамоту и подарила охотничий дом под Петербургом, в Елизаветино, названном так потому, что в этой местности любила охотиться Елизавета Петровна. Здесь-то до 8 лет и жил Алексей, для всех непосвященных — младший ребенок Шкуриных.

Виделись мать и сын регулярно, не реже одного раза в месяц. Сначала Екатерина наезжала к нему. Правда, встречи проходили не в Елизаветино, а в соседнем местечке Кайкуши. Затем, когда Алексей уже жил в Петербурге и учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, он в собственном экипаже приезжал в Зимний дворец, но всегда не один, а в сопровождении или И. И. Бецкого, тогдашнего директора Кадетского корпуса, или своего гувернера адмирала О. Де-Рибаса, или его жены — Анастасии Ивановны, которую в своем дневнике Бобринский иначе, как Рибасшей, не называл. А была она, по терминологии тех времен, «левой» дочерью Бецкого.

Примечательно, что еще в 1760-е годы Екатерина II взяла именно этот корпус

Петрова Марина Владимировна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи.

под свое «крыло», велела построить при нем Манеж для верховой езды и участвовала в разработке программы обучения, в которой наряду со специальными дисциплинами были предусмотрены и общеобразовательные при явном предпочтении гуманитарным наукам.

Мать Екатерины, принцесса Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская, представляя ей в свое время Бецкого, заметила, что это единственный человек в России, на которого она может смело положиться. Став императрицей, Екатерина воспользовалась материнским советом. Она приблизила к себе Бецкого, ставшего ее другом, соратником и, что очень важно, доверенным лицом — через его руки проходили практически все дела, связанные с Алексеем, опекуном которого он был вплоть до 1785 года.

Екатерина немало сделала для обеспечения благополучия и соответствующего положения своего внебрачного сына: купила ему обширные имения в Тульской губернии; построила стараниями архитектора И. Е. Старова дома в Богородицке и Бобрниках (отсюда и его фамилия Бобринский); выплачивала ежегодно 2500 руб. на его содержание и обучение в Кадетском корпусе; положила на его имя в Опекунский совет (председателем которого был назначен тот же Бецкой) свыше 1 млн. руб.; выкупила для него после смерти Г. Г. Орлова дворец, построенный А. Ринальди на набережной Мойки и подаренный ею в свое время фавориту.

Императрица утвердила увенчанный графской короной герб рода Бобринских, положив в основу его свой, Ангальт-Цербстский; помещенный же в центр геральдической композиции российский двуглавый орел должен был означать близость рода Бобринских царствующему дому Романовых. Незадолго до смерти Екатерина приобрела для Алексея Григорьевича Гдовское командорство (24 тыс. душ); обеспечивая постоянное продвижение сына по службе, довела его до чина бригадира (генерала), что соответствовало в Табели о рангах 4-му классу, замыкавшему то, что называлось тогда «высшим светом» (термин этот сложился в результате проведения в царском дворце малых (закрытых) приемов, на которые приглашались представители только первых четырех классов).

Вынужденная скрывать свои материнские чувства, а также руководствуясь необходимостью обеспечить гарантированное будущее сыну, императрица пошла на разлуку с ним, растянувшуюся на 14 лет. Шесть из них он провел в путешествиях по России и Европе, а последующие восемь — в Ревеле. Держа Алексея Григорьевича на не столь уж далеком от себя расстоянии, Екатерина II задумала ввести своего внебрачного сына в круг императорской фамилии. Для этого ему нужно было жениться на принцессе Фредерике, родной сестре Елизаветы Алексеевны — жены великого князя Александра Павловича, в котором императрица видела своего преемника. Но Алексей отказался сделать это, и только через три года, придя в себя от страшного удара, нанесенного ее плану, Екатерина со словами: «Всяк женится для себя, и ему не запрещено»² дала, наконец, согласие на соединение его с той, что ждала его уже не один год — баронессой Анной Владимировной Унгерн-Штернберг, дочерью коменданта Ревельской крепости.

Ни сам Алексей Григорьевич, ни потомки его, чтобы снискать уважение и авторитет, никогда не пользовались историей происхождения своего рода, но завоевывали их служением отечеству.

С именем старшего сына первых Бобринских Алексея Алексеевича (1800—1868) связано появление в России собственного сахара. Сахарная свекла возделывалась у нас еще в начале XIX столетия, тогда же были сделаны попытки поставить ее производство на промышленную основу, но это были частные и робкие начинания. Бобринский же дал делу «важность и размеры государственной промышленности»³. Сперва на тульских землях, а затем в Смелянском имении своей жены, под Киевом, он построил в 30-е годы несколько свеклосахарных заводов и один огромный рафинадный. Начинание это получило широкое распространение на Украине и в южнорусских землях, и тогда впервые Россия значительно сократила ввоз сахара из-за границы.

А. А. Бобринскому принадлежит также идея строительства в России железной дороги, встретившая тогда немалое сопротивление. Движимый желанием видеть свою страну цивилизованной, он, преодолевая косность и тугоумие некоторых государственных мужей, создал акционерное общество, проложившее в 1837 г. первую в нашей стране железную дорогу — от Петербурга до Царского Села.

Современники отмечали постоянное стремление Бобринского к совершенствованию технологии производства и использованию новейшего оборудования на своих заводах, что «имело влияние на развитие у нас машиностроительной промышленности». Он был также чуть ли не первым в России фотографом и гальванопластиком ⁴.

Сосредоточенность на индустриальных и сельскохозяйственных проблемах не мешала дружбе А. А. Бобринского с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским (он посвятил несколько лирических стихотворений жене графа Софье Александровне, урожденной графине Самойловой), И. И. Козловым, Строгановыми, Фикельмонами и Виельгорскими; нередко в петербургском доме Бобринских бывал А. С. Пушкин, к которому здесь относились с большой теплотой и участием. В своем дневнике поэт записал 18 декабря 1834 г.: «Встретил на лестнице старуху графиню Бобринскую (Анну Владимировну.— М. П.), которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот» ⁵. Вяземский, переживший Алексея Алексеевича на несколько лет, писал о нем: «Он был одна из благороднейших и в высшей степени сочувственных личностей нашего времени... Любознательная натура его беспрестанно требовала себе пищи» ⁶.

Последние годы А. А. Бобринский жил преимущественно на Украине. В 1872 г. на собранные по подписке деньги был установлен в Киеве, на перекрестке Бибиковского бульвара и Безаковской улицы, памятник ему как одному из зачинателей отечественной индустрии.

«Железнодорожниками» стали еще двое из рода Бобринских — правнуки Екатерины, двоюродные братья Владимир Алексеевич (1824—1898) и Алексей Павлович (1826—1894), в период с 1871 по 1874 г. занимавшие один за другим пост министра путей сообщения. В то время и была заложена действующая поныне система железнодорожных путей в Европейской части страны.

Деятельность старшего сына А. А. Бобринского — Александра Алексеевича (1823—1903), может быть, и не имеет такой общественной значимости, как деятельность его отца, но вспомнить о нем необходимо.

Вторая половина XIX в. в России ознаменовалась активным обращением современников к отечественной истории, к ее письменным памятникам. Было осуществлено издание (с небольшим временным разрывом) трех журналов, опубликовавших архивные материалы. Издатели обратились и к Александру Алексеевичу с просьбой предоставить для публикации документы из семейного архива. В результате исследователи, а затем и читатели получили не только доступ к романтической истории возникновения рода Бобринских, но и возможность узнать об императрице как матери, по-своему любившей своего побочного сына. Среди увидевших тогда свет документов были дневники Алексея Григорьевича (он начал вести их еще в Кадетском корпусе), его письма разных лет, а также письма Екатерины II, И. И. Бецкого ⁷, П. В. Завадовского ⁸ и других. Материалы архива Бобринских раскрывают картину нравов и жизненных норм, характерных для России второй половины XVIII века. Оригиналы опубликованных тогда документов в ряде случаев до наших дней не сохранились. Введение их в научный обиход является заслугой Александра Алексеевича, принимавшего в их издании участие. Он известен также и как автор труда «Дворянские роды в России».

Среди графов Бобринских (основатель его, Алексей Григорьевич, был возведен в графское достоинство Павлом I через 6 дней после смерти Екатерины II и стал 35-м по счету графом Российской империи ⁹) было немало губернаторов, фрейлин и флигель-адъютантов, членов Государственного совета и Государственной думы, министров, предводителей дворянства, в том числе и столичного. Но не только и даже не столько титулами и чинами известен этот род. Его представителями немало сделано на ниве общественной деятельности и благотворительности.

В общество декабристов входил младший брат Алексея Алексеевича — Василий (1804—1874). Почетным мировым судьей был его сын — Алексей Васильевич (1831—1888), устроивший в своем имении Бобрики богадельню. Человек разносторонних интересов, с университетским образованием, он был знатоком художеств, нумизматом, собирателем древностей, библиографом и в то же время химиком, зоологом, ботаником. Назначенный в 1883 г. членом Государственного совета, он продолжал оставаться председателем Общества акклиматизации животных и растений.

Почетным членом Демидовского дома призрения трудящихся и заведующей

Отделением девочек (рукодельные работы) была фрейлина императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны супруга Алексея Алексеевича Бобринского Софья Александровна.

Жена правнука первого графа Бобринского Алексея Александровича Надежда Александровна Бобринская (урожденная Половцова, 1865—1920), генеалогия которой тоже переплетается с царской семьей, была астрономом и работала в Пулковской обсерватории. В 1901 г. ею опубликована коррекция орбиты малой планеты Геральдина (№ 300), открытой Шарлеруа в 1890 г., и рассчитано будущее положение этой планеты. Во время русско-японской войны она получила награду за работу в Красном Кресте. Двумя серебряными Георгиевскими медалями была награждена за службу в качестве сестры милосердия в первую мировую войну дочь этой четы Софья Алексеевна Бобринская (1866—1927) ¹⁰.

Правнук первого графа Бобринского Алексей Александрович (1852—1927) — сенатор, вице-президент Академии художеств, член Государственного совета (его портрет имеется на знаменитой картине И. Е. Репина «Заседание Государственного совета»), член III Государственной думы, министр земледелия. Однако была у этого сановника и еще «одна, но пламенная страсть» — археология. Участвуя в раскопках кургана Солоха, он нашел знаменитый золотой скифский гребень, хранящийся ныне в Особой кладовой Эрмитажа. В своем дневнике он с гордостью записал: «Мой гребень! Я нашел!» ¹¹. С 1886 г. до 1917 г. Алексей Александрович возглавлял Императорскую археологическую комиссию. С его именем связано археологическое исследование Херсонеса Таврического, Ольвии и многих других местностей, а также деятельность Комиссии по охране, реставрации и научному исследованию памятников старинного русского церковного зодчества ¹².

Алексей Александрович принимал активное участие в большом деле, задуманном И. В. Цветаевым, — стал вице-председателем Комиссии по созданию Музея на Волхонке (ныне — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Сохранилось письмо Цветаева со словами благодарности графу за помощь и поддержку ¹³. В первую годовщину существования музея Алексей Александрович передал в его фонды 19 произведений старинной бронзы. В «Путеводителе по музею», изданном в 1917 г., есть фотография зала, целиком заполненного подаренными графом экспонатами.

Если для Алексея Александровича археология была только серьезным увлечением, то для представителя другой ветви семьи Бобринских, Алексея Алексеевича (1861—1938), она стала профессией. С его именем связаны важные научные открытия. Он длительное время занимался археологией Средней Азии, издал немало трудов, в том числе «Орнаменты горных таджиков Дарваза (шитый и вязаный орнамент)». Это своего рода атлас собранных им материалов, содержащий важные этнографические и исторические сведения, совершенно неизвестные ни в России, ни в Европе. Высокую оценку дал этой работе В. В. Стасов: особенный, оригинальный стиль горных таджиков, «имеющий столько сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь, взятый во всей своей совокупности, новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения» ¹⁴.

Бобринскому удалось «прочитать» также орнаменты древних славян времен трипольской культуры. И. К. Кузьмичев в книге, посвященной эстетике Киевской Руси, отметил: «А. А. Бобринский еще в прошлом веке доказал, что излюбленное пристрастие древних хлебопашцев к змеевидным и зигзагообразным линиям связано с культом змеи. Последующие изыскания в этом направлении подтвердили выводы Бобринского» ¹⁵. Алексей Алексеевич — автор уникальных многотомных трудов по истории русской резьбы по дереву и камню ¹⁶.

Страсть к истории, к археологии у Бобринских была, можно сказать, наследственной. Известно, что Екатерина II собирала древнерусские летописи, изучая их, составила сравнительную хронологию Древней Руси и других европейских стран; написала пьесу «Начальное управление Олега» (поставлена в 1795 г. на сцене Эрмитажного театра); составила Похвальное слово Преподобному Сергию Радонежскому — одно из первых светских его жизнеописаний; вплоть до самой смерти работала над «Историей государства Российского». Мало кто знает, что она являлась доктором свободных искусств и членом Берлинской Академии наук.

Крупным биологом, автором неоднократно переиздававшегося труда «Живо-

тний мир и природа СССР» был Николай Алексеевич Бобринский (1890—1964). Географом стал его сын Николай Николаевич, последние годы занимающийся изучением истории своего рода. Составленное им на основании архивных и опубликованных ранее документов жизнеописание первого графа Бобринского было напечатано в газете «Богородицкие вести» в 1990 году. Те же материалы позволили ему написать роман ¹⁷.

Бобринские всегда, даже в трагическую для страны годину, были озабочены сохранением принадлежавших им памятников культуры. В 1918 г. они безвозмездно передали в Исторический музей ценные экспонаты, в частности польский золотой сервиз XVII века. А новые власти в это время реквизируют городскую усадьбу Бобринских в Петрограде, но, к счастью, не разорили ее, а создали в ней Музей дворянского быта. Собранная там коллекция наряду с произведениями живописи и скульптуры — работами русских и западноевропейских мастеров — включала мебель, предметы утвари, произведения декоративно-прикладного искусства, а также библиотеку, начало которой было положено еще Алексеем Григорьевичем во время его учебы в Кадетском корпусе. В середине 30-х годов, когда был выдвинут лозунг об обострении классовой борьбы, музей ликвидировали, а его фонды поступили в распоряжение Русского музея. Часть экспонатов, имевших историко-культурологическое значение, а также коллекция произведений иностранных художников, работавших в России (И.-Б. Лампи, Ст. Торелли, К.-Л. Христинек и др.), поступили тогда в Эрмитаж и стали основой для создания здесь Отдела истории русской культуры ¹⁸.

В годы революции и гражданской войны немало представителей рода Бобринских погибло, других судьба разметала по всему свету. С тех пор они пустили корни в Италии, Франции, Голландии, Англии, Америке. Среди ныне здравствующих Бобринских — филологи и математики, художники и энтомологи, преподаватели и актеры, искусствоведы и священники, бизнесмены. Своей родиной даже те из них, которые родились за границей, продолжают считать Россию и готовы помогать ей. В фонд возрождения Петербурга 1 млн. долларов передал проживающий в США Николай Алексеевич Бобринский; еще столько же он готов предоставить на восстановление, с последующей музеефикацией, усадьбы Смела. Местные краеведы уже начали собирать материалы. Граф выражает надежду, что возможно будет вернуть железнодорожной станции, близ которой расположена Смела, прежнее название — Бобринская.

Живет в Англии Николай Чербанич, полурусский, полувенгр, родившийся в Чехословакии; в жилах его также течет кровь Бобринских. 17-ти лет, осознав себя русским, он начал изучать русский язык, литературу, историю России. Женится на русской. В качестве представителя английской фирмы он работает сейчас на нефтепромыслах нашего Севера.

В 1990 г. в Москву приезжал преподаватель Богословской академии св. Сергия в Париже отец Борис (в миру Борис Алексеевич Бобринский).

Освобождение от конъюнктурного, регламентированного знания о своем прошлом открывает перед нами доселе не известную страну — Россию забытых имен и целых родов, немало сделавших для ее процветания. Так вновь обретается чувство сопричастности всему, что было раньше. Той сопричастности, которую Н. М. Карамзин определял как «государственную нравственность». Именно она, писал великий историк, «ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» ¹⁹. Соблюдение этой важнейшей этической нормы позволяет каждому человеку оставаться гражданином.

Примечания

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА, ф. 1412, оп. 1, д. 39).
2. Русь, 1992, № 3, с. 159.
3. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский. М. 1868, с. 37.
4. Русский биографический словарь. Т. III. СПб. 1908, с. 112—113.
5. ПУШКИН А. С. Полн. собр. соч. Т. XII. М.-Л. 1949, с. 333.
6. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Ук. соч., с. 6, 12.
7. Будучи Главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, Бецкой являлся также президентом (в течение 30 лет) Императорской Академии художеств.

8. Граф П. В. Завадовский с 1785 г. исполнял должность опекуна А. Г. Бобринского.
9. РГАДА, ф. 1412, оп. 1, д. 1.
10. ВИЛЛИАМСОН Д. Д. Графы Бобринские. Генеалогия. Б. м. 1962.
11. РГАДА, ф. 1412, оп. 7, д. 3.
12. Сборник археологических статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. СПб. 1911, с. 3.
13. РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 2003.
14. Записки восточного отдела Императорского русского Археологического общества, СПб., т. XIV, с. 48.
15. КУЗЬМИЧЕВ И. К. Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. М. 1990, с. 79.
16. БОБРИНСКИЙ А. А. Народные русские деревянные изделия. Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. Тт. 1-12. М. 1911—1914; его же. Резной камень в России. М. 1916.
17. Глава из него под названием «Дворцовая тайна» напечатана в журнале «Слово» (1991, № 8).
18. В 1991 г. Петросовет принял решение о восстановлении Музея дворянского быта, но уже в другом помещении — в Юсуповском дворце.
19. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. I. М. 1989, с. 17.

Новые учебные пособия по истории для средней школы

Появление первых учебников для средней школы, содержащих новые подходы к оценке событий и явлений отечественной истории, можно только приветствовать. Они особенно нужны сегодня, в условиях глубокой политизации общества, развития плюрализма мнений, ломки социально-политических стереотипов. Доступнее стали источники исторической информации. Открывается реальная возможность рассказать школьникам об истории России XX в. без умолчаний и искажений.

К 1992/1993 учебному году изданы два новых учебных пособия¹. Первое содержит материал от начала XX в. до кануна Великой Отечественной войны и написано для десятиклассников педагогами-практиками из Херсона Л. Н. Жаровой и И. А. Мишиной. Оно предназначено, как сказано в аннотации, «к использованию в качестве переходного пособия по истории для старших классов средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев всех типов» (с. 2). Временный переходный учебник для 11-х классов средней школы создан группой преподавателей и профессоров из Педагогического университета Санкт-Петербурга. В нем излагается история нашей страны от предвоенных лет до принятия Декларации о прекращении существования СССР.

Велики трудности, связанные с написанием школьных учебников. С одной стороны, они должны соответствовать уровню современного научного знания, с другой — авторам необходимо построить изложение материала ярко, по возможности образно, занимательно, эмоционально. К тому же для современных учебников правилом стало включение в них методических материалов, вопросов и заданий, необходимых текстов из источников.

Конечно для школьного учебника важнее всего повествование, соответствующее исторической истине, восстанавливающее правду о прошлом. Между тем, даже вполне выверенные факты могут быть выстроены определенным образом в зависимости от уровня теоретического знания и политических взглядов авторов пособий.

Авторы обоих пособий многое сделали для того, чтобы уйти от однолинейности в изложении материала. Они приводят разные оценки тех или иных периодов истории, на основе конкретных фактов стремятся раскрыть объективные альтернативы развития общества, рассказать о деятелях, принадлежащих к различным политическим лагерям, сопоставить их точки зрения.

Достоинством обеих книг является стремление их авторов максимально использовать накопленный к нынешнему времени фактический материал. При этом яркие факты, цитаты из источников и научных трудов, высказывания исторических деятелей и очевидцев событий тщательно прокомментированы. Очень важно, что на страницах обеих книг присутствуют нравственные оценки как деятелей, так и событий, показано историческое творчество народа. Авторам в значительной мере удалось отойти от одноцветного, одномерного и, как порой это бывало, предвзято апологетического или, напротив, тенденциозно очернительного подхода к изложению истории. Авторы как одной, так и другой

книг, рассматривают прошлое нашей страны с позиций приоритета человеческой личности, гражданского общества и правового государства, поиска истины, подлинной свободы, эффективности рыночной экономики.

Рецензируемые книги различаются по своему построению. Учебник петербуржцев построен на традиционных принципах последовательного изложения и интерпретации материала. Отрывки из источников, вопросы и задания даны в приложении к главам. Несколько иначе, нетрадиционно выглядит пособие, написанное херсонцами. Стремясь активизировать самостоятельную познавательную деятельность школьников, они часто перебивают повествование дополнительными вставками («факты», «точка зрения», «из воспоминаний», «документы», «личность», «судьбы»), содержащими отрывки из документов, краткие биографии исторических деятелей, оценки историков, и проблемными вопросами и заданиями. Каждая глава завершается заключением, что помогает усвоению общей концепции учебника.

Одним из решающих аргументов, характеризующих тот или иной учебник, становится концепция его автора. Вот почему, не отрицая необходимости всестороннего обсуждения принципов отбора и точности деталей и фактов, методики подачи фактического материала, доступности изложения и других важных вопросов, связанных с работой преподавателей и школьников над учебниками, в центре анализа должны быть концептуальные основы рецензируемых книг.

Историю России Жарова и Мишина рассматривают как пример «переплетения различных типов цивилизаций», «наложения» различных исторических эпох (с. 123). Авторы имеют при этом в виду переплетение тенденций западноевропейского, патриархально русского, застойно азиатского путей развития, а также переплетение в экономике страны разных стадий буржуазного развития: так называемого первоначального накопления, индустриального капитализма, империализма. Правда, как это следует из текста учебника, это двойное наложение цивилизаций и эпох скорее имеет не характер синтеза, соединения или, в крайнем случае, сосуществования хозяйственных укладов, культур, религий, народов на территории единой державы, занимающей свое место в мировом геополитическом пространстве, а является показателем отсталости российского общества в целом и отдельных сфер его жизни от уровня, достигнутого мировой цивилизацией. Отсюда, по мнению авторов, и вытекают идейные искания русской интеллигенции начала XX в., поиски путей модернизации страны. Здесь и идея «всеединства и всеобщности» славянофилов и их продолжателей, и мысль о необходимости стать «в ряд развитых демократических стран Запада» либералов-западников, и отрицание «капитализма как прогрессивного строя» русскими социалистами от народников до Ленина (с. 7—12).

После трудных поисков, считают авторы, Россия в конкретных условиях 1917 г. по воле большевиков «революционно» выпала из мировой цивилизации, из орбиты буржуазного миропорядка и была «свернута» утопическими идеями социализма на тупиковый путь развития. «Главное противоречие этой революции заключается в несоответствии ее идеалов, целей, лозунгов исторической возможности их осуществления» (с. 234). Эта концепция и определила подход к периодизации истории России в первые 40 лет XX века. В качестве трех основных крупных разделов учебника выделены: 1) «Россия в поиске путей развития в новых исторических условиях» (конец XIX в.— 1905 г.); 2) «По пути буржуазного прогресса» (1905 — июнь 1917 г.); 3) «В поисках выхода из кризиса» (этот раздел охватывает период с июля 1917 г. по 1940 г.).

Ключевым в пособии, естественно, стал вопрос о месте, роли и значении победы Октября 1917 г. и связи послеоктябрьского периода с предшествующей историей страны. Авторы, не заявляя об этом прямо и даже предлагая в вопросах, адресованных учащимся, показать «закономерный характер вызревания советского периода нашей истории из ее дооктябрьского прошлого» (с. 335), все-таки, как можно заключить из содержания книги, разделяют взгляды тех историков, которые считают, что в советское время наша страна «сошла» с общего для человечества пути развития в результате «крутого исторического поворота», повлекшего за собой установление пролетарско-якобинской диктатуры большевиков, приведших страну через непомерные жертвы революции, гражданской войны, индустриализации, коллективизации к тоталитаризму, сталинской диктатуре с бестоварным социализмом и отходом от общечеловеческих ценностей. Авторы, хотя и говорят о «противоречивых 30-х» как времени «невиданного массового энтузиазма советских людей и не менее массовых репрессий» против них, тем не менее всем изложением подводят учащихся к заключению, что все сделанное за первые 20 лет советской власти, все жертвы — результат воплощения на практике «социальной» («социалистической»? — А. О.) утопии» (с. 234, 333).

Отсюда вытекает, что если главное содержание жизни народа в годы советской власти — строительство социализма в стране, к этому не готовый, то с этим экспериментом следует поскорее покончить и вернуть страну в русло мировой цивилизации. Мысль о необходимости строить жизнь в нашей стране, основываясь на общечеловеческих принципах, по шведским, западногерманским, американским образцам широко пропагандировалась некоторыми нашими идеологами накануне распада Советского Союза. Они утверждали, что в перечисленных странах социализма больше, чем в СССР. Именно эти идеи и легли в основу концепции Жаровой и Мишиной. Они отвергают теорию общественно-экономических формаций, не способную, по их мнению, объяснить ход исторического процесса. «История человечества многогранна, втиснуть ее в «пятичленку» — это значит обречь общество на единомыслие», — пишут авторы, сравнивая последствия для исторической науки «дискуссии» 1928—1935 гг. (кавычки и датировка авторов.— А. О.) о формациях с разрушительными последствиями кампании против генетики (с. 319).

Написание и издание учебных пособий, базирующихся на различных концепциях, становится ныне обычным делом. Однако, думается, при этом авторы их должны соблюдать одно условие — опираться на твердо выверенные факты и положения, доказанные наукой, на знания, добытые специалистами, а там, где продолжается борьба мнений, указывать на дискуссионность тех или иных проблем. В книге же Жаровой и Мишиной ряд как концептуальных моментов, так и фактов, неоднозначно трактуемых в литературе, не фиксируется в качестве спорных. Это касается проблем и общей периодизации и таких конкретных вопросов, как передатировка эпохи российского империализма, оценки революции 1905—1907 гг., Апрельских тезисов, отнесение времени начала гражданской войны к лету 1917 г., характеристика власти, установившейся после Октября 1917 г., как пролетарско-якобинской диктатуры, и многого другого.

В книге приводится масса понятий и терминов, многие из которых трактуются современной наукой неоднозначно. Представляется, что это может затруднить работу учителей и учащихся с учебным пособием. Включая в текст пособия отдельные факты, биографические справки, точки зрения политиков и историков, авторы не всегда придерживаются необходимой взвешенности и объективности в отборе и оценке фактов, недостаточно строго соблюдают принцип историзма. Так, например, на с. 267—268 приводятся оценки роли и места в нашей истории В. И. Ленина, сделанные его идейными и политическими противниками, но при этом не указывается, когда, почему и при каких обстоятельствах были сформулированы эти оценки. Отсутствуют и высказывания в пользу Ленина.

В отличие от «учебной книги» Жаровой и Мишиной, «переходный учебник» (так определили издатели назначение книги в аннотации к ней) петербургских авторов написан в традиционной манере. Во вступительном обращении к учащимся подчеркивается сложный и противоречивый характер последнего 50-летия в истории нашей Родины, в котором переплелись «подвиг и трагедия советского народа, его надежды и разочарования» (с. 4). Авторы, естественно, не претендовали на полноту освещения этого периода, тем более, что еще нельзя дать точный и однозначный ответ на все вопросы, поскольку многое требует дополнительного и тщательного изучения с привлечением новых, в том числе и пока недоступных историкам архивных материалов.

Прошлое и настоящее страны в учебнике представлены в своей неразрывной связи. Авторы исходят из того, что, как и другие народы мира, ее народ был устремлен к вечным идеалам истины, добра, справедливости, мира и потому составлял неотъемлемую часть мировой цивилизации, внося свой вклад в ее развитие. Стремление авторов рассказать об альтернативных вариантах исторического выбора нашло отражение в заголовках параграфов: «Тенденции и противоречия социально-экономического развития в 60-х — начале 80-х гг.», «Противоречия в политической и духовной жизни общества», «Варианты послесталинского развития» и т. д. Красной нитью через все главы проходит мысль о великом подвиге народа, победившего врага в лихую годину Великой Отечественной войны, вынесшего всю тяжесть послевоенного восстановительного периода, создавшего военный паритет в ходе гонки вооружений с крупнейшими и богатейшими державами планеты, сохранившего мир на земле, приумножившего сокровищницу мировой культуры. Эти достижения могли быть еще более значительными, если бы не догматическое, порой слепое, следование утопическим построениям его руководителей и теоретиков, пытавшихся форсированно «осчастливить» свой народ построением «бумажного» коммунистического рая, если бы не тоталитарный режим и командно-бюрократическая система управления экономикой, жесткий контроль за идеологической жизнью общества, репрессии против собственного народа.

Авторы стремятся изложить историю России как процесс, развивающийся в сложном

взаимодействии конкретных экономических, природно-демографических, социальных, внешнеполитических факторов. В учебнике подчеркивается, что несмотря на значительные успехи в модернизации экономики СССР, выход на первое место в Европе и второе место в мире по объему промышленного производства, он по-прежнему значительно отставал от передовых стран. Достигнутые успехи не были адекватно оценены его руководителями. На словах декларировались основные демократические свободы (Конституция 1936 г.), на деле же утвердился тоталитаризм с необоснованными репрессиями и жестким контролем за всей жизнью общества.

Авторам удалось показать, как партийно-государственная номенклатура все более приобретала характер касты, оторванной от народа и действующей в своих интересах. Утвердившийся после репрессий 30-х годов тоталитаризм в лице партийно-государственной машины так и не нашел — ни в теории, ни на практике — оптимальных путей развития страны и, в конечном счете, привел ее к развалу. Авторы попытались выявить разные тенденции в советском руководстве на поворотных пунктах истории страны (проекты Н. А. Вознесенского, А. Н. Косыгина и т. д.). Можно было бы, конечно, отметить, что в условиях безраздельного господства номенклатуры эти тенденции возникали, как правило, в связи с уходом с политической арены очередного вождя, что само по себе говорит о бесплодии и нежизнеспособности командно-административной организации власти.

Думается, что после исправления ошибок, неточностей, неудачных выражений и, конечно, с учетом практики преподавания «переходный учебник» может стать хорошей основой стабильного учебника для средней школы.

А. С. ОРЛОВ

Примечания

1. ЖАРОВА Л. Н., МИШИНА И. А. История Отечества, 1900—1940 гг. Учебная книга для старших классов средних учебных заведений. М. Просвещение. 1992. 335 с.; История Отечества, 1939—1991. Учебник для 11 класса средней школы (В. П. Островский — руководитель авторского коллектива, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов). М. Просвещение. 1992. 287 с.

Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Vandenhoeck and Ruprecht. Göttingen. 1991. 256 S.

Переоценка советской истории

Сборник статей германских ученых, занимающихся проблемами советской истории, разделил участь политологических и иных исследований, написанных до, а увидевших свет после августовского путча 1991 года. Анализируя проблемы советской историографии в эпоху перестройки, авторы сборника сами попадают под влияние перестроечной парадигмы: речь идет о медленном, эволюционном выздоровлении отечественной историографии, ее высвобождении из-под гнета сталинистских, тоталитарных и прочих ограничителей. Прошедшее после путча и развала СССР время показало, насколько утоличны были подобные надежды — кардинальные перемены пришлось испытать на себе и тому «сословию советских историков», о котором идет речь в книге. И все же многие из предложенных германскими учеными оценок сохраняют свою значимость. К тому же полное отсутствие прогнозов неожиданно обернулось плюсом для сборника, статьи которого написаны с должным запасом академической прочности.

Авторы не ограничились анализом идейных споров, но обратили внимание на саму организацию историографического процесса в СССР. Д. Гайер в достаточно резких тонах описывает «засилье геронтократии» в «полуфеодальной структуре» советской Академии наук, традиционно настроенное отношение ее руководства к западным коллегам, недоступность даже московским историкам главных источников по советскому периоду отечественной истории (с. 17—18). Слабее выглядят позитивные предложения и надежды на то, что новые, «демократические» организационные структуры (вроде Ассоциации молодых историков) смогут в будущем принять на себя функции координации исторических исследований. Следует рассчитывать скорее на то, что академические институты (о которых в статье Гайера почти не говорится) смогут превратиться из «колесиков и винтиков» в самостоятельные исследовательские центры, финансирование которых по германской модели будет осуществляться через общественные фонды.

В этой связи представляется весьма полезной выдвинутая Гейером идея создания в Москве Германского исторического института (подобные учреждения уже существуют в Риме и Лондоне) (с. 20). Такой центр мог бы стать не только местом передачи западного опыта исторических исследований, но и генератором совместных проектов российских и немецких ученых.

Для Гайера в большей степени, чем для других авторов сборника, характерно воздействие политической борьбы на исходе перестройки. Отсюда перенесение в историографические дискуссии борьбы «демократов и национал-патриотов», «Мемориала» и «Памяти» и т. п. (с. 28—29). Отсюда и пожелание, чтобы в ряды историков после их освобождения от старых догм не проник «националистический азарт» (с. 31). Однако вряд ли отечественным историкам (вернее, тем из них, кто еще не подался на фронты политических битв) следует стремиться к тому, чтобы их труды легко принимали форму орудий классово-национальной или какой-либо иной борьбы. Сохранение исторических знаний как части нашей общей культуры — вот та постановка вопроса, которую трудно было предположить еще полтора года назад.

Как и для всех других авторов, для М. Хильдермайера точкой отсчета в переосмыслении советской истории является октябрьская речь М. С. Горбачева 1987 года. Вместе с тем, как справедливо отмечает германский историк, вопрос о легитимности Октябрьской революции неизбежно влечет за собой вопрос об идеологическом обосновании Советского Союза: «Без мифа об основании государства никакое государство не может существовать» (с. 34). Находясь под явным воздействием перестроечного эволюционизма, Хильдермайер отводит ведущие позиции в будущей постсоветской историографии Октября не «демократам», а «реформаторским социалистам» (их автор во многом отождествляет со школой П. В. Волобуева) (с. 35). Но изменившаяся политическая конъюнктура уже поставила крест на их модели возврата к ценностям Октября и избавления от деформаций сталинизма.

Сильной стороной статьи Б. Энкера о «деленизации» советской историографии в годы перестройки является краткий исторический очерк, показывающий, что каждый из правителей Советского Союза создавал образ «своего» Ленина, соответствующий собственным замыслам и политическому мировоззрению. В период расцвета горбачевских реформ ссылки на «позднего» Ленина сыграли немалую роль в идеологическом преодолении протестов консерваторов. Гораздо слабее выглядели «демократические» интерпретации Ленина, что Энкер справедливо связывает с уходом Ю. Н. Афанасьева и других пионеров ликвидации «белых пятен» на арену политической борьбы, где доминировали уже проблемы сегодняшнего дня.

Статьи Э. Мюллера о гражданской войне и нэ-

пе в советской историографии и С. Мерля о коллективизации в гораздо большей степени «завязаны» на политическом звучании этих тем. В этих эссе содержится добросовестное и обстоятельное изложение дебатов в советской публицистике и на страницах исторических журналов; при этом их участники обязательно разделяются на либералов (новаторов) и консерваторов. Мерль прав, отнеся профессиональных историков скорее ко второй категории (с. 108). Привыкшие рассматривать себя в качестве идеологической опоры существовавшей системы, они отдали инициативу в руки «любителей-публицистов», что не могло не сказаться на уровне дискуссий об историческом опыте Советского Союза, проходивших в конце 80-х годов.

Несколько иной подход избрал Г.-Х. Шредер в своей статье о трактовке сталинизма в перестроечной историографии. Стремясь выделить основные направления в изучении советскими историками этого феномена, он опирается на принятое в западных странах деление истории на социальную и политическую. Симпатии Шредера на стороне тех исследователей, которые, как и зарубежные (М. Левин, Ш. Фитцпатрик), подчеркивают глубокие социальные корни сталинизма (с. 139). Окончательный вывод о том, что «представление о советском обществе как о монолитном и жестко иерархичном опровергнуто результатами социально-исторических исследований» (с. 165—166), воспринимается, однако, скорее как рабочая гипотеза.

Б. Бонвеч заострил свое внимание на путях преодоления ведомственных и идеологических барьеров, препятствующих публикации главных политических документов военного времени. Историкам еще предстоит осмыслить широкий поток военных мемуаров последних лет, в которых их авторы наконец-то смогли описать пережитое ими самими, а не повторять спущенные сверху схемы и стереотипы. До сих пор, отмечает Бонвеч, остаются покрытыми тайной такие аспекты истории Великой Отечественной войны, как деятельность Ставки Верховного Главнокомандующего, подлинное число жертв войны и т. п. (с. 176, 183). Здесь открываются благоприятные перспективы для долгосрочного научного сотрудничества российских и немецких историков.

Проблемы становления советской интеллигенции, ее сопротивления системе и примирения с ней рассматриваются сквозь призму отечественной историографии последних лет Д. Байрау и К. Шлегелем. Уже к концу 30-х годов в целом завершился процесс исчезновения научно-технических кадров старой закалки, на их место пришла «новая политическая элита... пропитанная примитивными доктринами и лозунгами из арсенала марксизма-ленинизма, подогнанного под сталинские требования» (с. 195). Делая ставку на лидерство в научно-техническом прогрессе, советская власть постоянно пыталась ограничить мировоззрение интеллигенции уз-

кой сферой профессиональных интересов. Бесплодность этих попыток нашла свое выражение и в массовом «исходе» представителей интеллигенции за рубеж.

Современные же российские историки как часть «старой» советской интеллигенции вынуждены ныне сталкиваться с проблемами, существование которых авторы сборника относят скорее к «прелестям» западного мира. Борьба за сохранение своего профессионального лица переместилась из идеологической в материальную сферу, и уже почти ничего не осталось от привилегированного «сословия советских историков», о котором ведут речь их немецкие коллеги. Действительно, «советские историки были особенно тесно привязаны к идеократической системе, и отказ от принятого изложения прошлого дается им нелегко. Кризис, связанный с потерей ими ориентации, еще не преодолен» (с.7).

Здесь существует опасность упрощения, взгляда на историков советского периода как на

людей, в погоне за сиюминутной конъюнктурой перестройки потерявших стабильность «элитного» благополучия. На самом деле, выбор в пользу исторической правды был сделан подавляющим большинством ученых давно, хотя только после 1987 г. они получили возможность заявить о нем в полный голос. Гайер полагает, что кризис, связанный с потерей идеологической ориентации, можно считать успешно преодоленным. Скорее это был даже не кризис, а шок,— шок освобождения. И только сейчас отечественная историческая наука оказалась перед лицом серьезного кризиса. Истоки его помимо общих проблем сегодняшней России в том, что из особой значимости исторической науки для ушедшей системы выводится тезис о ее бесполезности для системы нынешней. Это может оказаться опасным заблуждением — на него уже указывают российским политикам наши западные коллеги, в том числе и авторы рецензируемого сборника.

А. Ю. ВАТЛИН

А. Е. ИВАНОВ. *Высшая школа России в конце XIX — начале XX века.* М. 1991. 392 с.

Монография старшего научного сотрудника Института российской истории РАН кандидата исторических наук А. Е. Иванова представляет первую и, надо признать, плодотворную попытку дать развернутые ответы на вопрос о состоянии российской высшей школы накануне 1917 года. Ее становление и эволюцию он старается осмыслить в контексте общеисторического развития России, в сравнении с мировым опытом. Перед читателем предстает динамичная картина развития высшей школы за более чем 25-летний период ее истории.

Автор использовал разнообразные источники, в том числе ведомственные материалы, студенческие переписи, периодическую печать различных политических направлений и т. д., статистические материалы.

В книге проанализировано соотношение трех основных типов высших учебных заведений (государственных, частных, общественных), показана внутренняя структура и эволюция каждого, их общие черты и особенности. Большое внимание автор уделил системе управления высшей школой, территориальному размещению учебных заведений и финансированию. К числу факторов, сдерживавших развитие высшей школы, автор справедливо относит такие, как чрезмерная бюрократизация управления государственными высшими учебными заведениями, система политического надзора над профессорско-преподавательским составом и студентами, «остаточный» принцип финансирования, архаические законы, касающиеся управления высшей школой. Частные и обществен-

ные высшие учебные заведения в начале XX в. развивались гораздо динамичнее; они в большой мере соответствовали потребностям капиталистического развития страны, более оперативно использовали передовой западноевропейский опыт, ближе стояли к интересам и потребностям народного хозяйства.

Обстоятельному анализу подвергнут в книге профессорско-преподавательский корпус: динамика его численности, сословно-классовый и национальный состав, правовое и материальное положение, профессиональная подготовка и научная аттестация, общественно-политические позиции. Проведенный автором анализ позволяет утверждать, что по своей профессиональной подготовке российские профессора и преподаватели вполне соответствовали общемировым стандартам, что давало возможность готовить высокообразованных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Следует согласиться с автором, что основная масса профессорско-преподавательского корпуса разделяла либерально-демократические взгляды, выступала за мирную, постепенную трансформацию России в правовое государство.

Автор проследил динамику численности, сословно-классовый и национальный состав студентов всей России, их правовое и материально-бытовое положение, а также их партийно-политический облик. На довольно протяженном хронологическом отрезке показано участие студентов в общественно-политической жизни страны, сделаны аргументированные выводы об эволюции

политических настроений студенчества, его участия в острейших классовых битвах начала XX века.

Обобщая собранные им данные о численности всех категорий специалистов, подготовленных российской высшей школой в 1898—1916 гг., их распределении по сферам деятельности и их социальном статусе, автор делает аргументированные выводы о том, насколько удовлетворялась потребность в специалистах различной квалификации в условиях дореволюционной России. При этом

он избегает огульного очернительства политики царского правительства в сфере высшего образования, показывает ее двойственность, выявляет причины нехватки кадров для различных отраслей народного хозяйства.

Думается, что книга будет полезна для специалистов по истории отечественной культуры и русской интеллигенции.

В. В. ШЕЛОХАЕВ

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ. *П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика*. М. Наука. 1992. 288 с.

В монографии ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук М. Г. Вандалковский о двух знаменитых учениках «школы Ключевского» деятельность этих крупных русских ученых рассматривается и оценивается не с точки зрения отражения и воплощения в их творчестве «кризиса буржуазной историографии», а на основе объективной оценки их научного наследия. Точно так же и политическая деятельность этих видных представителей конституционно-демократической партии (один из них — Милюков — был ее бессменным лидером) исследуется без оглядки на идеологические и властные авторитеты.

Монография демонстрирует очевидные преимущества свободного и независимого историографического исследования. Предпринятый автором анализ тем более важен, что до недавнего времени персонализированное изучение истории русской исторической науки XX в., мягко говоря, не поощрялось. Особый интерес представляет параллельное изучение жизни и творчества двух выдающихся историков-современников. Подобные исследования предпринимались у нас не часто: припоминается известный сборник «Характеристики и воспоминания», в котором М. К. Любавский поместил статью «Соловьев и Ключевский». Между тем именно для русской историографии такой подход представляется особенно перспективным: В. Н. Татищев и М. М. Щербатов, М. М. Щербатов и И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин и Н. И. Надеждин, М. П. Погодин и Д. И. Иловайский...

Вандалковская, впрочем, ставит перед собой задачу не столько сравнительного анализа жизненной и творческой судьбы Милюкова и Кизеветтера, столкновения мнений, суждений, оценок и особенно концепций, сколько преследует цель параллельного их рассмотрения. А в этих судьбах действительно немало схожего, несмотря на разницу в возрасте и срок отпущенной жизни: учитель Ключевский, Московский университет, политические убеждения, методологические воззрения, понимание смысла творческой деятельности, наконец, трагедия эмиграции.

Анализ мировоззрения и исторической концепции ученых предваряется двумя биографическими очерками, содержание которых хорошо иллюстрирует одну из основных идей монографии — неотделимость, взаимосвязанность и взаимообусловленность научно-исторической и политической деятельности Милюкова и Кизеветтера. Разумеется, политические аспекты биографии у первого были куда более определенно выражены, чем у второго. Если Кизеветтер упрекал себя «за отход от науки для политики», то у его старшего коллеги политическая деятельность неизменно занимала первостепенное место. «Политические страсти» сдерживались только тогда, когда речь шла о прямом выполнении своего научного долга. Другой вопрос, в какой мере обоим историкам удавалось дистанцироваться от современности и в какой мере это стремление могло быть оправданным в связи с процессами, происходившими в стране.

Отечественный читатель пока не имеет научных и, добавим, политических биографий Милюкова и Кизеветтера. Эволюция их теоретических представлений в изображении советской историографии, и ранней и поздней, пристрастна и к тому же грешит лакунами. Исторические взгляды их в достаточной мере не реконструированы. Монография может рассматриваться в качестве приглашения к продолжению и углублению исследования этих проблем. Можно назвать и другие темы, которые могли бы в ней быть разработанными более детально. Так, эмигрантский период деятельности обоих историков, несмотря на привлечение очень широкого круга литературы, изложен все же достаточно скупо.

Автор размышляет над историей кадетизма как течения политической мысли, его взлетом и сокрушительным поражением в борьбе за установление в России парламентского и конституционного строя. Будучи убеждена в том, что известный тезис о «поправении» и «полевлении» кадетов нуждается в пересмотре, так как перечеркивает их позитивную программу, Вандалковская обращает внимание на реализм и прагматизм их лидеров. Так-

тические и программные позиции действительно менялись с учетом политических реалий. Главная же стратегическая цель оставалась неизменной и заключалась в реализации средней линии, установлении думского, парламентского правления. Именно этому было подчинено политическое поведение руководства партии.

В работе дана новая трактовка российского либерализма. Вандалковская считает, что упреки, предъявляемые либералам в постоянных поворотах вправо и влево неосновательны, так как иначе невозможно осуществлять среднюю линию в политической борьбе. Реализм и прагматизм кадетов определял необходимость сохранять равновесие в борьбе правых и левых сил. Поэтому и тактика кадетов всегда диктовала те меры, которые способны были обеспечить это равновесие.

Теоретико-методологические взгляды Милюкова и Кизеветтера рассматриваются автором в контексте общего состояния исторической науки в России и на Западе на рубеже XIX—XX веков. Методологические искания русских историков были чрезвычайно активными, разнообразными и эффективными. Они немало способствовали плодотворной конкретно-исторической практике, хотя связь между теорией и практикой не всегда отчетливо прослеживалась. Монография свободна от сведения методологических идей к некоему общему знаменателю, чем грешила наша историография 60-70-х годов, как и от запрограммированного целенаправленного поиска социально-классовых и политических корней исторических убеждений и выводов, приводивших к примитивизации и искажению историографического процесса.

История и социология, их взаимодействие и перспективы развития; исторический процесс и историческое познание; роль экономического фактора и духовной жизни общества; метод и методика научного исследования — таковы темы, занимавшие Вандалковскую при анализе теоретических основ научных взглядов обоих историков. Разумеется, даже в общей постановке эти темы не исчерпывают всех проблем теории истории как процесса и как познания, к которым обращались Милюков и Кизеветтер. Более или менее исчерпывающие оценки, включенные в контекст отечественной и мировой историографии и историософии XX в., еще впереди, как, впрочем, и наблюдения за идеями и выводами, их концептуальной направленностью и содержанием. Книга побуждает к новым историографическим исследованиям, тем более, что ее автор сопоставляет теоретико-методологические и, добавим, конкретно-исторические представления Милюкова и Кизеветтера с творческими поисками, открытиями и заблуждениями Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского, И. В. Лучицкого, Н. П. Павлова-Сильванского.

В монографии систематизируются представле-

ния Милюкова и Кизеветтера по узловым проблемам отечественной истории: ее периодизации, истории Древней Руси и Московского государства, петровским преобразованиям, екатерининской эпохе, наконец, общественному движению и реформам XIX века. Вандалковская особенно подчеркивает позитивный вклад обоих историков в исследование отечественной культуры, русского города, самоуправления, посадского населения. Ею пересмотрено широко распространенное до недавнего времени мнение, будто дооктябрьская историография рассматривала феодализм как систему политической надстройки. Непредвзятый историографический анализ убеждает в обратном: в понятие феодализма включались правовые, экономические, политические, социальные явления и процессы.

Известно, что русских историков конца XIX — первых десятилетий XX в. живо занимал вопрос об общем и особенном в развитии России и стран Запада. В значительной мере его постановка и варианты решения обуславливались борьбой за выбор пути общественного развития. Милюков и Кизеветтер оставили на этот счет немало ценных, сохраняющих свое значение и поныне указаний. Известна их принципиальная позиция в эмигрантский период в связи с распространением в русском зарубежье идей Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого. В монографии по разным поводам приводятся и интерпретируются суждения Милюкова и Кизеветтера о России и Западе, проблеме нередко расширявшейся до триады «Восток — Россия — Запад».

Весьма существенно, что автор изучила и использовала различные издания знаменитых «Очерков по истории русской культуры» Милюкова, в том числе и прижизненного парижского, что позволило ей проследить за работой историка над известной «теорией контраста». Суть ее состоит в том, что процесс развития стран Западной и Восточной Европы происходил различно. В Западной Европе он шел «снизу вверх», то есть от экономики к государству, в России же наоборот, «сверху вниз», от государства к экономике. В первых изданиях «Очерков по истории русской культуры» Милюков абсолютизировал эту идею применительно к России, недооценив ее собственное органическое развитие. В дальнейшем он менял свои представления, результатом чего и была тенденция к сглаживанию «контрастов». Думается, замеченная Вандалковской тенденция к «сглаживанию» контраста между исторической эволюцией России и Запада весьма актуальна.

Материал, собранный и осмысленный в монографии, убедительно свидетельствует, что достижения политической и научной деятельности Милюкова и Кизеветтера составляют органическую часть русской культуры.

В. И. ДУРНОВЦЕВ

А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ. *Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. От рукописи к книге*. М. Наука. 1991. 288 с.

Книга доктора исторических наук А. Г. Тартаковского (Институт российской истории РАН) продолжает историко-типологическое изучение отечественной мемуаристики, начатое им в предшествующей работе («1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения». М. 1980). Предмет своего исследования автор формулирует так: рассмотреть процессы самого мемуаротворчества и движение во времени мемуарных публикаций (с. 9). Поэтому не случаен и подзаголовок монографии.

Автор уточняет свое понимание некоторых наиболее спорных проблем отечественной мемуаристики. В новой работе он относит к мемуаристике не только воспоминания («мемуары в узком смысле слова», «собственно мемуары»), но и дневники как исторически первейшую и простейшую форму «запечатления личного опыта своего участия в исторической жизни» (с. 8). Конечно, дневники, воспоминания, как и частная переписка, составляют комплекс очень близких источников личного происхождения. Но, как уже показал Тартаковский в своей предыдущей работе, «дневнику свойственны совершенно особые познавательные качества, специфическая система отражения действительности, что исключает возможность отождествления их в этом отношении с мемуарами и позволяет выделить в самостоятельный вид источников»¹.

Не совсем убедительны и новые доводы автора в пользу объединения воспоминаний и дневников в одну группу мемуарных произведений. Он сам указывает, что на начальном этапе развития мемуаристики, который отнесен им к эпохе петровских преобразований (с. 22), почти полностью отсутствует преемственность в появлении источников личного происхождения (с. 18). А если учесть к тому же, что понятия «мемуары», «воспоминания», «биография», «автобиография» и др. начали утверждаться в отечественной литературе лишь в первой четверти XIX в., то поиск точных и окончательных решений о времени появления мемуаристики в России еще более усложняется.

Источники второй половины XVII — начала XVIII вв. вообще нелегко отнести к определенному виду и типу. Это объясняется прежде всего самим характером того периода, когда некоторые традиционные источники уже исчезали, а у вновь появившихся еще не сложилось четких видовых признаков. По нашему мнению, мемуары (воспоминания) появились во второй половине XVII в., но при этом они имели много общего с летописями, статейными списками и другими источниками. Не случайно некоторые исследователи относят мемуары к летописям, историческим повестям и т. п.

Развивая свою гипотезу эволюции русской мемуаристики от ее зарождения до 1861 г., Тартаковский, признающий влияние профессионального и социального статуса мемуаристов, психологического фактора и тенденции внутреннего развития

этого жанра, утверждает, что в основе эволюции мемуаров должен лежать обобщающий критерий, который бы фокусировал ведущие тенденции развития этого типа источников, а движущей его силой является изменение взглядов исторической личности на цель мемуаротворчества (с. 11). В монографии приведены убедительные примеры, как изменение исторического сознания под влиянием новой культуры и идеологии Просвещения отразилось на русской мемуаристике XVIII — первой половины XIX века.

Главная идея монографии — «мемуаристика (в широком смысле слова) суть овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а, следовательно, и к своему бытию вообще» (с. 3).

К мемуарам XVIII в. в монографии отнесены только те, что были написаны в пределах этого столетия. Те же произведения, которые были созданы позже, но повествуют о событиях и людях XVIII в., отнесены уже к XIX в. (воспоминания Е. Р. Дашковой, Г. С. Винского, Г. Р. Державина и многих других).

На основе имеющейся справочной литературы и собственных поисков в разных архивохранилищах автором выявлено 153 мемуарных произведения (96 — воспоминаний и 57 — дневников). В книге показано, что в первом десятилетии XVIII в. «развитие мемуаротворчества идет весьма медленно, к середине века оно несколько убыстряется и лишь в екатерининское царствование наступает перелом — только с этой поры и можно с известными основаниями говорить о его взлете, «стремительном» росте» (с. 26). Большая часть произведений (119 из 153) вышла из дворянской среды; в начале XVIII в. мемуаротворчеством были охвачены в основном «высшие слои дворянства и иностранцев», и лишь в послепетровское время повышается удельный вес авторов из «нижестоящих» слоев этого сословия (табл. 4). Впрочем, вряд ли можно согласиться с утверждением, что эпоха петровских преобразований «вызвала... известный «перерыв», «задержку» в развитии разных форм гуманитарно-духовного творчества», в том числе и мемуарного (с. 27).

Развитие светской культуры, новое понимание личности стали заметно проявляться в жизни русского общества еще со второй половины XVII века. Бурная эпоха петровских реформ побудила людей внимательно всматриваться в происходящие вокруг них события, задумываться о своей и других людей роли в жизни страны. Современники Петра I оставили немногочисленные, но в основном восторженные отклики о Петре I: среди них воспоминания-панегирики Феофана Прокоповича, князя Б. И. Куракина, механика и токаря царя

А. К. Нартова, жителя Вологды М. Жданова и др. Но в целом русская мемуаристика делала тогда еще первые шаги. Не случайно Куракин в автобиографии писал, что в начале XVIII в. русские еще не были «обычайны в таких письмах» (с. 41).

В конце XVIII в. получили заметное распространение автобиографии, которые Тартаковский считает наиболее развитой формой и ведущей разновидностью мемуаров. Вплоть до 60—70-х годов XVIII в. большая часть этих автобиографий составлялась в форме летописей, в дальнейшем наблюдается стремление мемуаристов перейти от «летописно-анналистического способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному рассказу» (с. 58). Автор считает, что с 60-х — начала 70-х годов XVIII в. «мемуаристы начинают сознательно относиться к своему труду, задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества» (с. 77). При этом на первое место выдвигаются личностные цели мемуариста, который пишет «о себе», «для себя» и «для многих» — для своей семьи, не имея в виду предание своих сочинений гласности — ни в настоящем, ни в будущем.

Думается, однако, «первые симптомы» сознательного отношения авторов к своим воспоминаниям можно проследить значительно раньше — со второй половины XVII века. Появление собственно мемуарных произведений обусловлено качественно новым уровнем духовной культуры, национального самосознания народа (и прежде всего его образованной части). Таким временем для России был XVII век, когда средневековое мышление стало постепенно сменяться мировоззрением, в основе которого лежало новое понимание человеческой личности. Огромное воздействие на историческое мышление людей оказали социальные потрясения этого столетия, начиная со Смуты и кончая стрелецкими восстаниями. Примером могут служить воспоминания сына боярского П. Золотарева «Сказание летописно о Астрахани» о событиях 1670 г.² С Медведева, автора воспоминаний о восстании 1682 г. «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве»³. Авторы этих воспоминаний писали не только «о себе», «для себя» и «для моих», но и «о другом», «для других».

В книге рассмотрено «второе рождение» мемуаров XVIII в., их бытование как в рукописной, так и опубликованной формах на протяжении XVIII — начала XX в. (до 1916 года). По мнению автора, в XVIII в. публикация мемуаров имела нерегулярный характер. В рукописях подавляющее их большинство обращалось «только во внутрисемейной сфере — преимущественно в виде авторских оригиналов и копий» (с. 89). С первых десятилетий XIX в. начинается широкая публикация мемуарных произведений (особенно в 20—40-е, 60—70-е годы).

Среди мемуаристов было немало ярких, выдающихся деятелей, повествования которых важны не только своей информацией, но и личностью

создателей. Не меньший интерес с точки зрения социально-психологической характеристики сословий и групп русского общества представляют воспоминания «рядовых» дворян, чиновников, купцов и др. На примере истории создания и публичного распространения автобиографий двух ярких деятелей второй половины XVIII — начала XIX в. — Е. Р. Дашковой и И. В. Лопухина в книге показан сложный и трудный путь «векового процесса самоутверждения личности, проявление ее внутреннего освобождения и духовной зрелости» (с. 133).

За весь XVIII в. увидело свет всего 11 мемуарных произведений. В дореформенный период (1801—1860 гг.), по подсчетам Тартаковского, было опубликовано 376 мемуаров (в это число не вошли мемуары, посвященные 1812 г.). Большая часть (233 из 376) мемуаров и дневников писалась уже с расчетом на публикацию.

Бурный рост мемуарных изданий в предреформенные десятилетия, особенно в 50-х годах, автор объясняет, во-первых, интенсивным развитием с 40-х годов общественной мысли, а затем условиями подготовки крестьянской реформы 1861 г. и назреванием революционной ситуации, а во-вторых, Крымской войной 1853—1856 гг., вызвавшей уже во второй половине 50-х годов целый поток воспоминаний ее участников (с. 139). Продолжалось и рукописное распространение мемуаров (в основном это коснулось «записок» Екатерины II, Е. Р. Дашковой, И. В. Лопухина, И. Ф. Ростопчина, в которых, по мнению властей, слишком откровенно и «непохвально» рассказывалось о жизни «царствующих особ»).

Специальный раздел книги посвящен влиянию 1812 г. на судьбы мемуаристики.

Приводимые в монографии количественные показатели движения публикаций в XVIII — первой половине XIX в. не учитывают зарубежных изданий русских мемуаров. По нашим подсчетам, только в XVIII в. было опубликовано на иностранных языках не менее 6 мемуаров. Труд С. Р. Минцлова («Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке». Вып. 1—5. Новгород. 1911) не был первым в России опытом библиографирования мемуарных источников (с. 5). Первую попытку такого рода предприняли в середине XIX в. Г. Геннади (Записки (мемуары) русских людей. Библиографические указания.— Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1861, кн. 4, V отд., с. 51—76). К тому же указатель Минцлова был дополнен в 1915 г. (Обзор записок, дневников, воспоминаний... Вып. VI.— Русская старина, 1915, т. 162, № 6—9).

Рецензируемая монография поможет во многом по-новому оценить богатейшую отечественную мемуаристику, составляющую важную часть нашего культурного наследия.

А. Е. ЧЕКУНОВА

Примечания

1. ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М. 1980, с. 37.
2. ЗОЛОТАРЕВ П. Сказание летописно о Астрахани.— ПСРЛ. Т. 31. М. 1968.

Записки А. П. Ермолова. 1798 — 1826 гг. М. Высшая школа. 1991. 463 с.

Один из ценнейших памятников русской военной мемуаристики, который не переиздавался с 1868 г. и давно стал библиографическим раритетом, наконец, доступен не только специалистам, но и широкому кругу читателей¹.

Наиболее интересны в книге «Записки» А. П. Ермолова об Отечественной войне 1812 года. Кроме них, в новое издание включены ермоловские записки о войне и мире 1801—1811 гг. и его наместничестве на Кавказе 1816—1826 гг., а также малоизвестные «Заметки А. П. Ермолова о его молодости», то есть о 1798—1801 гг., когда он по приказу Павла I был арестован, заточен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а затем сослан в Кострому, откуда его освободил уже Александр I. В приложении опубликована и краткая автобиография, написанная Ермоловым в 1858 году.

Записки Ермолова отличаются своеобразным, несколько тяжеловатым, но весьма выразительным языком, независимостью и откровенностью, иногда парадоксальной резкостью суждений и, главное, ценной для историка информативностью: здесь и факты, и наблюдения, и полемика осведомленного и авторитетного очевидца с последующими истолкователями пережитых им событий.

Войну 1812 г. нельзя изучать без привлечения «Записок» Ермолова. Почему же до сих пор они не переиздавались? Думается, главным образом, по конъюнктурным причинам. Дело в том, что ермоловские оценки зачастую резко расходятся с официальной (будь то царская или советская) историографией.

Ермолов засвидетельствовал готовность царизма осенью 1811 г. первым напасть на Наполеона (с. 123—124). Этот факт, документально подтвержденный в 1904 г.², почти все отечественные историки старательно замалчивали. Резко дисгармонируют с общепринятыми у нас доныне оценками М. И. Кутузова свидетельства Ермолова о медлительности и нравственной ущербности фельдмаршала, его склонности к интригам и преувеличению собственных заслуг (с. 213—214, 243, 260, 261). Замалчиваются у нас и другие свидетельства: о том, что Москву сожгли сами русские, причем Кутузов оставил в городе, заведомо обреченном на сожжение, 22,5 тыс. раненых, которые большей частью сгорели («душу мою раздирали стон раненых, остающихся во власти неприятеля», — пишет Ермо-

3. ПРОЗОРОВСКИЙ А. А. Сильвестра Медведова «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». М. 1894.

лов; — с. 206). Неудобными для официальной историографии были и воспоминания Ермолова о тех жестокостях, которыми сопровождалось завоевание Дагестана, Чечни, Кабарды (с. 341, 347, 360).

Знатоки и любители отечественной истории должны быть признательны доктору исторических наук профессору МГУ В. А. Федорову за то, что он подготовил к печати новое, научно комментированное издание «Записок А. П. Ермолова». Его вступительная статья весьма содержательна, хотя и нуждается в отдельных уточнениях. Он заверяет читателя в том, что «Записки» «отличаются точностью, объективностью» (с. 22). Это не совсем верно. Есть в «Записках» сведения, которым не достает ни точности, ни объективности.

Битву при Пултуске 26 декабря 1806 г. Ермолов оценил как «победу совершенную» русской армии Л. Л. Беннигсена над французскими войсками «под личным Наполеона предводительством» (с. 68). В действительности русские войска при Пултуске сражались с корпусом маршала Ж. Ланна, причем битва закончилась безрезультатно, и, «как всегда в таких случаях бывает, обе стороны рапортовали своим государям о победе»³. Примером необъективности Ермолова могут служить его суждения об «изменническом равнодушии», «завистливости», и даже «чрезмерной ограниченности» (с. 215, 216) П. П. Коновницына, который в должности дежурного генерала при Кутузове отодвинул Ермолова как начальника штаба на второй план и тем самым возбудил ревность последнего.

Можно упрекнуть комментатора и в ряде упущений, неточностей и ошибок. Думается, не следовало оставлять без комментариев рассуждения Ермолова о «блистательных победах Суворова в Италии» 1799 г. (с. 33) и об участии России в войнах 1805 г. «против нарушителей общего спокойствия» (с. 33) и 1806—1807 гг. «в помощь Пруссии» (с. 61). Ведь войны 1799—1807 гг. царская Россия вела в целях борьбы за гегемонию в Европе и за восстановление на континенте феодальных режимов, свергнутых Французской революцией и Наполеоном.

Несколько дезориентирует читателя мнение Федорова, что Наполеон, разгромив русскую армию под Фридландом, «сам предложил Александру I заключить мир» (с. 7). Наполеон действительно предложил мир, но лишь после того как Александр запросил у него перемирия.

Во вступительной статье о Беннигсене говорится, что он «не отличался военными талантами» (с. 7). Это распространенное в советской литературе мнение основывается на статье К. Маркса и Ф. Энгельса «Беннигсен». Между тем, Ермолов высоко ценил Беннигсена: «Из современных военачальников наших неоспоримо опытнейший, обладающий знанием военного ремесла, изученного на основании глубокой теории» (с. 186, 205). Судя по тому, как действовал Беннигсен при Пултуске, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Тарутине и Лейпциге, Ермолов в оценке его был ближе к истине, чем основоположники марксизма.

К сожалению, в комментарии к «Запискам» вкратце и ошибки. На с. 443 читаем, что у с. Салтановки 11 июля 1812 г. шел бой «между корпусом Н. Н. Раевского и наступающей армией маршала Даву», в результате которого «удалось несколько задержать наступление армии Даву». В действительности, здесь корпус Даву преградил армии П. И. Багратиона путь к Витебску на соединение с армией М. Б. Барклая де Толли и вел оборонительный бой против корпуса Раевского, пытавшегося сбить Даву с его позиции и открыть для Багратиона дорогу на Витебск.

Досадная оплошность на с. 438 и с. 447: маршал М. Ней будто бы в битве при Ватерлоо был

«взят в плен» (на самом деле он никогда в плену не был). О генерале же П. Г. Лихачеве, который в Бородинском сражении раненым попал в плен, был отправлен во Францию и умер в Кенигсберге, сказано: «смертельно ранен при Бородине» (с. 445). Фельдмаршал Михаил Федотович Каменский назван Федоровичем (с. 437), а известный австрийский военачальник Франц Вейротер — Вейнротом (с. 53, 456). Разумеется, всех этих погрешностей вполне можно было бы избежать при большем внимании со стороны составителя и редактора.

Н. А. ТРОИЦКИЙ

Примечания

1. Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии В. А. Федорова.
2. Отечественная война 1812 г. М-лы Военно-ученого архива. Т. 5. СПб. 1904, с. 268—270, 302—304, 313—315. Только вероломство Пруссии, которая согласилась, но в последний момент отказалась поддержать русский удар, помешало тогда Александру I начать войну.
3. ТАРЛЕ Е. В. Соч. В 12-ти тт. Т. 7. М. 1959, с. 181.

Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Charles Schlacks, Jr., Publisher. Bakersfield (Cal.). 1991, LXXVI + 256 p.

Грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 г.

Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. — два самых знаменитых законодательных акта Екатерины II — составили 289-й том серии «Законы России», издаваемой в США Чарлзом Шлаксом-мл. В кратком предисловии подготовивших этот том профессоров университета штата Северная Каролина в Чепелл Хилл Д. М. Гриффитса и университета штата Вирджиния Д. И. Мунро сообщается, что настоящее издание является первой полной научной публикацией грамот 1785 г. не только на английском, но и вообще на иностранном языке. Этот знаменательный для западной историографии факт вряд ли привлеч бы наше внимание, если бы значение издания ограничивалось только этим. Но публикация выполнена настолько безукоризненно с точки зрения археографических требований и снабжена таким богатым справочным аппаратом, что отныне без ее использования изучение екатерининского законодательства, независимо от гражданства исследователя, становится неприемлемым.

Грамоты 1785 г. приведены в публикации параллельно на русском и английском языках. За основу издания взяты тексты грамот из Полного

собрания законов Российской империи, сверенные с официальными сенатскими публикациями 1785 и последующих лет, а также с тогдашними же официальными переводами на немецкий и другие языки. Это позволило выявить ряд разночтений и уточнить несколько неясных для толкования мест документов, оставшихся без удовлетворительного комментария и в последней отечественной публикации¹. Помимо примечаний, словаря понятий, библиографической справки и предметных указателей на русском и английском языках, издание имеет несколько приложений.

Первое из них — публикация русского текста и перевода черновика жалованной грамоты государственным крестьянам — документа, не переиздававшегося с 1877 г. и слабо изученного отечественной историографией. Для настоящего издания он выверен и уточнен по подлиннику, хранившемуся в Российском государственном архиве древних актов. В приложение включены использованные Екатериной II отрывки из сочинений западных юристов У. Блэкстоуна и Де Лольма, а также таблицы параллельных мест всех трех грамот и отдельных их частей. Эти таблицы не-

обходимы всякому, кто станет в дальнейшем изучать грамоты 1785 года.

Тщательно подготовленная, снабженная переводом и комментарием публикация — результат серьезной исследовательской работы, воплотившейся в определенной концепции, охватывающей не только указанные документы, но в целом екатерининское законодательство, а еще шире — реформы Екатерины II. Концепция, о которой идет речь, изложена во введении к изданию, написанном Гриффитсом. В целом подходы большинства западных историков к изучению этого периода русской истории достаточно традиционны и мало разнятся с принятыми в русской дореволюционной историографии. На этом фоне выгодно выделяются именно работы Гриффитса, ищущего нетрадиционные пути, в частности и в изучении екатерининского законодательства².

В отличие от авторов многочисленных статей и монографий как отечественных, так и зарубежных, посвященных законодательным актам Екатерины II, Гриффитс, пожалуй, впервые попытался выработать целостное видение законодательства Екатерины II как воплощение ее реформаторских замыслов. Наиболее полно этот подход нашел отражение в рецензируемой публикации «При рассмотрении грамот вместе, в одном «пакете», а только так и должно их рассматривать, — утверждает Гриффитс, — обнаруживается целостная политическая программа, отражающая ясные и взаимосвязанные представления императрицы о форме общественного устройства. Эти представления — не либеральные и не консервативные, не про- и не антидворянские. Скорее, целостное изучение грамот обнаруживает характерные для начала Нового времени представления о регулярном государстве с сословной структурой» (с. XXV).

Именно государство с сословной организацией и было основной целью реформ Екатерины II. Неудивительно, что большинство историков не увидело этого, ведь ничего похожего на сословия Центральной и Западной Европы в России того времени не было, а когда к концу XVIII в. некое их подобие появилось, то и они, считает Гриффитс, лишь отдаленно напоминали настоящие сословия. Да и можно ли было вообще создать сословия законодательным путем? То, что пыталась создать Екатерина II, было сословиями лишь по форме, но не по содержанию. Но в том-то и дело, что, как считает Гриффитс, созданные императрицей сословия должны были соответствовать своим аналогам в Европе на более ранних стадиях их существования, когда они еще не претендовали на исключительность в определенных сферах.

Еще одна трудность для историков связана с отсутствием в лексиконе Екатерины II самого слова «сословие». Справедливо отмечая, что даже в словаре нельзя ожидать встретить понятие, описывающее не существующее явление, Гриффитс

анализирует используемые в документах XVIII в. слова «чин», «род», «штат», «звание» и, наконец, «состояние» и «общество». На двух последних понятиях и остановилась, видимо, сама императрица в заключительный период своего царствования. По ее замыслу, каждый подданный должен был обрести определенный набор гарантированных прав и привилегий через вхождение в определенное «общество», то есть корпорацию (сословие), и, таким образом, «директивным путем создавалась социально-политическая структура, на возникновение которой в Центральной и Западной Европе ушли столетия» (с. XLVI). Осознание подданными своих прав, привилегий, а равно и обязанностей как необходимо разумных, а также уверенность в их соблюдении правителем обеспечивали ту меру политической свободы, которая вообще возможна в условиях монархии.

Понятно, что получение личностью прав и привилегий не в качестве индивидуума, но как члена определенной корпорации, не выдерживает критики с точки зрения современных представлений о гражданских правах. Но в XVIII в., до революций во Франции и Северной Америке, привилегия играла в обществе ту же роль, что в современном — понятие равенства. Таким образом, грамоты 1785 г. в совокупности с грамотой государственным крестьянам и изданными ранее Учреждением о губерниях 1775 г. и Уставом благочиния 1782 г. должны были составить не что иное, как конституцию России, в том, разумеется, понимании, которое было присуще дореволюционной Европе XVIII в., — устройство, принципы функционирования чего-либо, в данном случае — государства. В том, что это так, убеждает сравнительно-текстологический анализ грамот 1785 г., обнаруживающий сходную структуру как самих актов, так и учреждаемых ими сословий. При этом, признавая и декларируя и собственную обязанность соблюдать закон, российская монархия в лице Екатерины II отделяла себя от деспотической формы правления.

Для всех названных законодательных актов характерна присущая просвещенному абсолютизму с его идеалом в виде регулярного государства детальная регламентация всей жизни общества, составляющих его корпораций и входивших в них индивидуумов. За этой регламентацией — опять же типичное для Просвещения XVIII в. стремление к насильственному осчастливливанию людей. В этом смысле, отмечает Гриффитс, Екатерина II была «одним из последних абсолютных монархов, а грамоты 1785 г. — одним из последних монументов просвещенного абсолютизма» (с. LVIII).

Отказ от введения в действие грамоты государственным крестьянам, а также оставление за рамками екатерининской конституции крепостного крестьянства, делало возводимое императрицей здание, утверждает Гриффитс, неустойчивым, а сам путь, по которому она вела Россию, тупиковым — в социально-экономическом и политическом

ком отношении. И тем не менее, хотя и на короткий срок, грамоты 1785 г. сыграли свою роль и оказались достаточно эффективны. Не случайно Павел I увидел в них угрозу своему самовластию, но, в то же время, его трагический конец показал, что игнорировать основные принципы грамот было небезопасно.

Такова концепция екатерининских реформ в изложении Гриффитса. Она отличается новизной и привлекает своей стройностью и доказательностью. Соглашаясь с основными ее положениями, заметим, что сам принцип равенства граждан перед законом был знаком Екатерине II, и уже в «Наказе депутатам Уложенной комиссии» (ст. 34) утверждалось, что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»³. Грамоты 1785 г. не были отступлением от этого принципа, а, наоборот, попыткой его реализации, но свидетельствующей об иной, чем в наши дни, интерпретации равенства. Во время Французской революции императрица пришла к выводу, что «равенство — чудовище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем»⁴.

Екатерина II-политик по своему складу была прагматиком и умела хорошо отличать теоретические построения просветителей от реальной практики. Перед глазами у нее была модель, опробованная в современной ей Европе, которая при определенной коррекции могла, как ей казалось, быть образцом и для России. Несовместимость равенства перед законом с абсолютной монархией, о которой пишет Гриффитс (с. L), была для Екатерины II совсем не очевидна. При анализе грамот 1785 г. нетрудно заметить, что — по крайней мере внешне — права и привилегии трех сословий идентичны; принадлежность к ним объявляется наследственной и может быть отнята только по суду; судят человека только лица, принадлежащие к одной с ним корпорации; в каждом сословии — шесть

категорий, привилегией для которых, в том числе для государственных крестьян первых двух статей, является освобождение от телесных наказаний; объявляются равные сроки давности на преступления и т. д. Оставшиеся различия в правах и привилегии не воспринимались как неравенство — они укладывались в характерные для средневекового сознания представления о разделении обязанностей.

К сожалению, Гриффитс фактически обошел молчанием вопрос, почему жалованная грамота государственным крестьянам так и не увидела света. Между тем, думается, это — коренной вопрос, безусловно требующий ответа при оценке реформаторской деятельности Екатерины II. И все же рецензируемая публикация заставляет взглянуть на проблему реформ в России по-новому.

А. Б. КАМЕНСКИЙ

Примечания

1. См. Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М. 1987.
2. См., напр., GRIFFITHS D. M. Catherine II.— *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 21, Hf. 3, 1972; e j u s d. Eighteenth Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinian Russia.— *Canadian-American Slavic Studies*, Vol. 13, № 4 (Winter 1939); e j u s d. To Live Forever: Catherine II, Voltaire and the Pursuit of Immortality. In: *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Ohio. 1988; e j u s d. Catherine's Charters: A Question of Motivation.— *Canadian-American Slavic Studies*, Vol. 23, № 1 (Spring 1989).
3. ПСЗ. Т. 18, № 12949.
4. БРИКНЕР А. Г. История Екатерины Второй. СПб. 1885, с. 678.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Строгановы были не только меценаты...

В феврале 1992 г. в Перми прошла Всероссийская конференция «500 лет рода Строгановых, меценатов искусств», а в Пермской художественной галерее была открыта выставка с таким же названием. В городе, в новом его микрорайоне Березникове-Усольском, на правом берегу Камы, появились улицы Строгановская и Андрея Воронихина (в честь архитектора, уроженца Усожья, крепостного Строгановых). Кроме того, в местной газете «Соль земли» (1992, № 10) в статье «Якобинцы бывали в Усолье» Л. Ф. Коржавкина пишет, что некоторые представители рода Строгановых были активными участниками Великой французской революции конца XVIII века.

О многогранной же меценатской деятельности рода Строгановых пишется в последнее время особенно много. При этом наблюдаются крайности — от шаблона «крепостники-кровопийцы» некоторые историки отказались и творят теперь имидж добрых, заботящихся о родном народе и его благе всевозможных династий «голубых кровей», предпринимателей, владельцев обширных земельных угодий и собственников прочего недвижимого и движимого, а до 1861 г. и живого говорящего «имущества». При этом забывается, что великолепные архитектурные ансамбли, все средства производства тех же Строгановых были созданы многочисленными безымянными, «темными», «невежественными», «забытыми» представителями народных масс — другими словами, неродовитыми людьми.

Но ведь при царизме они не всегда жили, как у Христа за пазухой. Это относится и к людям из строгановской вотчины. Возьмем, например, дело из фонда Строгановых за 1636 год. В челобитной царю от старого строгановского приказчика Афанасия Русинова читаем, что у И. М. Строганова «людям его крепостным и крестьяном ево чинятся многие напрасные смерти в темнице, сидячи в колоде в железах тяжких, сидят года по три и по

четыре и больше, и умирают от великого кроволитья от кнутьяных побоев без отцов духовных, морят дымом и голодом. Уморен Семенка Шада. Ждан Оловешников да Офонасей Шешуков в колоде и в железах дымом уморены... да в вотчине их на Усолке уморен в колоде и в железах человек их Ярило без отца духовного». Сам челобитчик — «вольный человек», нанятый на год, — был ограблен, на дворе Строганова раздет донага, бит ослепьем, посажен на цепи в полтора пуда весом и сидел пять лет. Русинову чудом удалось бежать в Москву от вотчинника, который его «хочет поимать, на двор к себе привести и в темницу у себя засадить»¹.

Соборное уложение 1649 г. формально ограничивало произвол землевладельцев, однако Верхнекамье оставалось на особом положении, и крупным феодалам закон на практике, как и раньше, был не писан. Документы говорят о массовом бегстве от произвола и гнета вотчинников². Описывая историю любого знаменитого рода, нельзя забывать известный девиз древних — писать без гнева и пристрастия.

В. В. Шилов,
Березниковский филиал
Пермского политехнического
института

Примечания

1. АВТОКРАТОВА М. И., БУГАНОВ В. И. Сокровищница документов прошлого. М. 1986, с. 142—143.
2. МУХИН В. В. Бегство как форма социального сопротивления горнозаводского населения в первой половине XIX века. В кн.: На Западном Урале. Пермь. 1969; е го ж е. Уральские крепостные и легенды о «Беловодье». В кн.: Пермский край. Пермь. 1990.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **S. S. Dmitriev**. Early Slavophiles and Utopian Socialism. **K. Tsarnak**. The End of Epoch of Great Powers in the European Policy. Historical Profiles. **V.P. Naumov**. Elizaveta Petrovna. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Historical Journalism. **A.A. Iskenderov**. Russian Monarchy: Reforms and Revolution. Publications. Letters of Azef. History and Fates. **A.I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians on Time and Themselves. **Ju.V. Gotje**. My Notes. People. Events. Facts. **L.P. Borisov**. The First Home-made Ballistic Missile. **M.V. Petrova**. The Count Bobrinsky — their Family Past. Historiography. **A.S. Orlov**. New History Text-Books for Secondary School. Reviews on Books: **A.E. Ivanov**. High School in Russia in the Late XIX-Early XXth Century. **M.G. Vandalkovskaja**. **P.N. Miljukov**, **A.A. Kizavetter**: History and Policy. **A.G. Tartakovskij**. Russian Memoirs in the XVIII — First Half of XIXth Century. From Manuscript to Book. The Notes of **A.P. Ermolov**. 1798– 1826. Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. (Göttingen). Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. (Bakersfield, Cal.). Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук.**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Вопросы истории» не допускается

«Вопросы истории» № 5, 1993. Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор В. Г. Паленцева.

Сдано в набор 12.03.93. Подписано в печать 23.04.93. Формат 70x108/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Уч.-изд. 19,76. Тираж 40 000. Заказ 3619. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «САШКО»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Зарубежные книги и журналы,
поступившие в редакцию

- I. Ehrnrooth. Sanan vallassa, vihan voimola. Sosialistiset vallankumousopit ja niiden vaikutus Suomen työväenliikkeessä. 1905—1914, SHS. Helsinki. 1992. 589 p.
- L. Engelstein. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Cornell University Press. Ithaca and London. 1992. 464 p.
- The Hagiography of Kievan Rus'. Trans. with an Introduction by P. Hollingsworth. Harvard University Press. 1992. 267 p.
- Just a Sack of Potatoes? Crisis Experiences in European Societies, Past and Present. Ed. by A. Häkkinen. SNS. Helsinki. 1992. 240 p.
- Maakunta-arkistojen yleisluettelo. III. Joensuun maakunta-arkisto. Mikkelin maakunta-arkisto. Joensuun ländasarkiv S:t Michels ländsarkiv. Julkaissut Valtionarkisto. Utgiven av Riksarkivet. Helsinki. 1992. 361 p.
- Przegląd Wschodni. Historia i współczesność polaków na Wschodzie (Warszawa). 1991, № 3, 4.
- Przegląd Zachodni (Poznań). 1992, № 2.
- Russian Studies in History. A Journal of Translation (Armonk). Vol. 31, № 2, Fall 1992.
- Revue Roumaine d'Histoire (Bucureşti), 1992, № 1—2.
- D. Saunders. Russia in the Age of Reaction and Reform 1801—1881. Longman. Lnd.— N. Y. 1992. 386 p.
- Śląski kwartalnik historyczny Sobótka (Wrocław — Warszawa — Kraków). Roc. XLVI (1991), № 3, № 4.
- G. Spira. The Nationality Issue in the Hungary of 1848—49. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1992. 256 p.
- Ch. Uhlig. Utopie oder Alptraum? Schweizer Reiseberichte über die Sowjetunion 1917—1941. Verlag Hans Rohr. Zürich. 1992. 438 S.
- Ventisimo secolo. Rivista di storia contemporanea (Genova). Anno II, № 5—6, maggio — dicembre 1992.
- Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg — Berlin). 1992, № 12, 1993, № 1, 2.

В издательстве «Педагогика-Пресс»

подготовлен

«Энциклопедический словарь юного историка
(Всеобщая история)»

для школьников среднего и старшего возраста

Это очередная книга из серии словарей, пользующихся у юных читателей и их родителей огромным спросом и авторитетом.

Авторы словаря в живой, увлекательной форме рассказывают о важнейших событиях мировой истории, о том, какую роль сыграли наука, искусство, культура, религия в становлении и развитии человечества.

На страницах словаря нашли свое отражение и главнейшие события современности.

Словарь богато иллюстрирован цветными фотографиями, рисунками.

По вопросам, связанным с приобретением словаря, обращаться по адресу: 119034, Москва, Смоленский бульвар, 4.

Телефоны отдела маркетинга: (095) 246-02-57, (095) 246-92-82.

Ориентировочная стоимость книги 200 руб. Выход — II квартал 1993 г.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**